

КОСМИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

РИЧАРД
БЁКК

COSMIC CONSCIOUSNESS

A Study in the Evolution
of the Human Mind

RICHARD
MAURICE
BUCKE

КОСМИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

РИЧАРД
БЁКК

«СОФИЯ»

2 0 0 8

УДК 130.123.4

ББК 88.6

Б11

Б11 **Бёкк Ричард Морис**

Космическое сознание. Исследование эволюции человеческого разума / Перев. с фр. — М.: ООО Издательство «София», 2008. — 448 с.

ISBN 978-5-91250-603-1

Стоящая у истоков современного эзотеризма, эта книга — подлинная классика паранормальных изысканий. Необыкновенно простым и ясным, всякому понятным путем д-р Бёкк, исследуя эволюцию сознания, пришел к выводам, поднимающимся на уровень высочайших вершин философской мысли. Он считал настоящую человеческую форму сознания переходной к другой, высшей форме, которую он называл *космическим сознанием* и приближение к которой он уже чувствовал, предвидя вместе с тем новую фазу в истории человечества.

«Космическое сознание, говорит нам Бёкк, есть то, что на Востоке называется Брамическим Сиянием...» — почтительно цитирует автора Петр Демьянович Успенский. Тот самый Успенский — ученик Гурджиева и автор «Новой модели Вселенной».

Канадский физиолог и психиатр Ричард Морис Бёкк — такая же эпоха в эзотерике, как и психолог-американец Уильям Джеймс со своей книгой «Многообразие религиозного опыта», увидевшей свет ровно через год после публикации «Космического сознания».

УДК 130.123.4

ББК 88.6

© «София», 2008

ISBN 978-5-91250-603-1

© ООО Издательство «София», 2008

Оглавление

<i>Царёва Г.И. Мистерия духа</i>	9
Часть I. Предисловие	19
Часть II. Эволюция и инволюция	39
Глава 1. К самосознанию	39
Глава 2. В плоскости самосознания	43
Часть III. Инволюция	77
Часть IV. Люди, обладавшие космическим сознанием	111
Глава 1. Гаутама Будда	111
Глава 2. Иисус Христос	131
Глава 3. Апостол Павел	147
Глава 4. Плотин	160
Глава 5. Магомет	166
Глава 6. Данте	173
Глава 7. Варфоломей Лас-Казас	182
Глава 8. Хуан Иепес	187
Глава 9. Фрэнсис Бэкон	202
Глава 10. Якоб Бёме (так называемый Тевтонский Теософ)	228
Глава 11. Уильям Блейк	243
Глава 12. Оноре де Бальзак	252
Глава 13. Уолт Уитмен	269
Глава 14. Эдуард Карпентер	287

Часть V. Прибавление. Несколько менее ярких, несовершенных и сомнительных случаев . . .	307
Глава 1. Рассвет	309
Глава 2. Моисей	310
Глава 3. Геден, прозванный Иероваалом	311
Глава 4. Исая	313
Глава 5. Лао-цзы	314
Глава 6. Сократ	321
Глава 7. Роджер Бэкон	323
Глава 8. Блез Паскаль	326
Глава 9. Бенедикт Спиноза	330
Глава 10. Полковник Джеймс Гардинер	336
Глава 11. Сведенборг	337
Глава 12. Уильям Вордсворт	339
Глава 13. Чарльз Финней	340
Глава 14. Александр Пушкин	343
Глава 15. Ралф Уолдо Эмерсон	345
Глава 16. Альфред Теннисон	347
Глава 17. И. Б. Б.	349
Глава 18. Генри Дэвид Торо	350
Глава 19. Д. Б.	354
Глава 20. Ч. П.	355
Глава 21. Случай с Г. Б. в его собственном изложении . . .	360
Глава 22. Р. П. С.	364
Глава 23. Е. Т.	367
Глава 24. Рамакришна Парамаханса	367
Глава 25. Д. Х. Д.	371
Глава 26. Т. С. Р.	373

Глава 27. В. Х. В.	374
Глава 28. Ричард Джеффриз	375
Глава 29. К. М. К.	380
Глава 30. Случай М. К. Л., изложенный им самим	389
Глава 31. Случай Д. У. У.	392
Глава 32. Уильямс Ллойд	402
Глава 33. Гораций Траубель	405
Глава 34. Павел Тайнер	412
Глава 35. С. И. Е.	419
Глава 36. Случай А. Д. С.	423
Глава 37. Г. Р. Державин	425
Часть VI. Послесловие	429
Источники	435

Мистерия духа

«Мистерия духа» — это опыт духовного роста, который является хрупким, постепенным и естественным процессом возвышения в божественной бесконечности, когда свет познания, вспыхивающий благодаря «вхождению Бога в душу», дает человеку Космическое Сознание, что означает всеобъемлющее видение мира, в котором беспредельность не только интуитивно постигается, но и реализуется. Каждая душа имеет свой центр и сферу в Боге, и человек достигает Всевышнего посредством прямого «дарования» божественных энергий.

Люди, в большинстве своем, потеряли контакт со сверхчувственным миром до такой степени, что пришли к его отрицанию, поэтому понимание необходимости разговора на данную тему нужно каждому, кто верит в действительность духовного опыта.

На всем протяжении человеческой истории существовали люди, обладающие сверхсознанием, те, кто в начале своего пути задавались единственным неисчерпаемым вопросом: «Что такое Бог и что такое Я?» — и иногда отвечали на него в конце своего поиска. Этих людей называли мистиками.

Несмотря на различие верований, умственного развития, времени и места, жизнь их имеет много общего, являясь рядом восходящих ступеней, сменяющих одна другую. Не у всех мистиков можно найти все моменты мистической жизни, тем не менее можно без труда указать основные этапы ее, общие для всех.

Что же является главным элементом духовного опыта, какие откровения и состояния могут быть его неотъемлемой частью и к чему они приводят?

Все, достигшие божественного озарения, говорят о трех фазах размышляющего сознания; о трех небесах, раскрывающихся человеку; о трех стадиях духовного роста; о трех порядках реальности, трех принципах или аспектах божественной сущности. У многих мистиков этот трехступенчатый опыт почти всегда прослеживается.

Тройственный путь к Богу начинается со страстного желания, что является началом всего, когда преодолевается лень физическая, умственная, духовная, когда требуется определенная внутренняя подготовленность и духовный стимул, достаточно сильный для того, чтобы отбросить все привычные представления и предубеждения.

Внешние чувства и рассудок разобщают человека с миром: они делают его «миром в себе», личностью в пространстве и времени. Одухотворенный же человек перестает быть отдельным существом, так как уничтожает свою отъединенность.

Шаг за шагом мистик проходит стадии Начинающего, Опытного и Достигшего совершенства. Эта формула не могла бы выжить на протяжении тысячелетий, если бы она не согласовывалась с фактами.

Восхождение начинается с низшей, наиболее доступной человеку ступени — с окружающего мира. Физический мир, являющийся узким кругом нашего эгоцентричного мира иллюзий, в которых мы живем социальным уровнем сознания, удовлетворяя свои низшие инстинкты, является тем исходным пунктом, откуда начинается первая стадия — путь очищения, где ум стремится к изучению истинной мудрости и его темнота освещается светом знания. И только «очищенная» душа в конце этой стадии начинает видеть абсолютную и вечную красоту Природы. После этого происходит углубление видения мира, смена мировоззрения человека, изменение его характера, его нравственного состояния.

Следующая стадия восхождения — «путь освещения», или «мир света», видимый теми, кто присоединяется к нему, когда с помощью размышления возбуждается чувство горячей любви и гармонии с Верховным, когда душа подчиняется ритму божественной жизни и воспринимает еще не раскрывшегося полностью Бога, чувствуя себя частицей мироздания. Широкий диапазон мистических познаний может быть отнесен ко второй стадии духовного роста. Некоторые его секреты раскрыты тем, кого ощущение красоты переносит на другой уровень бытия, где всему придается новая ценность; к этой категории могут быть отнесены люди, склонные к творческому познанию мира, а также те, кто ощущает божественное общение во время страстных молитв или различных созерцательных практик. Мистик Рейсбрук приписывает созерцательной жизни «пути, иду-

щие внутрь и вверх, по которым человек может пройти в присутствии Бога». Это второй мир реальности, где Бог и Вечность становятся известны, но с помощью посредников.

Между мирами отсутствует совершенная изоляция, и реальность присутствует в каждой его части; в человеке же есть способность восприятия и сила передачи этой реальности, так как он является образом и подобием Высшего.

И наконец, в экстазе мистиком достигается сверхчувственный мир, где без посредников душа объединяется с Вечным, наслаждаясь созерцанием невыразимой реальности, вступая на третий путь — путь союза с Богом; и только здесь достигается сверхсознание, когда человек чувствует божественность и свою связь с ней, когда познание Бога тем выше, чем более развито это сознание. На этой ступени ум безмолвствует, воля парализуется, тело замирает в полной неподвижности — это состояние экстаза, или внутреннее богоощущение, являющееся основой всех мистических переживаний. Здесь «умный свет» и «оглушающий мрак», здесь восторг и отчаяние, здесь взлет и падение.

Упанишады говорят, что блаженство, которое мы получаем в этом мире, представляет собой лишь тень божественного блаженства, его слабое отражение.

Происходит второе рождение — рождение в духе, когда мистик умирает для себя, совершенно растворившись в Боге, становясь одним духом с ним во всех отношениях, совсем как «текущие реки исчезают в море, теряя свое направление и форму, так и мудрый человек, освободившийся от имени и формы, идет к божеству, которое находится за пределами всего», — так сказано в священном индийском тексте.

Бог раскрывает себя различным людям и различными путями, и это раскрытие идет по трем главным составляющим человека: дух, душа, тело. Каждая душа имеет свой центр и сферу в Боге. Вселенная есть излияние, излучение Единого. Во всем Космосе ощущается пульсация божественной энергии, принимающей различные формы в различных вещах, и человек достигает Высочайшего посредством прямого воздействия божественного дара.

Новое понимание может произойти либо внезапно, без видимых на то оснований и причин, когда достигается спонтанное просветление, либо человек, от природы склонный к «истинной мудрос-

ти», упорным трудом, шаг за шагом побуждает к раскрытию внутреннего взора.

Но даже говоря о спонтанном просветлении, следует его разделить на несколько категорий: а) просветление, достигнутое в результате сильного эмоционального потрясения, поведшего к психологической травме, что может привести к снижению порога восприятия тонкого мира; б) когда человек попадает в обстановку, способствующую развитию мистического состояния, что характерно, например, для монастырей, или участие в различных мистериальных процессиях, таинствах, а также пребывание в безлюдных диких местах (пустыня, лес, горы); в) «сверхъестественное» непостижимо для обычного восприятия, но человек может получить озарение, что называется «вдруг», как в случае с Якобом Бёме, — а лишь однажды наделенные высшими способностями, благодаря воздействию божественных энергий, они могут постигать вещи и явления сверх их сущности, в соответствии со степенью мудрости, полученной от Бога, поэтому человек воспринимает сверхъестественное исключительно по его воздействию; г) множество факторов могут спровоцировать и стимулировать возникновение мистических способностей: сны, предсмертные состояния и опыт клинической смерти, музыка, запахи, звуки, грезы наяву, игра солнечного света, плеск волн и т. д.; д) при неожиданном столкновении ума, предрасположенного к тонко-материальному восприятию, с той или иной священной традицией, содержащей символы трансцендентальной реальности, выраженные в определенных таинственных формулировках. И даже такой человек, не имеющий никакого образования или книжного знания, в случае совпадения вибрационных потоков с вибрацией услышанного или увиденного, переступает порог внутреннего восприятия, получая возможность отождествиться с этой реальностью. В качестве примера можно привести Шестого Патриарха в Китае, достигшего состояния спонтанного просветления благодаря «случайно» услышанному на рынке декламированию «Алмазной сутры», что привело неграмотного человека к раскрытию его духовного взора.

Проанализировав сказанное, можно предположить, что не ученостью и усиленным изучением книг постигается Бог, а постигается мистиками в момент озарения. Это — прямое познание или непосредственное проникновение, когда в мистическом опыте в присут-

ствии Высшего душа находит себя и, освобожденная, становится тождественной со всем, живя жизнью единства с Богом, познание которого может быть непосредственным и цельным и не обусловлено каким-либо другим познанием.

Невозможно пересказать видение мистика, и все они говорят о том, что прочувствованное и увиденное ими духовным взором совершенно неопишимо. «О как бедно мое слово и как слабо оно, сравнительно с образом, который в моей душе!» — так восклицает Данте при воспоминании о том, что он увидел и пережил.

Что же происходит с личностью человека, пережившего это неопишемое состояние, — уничтожается ли его прежнее «Я» или только трансформируется, освободившись от гнета материи? Может быть, великие мистики «страхнули» с себя свое собственное «Я» и стали полубогами — не собой, как сказал немецкий мистик Ангелиус Силезиус: «У Бога только боги принимаются».

Индивидуальное эго человека любовью растворяется в Боге, но индивидуальность его не уничтожается, несмотря на то что она трансформируется и обожествляется, так как в нее проникает божественная субстанция.

Но спонтанные озарения очень редки, и человеку, вставшему на путь богоискательства, как правило, не дано сразу погрузиться в созерцание иных миров, так как сначала необходимо освободиться от власти физического мира, поэтому мистик лишь упорным трудом, совершенствуя тело и дух, шаг за шагом поднимается к Богу. В этом случае аскетизм есть необходимый подготовительный этап мистического пути, означающий тяжелую духовную работу, строжайшую умственную, моральную и физическую дисциплину, где смирение может быть неотъемлемой частью очищающего пути.

Для истинного же мистика аскетизм не более чем средство продвижения к концу и часто может оставаться, когда этот конец достигается, ведь настоящий аскетизм — это упражнение не тела, а души.

Есть еще один путь достижения мистических состояний, когда последние вызываются с помощью определенных способов стимуляции, являющихся составной частью различных религиозных и духовных практик. Сюда можно отнести управление дыханием у йогов; отказ от сна; экстатический танец, применяемый мистическими сектами ислама, суфиями, а также в шаманских культурах;

различные медитативные практики; песнопения; сексуальную обрядность у тантристов; сенсорный голод; практику безмолвия у христианских исихастов и столпничество в православии. По мнению приверженцев Веданты, спонтанные мистические состояния не чисты — чистое же просветление может быть достигнуто только при помощи йоги.

Современными психологами также разработаны практики, способствующие достижению определенных экстатических состояний, — это ребефинг, различные виды гипноза, практики свободного дыхания и реинкарнации. До сего времени не обнаружены принципиальные различия между спонтанными и стимулированными мистическими состояниями в том, что касается их характеристики и эффектов воздействия.

И еще один метод применяется для достижения экстатических состояний — употребление наркотиков и препаратов, активизирующих психическую деятельность, стимулирующих наступление «мистических» состояний. Их использование уходит в глубь времен, и некоторые исследователи считают, что потребление наркотиков было неотъемлемой частью всех религий, кроме христианства.

Существует представление, что наркотические видения соответствуют мистическим переживаниям, — на самом деле они сопоставимы, так как состояния, вызываемые подобными препаратами, не относятся к подлинно мистическим и их следует считать «псевдосостояниями», не выходящими за пределы конкретного психического переживания. Безболезненный переход с помощью наркотиков в иные сферы, каким бы ярким и красочным он ни был, — это всего лишь движение по нисходящей, так как не требует внутренней дисциплины и не позволяет достичь устойчивых положительных изменений личности.

Наряду с этим и сама мистика бывает иллюзорна. Мистическое сознание может быть открыто для вторжения из низших миров. Эти вторжения не всегда были правильно поняты мистиками, когда они не различали тьму, явившуюся в образе духовного света, что могло сопровождаться такими феноменами, как видения, голоса, пророческие сны, ясновидение, левитация. Некоторые полагают, что подобные явления следует исключать из понятия «мистического опыта», тогда как другие придерживаются мнения, что они являются

предварительной и необходимой ступенью на пути к цели мистицизма.

Считалось, что эти феномены могли быть как от Бога, в качестве благодати или испытания, так и от темных сил, как разного рода прельщения. Но духовная жизнь вообще опасна, и лучшие мистики всегда признавали двойственную природу так называемых божественных откровений, так как только некоторые из них являются мистическими в истинном смысле, а определить их реальность можно было только интуитивным путем.

Духовные вещи требуют духовного познания, а интуиция является прорывом между естественным и сверхъестественным. Человек обладает даром божественного прозрения или мистической интуиции, посредством которой неизвестное становится известным, неслышимое — слышимым, невоспринимаемое — воспринимаемым. На низшем уровне сознания человек обладает простотой чувственного восприятия, на высшем — интуитивным познанием, которое воспринимает реальность в ее полноте, как она есть, поэтому из всех источников познания интуиция является самым важным. Сознание не является высшим критерием мироздания, так как жизнь не может быть понята одним разумом. Есть нечто, выходящее за пределы сознания человека, которое невозможно описать адекватно, поэтому и называют его различными именами — откровение, интуиция, сверхсознание.

Когда душа достигает истины, то все злое погибает в ней. Человек соединяется с Целым и не является больше индивидуумом, делающим что угодно, так как его жизнь становится жизнью Бога, его воля — волей Всевышнего и все действия человека проистекают из единого источника.

Бог вечен, но бывают времена, когда кажется, что Он перестает обращаться к людям, когда наступает духовное оскудение и беспросветный мрак души. Но после этого возможны вспышки мистических эмоций, которые равносильны по силе внешним давлениям, выраженным в экономических и политических неурядицах. Этот процесс мы наблюдаем сейчас у нас в стране, когда после духовного обнищания люди стали проявлять тягу к религии, а характерной особенностью наших дней стал широкий интерес к мистицизму.

Но было бы неверно объяснять появление мистических феноменов только результатом социальных условий. Мистицизм в той

или иной степени присущ почти каждому человеку, только форма его проявления может быть разной. Мистические явления наблюдаются в различные времена и могут не зависеть от внешних обстоятельств, а кажущаяся разница в количестве мистических феноменов может быть иллюзорна, так как в некоторые времена этим явлениям люди уделяют меньше внимания и меньше описывают их, чем когда они «в моде».

Происходит ли со временем увеличение числа людей, обладающих космическим сознанием? Это мы пока не можем определить, так как у нас для этого недостаточно материала. Нельзя сравнивать число известных мистиков древности с настоящим проявлением мистицизма у современных людей, так как мы не знаем о масштабах его возникновения в прошлом. Если же говорить об уровне мистического сознания, то в настоящее время пока неизвестны мистики, подобные Сведенборгу, а наиболее близких нам по времени можно буквально «пересчитать по пальцам». Быть может, они пока неизвестны и наше время является той стартовой площадкой, откуда произойдет качественное изменение в сознании людей. Переход же от одного уровня сознания к другому не прост и включает в себе возникновение совершенно новых элементов, сопровождаясь не моментальным уничтожением старых, а медленной их трансформацией, с постепенным перемещением точки опоры. Человек изменяется непрерывно, при этом структура сознания все более усложняется. Сейчас становится бесспорным тот факт, что в настоящее время человек, обладающий сверхсознанием, — это не просто мастер-одиночка, тайно ищущий «эликсир жизни» или «философский камень» в своей лаборатории, но ученый, обладающий космической философией, пытающийся заглянуть в завтрашний день, дерзкие идеи которого не вмещаются в жесткие рамки современной науки. Но многие «безумные» открытия все настойчивее внедряются в официальную науку и то, что раньше казалось «запредельной фантастикой», сейчас становится реальными фактами, которые входят в нашу жизнь, производя переворот в науке, тем самым раздвигая границы нашего мировосприятия.

Обладающий космическим сознанием имеет твердое духовное убеждение, не подчинен власти плоти, страха и гнева. Он не возвышается в благополучии и не повергается в бедствии, обладая спокой-

ным умом и целомудренным взглядом. Не многие из нас обладают этими качествами.

Но не будем отчаиваться, ведь через вечность существования человек постепенно увеличивает свое знание и понимание мира, и эта вселенная, которую мы сейчас постигаем, есть отражение нашего собственного сознания. Наша жизнь — только шаг на пути в беспредельность. Совершенство бесконечно и достижимо, по-видимому, лишь непрерывным устремлением вперед, к Богу. Быть может, вечно расширяющееся сознание заключает внутри себя еще большую вечность, и даже в нынешнем состоянии человек находится лишь в начале своего прозрения!

Царёва Г. И.

Часть I

Предисловие

I

Что такое космическое сознание? Настоящая книга является попыткой ответить на этот вопрос. Но нам кажется полезным сделать предварительно краткое введение, изложив его, по возможности, ясным языком, чтобы приоткрыть дверь для дальнейшего, более детального и тщательного изложения того, что составляет основную задачу настоящего труда.

Космическое сознание есть форма сознания более высокая, чем та, которой обладает современный человек. Последняя называется самосознанием и представляет собою способность, на которой основывается вся наша жизнь (субъективная и объективная), отличающая нас от высших животных; отсюда надо исключить ту небольшую часть нашей психики, которую мы заимствуем у немногих людей, обладающих высшим космическим сознанием. Чтобы представить это себе ясно, следует усвоить, что существует три формы, или ступени, сознания:

1. Простое сознание, которым обладает высшая половина представителей животного царства. С помощью этой способности собака или лошадь также сознают окружающее их, как и человек: они сознают свое тело и отдельные его члены и знают, что и то и другое составляет часть их самих.

2. Кроме этого простого сознания, которым обладают животные и человек, последний наделен еще другой, высшей формой сознания, называемой самосознанием. В силу этой душевной способности человек не только сознает деревья, скалы, воду, свои собственные члены и свое тело, но еще и самого себя как отдельное существо, отличное от всей остальной вселенной. Между тем, как хорошо известно, ни одно животное не может проявить себя подобным образом. Кроме того, при помощи самосознания человек способен рассматривать собственные душевные состояния как объект своего сознания. Животное погружено в свое сознание, как рыба в море; оно неспособно поэтому, даже в воображении, выйти из него, хотя бы на одно мгновение, для того, чтобы понять его. Человек же, благодаря самосознанию, может, отвлекаясь от себя, подумать: «Да, мысль, которая была у меня по этому вопросу, верна; я знаю, что она верна; и я знаю, что я знаю, что она верна». Если автора спросят: «Почему вы знаете, что животные не могут думать аналогичным образом», то он ответит просто и убедительно: не существует никаких указаний на то, чтобы какое-нибудь животное могло так думать, так как если бы оно обладало этой способностью, то мы давно бы уже знали об этом. Между существами, живущими так близко друг к другу, как люди, с одной стороны, и животные — с другой, было бы легко установить сношения друг с другом, если бы те и другие обладали самосознанием. Даже при всей разнице в психических переживаниях мы можем путем простого наблюдения внешних актов довольно свободно войти, например, в ум собаки и видеть, что там происходит; мы знаем, что собака видит и слышит, что она обладает обонянием и вкусовыми ощущениями, знаем также, что у нее есть разум, с помощью которого она применяет соответствующие средства для достижения определенных целей, знаем, наконец, что она рассуждает. Если бы собака обладала самосознанием, то нам это давно было бы известно. Но мы этого до сих пор не знаем; несомненно поэтому, что ни собака, ни лошадь, ни слон, ни обезьяна никогда не были самосознательными существами. Далее, на самосознании человека построено все то, что есть вокруг нас определенно человеческого. Язык есть объективная сторона того, чего субъективной стороной является самосознание. Самосознание и язык (два в одном, потому что это есть две половины одного и того же) представляют собою условие *sine qua* поп человеческой общественной

жизни, обычаев, учреждений, всякого рода промышленности, всех ремесел и искусств. Если бы какое-нибудь животное обладало самосознанием, с помощью этой способности оно создало бы себе, несомненно, надстройку из языка, обычаев, промышленности, искусств и т. д. Но ни одно животное этого не сделало, и поэтому мы приходим к выводу, что животное самосознанием не обладает.

Наличие у человека самосознания и обладание языком (другой половиной самосознания) создает громадную пропасть между человеком и высшими животными, наделенными только простым сознанием.

3. Космическое сознание представляет собою третью форму сознания, которая настолько же выше самосознания, насколько последнее выше простого сознания. Само собой разумеется, что с появлением этой новой формы сознания в человеке продолжают существовать как простое сознание, так и самосознание (подобно тому, как не утрачивается простое сознание с приобретением самосознания), но в соединении с этими последними космическое сознание создает ту новую человеческую способность, о которой будет идти речь в этой книге. Главной чертой космического сознания, что отражено в его названии, является сознание космоса, т. е. жизни и порядка всей вселенной. Подробно об этом ниже, так как задача всей книги — осветить сколько-нибудь этот вопрос. Кроме вышеупомянутого центрального факта, связанного с космическим самосознанием, — сознания космоса, есть еще много других элементов, принадлежащих космическому чувству; некоторые элементы можно указать и теперь. Вместе с сознанием космоса к человеку приходит интеллектуальное просветление или озарение, которое уже само по себе способно перенести человека в новую плоскость бытия — превратить его почти в существо нового типа. К этому присоединяется чувство моральной экзальтации, не поддающееся описанию чувство возвышения, элевации, радости и обострения морального чувства, которое настолько же поразительно и важно как для отдельного индивидуума, так и для всей расы, как и усиление интеллектуальной мощи. Вместе с этим к человеку приходит и то, что может быть названо чувством бессмертия, — сознание вечной жизни: не убеждение, что он будет обладать ею в будущем, но сознание, что он уже обладает ею.

Только личный опыт или продолжительное изучение людей, переступивших порог этой новой жизни, может помочь нам ясно понять и ощутить, что это такое в действительности. Однако автору настоящего труда казалось ценным рассмотреть, хотя бы кратко, те случаи и условия, в которых имели место подобные психические состояния. Он ожидает результата от своего труда в двух направлениях: во-первых, в расширении общего представления о человеческой жизни, прежде всего благодаря постижению этого важного видоизменения в нашем умственном прозрении, а затем и наделению нас некоторой способностью понимать истинное состояние таких людей, которые до настоящего времени или возводились средним самосознанием на степень богов, или, впадая в другую крайность, причислялись к безумным. Во-вторых, автор надеется помочь своим собратьям и в практическом смысле. Он держится того взгляда, что наши потомки, рано или поздно, как раса достигнут состояния космического сознания, точно так же, как много лет тому назад наши предки перешли от простого сознания к самосознанию. Он находит, что этот шаг в эволюции нашего сознания совершается уже теперь, так как автору ясно, что люди, обладающие космическим самосознанием, появляются все чаще и чаще и что мы как раса постепенно приближаемся к тому состоянию самосознания, от которого совершается переход к космическому самосознанию.

Он более чем убежден, что всякий человек, не перешедший известного возраста, может, если нет к тому препятствий со стороны наследственности, достигнуть космического сознания. Он знает, что разумное общение с умами, наделенными таким сознанием, помогает людям, обладающим самосознанием, переходить на высшую ступень бытия. Поэтому автор надеется, что, облегчив соприкосновение с подобными людьми, он поможет человечеству сделать этот в высшей степени важный шаг в области духовного развития.

II

На ближайшее будущее человечества автор смотрит с большими надеждами. В настоящее время нас неизбежно ожидает три революции, по сравнению с которыми обычные исторические процессы покажутся прямо ничтожными. Изменения эти следующие: 1) материальная, экономическая и социальная революции как результат

установления воздухоплавания; 2) экономическая и социальная революции, которые уничтожат индивидуальную собственность и освободят, таким образом, землю сразу от двух громадных зол: богатства и бедности; и 3) психическая революция, о которой говорится в этой книге.

Уже первые две перемены в нашей жизни могут изменить и действительно радикально изменят условия нашего существования, подняв человечество на небывалую высоту; третья же сделает для человечества в сотни и тысячи раз больше, чем обе первые. И все это, действуя в совокупности, создаст, в буквальном смысле, новое небо и новую землю. Со старым порядком вещей будет покончено и наступит новый.

Вследствие воздухоплавания исчезнут, как тени, национальные границы, таможенные тарифы и, может быть, даже различия языков. Большие города не будут больше иметь смысла для своего существования и растают. Люди, которые живут теперь в городах, станут жить летом в горах и на берегу моря, строя свои жилища на возвышенных и прекрасных местах, теперь почти недоступных, откуда откроются самые великолепные и широкие панорамы. Зимой же люди, вероятно, будут жить небольшими обществами. Скученная жизнь больших городов настоящего времени, так же как и удаление работника от его земли, станут делом прошлого. Расстояние фактически будет уничтожено: не будет ни скоплений людей в одном месте, ни вынужденной жизни в пустынных местах.

Перемена социальных условий уничтожит давящий труд, жестокую нужду, оскорбительное и деморализующее богатство, бедность, и проистекающее из них зло станет лишь темой исторических романов.

Под наплывом космического сознания исчезнут все известные до настоящего времени религии. В человеческой душе произойдет переворот: иная религия получит абсолютное господство над человечеством. Эта религия не будет зависеть от традиции. В нее нельзя будет верить или не верить. Она не будет частью жизни, связанной с известными часами, днями или определенными жизненными событиями. Она не будет покоиться ни на специальных откровениях, ни на словах божеств, сходящих на землю для поучения человечества, ни на Библии или библиях. Ее миссией не будет спасение человечества от его прегрешений или обеспечение ему рая на небесах.

Она не будет учить будущему бессмертию и будущей славе, потому что и бессмертие, и слава будут всецело существовать здесь и в настоящем. Очевидность бессмертия будет жить в каждом сердце так же, как зрение живет в каждом глазу. Сомнение в Боге и вечной жизни станет настолько же невозможно, как невозможно сомнение в своем собственном существовании; очевидность того и другого будет одинакова. Религия будет руководить каждой минутой, каждым днем всей человеческой жизни. Церкви, священники, формы исповеданий, догматы, молитвы, все агенты и посредники между человеком и Богом будут раз и навсегда заменены не возбуждающим никакого сомнения непосредственным общением. Перестанет существовать грех, и вместе с ним исчезнет желание спасения от него. Люди не будут мучиться мыслями о смерти и об ожидающем их будущем Царстве небесном и о том, что может случиться после прекращения жизни в их теперешнем теле. Каждая душа будет чувствовать свое бессмертие и знать его, так же как и то, что вся вселенная, со всеми ее благами и со всей ее красотой, принадлежит ей навсегда. Мир, населенный людьми, обладающими космическим сознанием, будет так же далек от современного мира, как этот последний далек от мира, каким он был до утверждения в нем самосознания.

III

Существует предание, вероятно очень древнее, о том, как первый человек был невинен и счастлив, пока не вкусил плодов от древа познания добра и зла, как, поев этих плодов, он увидел, что наг, и почувствовал стыд. После этого родился в мире грех — жалкое чувство, заменившее чувство невинности в душе первого человека, и именно тогда, а не раньше человек начал работать и покрывать свое тело одеждами. Удивительнее всего (как это нам кажется) то, что предание говорит, будто одновременно с этой переменой, или непосредственно вслед за ней, в уме человека возникло странное убеждение, которое с тех пор никогда не покидало его и поддерживалось как присущей самому убеждению жизнеспособностью, так и учениями всех истинных ясновидцев, пророков и поэтов, — убеждение в том, что это ужалившее человека в пятю проклятие (сделавшее его хромым, препятствующее его прогрессу, а в особенности

сопровожающее этот прогресс всевозможными препонами и страданиями) будет, в свою очередь, окончательно сокрушено и ниспровергнуто самим же человеком — имеющим родиться в нем Спасителем Христом. Предок человека был существом (животным), ходящим на двух ногах, но обладающим только простым сознанием. Он был неспособен (как неспособны теперь и животные) грешить или стыдиться (по крайней мере, в человеческом смысле этого слова): чувство греха и стыда было чуждо первобытному человеку.

У него не было чувства или познания добра и зла. Он еще не знал того, что мы называем работой, и никогда не трудился. Из этого состояния он упал (или поднялся) до самосознания, глаза его открылись, и он познал свою наготу, почувствовал стыд, приобрел чувство греха (и действительно сделался грешником) и, наконец, научился делать некоторые вещи, чтобы окольным путем достигать известных целей, т. е. научился работать.

Долгие периоды длилось подобное тягостное состояние; чувство греха все еще преследует человека на его жизненном пути, до сих пор добывает он свой хлеб в поте лица своего; до сих пор есть у него чувство стыда. Где же освободитель, где Спаситель? Кто он или что он?

Спаситель человека есть космическое самосознание — на языке св. Павла — Христос. Космическое чувство, в чьем бы сознании оно ни появлялось, сокрушает главу змия — уничтожает грех, стыд и чувство добра и зла как чего-то противоположного друг другу и устраняет необходимость работы как тяжелого, вынужденного труда, не ликвидируя этим, разумеется, возможности деятельности вообще. Тот факт, что одновременно с приобретением способности самосознания или непосредственно вслед за ним к человеку пришло предчувствие другого, более высокого сознания, которое в то время лежало еще в весьма отдаленном будущем, конечно, заслуживает особенного внимания, однако же не должен казаться нам неожиданным. В биологии мы имеем много аналогичных фактов как бы предчувствия будущего и приготовления индивида к таким состояниям и обстоятельствам, которых он раньше не испытал на опыте; подтверждение этого мы видим, например, в материнском инстинкте у очень юной девушки.

Схема всего мироздания выткана в одном куске и пропитана сознанием или (преимущественно) подсознанием насквозь и во всех направлениях. Вселенная — это обширное, грандиозное, страшное, многообразное и в то же самое время и единообразное развитие форм. Та часть ее, которая преимущественно интересует нас, — переход от животного к человеку, от человека к полубогу — образует ту величественную драму человечества, сценой для которой служит поверхность нашей планеты, а временем действия — миллионы лет.

IV

Цель настоящих предварительных замечаний состоит в том, чтобы пролить как можно больше света на содержание этой книги и вместе с тем увеличить удовольствие и пользу от знакомства с ней. Изложение личных переживаний автора, когда ему открылось то, что является центральным пунктом этого труда, может, пожалуй, лучше, чем что-либо иное, повести к этой цели. Поэтому автор постарается дать здесь откровенный и возможно краткий очерк ранних лет своей умственной жизни и сжатое описание своего непродолжительного опыта в том, что он называет космическим самосознанием.

Он родился в простой английской семье среднего достатка и вырос почти без всякого воспитания на одной канадской ферме, окруженной в то время девственным лесом. Ребенком он принимал участие в труде, посильном для него: пас скот, лошадей, овец, свиней, носил дрова, помогал во время покоса, правил волами и лошадьми, бегал с поручениями. Удовольствия его были так же просты и непритязательны, как и его труд. Случайная поездка в соседний маленький городок, игра в мяч, купание в речке, протекавшей через отцовскую ферму, сооружение и пускание по воде корабликов, весною — выискивание птичьих яиц и цветов, летом и под осень — соби́рание диких плодов — все это, вместе с катанием на коньках и ручных салазках зимою, составляло его весьма любимые домашние развлечения, являвшиеся отдыхом после работы. Будучи еще маленьким, он с повышенной пылкостью предавался чтению новелл Мариэтта, поэм и новелл Скотта и других сочинений, говорящих о внешней природе и о человеческой жизни. Никогда, даже в детском возрасте, автор не принимал доктрин христианской церкви; но лишь только он подросток настолько, чтобы сознательно остановить свое

внимание на подобных вопросах, он понял, что Христос был человеком, великим и добрым, без сомнения, но все-таки только человеком, и что никто никогда не должен быть осужден на вечное страдание. Что если существует сознательный Бог, то он является высшим вершителем всего и, в конце концов, желает блага всему; но вместе с тем автор понял, что если видимая, земная жизнь конечна, то сомнительно, или более чем сомнительно, чтобы личное сознание человека сохранялось и после смерти. В детские и юношеские годы автор останавливался на подобных вопросах более, чем это можно предположить; но, вероятно, не более, чем другие его вдумчивые сверстники. По временам он впадал в некоторый род экстаза, любопытства, связанного с надеждами. Так, однажды, когда ему было всего около десяти лет, он самым серьезным образом страстно пожелал умереть, чтобы перед ним открылись тайны потустороннего мира, если такой мир существует. У него бывали также припадки беспокойства и страха; так, например, находясь приблизительно в том же возрасте, он читал однажды, в солнечный день, рейнольдского «Фауста»; он уже подходил к концу, как вдруг почувствовал, что должен оставить книгу, решительно не будучи в состоянии продолжать чтение, и выйти из комнаты на воздух, чтобы справиться с охватившим его страхом (случай этот он ясно вспоминает по прошествии вот уже 50 лет). Мать мальчика умерла, когда он был мал, а затем, вскоре после этого, умер и его отец. Внешние обстоятельства его жизни в некоторых отношениях сложились настолько несчастливо, что описать их было бы нелегко. Шестнадцати лет автор покинул родной дом, чтобы самому зарабатывать себе на жизнь или же умереть с голоду. В продолжение пяти лет он бродил по Северной Америке, от Великих озер до Мексиканского залива и от Верхнего Огайо до Сан-Франциско, работая на фермах, железных дорогах, пароходах и золотоносных рудниках Западной Невады. Несколько раз он едва не погиб от болезней, холода и голода, и однажды, на берегах реки Гумбольдта, в штате Юта, ему пришлось целых полдня защищать свою жизнь в схватке с индейцами шошоне. После пятилетних странствований, когда ему минул 21 год, он вернулся в места, где протекали его детские годы. Скрамная сумма денег, оставшаяся после смерти матери, дала ему возможность посвятить несколько лет научным занятиям, и его ум, остававшийся так долго невозделанным, с удивительной легкостью начал погло-

щать научные идеи. Через четыре года после возвращения с берегов Тихого океана он удостоился высших наград в учебном заведении. Помимо изучения преподаваемых в колледже предметов, он с жадностью предавался чтению многих сочинений умозрительного характера, как, например, «Происхождение видов», «Теплота» и «Опыты» Тиндаля, «История» и «Опыты и обзоры» Бокля, и многих поэтических произведений, особенно таких, которые казались ему свободными и смелыми. Из всех видов этой литературы он вскоре стал отдавать предпочтение Шелли, и его поэмы «Адонис» и «Прометей» сделались любимым чтением. На протяжении нескольких лет вся его жизнь была поиском ответов на основные вопросы жизни. По выходе из колледжа он продолжал свои поиски с тем же жаром и рвением. Он самостоятельно выучил французский язык, чтобы изучать Огюста Конта, Гюго и Ренана, а также немецкий, чтобы читать Гёте, в особенности его «Фауста». Тридцати лет он натолкнулся на «Листья травы» и тотчас же понял, что это сочинение больше, чем что-либо до сих пор им прочитанное, может дать ему то, чего он так долго искал. Он читал «Листья» с жаром и даже страстью, но в течение нескольких лет мог извлечь из них лишь немного. Наконец засиял свет, и перед ним открылся (насколько, вероятно, могут открываться подобные вещи) смысл по крайней мере некоторых вопросов. Тогда случилось то, чему все предшествовавшее является только предисловием.

Это было ранней весной, в начале тридцать шестого года его жизни. Он и его два друга провели вечер за чтением поэтов Вордсворта, Китса, Браунинга и, главным образом, Уитмена. Они расстались в полночь, и автору предстоял далекий путь домой в экипаже (дело происходило в английском городе). Ум его, находившийся под глубоким впечатлением идей, образов и эмоций, вызванных чтением и разговорами, был настроен тихо и мирно. Он находился в состоянии спокойной, почти пассивной радости. Как вдруг, без всякого предупреждения, он увидел себя как бы окутанным облаком огненного цвета. На мгновение он подумал, что это пожар, внезапно вспыхнувший в большом городе; но в следующее же мгновение он понял, что свет разгорался в нем самом. Вслед за этим у него появилось чувство восторга, огромной радости, за которой тотчас же последовало интеллектуальное просветление, не поддающееся никакому описанию. Его мозг осенила мгновенная молния Брамичес-

кого Сияния, навсегда осветившая его жизнь; в его сердце упала капля Брамического Блаженства, оставившая там навсегда ощущение неба. Среди других вещей, которые он не мог принять на веру, но которые он увидел и узнал, было ясное сознание того, что космос не есть мертвая материя, но живое присутствие, что дух человека бессмертен и вселенная построена и создана так, что, без всякого сомнения, все действует совместно для блага каждого и всех вместе, что основным принципом мира является то, что мы называем любовью, и что счастье каждого из нас, в конечном результате, абсолютно несомненно. Автор утверждает, что в течение нескольких секунд, пока длилось просветление, он увидел и узнал больше, чем за все предшествовавшие месяцы и даже годы исканий, то многое, чего не может дать никакое изучение.

Просветление длилось всего несколько мгновений, но оно оставило после себя неизгладимые следы, так что забыть виденное и узнанное за этот короткий промежуток времени он уже не мог, как не мог и усомниться в истине того, что явилось тогда его уму. Ни в ту ночь, ни после опыт этот не повторялся. Впоследствии автор написал книгу, в которой попытался воплотить в одно целое то, чему научило его просветление. Те, кто читал эту книгу, были очень высокого мнения о ней, но, как и надо было ожидать, по многим причинам она была мало распространена.

Высшим событием этой ночи было реальное и единственное приобщение автора к новому, высшему порядку идей. Но это было лишь приобщение. Он видел свет, но об источнике этого света и его значении имел не больше представления, чем живое существо, впервые увидевшее свет солнца. Несколько лет спустя он встретился с С. П., о котором часто слышал как о человеке, обладающем способностью удивительного внутреннего духовного зрения. Он убедился, что С. П. вошел уже в ту высшую жизнь, в преддверие которой автору удалось лишь кинуть мимолетный взгляд, и испытал те же явления, что и автор, по только в большем объеме. Беседа с этим человеком ярким светом осветила истинное значение того, что автор пережил на личном опыте.

Обозревая затем человеческий мир, он уяснил себе значение и смысл субъективного просветления, которое произошло некогда с ап. Павлом и Магометом. Перед ним раскрылась тайна недостижимого величия Уитмена. Разговоры с И. Х. И. и И. Б. также немало

помогли ему. Личные беседы с Эдуардом Карпентером, Т. С. Р., С. М. С. и М. С. Л. во многом способствовали расширению и уяснению его наблюдений, более широкому толкованию и координированию его мыслей и взглядов. Однако потребовалось много времени и усилий, прежде чем окончательно выработалась и созрела зародившаяся в нем идея, что существует семья людей, происходящая от обыкновенного человечества и живущая среди него, но едва ли составляющая его часть, и что члены этой семьи рассеяны среди передовых человеческих рас на протяжении последних сорока веков мировой истории.

Таких людей от обыкновенных смертных отличает то, что духовные глаза их открыты и они видят ими. Наиболее известные представители этой группы, если бы их собрать вместе, могли бы смело уместиться в какой-нибудь современной гостиной; однако они создали все совершенные религии, начиная с даосизма и буддизма, и через религию и литературу создали всю современную цивилизацию. Количество написанных ими книг не так велико, но оставленные ими труды вдохновили авторов большей части тех книг, которые были созданы в новейшее время. Эти люди властвуют в последние двадцать пять веков, в особенности в последние пять, как звезды первой величины властвуют над полуночным небом.

Человека приобщает к семье таких людей факт его духовного перерождения в известном возрасте и перехода в более высокую плоскость духовной жизни. Реальность такого нового рождения проявляется внутренним субъективным светом и другими явлениями. Цель настоящей книги — научить других людей тому немногому, что посчастливилось самому автору узнать о духовном состоянии этой новой расы людей.

V

Остается еще сказать несколько слов о психологическом происхождении того, что в этом сочинении мы называем космическим сознанием и что ни в каком смысле не следует рассматривать как нечто сверхъестественное и сверхнормальное или выходящее за пределы естественного роста.

Хотя в проявлении космического сознания важную роль играет моральная природа человека, тем не менее, по многим причинам, лучше будет сосредоточить наше внимание теперь на исследовании эволюции интеллекта. В этой эволюции существует четыре определенных ступени.

Первая из них — это ощущения, образовавшиеся на основе первичного свойства возбуждаемости. С этого момента началось приобретение и более или менее совершенная регистрация чувственных впечатлений, т. е. ощущений. Ощущение (или перцепция) есть, несомненно, чувственное впечатление — услышан звук, замечен какой-нибудь предмет, и произведенное ими впечатление составляет ощущение. Если бы мы могли продвинуться достаточно далеко в глубь веков, то мы бы нашли среди наших предков существо, весь интеллект которого состоял из одних только ощущений. Однако это существо (как бы оно ни называлось) обладало еще способностью к тому, что может быть названо внутренним ростом. Этот процесс развивался таким образом. Индивидуально из поколения в поколение существо это накапливало ощущения; постоянное повторение этих ощущений, требовавшее дальнейшей регистрации их, привело к борьбе за существование и, под влиянием закона естественного отбора, к накоплению клеточек в центральном нервном узле, управляющем чувственными восприятиями; накопление клеточек сделало возможным дальнейшую регистрацию ощущений, что, в свою очередь, вызвало необходимость дальнейшего роста нервного узла, и т. д. В итоге было достигнуто такое состояние, которое дало возможность нашему отдаленному предку соединить группы подобных ощущений в то, что мы теперь называем представлением (рецепцией).

Процесс этот очень похож на получение сложной фотографии. Одинаковые ощущения (например, ощущения от дерева) отмечаются одно над другим (нервный центр уже приспособился к этому) до момента обобщения их в одно ощущение, но такое сложное ощущение есть не более, не менее как представление — нечто, полученное указанным путем.

Затем работа аккумуляирования начинается сначала, но уже в высшей плоскости. Органы чувств продолжают неизменно производить ощущения; восприимательные (рецептирующие) центры постоянно продолжают создавать все больше и больше представле-

ний из старых и новых ощущений; способности центрального нервного узла вынуждены непрестанно, по необходимости, отмечать ощущения, перерабатывать их в представления и, в свою очередь, отмечать последние; затем, так как благодаря постоянному упражнению и подбору нервные центры прогрессируют, они начинают перманентно вырабатывать из ощущений и первоначально простых представлений все более и более сложные, — другими словами, представления высшего порядка.

Наконец, после смены многих тысяч поколений, наступает момент, когда ум рассматриваемого существа достигает наивысшей возможной для него точки в способности оперировать посредством чистых представлений: накопление ощущений и представлений идет до тех пор, пока не прекратится возможность сохранения получаемых впечатлений и дальнейшая их переработка в представления в соответствующей области познавательных способностей интеллекта. Тогда происходит новый прорыв вперед, и представления высшего порядка заменяются понятиями (идеями). Отношение понятия к представлению до известной степени напоминает отношение алгебры к арифметике. Представление есть, как я уже сказал, сложный образ многих сотен, а может быть и тысяч, ощущений; оно само является образом, абстрагированным из многих образов; понятие же есть такой же точно сложный образ — то же самое представление, но уже получившее имя, занумерованное и, так сказать, отложенное. Понятие есть не что иное, как названное представление — причем самое название, т. е. знак (как в алгебре), заменяет затем саму вещь, т. е. представление.

Всякому, кто даст себе труд немного подумать в этом направлении, теперь совершенно ясно, что та революция, при помощи которой понятия заменили представления, должна была настолько же увеличить продуктивность нашего мозга в области мышления, насколько введение машин увеличило производительность человеческого труда — или насколько пользование алгеброй приумножает силу ума при математических вычислениях. Замена громоздкого представления простым знаком почти равносильна замене настоящих товаров — пшеницы или железа — записью в конторской книге.

Но, как было замечено выше, для того чтобы представление могло быть заменено понятием, оно должно быть названо, т. е.

отмечено знаком, который заменяет его, как квитанция заменяет багаж или запись в конторской книге заменяет товар. Другими словами, раса, обладающая понятиями, должна обладать и языком. Далее надо заметить, что как обладание понятиями требует обладания языком, так обладание понятиями и языком (представляющими собою два вида одной и той же вещи) требует обладания самосознанием. Все это приводит к выводу, что в эволюции ума существует такой момент, когда интеллект, обладающий одними лишь представлениями и способный только на простое сознание, почти внезапно или совершенно внезапно становится обладающим понятиями, языком и самосознанием.

Говоря, что индивид (взрослый ли человек, отдаленный от нас столетиями, или ребенок настоящего времени — это не играет никакой роли) в одно мгновение вступает в обладание понятиями, языком и самосознанием, мы имеем в виду, что индивид становится внезапно обладающим самосознанием, одним или несколькими понятиями, одним или несколькими словами, но не всем языком сразу: в истории индивидуального развития человек достигает этой ступени приблизительно в возрасте трех лет; в истории развития рас момент этот был достигнут и пройден несколько сот тысячелетий тому назад.

Теперь в нашем исследовании мы достигли того пункта интеллектуального развития, на котором находится сейчас индивидуально каждый из нас, а именно: ступени, когда наш ум обладает понятиями и самосознанием. Но при этом не следует, однако, ни одной минуты думать, что будто вместе с приобретением этой новой и высшей формы сознания мы утратили способность к понятиям или наш старый воспринимающий ум; в действительности, без ощущений и представлений мы можем существовать не более как животное, ум которого не обладает другими способностями, кроме этих. Наш теперешний интеллект представляет собою очень сложную смесь ощущений, представлений и понятий.

Остановимся немного на понятии. Последнее можно рассматривать как расширенное и сложное представление, гораздо более широкое и более сложное, чем последнее. Понятие состоит из одного или более представлений, соединенных, вероятно, с несколькими ощущениями. Затем это в высшей степени расширенное представление отмечается знаком, т. е. называется, и в силу названия стано-

вится понятием. Понятие, получившее название и отметку, откладывается, так сказать, в сторону, как складывается в багажное помещение зарегистрированный багаж после отметки его в квитанционной расписке.

С помощью такой квитанции мы можем послать сундук в любую часть Америки, не видя его и даже не зная, где он находится в данный момент. Таким же точно образом, с помощью одних обозначений, мы можем перестраивать и понятия в более сложные формы — в поэмы и философские системы, наполовину не зная ничего о том, что представляют собою индивидуальные понятия, которые мы при этом употребляем.

Здесь надо сделать одно частное замечание. Тысячу раз уже было замечено, что мозг мыслящего человека не превышает по своим размерам мозг дикого немыслящего человека; между ними нет ничего похожего на то различие, какое существует между умственными способностями мыслителя и дикаря. Причина этого явления кроется в том, что мозг Герберта Спенсера имел немногим больше работы, чем мозг австралийца, так как Спенсер оперировал в характеризующей его умственной работе все время при посредстве знаков или выкладок, которые заменяли ему понятия, в то время как дикарь совершает всю или почти всю свою умственную работу при помощи громоздких представлений. Дикарь в этом случае находится в положении астронома, делающего вычисления при помощи арифметики, Спенсер же — в положении астронома, оперирующего при помощи алгебры. Первый должен, для достижения своих целей, заполнить цифрами много обширных листов, потратив на это огромный труд, тогда как второй может выполнить те же самые вычисления на листочке бумаги величиною с конверт, со сравнительно малой затратой умственного труда.

Следующей главой в истории развития интеллекта является накопление понятий. Это двойной процесс. Начиная, скажем, с трехлетнего возраста каждый человек год за годом накапливает все больше и больше индивидуальных понятий, причем понятия эти становятся все сложнее и сложнее. Сравните, для примера, научное понятие в уме мальчика и мыслящего человека среднего возраста: у первого оно соответствует лишь нескольким десяткам или сотням фактов, у второго — многим тысячам.

Спрашивается, существует ли какой-нибудь предел для роста понятий в их числе и сложности? Всякий, кто внимательно подумает об этом, увидит, что такой предел должен существовать. Процесс накопления понятий не может идти до бесконечности. Если бы природа решилась на такую рискованную попытку, то мозг вынужден был бы дорасти до таких размеров, когда он не мог бы дальше получать уже питания, и благодаря этому создалось бы условие, исключающее возможность дальнейшего его прогрессирования.

Мы видели, что расширению ума, обладающего ощущениями, поставлены необходимые пределы; что внутренний рост его жизни неизбежно приводит к превращению его в ум, обладающий представлениями; что затем для ума, обладающего представлениями, по мере его внутреннего роста, выход заключается в образовании понятий. Априорные рассуждения ясно указывают, что и для ума, обладающего понятиями, должен быть соответствующий выход.

И нам нет надобности прибегать к отвлеченным рассуждениям для доказательства необходимости существования ума, стоящего выше понятий и обладающего сверхпонятиями, так как такие умы существуют и изучение их сопряжено не с большими затруднениями, чем изучение других естественных явлений. Существование интеллекта, стоящего выше понятий, т. е. такого, элементами которого являются не понятия, а интуиция, есть уже установленный факт (правда, в небольшом числе), и форма сознания, которой обладает такой интеллект, может быть названа и называется космическим сознанием.

Итак, существует четыре определенных ступени в эволюции интеллекта; все они богато иллюстрируются явлениями в области животного и человеческого мира, все они равным образом находят объяснение в индивидуальном росте ума, обладающего космическим сознанием, и, наконец, все четыре живут совместно в таком уме точно так же, как первые три живут в уме обыденного человека. Эти четыре ступени суть: 1) ум, обладающий ощущениями, т. е. состоящий из ощущений или чувственных впечатлений; 2) ум, обладающий представлениями, состоящий из представлений и ощущений, другими словами, обладающий простым сознанием; 3) ум, состоящий из ощущений, представлений и понятий, т. е. обладающий понятиями или самосознанием и называемый иногда себя сознающим умом; и, наконец, 4) интуитивный ум — ум, высшим элемен-

том которого являются не представления или понятия, а интуиция, т. е. в котором простое сознание и самосознание увенчаны космическим сознанием.

Однако необходимо еще яснее показать природу этих ступеней интеллекта и отношение их друг к другу. Чувственная ступень, на которой интеллект обладает лишь ощущениями, легка для понимания, так что можно пройти мимо нее с одним лишь замечанием, а именно: ум, состоящий исключительно из одних только ощущений, вовсе не обладает каким-либо сознанием. Но лишь только в уме появляются представления, как сейчас же рождается и простое сознание, при помощи которого животные (как мы знаем) сознают то, что они видят вокруг себя. Но такой ум способен только на простое сознание, т. е. животное сознает объект своего наблюдения, ничего не зная, однако, о самом факте этого сознания; точно так же такое животное не сознает еще самого себя как отдельное существо или личность. Другими словами, животное не может стать внешним зрителем самого себя и наблюдать себя, как это может сделать существо, обладающее самосознанием. Таково, следовательно, простое сознание: сознать окружающий мир, но не сознать самого себя. Когда же я достигаю ступени самосознания, то я не только сознаю то, что я вижу, но, кроме того, и знаю, что я сознаю это; причем я сознаю себя как отдельное существо и личность, могу стать внешним зрителем самого себя и наблюдать себя, анализировать и судить о собственных умственных операциях точно так же, как я делаю это в отношении других объектов. Такое самосознание возможно лишь после образования понятий и сопровождающего их появления языка. На самосознании основана вся, собственно, человеческая жизнь, за исключением того, что нам дано немногими, обладающими космическим сознанием умами за время последних трех тысячелетий. В конце концов, основной факт, связанный с космическим сознанием, проявляется в его названии — это есть факт сознания космоса, то, что на Востоке называют Брамическим Сиянием, которое, по словам Данте, способно превратить человека в бога. Уитмен, который очень многое может сказать об этом, называет его в одном месте «светом невыразимым, несравненным, непередаваемым, освещающим самый свет, — светом, не поддающимся передаче ни посредством знаков, ни посредством описаний и языка». Это сознание показывает, что космос состоит не из мертвой

материи, управляемой бессознательным, неизменным и бесцельным законом, а, наоборот, что он всецело нематериален, духовен и жив; космическое сознание указывает, что идея смерти нелепа, что всё и все имеют вечную жизнь, что вселенная есть Бог и Бог есть вселенная и что никакое зло никогда не входило и не войдет в нее. Конечно, значительная часть этого, с точки зрения самосознания, представляется нелепой, но тем не менее это — несомненная истина. Но из всего этого не следует, что, если человек обладает космическим сознанием, он знает все относительно вселенной. Нам всем известно, что, приобретя с достижением трехлетнего возраста способность к самосознанию, мы тем самым не узнаем сразу все относительно себя. Наоборот, мы знаем, что после долгого, длившегося многие тысячелетия опыта человека над самим собой он все-таки и теперь знает сравнительно немного о самом себе как о сознающей себя личности. Точно так же человек только по одному тому, что он стал сознать космос, не может узнать сразу все относительно космоса. Людям понадобились сотни тысяч лет после приобретения ими способности самосознания для того, чтобы создать себе маленькое поверхностное знание человечества; и им понадобятся, может быть, миллионы лет, чтобы после приобретения космического сознания добыть хотя бы крупицу знания о Боге.

Если самосознание является основой, на которой покоится весь человеческий мир, каким мы видим его, со всеми его делами и путями, то космическое сознание будет основой для высших религий и высших философий и для всего того, что дается им; когда же космическое сознание станет достоянием почти всех, оно явится основой нового мира, о котором говорить теперь было бы праздным занятием.

Зарождение космического сознания в индивидууме очень похоже на зарождение в нем самосознания. Ум как бы переполняется понятиями, последние становятся все шире, многочисленнее и сложнее. В один прекрасный день (при благоприятных обстоятельствах) происходит слияние или, можно сказать, химическое соединение нескольких понятий с некоторыми моральными элементами. В результате является интуиция и установление интуитивного ума или, другими словами, космического сознания.

Схема, по которой строится ум, однообразна с начала до конца. Представление составляется из многих ощущений, понятие — из

нескольких ощущений и представлений и интуиция — из многих понятий, представлений и ощущений, соединенных с элементами, принадлежащими к моральной природе, и извлеченных из нее. Космическое зрение или космическая интуиция, от которой получает свое наименование то, что может быть названо новым умом, есть, таким образом, по-видимому, тесный комплекс всех мыслей и опытов, предшествовавших этому последнему, т. е. самосознанию.

Часть II

Эволюция и инволюция

Глава 1

К самосознанию

Читателю этой книги необходимо прежде всего иметь, хотя бы в общих чертах, довольно полное представление о ментальной эволюции во всех ее трех разветвлениях — сенсуальном, интеллектуальном и эмоциональном — вплоть до возникновения самосознания и дальнейшего его развития. Без такой умственной картины, служащей фундаментом для нового способа представления, это последнее, т. е. космическое сознание, может показаться большинству странным и даже нелепым. При наличии же необходимого обоснования космическое сознание предстанет пред разумным читателем тем, что оно есть в действительности: само собой разумеющимся фактом — неизбежным следствием того, что предшествовало ему и вело к нему. Само собой разумеется, что нельзя и думать о возможности дать здесь сколько-нибудь исчерпывающее изложение идеи этой обширной эволюции ментальных явлений, начиная с их возникновения в отдаленные геологические периоды до позднейших фаз развития, достигнутого человечеством. Избранный здесь метод отличается большею или меньшею отрывочностью и фрагментарностью; но он достаточен (как думает автор) для достижения поставленной цели; желающие же ознакомиться с этим вопросом более

подробно могут обратиться к другим сочинениям, как, например, к превосходной работе Романеса. Все, к чему стремится автор в настоящее время, — это изложить сущность космического сознания и дать, для полного его понимания, простое, но достаточное описание низших ментальных явлений; более обширное изложение явилось бы только бесцельным балластом для этой книги.

Образование или «развертывание» известной нам вселенной представляется в виде ряда постепенных поступательных восхождений, каждое из которых отделяется от последующего заметным скачком через кажущуюся пропасть. Например (начиная не с самого начала, а с середины), между медленным и равномерным развитием неорганического мира, подготовлявшим его к принятию и поддержке живых существ, и более быстрым ростом и разветвлением живых форм, после их появления, произошел как бы пробел — зияние, разделяющее мир органический от неорганического, и затем скачок, при помощи которого была перейдена эта пропасть. Внутри этой пропасти или бездны издревле обитало как будто какое-то божество, рука которого, по-видимому, понадобилась, чтобы поднять и провести элементы вселенной из низшей плоскости в высшую.

В области образования Солнечной системы и планет, земной коры, скал и почвы представители эволюционного направления ведут нас по ровному, гладкому и безопасному пути; по лишь только мы достигаем этой опасной пропасти, беспредельно расстилающейся налево и направо от нашего пути, мы останавливаемся, и даже такой способный и отважный пилот, как Лестер Борд, едва ли в состоянии убедить нас перепрыгнуть вместе с ним эту бездну: так она широка и мрачна. Мы чувствуем, что природа, сотворившая все — и даже еще более великие вещи, — имела в своем распоряжении средства перешагнуть и действительно перешагнула этот заметный пробел, хотя в настоящее время мы и не в состоянии отметить каждый шаг того пути, по которому она шла вперед. В настоящее время это обстоятельство составляет первую и самую важную из так называемых преград к принятию доктрины об абсолютной непрерывности в эволюции видимого мира.

Начало простого сознания возникает в истории вселенной позднее. Определенные индивиды какого-нибудь идущего впереди других вида, во время медленного развертывания жизни на нашей планете, в один прекрасный день становятся впервые сознательны-

ми существами, т. е. узнают, что существует мир — нечто, находящееся вне их самих. Даже беглый взгляд на этот переход от бессознательного к сознательному может произвести на нас впечатление столь же огромного, чудесного и божественного явления, как переход от неорганического мира к органическому.

Затем, параллельно с течением времени, мы замечаем долгий, ровный и постепенный подъем от простого сознания к более высокой его форме, проявляющейся в лучших пред-человеческих типах — лошади, собаке, слоне и обезьяне. Здесь мы опять сталкиваемся с другим разрывом, подобным более ранним, — с зиянием, вернее, с кажущейся бездной, зияющей между простым сознанием и самосознанием, — глубокой пропастью или оврагом, на одной стороне которого бродит животное, на другой же живет человек. Эта пропасть поглотила такое множество книг, что если бы превратить их в камни или железные болванки, то их оказалось бы достаточно, чтобы запрудить огромную реку или построить через нее мост. И только теперь переход через эту бездну сделался безопасным, благодаря трудам оплакиваемого Ж. И. Романеса — его ценному исследованию «Происхождение способностей человека».

Еще так недавно этот прорыв в линии восхождения (или нисхождения) считался (притом большинством) непереходимым для обычного роста. И хотя теперь можно сказать, что переход существует, однако для нас он все еще лежит вне и в стороне от ровного пути космической эволюции, настолько же непонятной нам, как широкая пропасть между животным и человеком.

В течение нескольких сотен тысячелетий в общей плоскости самосознания произошло движение вверх — восхождение медленное и постепенное, на взгляд человека, но быстрое с точки зрения эволюции космоса.

У расы, с большим количеством мозга, ходящей на двух ногах, наделенной инстинктом стадности, расы звериной, но царящей над всеми зверями, — у человека, только по внешнему виду, но не в действительности, у так называемого *alalus homo*^{*}, родилась из высшей формы простого сознания основная человеческая способность — самосознание и соответствующий ей близнец — язык. Благодаря этим способностям и тому, что они принесли с собой через горнило страданий, труда и борьбы, образовалось современное че-

* Не говорящий еще человек. — *Прим. ред.*

ловечество. Но прежде люди должны были пройти через состояние зверства, дикости и варварства; через рабство, алчность и страшные усилия, бесконечные победы, ужасные поражения и нескончаемую борьбу; они прошли через века бесцельного полуживотного состояния, питаясь кореньями и ягодами, учась пользоваться случайно найденным камнем или палкой; они жили в глухих лесах, питаясь орехами и зернами, или на морском берегу, кормясь моллюсками, ракообразными и рыбой; затем после величайшей, может быть, из человеческих побед — покорение огня, изобретение лука и стрел, и, научившись искусству пользоваться ими, люди приручили диких животных, заставив некоторых из них служить себе; путем усилий люди выучились обрабатывать землю, делать кирпичи и строить из них жилища, плавить металлы и затем, благодаря всему этому, создали ремесла, медленно выработав алфавит; и наконец, пользуясь эволюцией письменности, после тысяч веков жизни с ее стремлениями и ростом, человек стал тем, каким мы знаем его теперь со всеми его достижениями и приобретениями.

Но разве это все, разве это — конец человеческим достижениям? Конечно, нет. Подобно тому, как возникла жизнь из мира, где не было жизни; как появилось простое сознание там, где была только жизнеспособность, не обладающая ощущениями; подобно тому, как самосознание, быстро поднявшись от простого сознания на широко распростертых крыльях, стало парить над землями и морями, — точно так же и человечество, возникшее в указанных условиях, продолжая по этой лестнице свое восхождение без начала и конца, сделает несколько шагов вперед (ближайший из них находится в настоящее время уже в процессе достижения) и достигнет еще более высокой жизни, чем та, которая известна ему по опыту, или даже та, о которой он может только мечтать.

И пусть читатель ясно поймет, что этот новый шаг (в объяснение которого и написана эта книга) не есть простое расширение нашего самосознания, но нечто настолько же отличное от него, насколько самосознание отличается от простого сознания, или насколько это последнее отличается от жизнеспособности, лишенной какого-либо сознания, или, наконец, как сознание отличается от мира неорганической материи и силы, которые предшествовали ему и из которых оно возникло.

Глава 2

В плоскости самосознания

I

Прежде всего необходимо иметь возможно отчетливое представление о значении слова «самосознание». Определяя это понятие, один превосходный писатель и сведущий мыслитель делает следующие замечания: «Самосознание часто относят к числу отличительных признаков человека; однако многие не имеют ясного понятия о том, что представляет собой эта человеческая способность. Доктор Карпентер смешивает ее со «способностью размышления о своих собственных умственных состояниях», в то время как Дарвин соединяет ее со способностью отвлеченного мышления и с другими происходящими от него способностями. Но самосознание, несомненно, есть нечто более простое, чем самонаблюдение, и имеет более раннее происхождение, чем способность отвлеченного умозрения. Если бы можно было охватить самосознание со всех сторон и ясно себе его представить, то, несомненно, оно оказалось бы первичным и основным человеческим свойством. Наш язык не имеет, по-видимому, подходящего точного слова для выражения этого понятия в простейшей его форме. Слово «мыслить» ближе всего приближается к нему, и иногда человека описывают как «мыслящее существо». Немецкий язык располагает для этого более удачным словом: «besinnen», и существительное «Besonnenheit» соприкасается, по-видимому, с самим ядром этого понятия. Шопенгауэр говорит: «Животное живет без всякого Besonnenheit; оно обладает сознанием, т. е. знает себя самого, свои приятные и неприятные ощущения, но знание животного постоянно остается субъективным, никогда не становясь объективным: все, что животное охватывает своим сознанием, кажется ему существующим в нем самом и из него исходящим, и потому никогда не могущим стать объектом его представлений или предметом его размышлений. Сознание животного, таким образом, вполне имманентно. Сознание дикого человека устроено приблизительно таким же образом; его ощущения остаются преимущественно

но субъективными и имманентными: он сознает вещи в мире, но не сам мир, свои собственные действия и влечения, но не самого себя».

Может быть, самым простым определением для искомого понятия было бы следующее (а таких определений около двух десятков): самосознание есть способность, посредством которой мы реализуем, — или иначе: без самосознания чувствующее существо может только знать; для того же, чтобы оно могло знать, что оно знает, ему необходимо еще и самосознание.

Лучшим исследованием на эту тему является сочинение Романеса, на которое мы уже несколько раз ссылались выше.

Корни дерева жизни уходят в глубину органического мира, ствол же его представляется в следующем виде. Если начать с земной поверхности, то прежде всего мы имеем перед собою самые низшие формы бессознательной жизни, не наделенной еще чувствованиями. Из них, в свою очередь, возникают новые формы, имеющие уже чувствования, а еще позднее — и наделенные простым сознанием. Из простого сознания в надлежащий момент вырастает, как было уже сказано, самосознание, и затем из этого последнего, как непосредственное завершение движения вверх, — космическое сознание. В этом месте, для того чтобы сделать вполне ясным те основания, на которых покоится настоящий труд, остается только отметить, что эта доктрина о развитии (развертывании) человеческого существа с психологической точки зрения находится в строгом соответствии с теорией эволюции вообще, как она принята и проповедуется современными передовыми мыслителями.

Это дерево, которое мы называем жизнью, а верхушку его — человеческой жизнью и человеческим разумом, выросло точно так же, как вырастает всякое другое дерево; кроме главного своего ствола, о котором мы уже говорили, дерево это, как и всякое другое дерево, дало от себя много ответвлений. Некоторые из них полезно рассмотреть. Можно видеть, что одни из них выросли из более низкой части ствола, как, например, свойство сокращаемости, из которого, в свою очередь, произошла, как часть его, большая ветвь — мускульная деятельность, начиная с простого движения червяка до удивительным образом согласованных движений Листа или Падеревского, когда они играют на рояле. Другим из этих больших, расположенных внизу ветвей, является инстинкт самосохранения и его близнец — инстинкт продолжения видов — сохранения

расы. Еще выше из главного ствола вырастают побеги специальных чувств, которые, по мере своего роста и постепенного деления, становятся огромными ветвями, необходимыми для жизни самого ствола дерева. Из всех этих главных побегов вырастают затем маленькие веточки, а из них еще более нежные росточки.

Таким образом, из человеческого интеллекта, центральным фактом которого является самосознание, возникают, как часть главного ствола нашего дерева: суждение, разум, сравнение, воображение, абстракция, размышление и обобщение. Из моральной или эмоциональной природы, как одного из широчайших и наиболее важных главных разветвлений, вырастает: любовь (сама являющаяся великой ветвью, делящейся на множество более мелких ответвлений), уважение, верность, страх, благоговение, надежда, ненависть, юмор и многое другое. Великая ветвь, называемая чувством зрения, которое в своей первоначальной стадии развития представляло собою лишь способность ощущения разницы между светом и темнотой, пустила затем ростки, которые мы называем чувством форм, расстояния и позднее чувством красок.

Ветвь, называемая чувством слуха, имеет в качестве своих разветвлений и ростков способность к восприятию звука, диапазона, расстояния, направления и, как наиболее нежный, едва только зарождающийся побег, музыкальное чувство.

II

Придерживаясь принятого нами уподобления роста жизни с ростом дерева, надо теперь отметить следующий важный факт: многочисленные способности, составляющие (с точки зрения динамики) человека, все принадлежат к различным возрастам. Каждая из них родилась и начала жить в свое время, т. е. тогда, когда физический организм (дерево) оказался достаточно подготовленным, чтобы создать соответствующую способность. Так, например, простое сознание появилось много миллионов лет тому назад, тогда как самосознание насчитывает за собою, может быть, всего триста тысяч лет. Чувство зрения вообще относится к чрезвычайно отдаленным эпохам, но чувство цвета, наверное, не старше тысячи поколений. Слух родился много миллионов лет тому назад, музыкальное же чувство находится пока еще в процессе возникновения. Половой инстинкт,

или страсть, возник в отдаленнейшие геологические периоды, моральная же природа человека, молодой и могущественной ветвью которой является любовь различных полов друг к другу, по-видимому, не существовала еще много десятков тысячелетий тому назад.

III

Для того чтобы сделать более легким и более законченным понимание того, что уже изложено выше, а также и того, что еще остается сказать, полезно будет несколько детальнее рассмотреть вопрос как о времени, так и способе возникновения и развития в нас некоторых способностей, являющихся примером божественного творчества, происходившего внутри и вокруг нас со времени первого возникновения жизни на нашей планете. Изучение психологии человека (ради более ясного понимания содержания этой книги) могло бы дать читателю сведения об интеллекте человека, о его моральной природе и чувствах; оно могло бы также ознакомить читателя с описанием этих элементов человеческой природы в том виде, как они существуют теперь в связи с их происхождением и постепенным развитием, вплоть до предсказания их будущего движения, по линии ли упадка или дальнейшего роста и расширения. Этой цели мы можем посвятить здесь лишь несколько примерных страниц и прежде всего бросить беглый взгляд на интеллект человека.

Интеллект есть та часть разума, которая знает, что моральная природа является частью того, что чувствует. Каждый отдельный интеллектуальный акт является мгновенным, тогда как моральные акты (или скорее состояния) более или менее продолжительны. Язык соответствует интеллекту и потому способен выражать его совершенно и непосредственно, тогда как функции моральной природы (принадлежащие, т. е. вытекающие из большой симпатической нервной системы; интеллект же и способность речи зависят от системы головного и спинного мозга и происходят из нее) не связаны с языком и поэтому способны только к непрямому и несовершенному выражению при помощи языка. Может быть, музыка, которая, несомненно, коренится в моральной природе, представляет собой уже в том виде, как она существует сейчас, начало того языка, который будет соответствовать эмоциям и выражать их точно так же, как слова соответствуют и выражают идеи. Интеллекту-

альные акты сложны и разложимы на составные части, моральные же состояния или абсолютно просты (как, например, любовь, страх, ненависть), или почти просты, т. е. составлены из сравнительно небольшого числа элементов. Все интеллектуальные акты вполне или приблизительно схожи друг с другом в указанном отношении, моральные же состояния имеют весьма широкий диапазон в степени напряжения.

Человеческий интеллект состоит преимущественно из понятий, как лес состоит из деревьев или город из домов. Понятия эти представляют собою ментальные образы вещей, актов и отношений. Запись их интеллектом мы называем памятью, сравнение друг с другом — рассуждением; для построения их в более сложные образы (подобно тому, как из кирпичей строятся дома) мы не располагаем на нашем языке вполне подходящим выражением; иногда мы называем такой акт интеллекта воображением (актом образования ментальной копии или подобия); немцы имеют для этого более подходящее название — *Vorstellung* (акт помещения перед, представление), *Anschauungsgabe* (дар, способность рассматривания, обращение взора) и еще лучше *Einbildungskraft* (сила построения). Обширным интеллектом будет тот, в котором число понятий превышает средний уровень, утонченным — тот, в котором понятия ясно и точно определились, наконец, вполне законченным интеллектом будет тот, который легко и быстро образует понятия, когда в них появляется надобность, и т. д. Рост человеческого интеллекта есть рост понятий, т. е. увеличение числа более простых понятий при одновременном построении их в более и более сложные. Хотя подобное увеличение понятий, в их численности и сложности, постоянно имеет место в каждом живом уме в течение, по крайней мере, первой половины жизни, начиная с детства до среднего возраста, и хотя затем каждый из нас знает, что в настоящую минуту мы обладаем понятиями, которых у нас не было раньше, однако самый мудрый из нас, наверное, не в состоянии, на основании личного опыта сказать, благодаря какому именно процессу нарождаются эти новые понятия — откуда и как они появляются. Но хотя мы и не можем постигнуть этого путем непосредственного наблюдения ни за собственным умом, ни за умом других людей, тем не менее есть путь, при помощи которого можно проследить этот скрытый процесс, а именно: при помощи языка. Язык, как было сказано выше,

совершенно точно соответствует интеллекту; для каждого понятия существует слово или слова, так же как и для каждого слова есть соответствующее понятие; одно не может существовать без другого. Так, например, Тренч говорит: «Вы не можете наделить человека большим количеством слов, чем те, которые он понимает, которые он вмещает в себя в данный момент или которые могут сделаться понятными ему для усвоения». Макс Мюллер выражает эту мысль следующим образом: «Без речи нет разума, и без разума нет речи». Подобное совпадение речи и интеллекта не есть случайное явление; взаимоотношение между ними лежит в самой природе того и другого. Спрашивается, являются ли они двумя разными вещами или суть две стороны одного и того же? Ни одно слово не появляется, не выражая собой понятие, и не образуется новое понятие без возникновения (в то же самое время) нового слова, являющегося его выражением, хотя бы такое «новое слово» и имело начертание и произношение какого-нибудь старого слова. Старое слово, принимая другое, новое значение, становится в действительности двумя словами — старым и новым. Интеллект и речь соответствуют друг другу, как рука и перчатка, но только еще теснее, скорее, как кожа соответствует телу, как мягкая оболочка соответствует мозгу или как какой-нибудь определенный вид в органическом мире соответствует окружающей его среде. При этом надо специально отметить, что язык соответствует интеллекту не только в том смысле, что он покрывает последний во всех его частях и следует за всеми его поворотами и изгибами, но и в том, что он не превосходит (не переходит) его.

Слова соответствуют понятиям и только им одним, так что при помощи слов мы не можем выражать непосредственно ни чувственных впечатлений, ни эмоций и всегда вынуждены передавать последние посредством выражения не их самих, а тех впечатлений, которые они производят на наш интеллект, т. е. посредством понятий, образовавшихся от созерцания эмоциональных впечатлений нашим интеллектом, — другими словами, посредством их интеллектуальных образов. Поэтому, прежде чем чувственное впечатление или эмоция воплотится или выразится в языке, должно образоваться (более или менее верно изображающее его) понятие, которое, конечно, может быть выражено словами. Но так как девяносто девять из ста наших чувственных впечатлений и эмоций никогда не

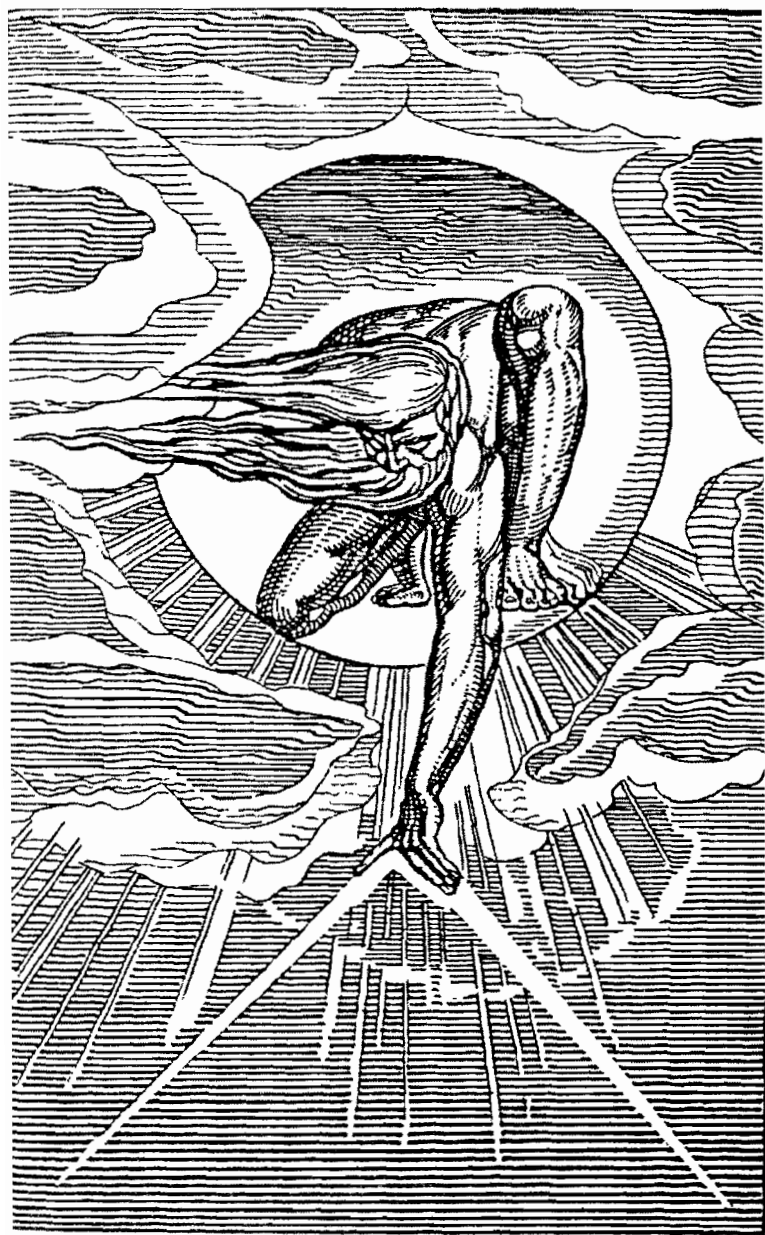
были представлены в интеллекте понятиями, то они и остаются невыраженными, а если и выражаются, то весьма несовершенно, окольными путями, при помощи отдаленных описаний и намеков.

У низших животных существует такое положение вещей, которое может служить прекрасной иллюстрацией к сказанному. Животные обладают острым чувством ощущений и сильными эмоциями, каковы, например, страх, ярость, половое влечение и материнская любовь; и однако животные не в состоянии выразить свои ощущения, потому что у них нет для этого собственного языка: они не имеют системы понятий с соответствующими членораздельными звуками. Хотя мы и уверены в существовании у нас чувственных ощущений и моральной природы, но и мы были бы так же немые, как и животные, если бы рядом с чувственными ощущениями и эмоциями у нас не было еще и интеллекта, в котором, как в зеркале, могут отражаться эмоции и при помощи языка находить свое внешнее выражение.

Так как подобное соответствие слов и понятий не случайно или временно, но лежит в самой природе вещей и остается абсолютно постоянным при всех обстоятельствах, то изменениям в одном из этих факторов должны соответствовать перемены и в другом. Эволюция интеллекта должна (если она действительно происходит) сопровождаться эволюцией языка, а эволюция последнего (если она существует) будет свидетельством об эволюции интеллекта.

Здесь мы намерены сказать несколько слов об изучении роста интеллекта путем исследования языка, т. е. изучении рождения, жизни и роста понятий, которые невозможно увидеть путем исследования их видимых коррелятивов — слов. Сэр Чарльз Лайель в своем сочинении «Древность человека» указывает на параллелизм, существующий между возникновением, ростом, упадком и полным исчезновением языка и видов в органическом мире. Чтобы осветить и одновременно расширить приводимые доказательства, следовало бы довести эту параллель, начиная с образования миров, вплоть до эволюции слов и понятий.

Тогда бы мы выяснили, каким образом разветвляются, делятся и умножаются сферы, виды, языки и слова; тогда нам стало бы понятным утверждение Макса Мюллера, что «всю мысль, которая когда-либо прошла через умы Индии» можно свести к ста двадцати одному коренному понятию, т. е. к ста двадцати одному коренному

У. Блейк. Древность дней. Бог-Созидатель

слову, и мы согласились бы с ним, что число это, наверное, можно еще уменьшить. Если мы хотя бы на одну минуту вдумаемся в значение всего этого, т. е. представим себе, что миллионы индоевропейских слов, как находящихся теперь в употреблении, так и (во много раз превосходящих существующие) давно уже вымерших и забытых, почти все возникли приблизительно из сотни корней, а последние, в свою очередь, наверное, из какой-нибудь полдюжины корней; если при этом мы вспомним, что разум и речь составляют одно целое, то мы получим слабое представление о том, чем был некогда человеческий интеллект в сравнении с настоящим временем. Точно так же нам станет очевидным с первого же взгляда, что не только эволюция видов, языков и слов совершается строго параллельным путем, но что подобная схема имела, наверное, более широкое и, пожалуй, даже универсальное применение. Во всяком случае, что касается выдвинутого нами тезиса, то из приведенного сравнения можно вывести заключение, что слова и, следовательно, конститутивные элементы интеллекта, представляемые словами и называемые нами понятиями, растут путем деления и разветвления, подобно тому как новые виды ответвляются от старых; и потому становится очевидным, что нормальный рост пользовался поддержкой, а чрезмерное и бесполезное развитие задерживалось везде путем одних и тех же средств, т. е. естественным отбором и борьбой за существование.

Новые понятия и выражающие их слова, которые соответствуют какой-то внешней реальности (будь то вещь, акт, состояние или отношение) и поэтому полезны человеку своим возникновением, поставили его к внешнему миру в более совершенное отношение, от которого зависят жизнь и благосостояние человека. Они сохраняются благодаря процессу естественного отбора и выживания наиболее приспособляемых. Далее, те из слов и понятий, которые совершенно не соответствуют или мало соответствуют объективной реальности, заменяются новыми, вполне или лучше соответствующими той реальности, которую они стремятся выразить; таким образом, в борьбе за существование понятия и слова выходят из употребления и умирают.

Так обстоит дело не только со словами, но и со всеми живыми организмами: тысячи рождаются, чтобы дать жизнь одному. В отношении того объекта, на который обращено специальное внима-

У. Блейк. Умирающий свет

ние нашего ума, последний часто порождает слова с удивительной расточительностью. Когда несколько тысяч лет тому назад санскрит был еще живым языком и когда солнце и огонь считались настоящими божествами, или, по крайней мере, особенно почитались, огонь, вместо нескольких названий, которые он имеет теперь, имел тридцать пять, а солнце — тридцать семь наименований. Но еще более удивительны примеры из арабского языка, в котором есть, например, восемьдесят названий для меда, двести — для змеи, пятьсот — для льва, тысяча для меча и пять тысяч семьсот сорок четыре слова, относящихся к верблюду; все это — объекты, на которые энергично и постоянно был направлен ум араба. Макс Мюллер опять-таки говорит нам: «Мы едва можем представить себе даже в идее беспредельность источников диалектов». В то время как в литературном языке устанавливается один общий стереотипный термин для какого-нибудь понятия, диалекты этого языка снабжают последнее пятьюдесятью названиями, хотя, конечно, со специальным оттенком в каждом из них. Когда в прогрессирующем обществе возникают новые комбинации мыслей, диалекты с готовностью доставляют требуемые термины из склада своих так называемых лишних словечек. Существуют не только местные и провинциальные, но и классовые диалекты. Есть пастушеский диалект, спортивный, солдатский, фермерский.

Идиомы кочевников, как говорит Гримм, содержат изобилие разнообразных выражений для наименований меча, оружия и различных периодов в жизни рогатого скота.

В более развитом языке такие названия становятся уже излишними и тяжеловесными. Но в устах крестьянина и фермера такие понятия, как «произвести на свет», «отелиться», «пасть» и «убить», имеют свои собственные термины в отношении почти каждого животного, точно так же как спортсмен с особенным удовольствием дает различные названия ходу игры и ее участникам.

Все эти факты служат показателем того, в каком положении находится человеческий интеллект перед лицом предоставленного в его распоряжение внешнего мира; он пытается проникнуть в каждую замеченную им скважину, как бы ни было незначительно и ненадежно обладание тем, к чему он стремится. Ум человека беспрестанно, из века в век, старается овладеть явлениями внешнего мира, и рост человеческого ума состоит в том, что он постепенно

поднимается вверх и покрывает эти явления, как плющ, который распространяется во все стороны, поднимается вверх и покрывает каменную стену, причем побег, которому посчастливилось хорошо зацепиться, укрепляется и дает новые ростки; тот же, которому это не удалось, вскоре перестает расти и окончательно гибнет.

Для нашей цели необходимо отметить главным образом следующее: как ребенок учится говорить, так и целая раса начинала с немногих или, как утверждает Гейгер, даже с одного слова, т. е. человек начал думать при помощи немногих или даже одного понятия (само собой разумеется, что он обладал в то время и еще раньше большим запасом ощущений и представлений, иначе ему не удалось бы почти ничего сделать при помощи своего одного или немногих понятий). Затем из этих немногих или одного понятия развилось громадное количество понятий и слов, которые с того времени и начали свое существование. Эта эволюция всего человеческого интеллекта из одного начального понятия не должна казаться невероятной или даже особенно чудесной для тех, кто знает, что все сложное тело человека, со всеми его тканями, органами и частями, построено из сотен миллионов клеточек, каждая из которых, несмотря на все свои структурные и функциональные отличия от клеточек других органов и тканей, происходит по прямой линии от одной первичной клетки, из которой произошел каждый из нас (и притом только немного лет тому назад).

Таким образом, обращаясь назад к прошлому, мы находим язык и вместе с ним человеческий интеллект сходящимися в одной точке, и знаем, что как тот, так и другой должны были появиться в эпоху, не очень отдаленную от нашего времени. Приблизительная дата начала языка и интеллекта установлена многими учеными, и мы не слишком уклонимся в сторону, если будем (пока) считать ее за триста тысяч лет до нашего времени.

IV

Значительно ближе к нашему времени, чем рождение интеллекта, появление чувства цвета. Мы имеем авторитетное указание Макса Мюллера, который утверждает следующее: «Хорошо известно, что способность различать цвета — позднего происхождения; Ксенофан знал только три цвета радуги: пурпуровый (фиолетовый), крас-

ный и желтый; даже Аристотель говорил еще о трехцветной радуге, а Демокриту были известны не более четырех цветов: черный, белый, красный и желтый».

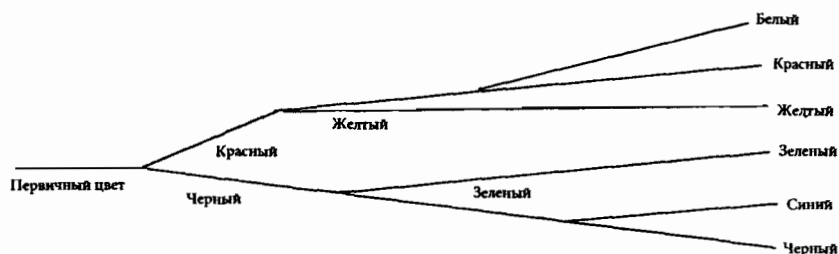
Гейгер указывает на возможность доказательства путем исследования языка, что не позже, чем в период жизни первых арийцев, следовательно, может быть, не более пятнадцати или двадцати тысяч лет тому назад, человек создавал только один цвет. Он не различал никакой разницы в цвете между голубым небом, зелеными деревьями и травой, бурой или серой землей и золотыми и пурпурными облаками солнечного заката и восхода. Так, Пиктет не находит названий цветов в примитивной индоевропейской речи, а Макс Мюллер не нашел в санскритском языке корня, значение которого сколько-нибудь говорило бы о цвете.

Однако в более поздний период времени, еще до возникновения самых древнейших из дошедших до нас литературных памятников, чувство цвета настолько подвинулось вперед, что стали распознавать красный и черный. Еще позднее, в эпоху Риг-Веды, отличали красный, желтый и черный как три отдельных цвета, но зато это и были все цвета, которые умел воспринимать человек того века. Еще позднее к этому списку прибавился белый, а затем и зеленый; но на всем протяжении Риг-Веды, Зенд-Авесты, гомеровских поэм и Библии не встречается никаких упоминаний о цвете неба, что, по-видимому, говорит о том, будто он тогда еще не распознавался, так как такой пропуск едва ли можно приписать простому случаю. Десять тысяч строк Риг-Веды заняты пространными описаниями неба, сотни раз в них упоминается весь внешний вид его: солнце, луна, звезды, облака, молния, восход и закат солнца. Точно так же и Зенд-Авеста, для автора которой свет и огонь, земной и небесный, были священными предметами, едва ли могла случайно не упомянуть о голубом цвете неба. В Библии небо и небеса упоминаются более четырехсот тридцати раз, и, однако, ни разу не говорится о цвете голубого неба. Нигде в мире нет такой интенсивной синевы небес, как в Греции или в Малой Азии — родине поэм Гомера. Разве можно представить себе, чтобы поэт (или поэты), видевший небо так, как мы видим его теперь, мог написать сорок восемь больших книг Илиады и Одиссеи и ни разу не упомянуть или даже намекнуть на него. Но если бы мы допустили возможность того, что все поэты Риг-Веды, Зенд-Авесты, Илиады, Одиссеи и Библии могли по прос-

той случайности не упомянуть о голубом цвете неба, то уже одна этимология убедила бы нас в том, что четыре тысячи лет тому назад (а может быть, три тысячи) голубой цвет был неизвестен, так как в то время все названия, соответствующие голубому цвету, растворились названиями черного цвета.

Английское слово blue (синий или голубой) и немецкое blau (того же значения) происходят от слова, которое означает черный цвет (по-английски black). Китайское hi-u-an, которое в настоящее время значит небесно-голубой, раньше означало черный. Слово pil, которое по-персидски и по-арабски означает теперь голубой, произошло от названия реки Нила, что значило черная река, по-латыни — Niger.

По-видимому, нельзя допустить, чтобы в то время, когда люди распознавали только два цвета, называемые ими красным и черным, последние представлялись им такими же красным и черным, какими они представляются нам теперь, хотя в настоящее время, конечно, невозможно определить те чувствования, которые люди того времени хотели определить этими названиями. В понятие красного цвета они включали, по-видимому, белый, желтый и все промежуточные между ними цвета, в черный же — все оттенки голубого и зеленого. Как в свое время красный и черный появились благодаря делению первоначального сложного цветового чувственного восприятия, так затем, с течением времени, подверглись делению и красный и черный. Сначала красный разделился на красно-желтый и красно-белый, черный — на черно-зеленый, потом на черно-голубой, и затем в течение последних двух тысяч пятисот лет эти шесть цветов (скорее четыре: красный, желтый, зеленый и голубой) раскололись на бесчисленное количество различаемых и называемых теперь оттенков. Прилагаемая диаграмма наглядно указывает, в каком порядке спектр цветов стал достоянием человеческого зрения.

Можно совершенно независимо от изложенного показать, что если чувство цвета появилось предположенным путем, то указанная выше, согласно старинным документам и этимологии, постепенность распознавания человеком цветов является и в действительности тем порядком, в котором последние были усвоены человечеством. Если присоединить сюда научные факты, касающиеся данного вопроса, то надо будет признать, что факты эти удивительным образом подтверждают справедливость сделанных выше выводов, несмотря на то что они почерпнуты из совершенно различных источников.

Солнечные и всякие другие световые лучи, действующие на зрение, суть: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, индиго (синий) и фиолетовый. Эти лучи отличаются друг от друга длиной и амплитудой производящих их волн, причем длина и амплитуда волн уменьшаются в порядке постепенности приведенных названий цветов. Но сила или энергия световой волны, т. е. сила ее как возбудителя зрения, прямо пропорциональна квадрату ее амплитуды. Согласно этому закону, энергия — зрительная возбудительная сила — красных лучей в несколько тысяч раз сильнее энергии фиолетовых, и световая энергия лучей в спектре постоянно и быстро уменьшается в направлении от красного к фиолетовому. Ясно поэтому, что если действительно имело место постепенное совершенствование чувства зрения, благодаря которому глаз из совершенно невосприимчивого к цветам стал постепенно разбирать их, то первым из воспринятых человеческим глазом цветов неизбежно должен был оказаться красный, затем идет в порядке постепенности желтый, зеленый и т. д. до фиолетового включительно. А это — как раз те явления, о существовании которых говорит нам древняя литература и этимология.

Кроме того, о сравнительной юности чувства цвета свидетельствует существование во всех странах огромного числа людей, слепых по отношению к цвету, т. е. таких, которые и в настоящее время или совершенно, или отчасти не обладают способностью различать цвета. Утверждение Вильсона, что «на двадцать пять человек, наверное, придется один, страдающий дальтонизмом», долго оставалось под сомнением, как недостаточно доказанное с точки зрения обширных цифровых данных. До тех пор пока в нашем распоряжении не было сравнительных методов, в особенности же метода Гонгрена,

нельзя было получить и удовлетворительных данных. Предложенный последним метод в надлежащих руках настолько быстро и успешно разрешает поставленный вопрос, что удалось уже произвести опыты над тысячами людей, и результат, базирующийся, по крайней мере, на двухстах тысячах исследований, сводится к тому, что дальтонизму подвержены в большей или меньшей степени четыре процента людей мужского пола и четверть процента женского, что составляет один случай на сорок семь человек.

Степень всеобщности распространения способности различать цвета среди какой-нибудь расы является важным фактом для суждения о степени ее эволюции сравнительно с другими расами. В этом отношении интересны следующие факты: «В Японии на тысячу двести солдат приходится 1,58 %, неразличающих красного цвета и 0,833 % неразличающих зеленого цвета; из трехсот семидесяти трех мальчиков 1 % и из двухсот семидесяти девочек 0,4 % дальтонизма падают на красный цвет; из пятисот девяноста шести мужчин, исследованных доктором Берри в Киото, 5,45 % оказались с дефектами в чувстве цвета; в общем, среди японцев процент дальтонизма оказывается меньше, чем среди европейцев и американцев. Из семисот девяноста шести китайцев, подвергшихся исследованию в различных местах, не оказалось ни одного случая дальтонизма, но зато здесь часто замечалось стремление смешивать зеленый цвет с голубым. Эту особенность еще с большей очевидностью обнаружил доктор Фильд (Сватоу, Китай), который подчеркивает тысячу двести китайцев обоего пола по способу Томпсона (шары из шерсти различных цветов). Из шестисот мужчин, страдающих дальтонизмом, оказалось девятнадцать человек, из того же количества женщин — всего одна. Таким образом, среди китайцев процент неразличающих какого-нибудь цвета равняется трем, — следовательно, немногим превышает процент, получаемый в Европе».

У страдающих дальтонизмом общая способность зрения остается неповрежденной: человек различает свет и тени, форму и расстояние так же, как и другие люди. Это обстоятельство показывает, что чувство цвета является, так сказать, более поверхностным и менее основным чувством, чем некоторые другие зрительные способности, и потому, наверное, приобретено человечеством позднее других зрительных функций, так как человек не может утратить один из своих более основных элементов зрения (как, например,

чувство зрительного осязания формы), сохранив другие зрительные способности неповрежденными.

Дальтонизм является примером того, что называется атавизмом, или возвратом индивида к условиям, которые были нормальны в прошлом, но которые не свойственны его виду в то время, когда человек живет. Частые случаи подобного возврата (как выше указано — один человек из сорока семи) показывают, что чувство цвета сравнительно недавнего происхождения, потому что атавизм чаще наблюдается в обратном отношении к количеству времени, протекшему между потерей или ненадлежащим приобретением (и такой случай может иметь место) какого-нибудь органа или функциональной способности и нормальным существованием их в расе (в одном случае) или исчезновением в процессе эволюции (в другом). Разумное объяснение этого закона (на который будут еще ссылки в дальнейшем изложении) очевидно, оно покоится на том простом факте, что чем дольше существует в расе какой-нибудь орган или функциональная способность, тем вероятнее передача их по наследству в потомство. Существование такого большого процента дальтонизма среди людей показывает, следовательно, что чувство цвета — способность недавнего происхождения. Относительная видимость различно окрашенных световых лучей доказывает, что если чувство цвета является приобретенной способностью, то усвоение ее произошло, несомненно, тем путем, который филологи имеют претензию считать наиболее действительным, и совпадение ряда фактов, почерпнутых из естественной истории и филологии, с фактом дальтонизма настолько бросается в глаза, что, по-видимому, нельзя не согласиться с достигнутыми выводами.

V

Другая способность недавнего приобретения есть чувство обоняния. О нем ни разу не упоминают гимны Риг-Веды и только раз говорится в Зенд-Авесте. Гейгер говорит, что обычай курить фимиам при жертвоприношениях не встречается еще в Риг-Веде, хотя его находят в более ранней Яджур-Веде. Из библейских книг упоминание о запахе цветов впервые появляется в «Песни Песней». В «Книге Бытия» говорится, что в раю были разнообразные деревья, «приятные на вид и пригодные для питания», но не встречается никаких

упоминаний о приятных запахах. Апокрифическая книга Еноха (написанная в первом веке до Рождества Христова или даже позднее), возникшая в Эфиопии, также описывает рай, но не упускает случая превознести великолепные благоухания древа познания, так же как и других деревьев в саду Эдема.

Кроме этих свидетельств, можно в самой истории языка найти доказательства того, что в более ранние эпохи индоевропейской жизни не существовало такого чувства, как обоняние. В связи с этим достойно упоминания, что ни одно животное (несмотря на то, что многие из них значительно превосходят нас в способности узнавать чутъем) не обладает, насколько мы это знаем и можем обнаружить, чувством обоняния и что дети не приобретают этого чувства ранее достижения известного возраста — а именно: через несколько лет после того, как они приобретут более или менее развитое чувство распознавания цвета; подобное развитие умственных способностей в детях (как было указано выше) находится в полном соответствии с эволюцией человеческого ума вообще, так как чувство цвета, наверное, появилось в расе на несколько тысяч лет раньше чувства обоняния.

VI

Такие инстинкты, как половой и материнский, одинаково присущие животному и человеку, были переданы последнему, несомненно, предшествовавшими ему поколениями и составляют достояние как его самого, так и его предков в течение многих миллионов лет. Моральная же природа человека, несмотря на то что корни ее лежат в этих же инстинктах, из которых она и выросла, сравнительно недавнего происхождения. Моральная природа не только не предшествует возникновению самосознания, но, наверное, гораздо моложе его.

Человек, другими словами — самосознание, должен был появиться, как было сказано, около трехсот тысяч лет тому назад, когда первый *alalus homo*^{*} произнес первое настоящее слово. Индивидуальный человек рождается в настоящее время тогда, когда ребенок становится сознающим себя существом — приблизительно в возрасте трех лет. Среди индоевропейских рас не более чем один на

* Человек, умеющий уже говорить. — Прим. ред.

тысячу (так называемый идиот) достигает зрелости, не приобретя самосознания. Раз появившееся в индивидууме самосознание теряется лишь в момент редких и больших кризисов — в лихорадочном бреде и некоторых формах безумия — маниях. Моральная же природа появляется в человеке между тремя годами и зрелостью. Вместо одного или двух на тысячу, как в первом случае, здесь очень часто мы видим, что то же самое число рождающихся и умирающих без моральных чувств приходится уже на сто и что моральное чувство теряется не только во время каких-либо кризисов, но часто отсутствует временами вообще. Все это приводит к доказательству того, что моральная природа человека гораздо более позднего происхождения, чем человеческий интеллект, и что если мы допускаем для последнего существование в триста тысяч лет, то для первого мы не можем предположить ничего подобного.

VII

Первобытный человек, от которого мы все происходим, имеет еще до сих пор на земле двух своих представителей: во-первых, дикаря и, во-вторых, ребенка. Можно сказать, что ребенок есть дикарь и дикарь есть ребенок и что через умственные состояния, свойственные тем и другим, прошли не только каждый индивидуальный член расы, но и сама раса в целом. Потому что, подобно тому как, с физической точки зрения, человек в течение нескольких коротких месяцев своего утробного развития подводит им, так сказать, итог, начиная с первичной одноклеточной формы (в которой началась индивидуальная жизнь), проходя затем через промежуточные фазы между этой последней и той формой, когда он уже стал человеком, и повторяя, таким образом, ежедневно медленную эволюцию миллионов лет, точно так же и в своем ментальном развитии индивидуальный человек, с момента своего рождения до наступления зрелости, снова проходит и подводит итог всей эволюции психической жизни расы; и подобно тому, как индивидуальный физический человек начинается на низшей ступени физической эволюции, в виде одноклеточной монады, так точно и психический человек начинается на самых низких ступенях лестницы разума и при своем восхождении в течение немногих месяцев проходит через последовательные фазы, каждая из которых для своего завершения потребо-

вала от расы целых тысячелетий. Отличительные черты разума дикаря и ребенка, если их найти, дадут нам отличительные признаки первобытного человеческого разума, от которого происходят как современный средний разум, каким мы его знаем, так и исключительные умы великих людей в истории нашего времени.

Главная разница между первобытным умом и умом ребенка и дикаря, с одной стороны, и, с другой, умом цивилизованного человека заключается в том, что первому (называемому для краткости низшим умом) недостает личной силы, мужества и устойчивости, а также симпатии или любви, он легче поддается страху или гневу, чем второй — цивилизованный ум. Конечно, есть и другие различия между высшим и низшим умом — различия в интеллекте и даже в чувстве ощущений, но эти различия, несмотря на всю их значительность, не имеют того главного значения основных фундаментальных и моральных различий, какими являются приведенные выше. Итак, низшему уму недостает верности, мужества, личной силы, симпатии и любви — т. е. в конечном итоге мира, довольства и счастья. Он имеет склонность бояться известных вещей и еще больше приходит в смутный ужас от неизвестных; он склонен к гневу, неистовству и ненависти — т. е., в конце концов, к беспокойству, недовольству и неблагополучию. С другой стороны, высший ум (сравнительно с низшим) обладает верностью, мужеством, личной силой, симпатией и любовью, т. е. (сравнительно, конечно) счастьем; он менее склонен к страху перед известным и неизвестным, к гневу и ненависти, т. е. к несчастью.

Положение это (взятое в широком масштабе или в общем виде) кажется с первого взгляда не имеющим важного значения, но в действительности оно значит почти все, заключая в себе ключ к нашему прошлому, настоящему и будущему; оно является свойством моральной природы (на которую выше уже сделаны лаконичные указания), определяющим, как для всякого из нас, в каждый данный момент, так и для всей расы, в каждое данное столетие, то место, какое этот мир, в котором мы живем, должен будет занимать и какое он в действительности занимает в сознании каждого из нас. Потому что не глаза наши, не уши и даже не наш интеллект говорят нам о мире, а наша моральная природа, которая одна в конечном итоге констатирует значение и важность того, что существует вокруг нас.

Члены человеческой расы начали со страха и нелюбви ко многому, с любви и восхищения перед немногим и с доверия к еще меньшему. Не боясь ошибиться, можно сказать, что эти люди первых веков — периода свайных построек и пещерной жизни — и их наследники видели мало красоты в окружавшем их внешнем мире, хотя, может быть, их глаза во многих других отношениях были так же остры и проницательны, как и наши. Известно, что их семейные привязанности (как и у стоящих на самой низкой ступени развития дикарей настоящего времени) были по меньшей мере рудиментарны и что все люди, стоящие за пределами их непосредственной семьи, внушали им страх и неприязнь, а иногда и то и другое вместе. В тот момент, когда раса из туманного прошлого выходит на свет того, что может быть названо систематической историей, представления людей о законах, о силах и существах, управляющих вселенной, о характере этого управления, о положении человека в отношении управляющих сил и его взгляде на жизнь и на то, что за ней следует, обыкновенно носят на себе чрезвычайно мрачный оттенок. То же самое мы видим и у современных дикарей, стоящих на самой низшей ступени развития. Хотя с того времени ни сам мир, ни управляющие им законы не изменились, однако постепенное повышение моральной природы человека отвело в его глазах этому миру совершенно другое место. Непрístupные горы, наводящее трепет море, дремучие леса, темная страшная ночь и все виды и явления природы, полные ужасов в прежние времена, оделись теперь новой красотой в глазах современного человека. Вся человеческая раса и все живые существа облеклись в наших глазах очарованием и святостью, от обладания которыми они были так далеки в те далекие, старые времена. Силы, управляющие вселенной, послушные тому же благодетельному влиянию, постепенно превращались из демонов в существа и силы, все менее и менее враждебные и все более и более дружественные человеку, так что каждый век истолковывал себе вселенную во всех отношениях по-своему и в большей или меньшей степени переставал верить толкованиям предшествовавших веков.

Какое же толкование верно? Чей разум, из обширного разнообразия событий прошедшего и настоящего, рисует себе более правильную картину внешнего мира? Посмотрим. Остановимся на рассмотрении нашей духовной генеалогии и на ее значении. Наши

непосредственные предки были христианами. Духовным прародителем христианства было иудейство. Иудаизм, возникший в той группе или в тех коленах, которые в совокупности носят название 'Terachity' или еврейства — ибримов^{**}, живущих по ту сторону реки Евфрата, — происходит от мифического Аб-ораама или Авраама. Эти колена или племена, являясь отпрыском великой семитической ветви кавказской расы, непосредственно примыкают к халдейскому политеизму. Последний, в свою очередь, является прямым развитием поклонения солнцу и природе первых членов кавказской семьи. Обожание солнца и природы, без сомнения, коренится и родилось из первоначального фетишизма, т. е. непосредственного поклонения индивидуальным земным объектам. В этой длинной линии преемства (несмотря на различные названия, даваемые нами различным его частям, как будто бы между ними существуют демаркационные линии) не было никакого перерыва, и в течение всех протекших тысячелетий не существовало чего-либо похожего на новую отправную точку. Та истина, что «природа не делает скачков», настолько же твердо установлена в области духовного развития, насколько и в физике, и в геологии. Все дело сводится к простому процессу роста, вполне аналогичному с процессом постепенного вырастания ветви из почки или растения из зерна. Это прекрасно выражено в следующих словах: «Религия, будучи одним из живых продуктов человечества, должна жить, т. е. изменяться вместе с человечеством». И в конечном анализе окажется, что, несмотря на громадные различия внешних форм — начиная с фетишизма и кончая христианством, — в основе бесконечного разнообразия религиозных формул, верований и догматов, обнимаемых этими пятью главными отделами, лежит, в качестве существенного элемента, состояние моральной природы человека — элемента, от которого зависит в религии все остальное и который является живой сущностью всего в ней. Все изменения в интеллектуальных формах и внешнем проявлении религий так же зависят от постепенного изменения моральной природы, как движения часовой стрелки и колесиков зависят от управляющей всем главной пружины. Внешний мир пребывает неизменно, дух же человека постоянно растет; и

* «Terachity» — потомки (библейского Фарры) отца Авраама. — *Прим. ред.*

** «Ибримы» — от (h)ebre(w) (по ту сторону) и im (еврейского окончания для множественного числа); ибримы, как живущие по ту сторону реки Евфрата, т. е. евреи. Существуют и другие объяснения этого слова.

в этом процессе роста тень от духа (проектируемая моральной природой и преобразуемая в определенные формы интеллектом), которую он отбрасывает в неизвестную бесконечность, постоянно и неизбежно меняется (наподобие рассеянной перспективы) и следует за изменениями в самой субстанции (т. е. в душе человека), дающей жизнь и реальное существование тому воображаемому фантому, который простой народ называет своей верой, а метафизики называют философией абсолюта.

Надо, однако, отметить, что при подобном толковании обитаемой нами неизвестной вселенной человечество (в целом) неизменно из века в век отдает себе все более и более совершенный отчет о ней. С течением времени мы начинаем приписывать нашим божествам все лучшие и лучшие черты характера и постоянно ожидаем с их стороны все лучшего и лучшего к нам отношения как при жизни, так и после смерти. Это означает, следовательно, приумножение в нас доверия или веры в связи с подавлением противоположных чувств, т. е. страха, который постепенно уменьшается. То же самое можно сказать и о милосердии, расположении или любви к ближним: постепенное повышение в нас этих качеств постоянно изменяет в наших глазах внешний вид видимого мира, так же как рост веры изменяет наше представление о другом, более великом невидимом мире. И мы не имеем никаких указаний на то, чтобы этот двойной процесс закончился или когда-нибудь мог закончиться.

VIII

Количество времени, в продолжение которого раса обладала какой-либо определенной способностью, может быть более или менее точно установлено из различных источников. В тех случаях, когда появление способности относится к сравнительно недавнему времени, например к периоду последних двадцати пяти или тридцати тысяч лет, в определении ближайшей даты пришествия способности может принести существенную пользу (как мы это уже видели) филология. Но в применении к сравнительно старым способностям, как, например, к человеческому интеллекту или простому сознанию, средство это, безусловно, непригодно. Поэтому мы прибегнем к следующим способам доказательств.

Определим:

1. Возраст, с достижением которого появляется в настоящее время в каждом человеке определенная способность.

2. Большую или меньшую распространенность этой способности среди взрослых членов современного человечества.

3. Легкость, с которой при неблагоприятных обстоятельствах утрачивается эта способность, как, например, во время болезни.

4. Относительную многократность появления этой способности во время сна.

1. О каждой из наших умственных способностей можно заранее сказать, что появление ее в индивиде имеет свой нормальный средний возраст. Так, например, память и простое сознание появляются через несколько дней после рождения, любопытство — через десять недель, способность пользования какими-нибудь орудиями — через двенадцать месяцев, а чувство стыда, угрызания совести и способность забавляться — около пятнадцати месяцев после рождения. Здесь надо заметить, что в каждом отдельном случае время появления какой-либо способности в ребенке соответствует периоду появления той же способности (насколько это возможно установить в настоящее время) в области животного мира вообще, точно так же как время возникновения в индивидууме способностей более позднего происхождения соответствует времени возникновения их во всей расе. Например, память и простое сознание встречаются уже у животных самой примитивной организации — у иглокожих, между тем как способность к употреблению орудия не встречается ниже, чем у мартышек, чувство же стыда, угрызений совести и чувство смешного начинается (среди животных) почти (если не вполне) только с человекоподобной обезьяны и собаки. Затем из чисто человеческих способностей — самосознание, возникающее в индивидууме, в среднем, приблизительно в возрасте около трех лет, появилось в расе, наверное, более тысячи веков тому назад, тогда как музыкальное чувство, возникающее в человеке не раньше достижения им юношества или возмужания, не могло появиться в расе (судя по документам) ранее очень немногих тысячелетий.

2. Чем дольше какая-нибудь раса обладала данной способностью, тем более общераспространенной является эта способность среди всех членов расы. Это положение едва ли нуждается в доказатель-

ствах. Всякая новая способность должна прежде всего появиться в одном индивидууме, затем, по достижении состояния этого одного другими индивидами, последние также приобретают эту способность, и только тогда, когда после многих, может быть, тысячелетий вся раса достигла такого же состояния, данная способность становится всеобщей.

3. Чем дольше раса обладала какой-либо способностью, тем тверже закреплена эта способность в каждом отдельном индивидууме этой расы. Другими словами, чем моложе способность, тем легче и скорее она теряется. Авторитетное доказательство этого положения (в котором, впрочем, оно едва ли нуждается) будет приведено ниже, в связи с другими положениями; здесь же можно сказать, что высказанное положение почти, если не совсем, самоочевидно.

4. Изучение сновидений, по-видимому, обнаруживает, что во время сна наш ум отличается от того, которым мы обладаем во время бодрствования; во время сна человеческий ум делается, главным образом, более примитивным. И действительно, было бы вполне правильно сказать, что в сновидениях мы возвращаемся назад, к дочеловеческой умственной жизни, что нашими интеллектуальными способностями во время сновидений являются преимущественно представления, сильно отличающиеся от понятий, которыми мы обладаем наяву; в области же моральной природы во сне проявляются такие способности, как угрызения совести, стыд, удивление, наряду с другими, более старыми основными чувствами, приобретенными нами еще во время нашего дочеловеческого бытия; и наконец, изучение сновидений обнаруживает, что более современные умственные способности, как чувство цвета, музыкальное чувство, самосознание и человеческая моральная природа, не существуют в нас во время сновидений, и если некоторые из них и появляются случайно, то как редкое исключение.

Теперь сравним друг с другом некоторые из упомянутых способностей с точки зрения указанных нами выводов. Это даст нам наиболее ясное и точное представление о росте ума путем постепенного прибавления к нему новых функций. Возьмем для этой цели (в виде немногих примеров для доказательства всего вышесказанного) простое сознание, стыд, самосознание, чувство цвета, мораль-

ную природу человека, музыкальное чувство и космическое сознание.

Простое сознание появляется в ребенке через несколько дней после рождения; оно является абсолютно универсальным для всей человеческой расы; время его появления относится к далекому прошлому — еще до появления самых первых млекопитающих; простое сознание утрачивается только в глубоком сне и во время обморока, оставаясь налицо во всех сновидениях.

Стыд, угрызания совести и чувство забавного возникают в ребенке, как было сказано, в возрасте около пятнадцати месяцев; все эти способности дочеловеческого происхождения; все они свойственны собакам и обезьянам и, несомненно, все существовали у наших дочеловеческих предков; все они являются достоянием почти всех членов человеческой расы, отсутствуя только в совершенно неразвитых идиотах; и, наконец, все эти три способности обычны в сновидениях.

Самосознание появляется в ребенке в среднем в возрасте около трех лет; способность эта несвойственна никакому другому виду, за исключением человека; это именно та способность, обладание которой делает индивидуума человеком. Она не универсальна в расе, отсутствует у всех подлинных идиотов, т. е. в одном из каждой тысячи человеческих существ в Европе и Америке*.

Однако среди низших рас должно существовать много членов, каковы, например, бушмены Южной Африки** и туземцы Австралии, которые никогда не обладали этой способностью.

* Что касается самосознания у идиотов, то исследование пациентов одной больницы обнаружило отсутствие этой способности у 90 % таких больных. Почти все подвергшиеся исследованию имели более десяти лет от роду. Конечно, некоторые из них могли еще приобрести способность самосознания позднее. Словари и сочинения по вопросу об идиотизме определяют идиота как «человеческое существо, лишенное обыкновенных умственных способностей». Но казалось бы более точным и правильным определение идиота как «человеческого существа, в котором, по достижении обычного возраста, не развилось еще, вследствие атаксизма, чувство самосознания», а слабоумного — как «человеческого существа, которое, несмотря на присутствие в нем самосознания, в значительной степени лишено, вследствие атаксизма, обыкновенных умственных способностей».

** Относительно умственного состояния бушменов см. Андерсона. Он приводит факты своего непосредственного наблюдения, не вдаваясь в умозрительные соображения или теории. Андерсону приходилось близко наблюдать этот народ, и, очевидно, сообщаемые им сведения являются наиболее достоверными. См. также О. Шрейнер, она (как и Андерсон) описывает тех же бушменов на основании своих личных наблюдений. Между прочим, она сообщает, например, следующее: «Этот немногочисленный народ не обладает твердо установившейся общественной организацией; блуждая с места на место ордами или в одиночку, не имея постоянных устроенных жилищ, бушмены проводят

Появление сознания в нашем предке относится ко времени появления первого настоящего человека. Должны были пройти целые тысячелетия между первым появлением самосознания и его общераспространенностью среди людей, точно так же как теперь должны будут протечь тысячелетия между появлением в людях первых случаев космического сознания до того времени, когда оно сделается общим достоянием всего человечества. Раса, как говорят нам, не пользовавшаяся еще одеждами, ходившая прямо*, с инстинктами стадности, без настоящего языка, знавшая лишь ограниченное употребление орудий, не имевшая брака, управления и других установлений, короче говоря, животное, благодаря своей отно-

ночи под скалами или в норах диких собак, или же возводят из подвижного гибкого кустарника, растущего с наветренной стороны, невысокую стену и устраивают себе, таким образом, нечто вроде логовища животного; с рассветом они покидают это пристанище. Не имея ни крупного, ни мелкого скота, они живут охотой на диких животных, или, если охота оказывается неудачной, питаются змеями, скорпионами, насекомыми и падалью, или пользуются стадами готтентотов. Бушмены совершенно не носят никакой одежды; оружием для них служат лук и стрелы; тетива лука сделана из сухожилия диких животных, а наконечники стрел — из заостренных костей или кремней, отравленных соком луковницы одного растения или лимфой одного вида ядовитой гусеницы, в которую они для этой цели втыкают наконечники стрел. Все это составляет единственную собственность бушменов. У них не существует никаких брачных церемоний и постоянных половых отношений: мужчина и женщина сожительствуют, пока длится удовольствие; чувство материнства находится на самом низком уровне: матери с легким сердцем покидают своих детей на произвол судьбы и вообще считают их пустяками; отцовских же чувств совершенно не существует. Их язык, по свидетельству близко изучавших его, настолько несовершенен, что с помощью его трудно ясно выразить даже самые простые идеи. Например, у них нет слов для выражения таких понятий, как жена, брак, нация, а умственные способности их, по-видимому, находятся в таком же зачаточном состоянии, как и язык; они не в состоянии выполнить те сложные умственные операции, которые необходимы для поддержания жизни в культурных условиях; ни один член этой расы, насколько это известно, не выучился до сих пор читать или писать, не приобрел сколько-нибудь ясных понятий из области религии, несмотря на большие усилия выучить их этому». По-видимому, невозможно допустить, чтобы раса из таких существ обладала самосознанием.

* Ходящий прямо. Понятие изложенного здесь взгляда на умственную эволюцию человека проливает некоторый свет на наше отдаленное прошлое. Одно заключение, которое можно отсюда сделать, говорит нам, что наши предки ходили прямо уже за сотни тысяч лет до достижения ими самосознания, т. е. прежде чем они стали людьми и начали говорить. Период, когда ребенок начинает ходить (в умственном отношении), является периодом собаки или обезьяны. С пятнадцати или восемнадцати месяцев от рождения до трех лет ребенок проходит через все умственные наслоения, отделяющих упомянутых животных от самосознания. В течение этого времени способность ребенка к представлениям все более и более совершенствуется, сами представления становятся все более и более сложными и все ближе и ближе подходят к понятиям, пока наконец в уме ребенка не сформируются понятия и не возникнет самосознание. В эволюции между состоянием человекоподобной обезьяны и состоянием человека должно было, по-видимому, пройти приблизительно около полумиллиона лет. Может быть, это обстоятельство послужит некоторым уточнением для тех, которым неприятна идея происхождения человека от какого-нибудь вида обезьян.

сительно высокой моральной природе (сделавшей его стадным) и высокоразвитой способности к представлениям, царь среди животных, развило в себе способности к самосознанию и благодаря этому факту стало человеком. Нельзя, конечно, точно определить время этого события, но, во всяком случае, оно могло иметь место не раньше нескольких сотен тысячелетий тому назад. Самосознание утрачивается гораздо легче, чем простое сознание. Оно пропадает в нас во время обморока, а часто и во время пароксизмов лихорадки; в некоторых формах безумия, каковы всевозможные мании, оно временно теряется человеком на целые недели и месяцы; наконец, оно никогда не появляется в сновидениях.

Мы уже рассматривали чувство цвета. Теперь нам остается сказать еще несколько слов о нем с избранной нами точки зрения. Способность эта появляется в индивидууме постепенно, и к трем или четырем годам могут быть заметны в ребенке только намеки на нее. Среди детей, достигших восьмилетнего возраста, процент не обладающих чувством цвета, по исследованиям Jeffries, все еще велик. Двадцать или тридцать процентов детей школьного возраста страдают дальтонизмом, тогда как среди взрослого мужского населения процент этот равняется всего четырем. Доктор Фавр из Лиона сообщал в 1874 г. французскому съезду членов «прогресса науки», собравшемуся в Лилле, что «некоторые наблюдения, как ему кажется, доказывают возможность излечения врожденного дальтонизма», но, по-видимому, ему не пришло в голову, что если чувство цвета неизменно отсутствует в маленьких детях и появляется в определенные годы по мере приближения ребенка к зрелости, то учитель, наблюдающий за развитием ребенка и упражняющий в нем чувство восприятия цвета, неизбежно заметил бы «излечимость» дальтонизма. Кроме того, мы видели, что чувство цвета в расе недавнего происхождения; оно не может насчитывать многих десятков тысячелетий.

Отсутствие чувства цвета находится в отношении 1:47, т. е. в одном человеческом существе из сорока семи. Оно редко появляется в сновидениях, и если это случается, то цвет, видимый во сне, обыкновенно бывает тем, который, по известным причинам, был первым усвоен человеком, а именно красным.

Следующий случай поразительным образом иллюстрирует обычное отсутствие чувства цвета во время частичного сознания,

наблюдаемого иногда во время сна. Один господин с седыми волосами видел во сне, что он смотрит в зеркало и ясно видит в нем, что его волосы стали не только гораздо гуще, чем они были, как он это знал, в действительности, но вместо белых, как это ему также было известно, они оказались черными. Во сне он ясно вспомнил, что его волосы никогда не были черными. В действительности в свое время они были светло-каштановыми. Он удивился во сне (здесь важно заметить, что удивление и изумление является дочеловеческой способностью и обычно появляется во время сновидений), почему его волосы черного цвета, вспомнив отчетливо, что они никогда не были такими. В данном случае важно заметить, что хотя видевший сон и ясно сознавал, что его волосы никогда не были черными, тем не менее он не мог вспомнить, что они были когда-то каштановыми. По каким-то причинам ему было трудно вызвать перед сознанием представление о каком-нибудь другом цвете, кроме черного. Тот же господин видел во сне, что будто бы он ранил ножом напавшего на него врага, и при этом кровь, сочившаяся из ран последнего, оказалась белого цвета; он знал, что во сне она не должна быть белой, однако у него не возникало во сне представления об истинном или о каком-либо ином ее цвете. Моральная природа человека заключает в себе много способностей, как то: совесть, отвлеченное чувство правого и неправого; половую любовь, отличную от полового влечения или полового инстинкта; родительскую и сыновью любовь, отличную от соответствующих ей инстинктов (человек обладает не только теми инстинктами, что есть у животных, но и более высокими чувствами); любовь к ближним, любовь к красоте, благоговение, уважение, чувство долга и ответственности, чувство симпатии, сострадания и веры. Человеческая природа будет ущербной при отсутствии тех или других способностей; поэтому она представляет собою весьма сложную функцию. Но для нашей цели надо рассматривать моральную природу человека как проявление одного несложного, простого чувства. Итак, в каком возрасте проявляется в человеке понимаемая таким образом моральная природа? Она иногда не появляется в детстве, часто отсутствует в период возмужания и даже юности: моральная природа относится к числу способностей более позднего приобретения. Не будет, пожалуй, ошибкой определить в среднем время появления ее в человеке в возрасте около пятнадцати лет. Изучение истории могло бы ясно показать, что наша

моральная природа не может быть старше десяти или двадцати тысячелетий. Тщательное изучение записей, дошедших до нас от древнейших римлян, греков, иудеев, египтян, ассирийян и вавилонян, может безошибочно показать, что, по мере удаления в прошедшее, моральная природа человека постепенно суживается, сходя на нет, и если продолжать идти дальше, то все то, что мы определенно называем нашей человеческой моральной природой, должно было бы, наверное, исчезнуть до границы указанного нами времени, т. е. десяти или двадцати тысяч лет. Насколько моральная природа отсутствует в мужчинах и женщинах цивилизованных стран? Существует так много людей, которые обладают только частично моральной природой, так много имеющих в очень малой степени или совершенно не обладающих и носящих лишь внешнее подобие ее; в этом отношении трудно судить людей, сама проблема настолько скрыта и сложна, что на этот счет может быть высказано только личное мнение. Однако интересующийся этим вопросом пусть прочтет такие сочинения, как работы Деспайна или Эллиса, и затем при свете, добытом из этих книг, рассмотрит мужчин и женщин, окружающих его; тогда он вынужден будет прийти к заключению, что по отношению к моральной природе количество взрослых людей, обладающих ей в большей или меньшей степени, или совершенно не обладающих, или, наконец, обладающих моральной природой в неразвитом виде, значительно больше, чем количество этих людей в отношении к чувству цвета. Мы, наверное, не ошибемся, если скажем, что среди мужчин и женщин Америки и Европы, по меньшей мере, сорок на тысячу находятся в таком положении.

Затем спрашивается, много ли еще таких рас на земле, из членов которых ни один или очень немногие обладают тем, что мы называем с точки зрения нашей цивилизации моральной природой. Опять-таки, в то время как самосознание теряется (не всегда, но часто) во время безумия и приступов лихорадки, моральная природа (мы все должны это признать) подвержена гораздо большим отклонениям и исчезновениям, при этом в менее важных случаях.

Если самосознание, как мы видим, появилось в расе около трехсот тысяч лет тому назад, то вышеприведенные соображения указывают на гораздо более позднее проявление в ней моральной природы. И разве не подтверждается этот вывод всеми историческими записями и указаниями?

Наконец, музыкальное чувство (способность, которая находится теперь еще в процессе зарождения) не появляется в индивидууме ранее достижения им юношеского возраста. Чувство это отсутствует более чем в половине членов нашей расы. Оно существует меньше, а может быть даже и гораздо меньше, пяти тысяч лет. Оно никогда или почти никогда не проявляет себя в снах, даже у профессиональных музыкантов. В то время как при безумии потеря самосознания происходит лишь в некоторых случаях, музыкальное чувство, можно сказать, пропадает в таких случаях всегда; по крайней мере, после двадцатипятилетних наблюдений почти над пятью тысячами случаев временного помешательства автору не удастся припомнить ни одного случая, когда в период болезни у человека сохранялось бы музыкальное чувство.

Прилагаемая здесь в виде таблицы сводка фактов, касающихся эволюции упомянутых и некоторых других способностей, представит, надо надеяться, всю проблему более понятной, чем пространное изложение. Как цифровые данные, так и текстовые не предлагаются как нечто абсолютное, но достаточны для ясного выражения заложенной в них идеи.

Таким образом, раз онтогенез есть не что иное, как филогенез в скрытом состоянии, т. е. если эволюция индивидуума есть непременно эволюция расы в сокращенной форме — просто потому, что по природе самих вещей она не может быть чем-либо иным, не может идти другим путем, так как иного пути для нее и не существует, — то ясно, что органы и способности (понимаемые в широком и общем смысле) должны были появиться в человеке в том же порядке, в каком они появились в расе, так что если известно одно, то можно с уверенностью предположить и другое.

Когда какая-нибудь новая способность появляется в расе, сначала присутствие ее находят только в одном индивидууме; затем, несколько позднее, уже в нескольких индивидуумах этой расы. С течением времени число членов расы, обладающих данной способностью, постепенно увеличивается, доходя до половины всех ее членов, и т. д., до тех пор, пока после нескольких тысяч поколений отсутствие в каком-нибудь индивидууме расы данной способности не станет считаться уродливостью. Надо при этом заметить (и это очень важно), что когда появляется новая способность, в особенности если она лежит на линии поступательного движения расы, как это

Психогенезис человека, иллюстрируемый

Название способности	Приблизительный средний возраст появления ее в человеке	Количество взрослых расы, у которых способность отсутствует в настоящее время
Память	Через несколько дней после рождения	Ни одного
Простое сознание	То же	То же
Любопытство	Через 10 недель после рождения	То же
Употребление орудий	Через 12 мес.	То же
Стыд	Через 15 мес.	То же
Угрызения совести	То же	То же
Чувство смешного	То же	То же
Самосознание	Через 3 года	В 1 на 1000
Чувство цвета	Через 4 года	В 1 на 47
Чувство обоняния	Через 5 лет	?
Человеческая моральная природа	Через 15 лет	В 1 на 20 или 25
Музыкальное чувство	Через 18 лет	Более чем в половине
Космическое сознание	Через 35 лет	Во всех, исключая, одного из многих миллионов

некоторыми способностями

Время появления способности в расе	Дочеловеческие формы, обладающие данной способностью	Степень легкости, с которой способность утрачивается человеком
Раньше появления человека	Иглотелые	Теряется только во время глубокого сна или состояния «комы», налицо в сновидениях
То же	То же	То же
То же	Насекомые и пауки	То же
То же	Обезьяны	Налицо в сновидениях
То же	Человекоподобные обезьяны и собаки	То же
То же	То же	То же
То же	То же	То же
300 000 лет тому назад	Только человек	Теряется во время «комы», пароксизмов, часто в маниях; никогда не замечается в сновидениях
30 000 или 40 000 лет тому назад	Не замечается в прародителях человека	Редко замечается в сновидениях
?	То же	Не замечается в сновидениях
10 000 лет тому назад	Только человек	Неустойчиво — легко и постоянно теряется; не присутствует в сновидениях
Менее 5000 лет тому назад	Не замечается в прародителях человека	Присутствует только случайно; почти всегда отсутствует в сновидениях — даже у музыкантов
Теперь находится в периоде первоначального зарождения	Только человек	Присутствует только несколько секунд и во всяком случае не более нескольких часов; затем исчезает само по себе

имеет место в случаях возникновения простого сознания, самосознания и космического сознания, то тогда эта способность должна появиться сначала в одном члене, а затем в членах той расы, которая достигла наибольшей зрелости в своем развитии. Незрелый индивид (при равенстве всех прочих условий) не может опередить или превзойти зрелого индивида той же самой расы.

Таким образом, в течение многих и многих веков огромный ствол дерева жизни разросся и поднялся высоко кверху, пуская время от времени побеги, которые выросли в веточки, а эти последние — в благородные ветви, в свою очередь выпустившие побеги и ростки, часто громадные по величине и неисчислимы по количеству. Мы знаем, что дерево это еще не перестало расти, что еще и теперь, как и прежде, оно выпускает все новые и новые почки, а большинство старых его ростков, побегов и ветвей продолжают увеличиваться в размерах и силе. Остановится ли теперь рост этого дерева? По-видимому, нет. По-видимому, более вероятно, что из этого дерева вырастут еще новые побеги и новые ветки, которые сейчас нам еще и не снятся, и что главный ствол дерева, который от простой жизни дорос до жизни «чувств» — до простого сознания и самосознания, — должен будет достигнуть еще более высоких форм жизни и сознания.

Часть III

Инволюция

Подобно тому как в эволюции отдельного дерева одни ветви цветут, другие слабеют и гибнут; как в лесу некоторые деревья вырастают высоко и широко раскидывают свои ветви, а другие задерживаются в своем росте, слабеют и умирают; или как при прогрессирующем развитии (вперед и вверх) какого-либо вида некоторые из индивидов находятся впереди массы, другие же отстают от нее, — точно так же и в долгом поступательном движении коллективного человеческого разума некоторые индивидуальные умы находятся в авангарде большой армии, в то время как в тылу колонн колеблется и падает огромное число несовершенных представителей.

Устойчивость какой-либо способности в расе пропорциональна возрасту ее в последней, т. е. способность сравнительно недавнего происхождения более подвержена уклонению от нормы, отсутствию, аберрации — тому, что называется болезнью, и скорее утрачивается, чем способность более старого происхождения. Многим это положение покажется трюизмом — очевидной истиной, не требующей доказательства. Если какой-нибудь орган или способность передавались по наследству в расе, скажем в миллионе поколений, то, по-видимому, а priori можно с достоверностью допустить, что этот орган или способность гораздо легче унаследуется данным индивидуумом этой расы, чем тот орган или способность, которые возникли лишь, скажем, три поколения тому назад. В этом случае говорят о даровании, таланте. Талант состоит в обладании одной или несколькими новыми способностями или же в повышенном развитии одной или нескольких старых способностей. Однако при настоящих условиях, по мнению Галтона, надо было бы написать

целое объемистое сочинение, чтобы доказать, что здесь играет роль наследственность. Этот факт настолько далек от очевидности, что даже до сих пор наследственность таланта не пользуется общим признанием. Но никто еще не написал книги для доказательства наследственности зрения, слуха или самосознания, потому что всякий (даже самый невежественный человек) знает без всяких доказательств, что это так. По поводу этого Дарвин пишет о лошадях: «Отсутствие однообразия в способностях, которые с течением времени подчиняются отбору, обусловливается главным образом влиянием принципа “возврата к старому”». Другими словами, способности или органы, которые подвергаются изменениям путем отбора, склонны терять то, что ими было приобретено благодаря возвращению к первоначальным условиям (путем наследственности). Далее Дарвин говорит: «Среди лиц, занимающихся разведением животных, является общераспространенным убеждение, что отличительные признаки всякого рода укрепляются путем долгого постоянного наследования». В другом месте тот же автор, говоря о «колеблющейся и, насколько мы можем судить, бесконечной изменчивости в нашем домашнем культивировании животных и растений, о пластичности всей их организации», приписывает подобную неустойчивость тем недавним изменениям, которым они подверглись под влиянием применяемого к ним искусственного отбора. И еще в одном месте Дарвин пишет о крайней изменчивости наших «прирученных животных и культивированных растений».

Едва ли необходимо приводить дальнейшие аргументы. Всякий, кто пожелает сколько-нибудь вдуматься в этот вопрос, увидит, что чем меньше времени какой-либо орган или способность находились в обладании расой, тем менее они должны быть устойчивы в ней, а следовательно, и в индивидууме, и тем более подвержены они исчезновению, недостаткам, изменчивости и большему или меньшему несовершенству или, как мы выражаемся, заболеваемости, и наоборот — чем дольше какой-либо орган или способность существуют в расе, тем более вероятности их усвоения путем наследования и того, что они приобретут определенные типичные особенности, т. е. тем более вероятности в том, что они будут нормальны, будут соответствовать норме или типу данного органа или способности; другими словами, менее вероятно, что они будут несовершенны, т. е. подвержены тому, что мы называем недостатком или болезнью. Допуская

такое положение, мы можем сделать следующие выводы: во-первых, раса, развитие которой шло наиболее ускоренным темпом, будет подвержена (при равенстве всех прочих условий) наибольшему количеству падений, и во-вторых, во всякой расе те функции, эволюция которых совершалась наиболее быстро, будут наиболее склонны к падениям.

Применение этих положений к прирученным животным (большинство которых в течение нескольких последних сотен поколений дифференцировалось путем искусственного подбора) объясняет то, в чем часто видели аномалию, а именно: большую склонность к заболеванию и преждевременной смерти домашних животных в сравнении с их дикими прототипами. Действительное существование этого явления признается всеми. Тот же самый принцип объясняет, почему чем выше животное стоит в его развитии, т. е. чем более дифференцировалось оно в позднейших поколениях от своего первоначального типа, тем более оно подвержено заболеванию и преждевременной смерти.

Применяя эти общие положения к нам самим, т. е. к человеческой расе, мы находим, что они означают следующее: органы и функции более позднего приобретения чаще всего отсутствуют или имеют недостатки, отклонения от нормы и заболевания. Но общеизвестен факт, что в цивилизованном человеке (преимущественно в арийской расе) функции, подвергшиеся наибольшему изменению за последние несколько тысячелетий, суть функции, носящие названия умственных, т. е. та группа их (чувственные, интеллектуальные и моральные), которая зависит и вытекает из двух больших нервных систем, спинномозговой и большой симпатической. Эта обширная группа функций выросла, распустилась, дала новые ростки и ветви и до сих пор находится в процессе воспроизведения новых способностей, по своему значению неизмеримо более важных, чем какая-либо другая способность человеческого организма. А если это так, то в этом обширном агрегате способностей мы неизбежно должны встретиться с постоянными отклонениями, упущениями, дефектами и падениями. Клинические наблюдения показывают, что сделанные выше выводы имеют под собою солидные обоснования. Наблюдения эти демонстрируют, что отклонения доходят до всевозможных степеней и беспредельного разнообразия: отклонения в области чувственных функций, каковы, например, дальтонизм и музыкальная

глухота, уклонения в области моральной природы, в целом или частях ее, в области интеллекта, в отношении одной или нескольких его способностей, или даже уклонения более или менее полные в отношении всего интеллекта, как, например, в случаях безумия или идиотизма. Но помимо всех этих уклонений мы замечаем, как дополнение к ним, то неизбежное падение или понижение раз установившейся в человеке функциональной деятельности, которое мы называем болезнью, в отличие от различных форм и степеней идиотизма. Легко заметить, что если какая-нибудь функция или способность, принадлежащая какому-нибудь данному виду, склонна вследствие какой-либо общей причины исчезать в некоторых индивидуумах этого вида, то она должна быть склонна и к заболеванию, т. е. падению, в тех случаях, когда она не исчезает совершенно в индивидууме. Потому что если данная способность не всегда развивается в индивидууме, т. е. часто не появляется в нем, то это должно означать, что во многих других случаях, когда она появляется, она оказывается не вполне и не прочно сформированной. Мы не можем представить себе скачка от полного отсутствия данной функции в одних членах вида к абсолютному совершенству и прочности той же самой функции в остальных членах этого вида. Мы знаем, что рост видов не идет по такому пути. Мы знаем, что в расе, среди членов которой одни будут семи футов ростом, а другие только четырех, мы всегда найдем, если поищем, людей всех ростов между двумя этими противоположностями. Мы знаем, что все случаи крайностей, представляемых расою, соединены (друг с другом) мостом из целой вереницы промежуточных представителей вида. Один человек может поднять тысячу фунтов, другой же только сто, но между ними существуют такие, пределы мускульной силы которых способны заполнить промежуток между сотней и тысячью фунтов. Один умирает в возрасте сорока, другой в возрасте ста тридцати лет, и каждый год, как и каждый месяц, между сорока и ста тридцатью годами является для какого-нибудь человека пределом возможной жизни. Тот же самый закон, который управляет границами способностей, действует так же и в отношении прочности и постоянства их. Нам известно, что в некоторых людях интеллектуальные функции настолько неустойчивы, что, едва успев утвердиться в человеке, сейчас же распадаются, так сказать, рушатся под собственной тяжестью, подобно дурно построенному дому, стены которого недостаточно

крепки, чтобы поддерживать крышу. Таковы крайние случаи так называемого органического безумия (во время развития организма), когда разрушается разум, едва только что начавший свое существование и даже не вполне еще сформировавшийся; это случаи умственной болезни при наступлении периода возмужания и юности, когда природа бывает в состоянии сформировать или только наполовину сформировать нормальный разум и совершенно неспособна поддержать его и последний, следовательно, сразу низвергается в хаос. Бездна (в смысле излечения) такого рода заболеваний прекрасно понимают все психиатры, и не трудно видеть, почему страдающие подобным умопомешательством не поддаются и не могут поддаваться излечению, так как самое существование таких заболеваний психики указывает на отсутствие элементов, необходимых для формирования и поддержания нормального разума в субъектах, подверженных такому безумию.

В этом царстве безумия, в собственном смысле этого слова, т. е. исключая отсюда идиотизм, указанные случаи занимают крайнюю точку на одном конце шкалы заболеваний; страдающие же маниями и меланхолией, вызванной какими-нибудь чрезвычайно сильными возбуждающими причинами, каковы, например, деторождение или престарелый возраст, находятся на другом конце этой шкалы. Другими словами, в первом случае мы имеем разряд больных, в которых разум, без всякого воздействия извне, рассыпается в прах, едва успев сформироваться или даже еще не достигнув полного формирования. Во втором случае перед нами другой класс больных, в которых равновесие умственных способностей только нарушено резкими потрясениями, и притом временно, так как подобные случаи поддаются излечению в течение нескольких недель или месяцев, если больные будут поставлены в благоприятные условия. Огромное промежуточное пространство между этими двумя крайними пределами заполнено бесконечным разнообразием форм и степеней умственных заболеваний, представляющих все возможные состояния умственной устойчивости или неустойчивости. Но весь этот ряд заболеваний подчиняется одному и тому же закону, а именно: та из умственных функций, будь то интеллектуальная или моральная, которая развилась позднее других, первая подвергается заболеванию и больше всего страдает, и наоборот: функция более

раннего развития заболевает (если только вообще заболевает) последней и страдает меньше других.

Если разум уподобить растущему дереву, то можно сказать, что наименее значительные приступы умственных заболеваний скручивают его листья, парализуя или отчасти парализуя на время их функции: это те листья, которые представляют собой более хрупкие эмоции и понятия самой поздней формации, и в особенности всевозможные комбинации из этих последних; более глубокие приступы болезни уже убивают листья и портят самые нежные побеги, а еще более глубокие потрясения убивают последние и наносят вред более крепким отросткам и т. д., до тех пор, пока самые глубокие и идущие от корней умопомешательства, каковы случаи помрачения разума в период развития организма, не превратят дерево в голый, мрачный, как привидение, ствол без листьев, побегов и почти без всяких ветвей.

И во всем этом процессе разрушения способности более ранней формации, каковы ощущение и память, чувство голода и жажды, чувство «съеживания» от обиды и другие самые основные чувственные функции, продолжают свое существование дольше всех других; функции же более позднего развития, как сказано выше, рассыпаются первыми, затем наступает очередь следующих за ними во времени. Факт, который прекрасно освещает спорный вопрос о том, что умственные заболевания есть по своей сущности разрушения тех умственных способностей, которые менее устойчивы, главным образом вследствие недавнего своего происхождения, и что, следовательно, умопомешательство лежит в самой эволюции, т. е. в явлении современном и притом находящемся все еще в стадии прогрессирования, — факт этот состоит в сравнительном отсутствии умопомешательств среди негров.

Выше уже было сказано, что большой процент помешательств в Америке и Европе находится в прямой зависимости от быстроты развития арийцев за последние тысячелетия. Очень немногие решаются утверждать, что ум негра в каком-либо отношении прогрессирует в такой же степени, как ум арийца. И вот, как следствие этой разницы, мы имеем среди арийцев Америки более высокий процент умопомешательств, чем среди негров.

Произведенная в 1880 г. в Соединенных Штатах народная перепись показала, что из сорока трех миллионов белого населения

восемьдесят тысяч страдают умственными заболеваниями, что с точностью составляет один на пятьсот; между тем среди шести и трех четвертей миллиона негров сумасшедших оказалось только немного более шести тысяч, т. е. приблизительно в пропорции один на тысячу сто человек. Несомненно, что если бы мы располагали статистическими данными, касающимися других отсталых или остановившихся в своем развитии народов, мы нашли бы подобное же положение вещей, — и все эти факты привели бы нас к выводу, что среди диких и полудиких народов случаи умопомешательств сравнительно редки.

В заключение результаты, к которым мы пришли в этой главе, могут быть сведены к следующему:

1. Устойчивость какой-либо способности в индивидууме зависит от возраста этой способности в расе. Чем старше способность, тем она устойчивее, и наоборот — чем она моложе, тем неустойчивее.

2. Раса, эволюция которой шла наиболее быстро, наиболее подвержена разрушению.

3. Те функции какой-либо данной расы, эволюция которых совершалась наиболее быстро, наиболее склонны к разрушению.

4. В наиболее прогрессивных семьях арийской расы умственные способности развились в период последних тысячелетий чрезвычайно быстро.

5. Огромное количество разрушений в области умственных способностей, называемых обыкновенно умопомешательством, которое замечается среди членов арийской расы, обязано своим существованием быстрой и слишком близкой к настоящему времени эволюции указанных способностей в этой расе.

От самосознания к космическому сознанию

I

Так как все способности, упомянутые в последней части этой книги, и многие другие возникают в расе каждая в свое время, т. е. тогда, когда раса подготовлена уже к их усвоению, то мы можем предположить (и мы должны это сделать), что (судя по приведенным примерам) рост, эволюция, развитие, или как бы мы ни называли

подобный процесс движения вперед, всегда происходили в прошлом, продолжают совершаться теперь и (насколько мы можем утверждать) будут происходить всегда и в будущем. Если наше предположение справедливо, то новые способности будут возникать время от времени в нашем уме точно так же, как они возникали прежде. Допустив это, предположим, что то, что в этом сочинении называется космическим сознанием, есть способность, которая точно таким же образом рождается и существует, и посмотрим, что мы знаем об этом чувстве, состоянии, способности или как бы это явление ни называлось. Прежде всего надо заметить, что это новое чувство не появляется в том или другом человеке случайно; для его возникновения необходимо существование высоко одаренной и экзальтированной человеческой личности, обладающей предварительными условиями для рождения этой способности. В особенно важных случаях появления космического сознания в человеке замечается исключительное развитие некоторых или всех обыкновенных человеческих способностей. Особенно надо заметить, ввиду его несомненной достоверности, известный нам случай в лице Уолта Уитмена, который обладал замечательным совершенством своих интеллектуальных и моральных способностей и космического чувства. Вероятно, приблизительно такое же совершенство в развитии способностей необходимо и во всех других случаях для появления космического сознания. Затем, конечно, в некоторых, вероятно даже во всех, подобных случаях такая личность обладает исключительными физическими достоинствами: особенной красотой телосложения и фигуры, исключительно красивыми чертами лица, исключительным здоровьем и мягкостью характера и исключительным магнетизмом.

II

Чувство космического сознания имеет много названий, которые, однако, не поняты до сих пор или не признаны. Поэтому будет полезно привести здесь некоторые из них; при дальнейшем изложении они будут еще более понятными. Гаутама, или один из ранних учеников его, называл это чувство «нирваной», ввиду исчезновения или «потухания» непосредственно при возникновении этого чувства в человеке некоторых его низших умственных способностей (како-

вы: чувство греха, боязнь смерти, любовь к богатству и т. п.). Подобное подавление прежней личности человека, наряду с рождением новой, действительно равносильно уничтожению прежнего и созданию нового «я».

Слово «нирвана» определяется как «такое состояние, к которому как к высшей цели и высшему благу должен стремиться буддийский святой». Иисус называл это новое состояние «Царством Божиим» и «Царством Небесным» за тот мир и счастье, которые связаны с ним и которые, может быть, являются наиболее характерными чертами этого состояния. Ап. Павел называл его «Христом». Он говорит о себе как о «человеке во Христе», говорит о «тех, кто во Христе». Он называет это состояние также «Духом» или «Духом Божиим». После того как апостол Павел вошел в плоскость космического сознания, он познал, что Иисус обладал космическим чувством и что он сам как бы живет жизнью Иисуса — т. е. что в нем живет другая индивидуальность, другое «я». И это второе «я» он называл «Христом», отождествляя его не столько с Иисусом-человеком, сколько с помазанником Божиим, который должен был быть ниспослан и был ниспослан в лице Христа, совмещавшего в себе одновременно Иисуса (человека обыкновенного самосознания) и Мессию-вестника и образец новой более высокой расы. С двойственностью личности обладающих космическим сознанием мы будем встречаться много раз в дальнейшем изложении, и мы увидим, что двойственность эта является постоянным и выдающимся явлением. Магомет называл космическое чувство «Гавриил» и, по-видимому, видел в нем определенно отличное от самого себя лицо, которое жило в нем и говорило с ним. Данте называл его «Беатриче» («Делающая счастливым») — название почти или вполне равнозначное выражению «Царство Небесное». Бальзак называл нового человека «специалистом» и новое состояние «специализмом». Уитмен называет космическое сознание «Мой дух» и «Моя душа», однако говорит о нем так, как будто бы оно было другим лицом, например:

О дух неукротимый. Я с тобой и ты со мной...

Мы оба плывем на корабле, о дух...

Со смехом и многими поцелуями...

О дух, ты радуешь меня, а я тебя...

Бэкон (в своих сонетах) настолько выразительно рассматривает космическое сознание как определенное лицо, что весь свет, основываясь на словах поэта, считал в течение трехсот лет, что это «лицо» (независимо от его имени) было молодым другом поэта.

В этом случае происходит как бы объективирование чисто субъективного явления, хотя надо помнить, что для лица, обладающего космическим сознанием, термины «объективный» и «субъективный» теряют свое старое значение: «объекты» и «невидимый дух» покрывают друг друга, становясь «единым» понятием. Для иллюстрации этого будет кстати процитировать здесь поэта, который, хотя и мог бы служить примером человека, обладающего космическим сознанием, тем не менее не включен в это сочинение, так как автор лишен был возможности добыть необходимые для этой цели подробности.

Так размышлял на земле странник,
Олицетворявший собой все человечество.
Вначале лишь смутные стремления владели им,
Неясно возникая в грезах.
Только со временем, в годы зрелости,
Ранние мечтания его превратились во вдохновение
и в свет души.

Тогда явилось видение, и в свете он узрел
Явно раскрывшимся то, на что он раньше уповал,
И еще многое, кроме этого, — самую сокровенную
сущность явлений

И «красоту» — венец самой жизни,
Несказанную, превосходящую все бранные очертания.
Перед его взором была уже не фантазия,
А облеченный в свет истинный «идеал»,
Возвышенно-прекрасный, непостижимый,
Полный красоты и божественного согласия.
Странник не изнемог, как латмосец,
В мечтательном экстазе на холме
В сиянии луны увидевший любовь свою без покрывала;
Ибо он знал, что венец жизни его
В этом видении и что оно должно осуществиться,
Нет, уже осуществилось, ибо отныне рядом с ним

Стоит и будет стоять лучезарное создание,
его путеводный свет,
Его Полярная звезда, которая, как магнит,
Держит его силою бесконечной любви!
Но как описать существо, которое ныне принадлежит ему?
Какими словами выразить то, что невыразимо?
Одно лишь могу сказать, что она была неизреченно прекрасна.

Кто смог бы изобразить эти черты, нарисовать этот образ,
Созданные столь совершенно, что никакое искусство
Не в силах передать их.
Никакой художник не мог бы изобразить улыбку
на этих алых губах,
Или уловить и передать всю выразительность ее очей,
Дивных, полузакрытых мягкими загнутыми ресницами;
Они усиливали очарование,
Исходившее из влажных глубин ее глаз.
Глаза эти казались источниками любви,
И были полны тлеющего огня и страсти,
И в то же время были так нежны и целомудренны.
Все ее движения были совершенны, как бы сама природа,
Но еще усовершенствованная бессознательным искусством.
Ее осанка была само благородство,
В ней было не то величие,
Которое вызывает страх,
Не то горделивое, властное сознание своего достоинства,
Которое заставляет смиренных отступать в смущении, —
Нет, вместо него была манящая грация
И прелесть, которые могла придать лишь бессмертная любовь,
Чтобы украсить свое святилище
И создать себе подобающую обитель.
Склоняясь вперед, она чудным,
Невыразимым взором своим, казалось, говорила:
«Ты — мой, ты — равный мне, ты — мой супруг,
Дополняющий мое «я»; без тебя я была ничто;
В моих глазах ты прекраснее меня,
Ибо лишь в тебе одном осуществляется моя жизнь».
Потом прибавила вслух, голосом полным гармонии:

«Ты давно уже задумывался над тайною жизни,
Над ее обширной, вечной круговой сменой покоя,
Возрождения и деятельности,
Ты искал в ней переход души из света в тьму,
из тьмы снова к свету.

Пойдем же со мною, и мы увидим, хоть отчасти,
Все это раскрытым в жизни человека».

Сказав это, она наделила его одним своим присутствием
Новыми чувствами, способностями и силами,
Далеко превосходящими прежние.

III

Мимоходом было уже упомянуто, что при вступлении расы в плоскость обладания новой способностью, в особенности же такой, которая лежит на линии прямого восхождения расы, как это, несомненно, имеет место в отношении космического сознания, эта новая способность неизбежно приобретает прежде всего не только наилучшими представителями этой расы, но для этого необходимо, кроме того, чтобы они находились в наилучших условиях своего возраста, т. е. достигли полной зрелости и полного расцвета своих сил. Что же говорят нам факты о времени появления в человеке космического сознания?

Все относящиеся сюда случаи могут быть суммированы в немногих словах следующим образом. Из тридцати четырех случаев, в которых просветление наступило мгновенно (причем до некоторой степени достоверно известно и время его наступления), возраст лиц, вошедших в плоскость космического сознания, в одном случае равнялся двадцати четырем годам, в трех — тридцати, в двух — тридцати одному, в двух — тридцати одному с половиною, в трех — тридцати двум, в одном — тридцати трем, в двух — тридцати восьми, в трех — тридцати девяти, в одном — сорока, в одном — сорока девяти и, наконец, в одном — пятидесяти четырем годам от роду.

Ниже будут приведены подробные указания по поводу этих случаев, так как каждый из них рассматривается здесь индивидуально; что же касается данных возраста каждого лица, когда на него снизошло просветление, то они помещены с другими фактами в таблице ниже.

IV

Космическое сознание появляется преимущественно в лицах мужского пола, отличающихся от других более высоким развитием — т. е. обладающих хорошими интеллектуальными способностями, высокими моральными качествами и наивысшей степенью физического развития. Появление в человеке космического сознания совпадает приблизительно с тем временем жизни, когда человеческий организм достигает наивысшей точки своей творческой силы — возраста от тридцати до сорока лет от роду. Точно так же и непосредственный предвестник космического сознания — самосознание — должно было появиться в свое время первоначально в людях среднего возраста, сначала отдельно среди наиболее развитых представителей расы, а затем оно постепенно становилось достоянием почти всех членов расы (когда она доросла до этого), проявляясь все в более и более раннем возрасте, и теперь, как мы видим, обнаруживается во всяком хорошо развитом индивидууме в возрасте около трех лет.

Затем дальнейшая аналогия в том же направлении заставила бы нас убедиться, что всю расу в целом ожидает еще новый шаг вперед (составляющий главную тему настоящего сочинения), а именно: что наступит такое время, когда отсутствие в человеке космического сознания будет показателем низкой ступени развития, подобно тому, как указывает теперь на это отсутствие в ком-либо моральной природы. Существует предположение, что новое чувство космоса будет становиться все более и более общим достоянием, проявляясь все раньше и раньше в жизни людей, пока, после смены многих поколений, оно не появится в каждой нормальной особи при наступлении возмужания или даже еще раньше; затем, продолжая становиться все более и более общераспространенным, космическое сознание будет проявляться в людях еще раньше, пока, после смены многих тысяч поколений, не появится в каждом члене расы непосредственно после раннего детства.

При этом необходимо ясно понять, что не все случаи космического сознания относятся к одной и той же плоскости. Или другими словами, если мы говорим о сознании, самосознании и космическом сознании как о состояниях, занимающих каждое свою плоскость, то подобно тому, как объем самосознания в своей плоскости (где один человек может быть Аристотелем, Цезарем, Ньютоном или Контом, а его сосед на ближайшей улице мало чем или совсем не отличается от животного в стойле) шире объема простого сознания, присущего любому данному виду в этой плоскости, так точно мы должны допустить, что и объем космического сознания, проявляющегося в миллионах случаев (как и в других плоскостях), должен быть шире объема самосознания, и, наверное, он и в действительности значительно шире последнего, как качественно, так и количественно. Т. е. если бы допустить, что мир населен людьми, обладающими космическим сознанием, то они отличались бы друг от друга как большим или меньшим объемом своих интеллектуальных способностей, большим или меньшим уровнем своих моральных и духовных качеств, так и разнообразием своих характеров, притом гораздо больше, чем отличались бы жители разных планет в плоскости самосознания. В плоскости космического сознания одни люди должны быть богами, другие нет; для случайного наблюдателя они будут казаться настолько высоко вознесенными над обыкновенным человечеством, насколько может быть возвышена, укреплена и очищена их внутренняя жизнь благодаря новому чувству. Как человек, даже в незначительной степени обладающий самосознанием, фактически стоит почти неизмеримо выше животного, наделенного только простым сознанием, так и всякий человек, одаренный постоянным космическим чувством, должен быть почти неизмеримо выше и благороднее всякого, обладающего лишь самосознанием. Мало того, человек, обладавший космическим чувством хотя бы даже в течение только нескольких секунд, наверное, никогда не опустится снова до духовного уровня человека, наделенного лишь самосознанием, но двадцать, тридцать и сорок лет спустя он будет все еще чувствовать внутри себя очищающую, укрепляющую и возносящую силу посетившего его божественного просветления, и многие из

окружающих такого человека признают, что духовный облик его неизмеримо выше облика среднего человека.

VI

С точки зрения гипотезы, принятой здесь автором, необходимо, чтобы случаи космического сознания становились с течением времени не только более многочисленными, но также и более законченными и ярко выраженными. Что же говорят на этот счет факты? Оставляя в стороне маловажные случаи, т. е. такие, в которых несомненно имело место проявление в людях космического чувства, но которые были позабыты в последние тысячелетия, тринадцать из приведенных нами случаев все-таки, в конце концов, настолько велики, что никогда не могут поблекнуть в человеческой памяти: это Гаутама, Иисус, ап. Павел, Плотин, Магомет, Данте, Лас-Казас, Хуан Иепес, Фрэнсис Бэкон, Якоб Бёме, Уильям Блейк, Бальзак и Уолт Уитмен.

От Гаутамы до Данте мы насчитываем промежуток в восемнадцать столетий; на этот период времени приходится пять случаев просветления. От Данте же до настоящего времени протекло всего шесть столетий, в течение которых, однако, произошло восемь таких случаев. Т. е. в то время как в более ранний период один случай приходился на каждые триста шестьдесят лет, в более позднюю эпоху один случай падает на каждые семьдесят пять лет. Другими словами, космическое сознание появлялось в людях в 4,8 раза чаще в последний период, нежели в прежний. Что же касается времени, предшествовавшего Гаутаме, за этот период, наверное, не произошло ни одного случая озарения, а если и были, то очень немного, притом недостаточно ярко проявившихся вовне.

Затем известно, что и в настоящее время происходит много таких случаев космического сознания, которые можно назвать маловажными; но мы лишены возможности сравнить их с числом подобных же незначительных случаев в прошлом, так как последние для нас утеряны. Кроме того, надо помнить, что приведенные выше «тринадцать великих случаев» представляют собою, может быть, только незначительную часть столь же великих случаев, происшедших со времени Гаутамы, потому что, наверное, только малая часть таких случаев сохранилась и была надлежащим образом обработана,

что и могло обеспечить память о них. Как легко могла даже память об Иисусе сгладиться у его современников и последователей! Многие в настоящее время думают, что если бы не апостол Павел и его творения, то вся деятельность Христа и даже самое имя Его могли бы навсегда исчезнуть из людской памяти почти вместе с прекращением поколения, которое слышало Его проповеди и поучения.

Насколько это верно, видно из того, что такой талантливый человек, как Огюст Конт, считает св. Павла «истинным основателем католицизма» (католицизм употребляется здесь как синоним христианства) и посвящает ему восемнадцать месяцев в своем «*Galendrier Positiviste*».

Могли умереть и совершенно исчезнуть творения и память о тех, которые прибегали к помощи письма. Об одном из величайших таких людей можно сказать, что, случись громаднейший пожар на несколько лет раньше, чем он произошел, когда сгорел почти весь Лондон, могли бы погибнуть изданные в 1623 г. произведения великого гения, и человечество, таким образом, лишилось бы навсегда великих драм Шекспира. Переданные ли словесно или записанные, творения таких людей могут быть оценены, по самой природе вещей, только лишь немногими избранными из современников и почти при всяком подходящем случае легко поддаются забвению. Что это верно как для нашего времени, так и для времени Гаутамы, никто не станет сомневаться, ближе познакомившись с судьбой Уитмена. Даже и творения последнего могли бы затеряться, если бы он умер от какого-нибудь несчастного случая или на войне (что легко могло случиться), несмотря на то, что к тому времени было уже напечатано три издания его «*Leaves of Grass*». Он сам вплоть до своей смерти не считал свою миссию застрахованной от забвения, хотя и работал непрерывно над распространением своих идей в продолжение тридцати пяти лет.

Затем несколько слов о сравнительной важности древних и современных случаев проявления космического сознания. Решение большинства людей будет, конечно, не в пользу последних, потому что не пришло еще время, необходимое для их истинной оценки. Кроме того, спрашивается, чье суждение или так называемый здравый смысл надо считать заслуживающим внимания в таких случаях?

Виктор Гюго говорит о гениях: «Невозможно выбирать среди таких людей, предпочитать одного другому, указывать на первого среди первых».

VII

Несмотря, однако, на то, что истинная природа космического сознания была совершенно не понята (да так и должно было быть), тем не менее самый факт существования космического сознания давно уже пользовался признанием как на Западе, так и на Востоке, и в настоящее время множество людей всех стран преклоняются перед учителями, обладавшими космическим чувством, и притом не только из-за этого. Мир в целом не только относится с благоговением к таким людям, но, может быть, нет более простой истины, как утверждение, что все проповедники, не обладавшие высшим вдохновением, пользовались в своих поучениях уроками, вынесенными ими посредственно или непосредственно от соприкосновения с теми немногими, которые были озарены светом космического чувства.

VIII

По-видимому, в каждом или почти в каждом человеке, вступающем в плоскость космического сознания, первое ощущение его сопровождается возбуждением: человек сомневается в себе и думает, не есть ли новое чувство признак или форма сумасшествия. Магомет был сильно испуган своим первым озарением. Я думаю также, что и апостол Павел, как и другие, о которых будет говориться ниже, был взволнован подобным же образом.

Первое, о чем человек спрашивает себя, испытывая это новое чувство, непременно бывает: «Реально ли то, что я вижу и чувствую, или это иллюзия и самообман?» Тот факт, что знание, полученное им от нового опыта, кажется ему даже более реальным, чем прежние знания, приобретенные им путем сознания и самосознания, сначала мало успокаивает его, вероятно, потому, что он знает, что иллюзии, раз они появились в человеке, так же овладевают разумом, как и реальные факты.

Истинно или не истинно то, чему научает каждого испытываемое им новое чувство, тем не менее оно заставляет человека, даже

вопреки его воле, верить в полученные им откровения и принимать их так же безусловно, как и всякие другие откровения. Но это, однако, еще не доказывает их истинности, так как точно такой же силой воздействия на человека обладают и иллюзии во время сумасшествия.

В таком случае, спрашивается, как же можно узнать, что новое чувство есть действительно факт откровения, а не форма безумия, заставляющая человека заблуждаться? Во-первых, умственная болезнь и космическое чувство совершенно различны и даже противоположны друг другу по тем стремлениям и целям, к которым они ведут человека, а именно: в то время как в первом случае цели эти аморальны или даже безнравственны, во втором — моральны в самой высшей степени. Во-вторых, при всех формах умственных заболеваний способность самообуздания-самозапрещения сильно понижается и даже иногда совсем исчезает, при космическом же сознании, наоборот, способность эта чрезвычайно повышается. Безусловную справедливость этого факта можно проследить на жизни тех людей, которые приведены здесь как лица, обладавшие космическим сознанием. В-третьих, что бы там ни говорили люди, насмехающиеся над религией, известно, что современная цивилизация, в широком смысле этого слова, покоится (как это было уже указано выше), в очень многом, на учениях, связанных с этим новым чувством. Истинные учителя новых откровений вынесли свои знания непосредственно из самого чувства космического сознания, а остальной мир узнал о них из книг этих проповедников, их последователей и учеников, так что если бы то, что называется здесь космическим сознанием, было бы формой безумия, то мы очутились бы лицом к лицу перед ужасным фактом (не будь он абсурдом), что вся наша цивилизация, не исключая всех наших возвышенных религий, покоится на заблуждении. Но (и это в-четвертых) несколько не соглашаясь и даже не вступая в какое-либо обсуждение такой ужасной альтернативы, можно утверждать, что для признания реальности явлений, связанных с этой новой способностью, мы располагаем точно такими же доказательствами, как и для признания реальности всякого другого чувства или способности. Обратите внимание, например, на следующее. Вы знаете, что дерево, которое растет, скажем, там, за этим полем, в полмили отсюда, есть нечто реальное, а не галлюцинация только потому, что все, к кому бы вы ни обрати-

лись с этим, если они обладают чувством зрения, точно так же видят это дерево, как и вы, тогда как, если бы это была галлюцинация, дерево казалось бы видимым только вам одному. При помощи такого же логического метода мы можем твердо устанавливать и объективную реальность того мира явлений, который связан с космическим сознанием. Всякий, кто обладал этим чувством, узнавал при помощи его в существенных чертах один и тот же факт или факты. Если попросить трех человек нарисовать или описать одно и то же дерево через полчаса после того, как они его видели, то все три рисунка или описания, не совпадая в подробностях, будут, однако же, аналогичны в общих очертаниях. Точно так же и сообщения тех, кто обладал космическим сознанием, совпадают друг с другом во всем существенном, расходясь, конечно, более или менее в деталях (но эти различия всецело надо отнести столько же на счет нашего ошибочного понимания этих сообщений, сколько на счет самих сообщений). Нет ни одного случая, чтобы кто-либо, получивший просветление, отрицал или оспаривал откровения другого, испытывавшего подобное же чувство. Апостол Павел, как ни мало был он склонен, благодаря своему предубеждению, принять учение Иисуса, как только получил чувство космического сознания, сейчас же увидел истинность Христовой проповеди. Магомет видел в Иисусе не только величайшего из пророков, но и считал его находящимся, несомненно, в плоскости выше той, в которой находились Адам, Ной, Моисей и другие. Он говорил: «И Мы^{*} послали Ноя и Авраама и дали их потомству дар пророчества; некоторые из них были руководимы свыше, хотя много было и творцов мерзости. Затем Мы последовали по их стопам вместе с нашими апостолами; потом последовали за ними вместе с Иисусом, Сыном Марии; Мы дали ему слово Божие; Мы поселили в сердцах его последователей доброту и сострадание». Кроме того, Пальмер свидетельствует, что «Магомет относится к Нашему Господу с особенным благоговением, настолько, что называет Его “Духом” и “Словом Божиим” и “Мессией”». Уолт Уитмен принимает учения Будды, Иисуса, Павла и Магомета, в особенности Иисуса, который больше всего ему известен. Он говорит: «Принимая слово Божие, принимая Того, кто был распят, зная наверно, что Он был Божественен...» Таким образом, все известные автору этой книги лица, как получившие (в большей или

* «Мы», т. е. Бог. — *Прим. ред.*

меньшей степени) озарение свыше, не расходятся в существе дела ни друг с другом, ни со всеми прежними учителями, обладавшими космическим сознанием. Притом же, по-видимому, все люди, свободные от предрассудков и знакомые больше чем с одной религией, признают вместе с Эдвином Арнольдом, что все великие верования — «сестры» или, как говорит Артур Лилли, что «Будда и Христос проповедовали одно и то же учение».

IX

Как было уже выше сказано или подразумевалось, для того, чтобы человек мог войти в мир космического сознания, он должен предварительно достигнуть высшей ступени самосознания. Это не значит, что он должен обладать непременно необыкновенными интеллектуальными способностями (обычно в этом случае значение интеллекта переоценивают, между тем он, по-видимому, далеко не играет здесь такой важной роли, какую играют другие способности), хотя, с другой стороны, человек должен быть достаточно развит и в этом отношении. Он должен обладать хорошим телосложением и хорошим здоровьем, но прежде всего возвышенной моральной природой, т. е. способностью симпатизировать людям, теплым сердцем, мужеством и строго религиозным чувством. При наличии всех этих условий и по наступлении возраста, когда умственные способности достигают вершин самосознания, человек в один прекрасный день входит в плоскость космического сознания. Что же он при этом испытывает? Автор вынужден говорить о деталях с некоторой робостью, так как он знаком с ними только по немногим случаям, между тем явления, сопровождающие космическое сознание, без сомнения, разнообразны и не сходны друг с другом в каждом отдельном случае. Тем не менее можно, во всяком случае, вполне положиться на то, что передаваемое здесь автором действительно имеет место при вступлении человека в мир космического сознания. Все, что он говорит здесь, истинно по отношению к некоторым достоверно известным ему случаям и, по-видимому, вполне справедливо также и по отношению к другим известным случаям, так что может считаться пока за вполне достоверные факты.

1. Внезапно, без всякого предупреждения, человек чувствует, что он погружен в пламя или облако, окрашенное в розовый цвет,

или, пожалуй, лучше сказать, ощущает, что все его существо наполнилось таким облаком легкого газа, светящегося легкого тумана.

2. В тот же самый момент человек как бы купается в чувстве радости, уверенности, торжества и «освобождения». Последнее слово, в обычном его смысле, недостаточно правильно обозначает то чувство, которое испытывает в этом случае человек; когда чувство это достигает своего полного развития, человек ощущает не то, что с ним произошел какой-то особенный «акт освобождения», а что ему теперь не надо никакого «специального освобождения», потому что сама схема мироздания достаточна для этой цели. Это чувство — экстаз, далеко превосходящий экстаз людей, обладающих только самосознанием; это то чувство экстатического состояния, которое занимает, главным образом, истинных поэтов, как, например, Гаутама, в его поучениях, сохранившихся в сутрах, Иисуса — в его притчах, Павла — в посланиях, Данте — в конце «Чистилища» и в начале «Рая», Шекспира — в его сонетах, Бальзака — в «Серафите», Уитмена — в «Листьях травы» и Эдварда Карпентера — в его «К демократии»; удовольствия же и страдания, любовь и ненависть, радости и печали, мир и война, жизнь и смерть обыкновенных людей, наделенных лишь самосознанием, такие поэты предоставляют воспевать обыкновенным певцам-стихотворцам, сами же, если и касаются подобных тем, то с совершенно новой точки зрения, как это выражено Уитменом в «Листьях»: «Я никогда не стану говорить о любви или смерти внутри дома», т. е. с прежней точки зрения в старом второстепенном и побочном значении этого слова.

3. Одновременно или непосредственно следуя за указанным эмоциональным подъемом в момент пробуждения космического сознания, на человека нисходит интеллектуальное просветление, которое совершенно не поддается описанию. Как вспышка молнии, рисуется его сознанию, в одном общем абрисе, ясное понятие значения и цели вселенной. Человек не просто начинает верить, но он видит и знает, что вселенная, которая обыкновенному (самосознающему) человеческому уму кажется сделанной из мертвой материи, в действительности есть реальное живое присутствие. Он видит, что люди — это не островки неживого существа, рассеянные в бесприютном море, а в действительности лишь точки относительной смерти в бесконечном океане жизни. Он видит, что жизнь, заключенная в человеке, вечна и что вообще вся жизнь вечна; что душа человека

так же бессмертна, как Бог; что вселенная так сотворена, что все в ней несомненно действует в общей совокупности для блага каждого и всех; что основной принцип мироздания есть то, что мы называем любовью, и что счастье каждого в будущем безусловно достоверно. Человек, который проходит через состояние космического сознания, узнает в течение нескольких минут или даже моментов, пока длится это состояние, гораздо больше, чем в целые месяцы или даже годы ревностного изучения; узнает бесконечно много нового, чему не научило и не может научить его никакое изучение. Особенно ясно получает он понятие о целом, о таком необъятном целом, которое превосходит все представления, понятия и воображение обычного самосознания и в сравнении с которым все прежние попытки человека умственно охватить вселенную и ее значение кажутся ему ничтожными и смешными.

Подобное пробуждение интеллекта прекрасно обрисовано автором в его словах о Якобе Бёме: «Тайны, о которых он (Бёме) говорил, не были сообщены ему другими, но он увидел их сам. Он видел самый корень всех тайн, бездну и первооснову, откуда исходят все основные противоположения и несходства нашей жизни: жестокость и мягкость, суровость и кротость, сладость и горечь, любовь и печаль, небо и ад. Все это он видел в самом зарождении; все это он пытался описать в самом его начале и примирить в его неизменных последствиях. Он заглянул в существо Бога — в место рождения и движения вперед божественного проявления. Природа раскрыла перед ним свои покровы; он был как дома в самом сердце вещей. Его книга, которой он был сам (как говорит Уитмен: «Это не книга, ибо тот, кто прикасается к ней, прикасается к самому человеку»), представляющая микрокосм человека с его тройственной жизнью, была открыта перед его взором».

4. Одновременно с моральным подъемом и интеллектуальным просветлением к человеку приходит то, что лучше всего назвать чувством бессмертия. Это не есть интеллектуальное убеждение или вывод, к которому приходят при разрешении какой-либо проблемы, не есть также ощущение, которое мы испытываем, когда узнаем что-либо, дотоле нам неизвестное. Это чувство гораздо проще и элементарнее, его лучше всего сравнить с обладаемым каждым человеком чувством уверенности в своей ясно выраженной индивидуальности, которое связано с появлением в человеке самосознания.

5. Вместе с просветлением с человека спадает, как старая одежда, страх смерти, который пугал его, как страшный призрак, во все времена его земного существования, при этом, однако, человек освобождается от этого страха не благодаря рассудочному убеждению, страх просто исчезает.

6. То же самое можно сказать и по поводу чувства греха. Не то чтобы человек освобождался при этом от греха, но он после просветления не видит уже в этом мире греха, от которого надо было бы освободиться.

7. Мгновенность просветления есть один из самых поразительных признаков космического сознания. Лучше всего его можно сравнить с ослепительным блеском молнии в темную ночь, ясно освещающим на одно мгновение скрытый до того времени ландшафт.

8. Прежний характер человека, вступающего в космическое сознание, является одним из важных условий просветления.

9. Точно такую же роль играет и возраст. Если бы, например, нам сообщили о факте космического сознания с человеком двадцатилетнего возраста, мы в первую минуту усомнились бы в истинности такого случая, и если бы затем все-таки вынуждены были поверить этому, то ожидали бы, что этот человек (если он жив) проявит себя так или иначе истинным духовным гигантом.

10. Повышенное очарование той личности, кто приобретает космическое сознание, также является всегда, как думают, одним из признаков просветления.

11. Автору кажется достаточно очевидным, что вместе с появлением космического сознания, тогда, когда оно действительно налицо и еще продолжается короткое время после своего появления (постепенно покидая человека), происходит перемена даже во всем внешнем облике того, кто испытывает просветление. Перемена эта похожа на ту, которую вызывает в человеке великая радость, а в некоторых случаях (когда космическое сознание особенно ярко выражено) перемена еще значительнее и отчетливее. В последнем случае, т. е. когда просветление интенсивно, также интенсивна и перемена внешнего облика человека, которая может дойти действительно до «преображения». Данте говорит про себя, что он «слился с Богом». Весьма вероятно, что если бы его видели в такой момент просветления, то, наверное, происшедшую с ним перемену можно

было бы единственно охарактеризовать словом «преображение». В последующих главах этой книги будут приведены более или менее ясно выраженные примеры подобного преобразования человека в моменты появления в нем космического сознания.

Х

Переход от самосознания к космическому сознанию представляет собой, с точки зрения интеллекта, по-видимому, явление вполне параллельное переходу от простого сознания к самосознанию.

Как в том, так и в другом случае происходит:

- а) увеличение сознания и
- б) увеличение интеллектуальных способностей.

к а) Когда организм, обладающий одним лишь простым сознанием, приобретает способность самосознания, он узнает впервые, что он есть отдельное существо — «Я», пребывающее в мире как нечто отличное от последнего. Т. е. появление новой способности дает понимание этого организму независимо от какого-либо с его стороны нового опыта или процесса изучения.

к б) В то же самое время организм приобретает значительно большие способности к накоплению знаний и к проявлению инициативы.

То же самое имеет место и тогда, когда человек, обладающий только самосознанием, переходит в плоскость космического сознания:

а) он узнает без всякого изучения, благодаря только одному факту просветления, такие вещи, как, например:

- 1) что вселенная не есть мертвая материя, а живое присутствие;
- 2) что в своей сущности и стремлении она — бесконечное благо;
- и 3) что индивидуальное существование продолжается и после того, что называют смертью. И в то же самое время,

б) в человеке безмерно увеличивается способность как к познанию, так и к проявлению инициативы.

Ту же параллель можно провести и с точки зрения моральной природы. Животное, обладающее лишь простым сознанием, никоим образом не может знать что-либо о чистых радостях, связанных лишь с одним фактом ощущения жизни, между тем как эти радости доступны всякому здоровому, без физических недостатков, не старому человеку. «Никоим образом», так как существование такого чувства обусловлено наличием самосознания, без которого оно не может существовать. Лошадь же или собака наслаждаются жизнью, пока лишь испытывают какое-нибудь приятное ощущение или когда чувствуют возбуждение благодаря какой-нибудь приятной для них деятельности организма (что, в сущности, одно и то же), но ни собака, ни лошадь не могут осознать то спокойное наслаждение, которое ежедневно приносит человеку самый факт жизни, независимо от ощущения и внешних причин; подобное чувство относится к области моральной природы (оно есть основной факт положительной стороны этой природы) и вытекает, как это правильно утверждают, из центрального источника жизни в организме — из чувства *bien-être*, по выражению французов, которое является достоянием человека, как такового, и представляет собой действительно одно из самых ценных наследий прошлого. Это чувство представляет как бы равнину или плато в области моральной природы человека, на которую он вступает при переходе от простого сознания к самосознанию.

В соответствии с подобным повышением моральной природы человека и вышеуказанным движением вперед его интеллектуальных способностей при переходе от простого сознания к самосознанию, а затем от этого последнего к космическому сознанию, находится и подъем моральной природы человека при переходе его от самосознания к космическому сознанию. Это может почувствовать и понять, как непреложный факт, а следовательно, и словесно описать только тот, кто сам испытал на опыте. Что же говорят на этот счет такие люди? Прочитайте, что говорит нам о нирване Гаутама и просветленные буддисты: они называют новое чувство «высочайшим счастьем». Один неизвестный, но, вне всякого сомнения, просветленный автор говорит в «Махабхарате»: «Поклоняющийся Божеству, счастье которого находится внутри его самого, и свет (зна-

ния) также находится внутри его, сливается с Брамой и получает Брамическое блаженство». Заметьте слова Иисуса о ценности «Царства Небесного», чтобы войти в него человек продает все, что он имеет, вспомните то высокое значение, которое ап. Павел приписывает «Христу», а также как он был вознесен на третье небо; подумайте о дантовском «перевоплощении» из человека «в Бога», а также об имени, которое он дает космическому чувству, называя его Беатриче — «Делающая счастливым». У него есть ясное указание на радость, которую он испытывает при этом: «То, что я увидел, казалось мне улыбкой самой вселенной, так как охватившее меня опьянение проникло в меня через мой слух и зрение. О радость! О неизъяснимая радость! О жизнь, полная любви и мира! О надежные сокровища без страстей». Обратите внимание на то, что говорит Бёме на этот же счет: «Земной язык совершенно недостаточен для того, чтобы описать, что за радость, счастье и очарование заключены в сокровенных чудесах Бога. Если бы даже Святая Дева описала их нашему разуму, и тогда холодная и темная природа человека благодаря своему несовершенству оказалась бы не в состоянии выразить на своем языке хотя бы искру этих чудес». Заметьте часто повторяемый возглас Элюкганамы: «Сандозиам, Сандозиам Эппотам — радость, всегда радость!» И затем слова Эдварда Карпентера: «Конец всем горестям, глубокий, глубокий океан радости внутри... полный радости... с бесконечной песней радости». Но не забывайте и указаний Уолта Уитмена — неизменных указаний, несмотря на их постоянное выражение разным языком; их можно найти почти на каждой странице его «Leaves», обнимающих собой сорок лет его жизни. Уитмен говорит: «Я удовлетворен — я вижу, танцую, смеюсь и пою... Блуждая, я изумлялся моей собственной веселости и радости... О радость моего духа — ее выпустили из клетки, и она несется, как молния... Я плыл по волнам этой песни с радостью, с радостью к тебе, о смерть». И затем, обратите внимание на это предвидение будущего, почерпнутое Уитменом внутри своего собственного сердца, — того будущего, «когда через подобные же состояния пройдут сотни миллионов возвышенных душ» — т. е. лиц, обладающих космическим чувством. И наконец: «Океан полон радости, вся атмосфера — одна радость. Радость, радость в свободе, поклонении и любви! Радость в экстазе жизни: довольно только существовать, довольно дышать! Радость, радость! Везде только одна радость!»

XII

Прекрасно, скажут некоторые, — если все эти люди видели, узнали и чувствовали так много, то почему же они не выражают это на простом, понятном нам языке и не дают миру тех благодетельных выгод, которые связаны с этим? Вот слова, с которыми «речь» обращается к Уитмену: «Уолт, ты вмещаешь в себе так много, почему же ты не даешь возможности вылиться всему этому наружу?» Уитмен же отвечает на это:

«Когда я пытаюсь рассказать о самом лучшем, я нахожу, что не могу:

Мой язык не действует.

Мое дыхание перестает повиноваться управляющим им органам.

Я становлюсь нем».

Так и ап. Павел, когда он «был взят в рай», услышал «неизреченные слова». Данте точно так же не был в состоянии рассказать о том, что он видел на небесах. «Мое видение, — говорит он, — превышало нашу речь, которая уступает такому зрелищу». Этот факт не трудно понять. Так как человеческая речь (как это уже было выше подробно объяснено) соответствует возникновению в интеллекте самосознания, то она способна выражать лишь это последнее и ничего другого, и следовательно, не являясь спутником космического сознания, лишена средств для внешнего выражения этого последнего или же если все-таки и выражает его, то настолько, насколько это возможно в терминах и понятиях интеллекта, обладающего лишь самосознанием.

Здесь полезно, в интересах читателей последующих частей этой книги, еще раз кратко и точно указать на отличительные признаки космического чувства.

Они следующие:

а) субъективный свет;

б) моральный подъем;

в) интеллектуальное озарение;

- г) *чувство бессмертия;*
- д) *потеря чувства страха смерти;*
- е) *потеря чувства греха;*
- ж) *внезапность и мгновенность пробуждения;*
- з) *прежний характер человека — интеллектуальный, моральный и физический;*
- и) *возраст, когда наступает озарение;*
- к) *повышенная индивидуальная привлекательность личности, всегда сильно (?) привлекающая к человеку других людей;*
- л) *заметное для всех преобразование всего внешнего вида человека, когда к нему действительно приходит космическое чувство.*

XIII

Не следует, однако, предполагать, что, раз человек обладает космическим сознанием, он становится благодаря этому всезнающим и непогрешимым. Самые выдающиеся из обладавших космическим сознанием, несмотря на переход их в высшую плоскость, находятся по отношению к новому чувству в положении детей, которые только что перешли к самосознанию. Ведь эти люди, достигнув новой формы сознания, не имели еще времени и удобного случая воспользоваться и овладеть им вполне. Правда, они поднялись до высшего умственного уровня, но и на этом уровне, точно так же как и на уровне простого сознания и самосознания, могут быть своя относительная мудрость и свое относительное неразумие. Подобно тому как человек, обладающий самосознанием, может морально и умственно спуститься ниже высшего животного, наделенного лишь простым сознанием, точно так же мы должны допустить, что и обладающий космическим сознанием может при известных обстоятельствах оказаться только немного выше человека, живущего лишь в плоскости самосознания. И еще более должно быть очевидно, что, как бы ни божественна была новая способность, все-таки те люди, которые приобрели ее первыми, живя в различные эпохи и в различных странах, проводя годы самосознательной жизни в несходной обстановке, притом смотря как на саму жизнь, так и на ее

интересы с совершенно различных точек зрения, в зависимости от своего воспитания, — эти люди должны объяснять несколько несходно то, что они видят в новом мире, в который они входят благодаря космическому сознанию.

Удивительно то, что все они принимают этот новый мир за то, что он есть в действительности, и притом с такой ясностью. Главное же, не следует осуждать людей нового сознания и самое сознание только потому, что ни эти люди, ни новое чувство не совершенны абсолютно. Того и быть не может, потому что если человек, двигаясь вперед из плоскости в плоскость, должен достигнуть интеллектуального и морального положения, настолько же превышающего то, в котором находятся лучшие представители современного человечества, насколько последние стоят выше моллюска, то и в новой плоскости сознания он может оказаться так же далек от совершенства абсолютной божественности и абсолютного знания, как далек от этого и теперь. И при новом сознании у него будет то же страстное стремление к достижению высшего умственного состояния, как и теперь, по-прежнему над его головой будет висеть та же необъятная ширь для роста, развития и совершенствования.

XIV

Приложенная здесь таблица включает в себе неполный перечень случаев космического сознания, которые можно считать подлинными; суммируя все такие случаи, таблица эта послужит читателю полезным введением к последующему изложению. Несколько интересных замечаний можно сделать здесь же. При первом же взгляде на таблицу должно броситься прежде всего в глаза преобладание мужчин над женщинами среди тех, кто обладал новым чувством. Затем, на первый взгляд поражает следующий удивительный факт (к нему мы еще вернемся ниже): почти во всех случаях, о которых известно, время озарения пришлось на период между ранней весной и поздним летом, половина из них падает приблизительно на май-июнь месяцы. Далее, следующий факт (он интересен и с психологической точки зрения): по-видимому, во всех случаях космического сознания существует соответствие между возрастом человека, когда к нему приходит озарение, и продолжительностью его жизни. Так, на Сократа, Магомета, Лас-Казаса снизошло озарение, когда им

№	Имя	Время рождения	Возраст, когда произошло озарение	Пол	Время смерти
1	Моисей	1650?		м	в старости
2	Геден	1350?		м	
3	Исайя	770?		м	
4	Лао-Цзы	604?		м	в старости
5	Гаутама	560?	35	м	80
6	Сократ	469?	39?	м	71?
7	Иисус	4?	35	м	38?
8	Павел	?	35	м	67?
9	Плотин	204		м	66?
10	Магомет	576	39	м	62
11	Роджер Бэкон	1214		м	80?
12	Данте	1265	35	м	56
13	Лас-Казас	1474	40	м	92
14	Хуан Иепес	1542	36	м	49
15	Фрэнсис Бэкон	1561	30?	м	66
16	Бёме	1575	35	м	49
17	Паскаль	1623	31,5	м	79
18	Спиноза	1632		м	45
19	Гюион	1648	33	ж	69
20	Сведенборг	1688	54	м	84
21	Гардинер	1688	32	м	58
22	Блейк	1759	31	м	68
23	Бальзак	1799	32	м	51
24	Уитмен	1819	34	м	73
25	Карпендер	1844	36	м	
26	Уильямс Ллойд	1857	39	м	
27	Ц. У. Е.	1864	31,5	ж	
28	А. Ж. С.	1871	24	ж	

было, в среднем, по 39 лет от роду, а умерли они, в среднем, на семьдесят четвертом с половиной году жизни, хотя, как известно, один из них, Сократ, был казнен в полном расцвете своих умственных и физических сил. В случаях с Бэконом, Паскалем, Блейком и Гардинером озарение пришло к ним, когда им было в среднем по 31 году, а смерть — на пятьдесят пятом с четвертью году жизни, т. е. раньше на 8 лет — озарение и на девятнадцать с четвертью лет — смерть; Гаутама, Павел, Данте, Бёме, Иепес и Уитмен вошли в космическое сознание между 34 и 36 годами от роду и жили, в среднем, до 62 лет, за исключением ап. Павла, который был казнен на 67-м году жизни.

Мы могли заранее предвидеть подобное соответствие, так как если озарение нисходит на человека при достижении им полной зрелости, то оно, конечно, в общем должно находиться в соответствии с пределом жизни этого человека.

Часть IV

Люди, обладавшие космическим сознанием

Глава 1

Гаутама Будда

I

Мы отнюдь не собираемся давать здесь биографии тех людей, о которых в этой книге говорится, как примеры лиц, обладавших космическим сознанием. Точно так же здесь может быть дан, конечно, лишь самый слабый намек на их учение. События, взятые из жизни этих людей, и выборки из их поучений должны просто лишь установить и иллюстрировать тот факт, что эти люди были «просветленными» в том смысле, какой придается последнему на страницах этой книги.

Сиддхартха Гаутама родился между 562 и 552 гг. до н. э. в богатой семье. Отец его был скорее состоятельным, большим земельным собственником, чем царем, как это неправильно утверждают некоторые. По-видимому, можно с достаточным основанием утверждать, что Гаутама обладал космическим сознанием, хотя, ввиду отдаленности от нас его эпохи, подробных доказательств этого у нас

нет. Гаутама очень рано вступил в брак. Через десять лет у него родился сын, Рахула. Вскоре после рождения сына Гаутама, которому шел тогда двадцать девятый год, внезапно покинул свой дом и всецело посвятил себя изучению религии и философии. По-видимому, он обладал необыкновенно серьезным складом ума и, остро чувствуя страдания человечества, поставил главной целью своей жизни сделать что-нибудь для уничтожения этих страданий или, по крайней мере, для их уменьшения. Ортодоксальным способом достижения святости на родине Гаутамы, в его время, были пост и покаяние; и вот в течение шести лет он всеми силами старался умерщвлять в себе плоть. Хотя благодаря этому он приобрел не-

обыкновенную славу, о которой, впрочем, совсем не заботился, он все-таки не достиг душевного мира и не познал той тайны человеческого счастья, к которому стремился всеми силами своей души. Видя, что такой путь напрасен и ни к чему не приводит, Гаутама отрекся от аскетизма и вскоре после этого, когда ему было около тридцати пяти лет, на него снизошло просветление — под чтимым с тех пор «деревом ужаса» [109:44]*.

II

Для нашей цели нам важно определить возможно точнее в этом и в других случаях возраст, в котором к людям приходит космическое чувство. Один из современных и, вероятно, заслуживающих полного доверия авторитетов определяет этот возраст в тридцать шесть лет. Эрнст де Бунзен в своем труде, озаглавленном «Ангел Мессия», говорит, что Будда, как и Христос, вышел на проповедь в тридцать лет. Несомненно, он должен был проповедовать в Весали, так как известно, что там впервые пятеро молодых людей стали его учениками и убеждали его начать распространять свое учение. Ему было двадцать девять лет, когда он ушел из Весали; следовательно, вполне возможно, что тридцати лет он уже начал свою проповедь. Но прежде чем «вращать колесо прекрасного закона»** (получить озарение), ему нужно было еще целых шесть лет предаваться размышлениям под деревом познания.

III

Теперь перейдем к результатам его озарения. Что же он сам говорил об этом? И какую перемену произвело в нем озарение? Дхарма-Гакка-Ппаваттана-Сутры [159] чтят все буддисты как собрание речей, в которых великий индийский мыслитель и реформатор впервые с успехом обнародовал свои новые идеи [160:140]. В этой книге Гаутама беспрестанно заявляет, что заключенные в ней «благородные истины» не содержатся «в передававшихся из поколения в поколе-

* *Ficus religiosa* — дерево, известное с тех пор под именем священного дерева Бо, или дерева мудрости. Это дерево впоследствии играло такую же роль у буддистов, как крест у христиан: оно стало предметом поклонения. — Прим. ред.

** «Найти царство праведности» (буквально: «заставить катиться колесо царской колесницы всемирного царства истины и праведности»). — Прим. ред.

ние учениях», но что «в нем самом, Гаутаме, открылось око, узревшее эти истины, познавшее их природу и понявшее их причины: мудрость, освещающую верный путь, и свет, разгоняющий тьму». Нет другого более ясного и определенного утверждения, в котором Гаутама говорил бы, что авторитет своего учения он извлекал не из простого самосознания, а из космического чувства, т. е. из просветления или вдохновения. Сравним с этим слова Бёме, когда последний по тому же поводу говорит о самом себе: «Я не собираю свое знание из писаний и книг, но ношу его в самом себе, ибо небо и земля, со всеми их обитателями, и даже Сам Бог заключаются в человеке» [97:39].

IV

В Маха-Вагге [126:208] говорится, что «в течение первой стражи ночи, наступившей после того, как Гаутама победил злого духа (т. е. следующей за той ночью, когда в нем открылось космическое сознание), Гаутама сосредоточил свои мысли на цепи причин; в течение второй стражи он сделал то же самое; и в течение третьей — то же самое». Такое предание существует как у северных, так и у южных буддистов и идет еще из времен, предшествовавших разделению этих церквей, а потому оно, по всей вероятности, подлинно и исходит от самого Гаутамы. Кроме того, оно в ясном и сжатом виде воплощает, вероятно, одно из самых основных явлений, связанных с появлением космического сознания, т. е. «раскрытие превосходящего величия», о котором говорит апостол Павел; «видение “вечных колес”»^{*} Данте; «знание, которое превыше всех доводов земных» Уитмена; «внутреннее просветление, при помощи которого мы в конце концов можем видеть вещи, какими они есть, обнимая все сотворенное: животных, ангелов, растения, лица наших друзей и все ступени и расы человечества в их истинном бытии и порядке» Эдуарда Карпентера.

V

В Аканхейя-Сутре [161:210–218] выдвигаются духовные черты, принадлежащие тем людям, которые обладают космическим чувством.

^{*} «Вечные колеса или колеса вечных сил». См. дальше главу «Данте».

Человек, не наделенный этим чувством, никогда не мог бы дать таких описаний, которые, несомненно, исходят, как это и утверждаются, непосредственно от самого Гаутамы. Точно так же никто из последующих обладателей космического сознания не мог бы более ясно и более кратко определить отличительные признаки, связанные с этой способностью. Так, например, в упомянутой книге говорится, что достижение состояния архатства* (сверхъестественное постижение нирваны, просветление, космическое сознание) заставит человека стать:

Слова Гаутамы.

1) «Возлюбленным, уважаемым и чтимым среди людей, научит его побеждать недовольство и вожделение, духовную опасность и страх; одарит его экстазом созерцания;

2) даст силы достигнуть телом своим и пребывать на тех ступенях освобождения, когда человек становится бесплотным и переходит за пределы материальных явлений (феноменального мира);

3) заставит его сделаться наследником высших небес;

4) сделает так, что, будучи одним, он станет множественным, и будучи множественным, станет одним;

Параллельные изречения.

1) «Были ли люди завистливы или жестоки в отношении вас, брат мой, сестра моя? Мне жаль вас; ко мне человечество не было ни жестоко, ни завистливо, все были ласковы со мной, я не веду счета жалобам (да и на что мне жаловаться?)» [193:71]. «Святое дыхание убивает вожделение, страсть и ненависть».

2) «О высшая душа моя! Знаешь ли ты радости задумчивой мысли? Радости свободного и одинокого сердца?» [193:147]

3) «Могильные листья, телесные листья, вырастающие надо мной, над смертью» [193:96].

4) «Наследники Божии, сонаследники же Христу» [19:8:17].

* Путь «архатов» — людей, достигших свободы посредством познания. На этом пути святой освобождается от желания материального или нематериального существования, от гордыни, самооправдания и невежества. Для того чтобы стать архатом, необходимо преодолеть пять уз: 1) материальные качества (тара), 2) сомнение (Vicikiccha), 3) веру в обряды (Silabbat agparamasa), 4) чувственность, телесные страсти (Kama) и 5) ненависть, недоброжелательство (Ruparaga).

5) одарит его ясным и небесным слухом, превосходящим слух людей; делает его способным понимать своим собственным сердцем сердца других существ и других людей, постигать всякую душу, страстную и спокойную, гневную и мирную, заблуждающуюся и мудрую, постоянную и вечно изменчивую, величавую и узкую, возвышенную и низменную, стойкую и колеблющуюся, свободную и рабскую; даст ему власть вызывать в своих воспоминаниях свои разнообразные временные состояния давно прошедших дней, такие, как одно рождение, два рождения, три, четыре, пять, десять, двадцать, тридцать, сорок, пятьдесят, сто, тысячу или сто тысяч рождений, свои рождения во многих зонах обновлений, во многих зонах как разрушений, так и возрождений; вызывать в памяти свои временные состояния прошедших дней во всех их видах и во всех подробностях;

6) чистым и небесным взором, превышающим зрение людей, видеть, как существа переходят из одной плоскости существования и облакаются в форму другого — различные существа как низкие, так и благородные, привлекательные или безобразные, счастливые или жалкие;

7) знать и постигать освобождение духа».

5) «Я есмь другие» [193:32].

«Ты учишь, как одному сделаться двумя» [176:39].

Не есть ли это совершенное описание того обширного и важного, что дало космическое сознание, например, Данте, Шекспиру, Бальзаку, Уитмену.

6) «Я прохожу через смерть с умирающим и через рождение с только что выкупанным младенцем» [193:34–37]. «Несомненно, я уже умирал десять тысяч раз прежде». Сравни «Образы», где изображено действие этого «небесного видения» [193:353].

7) Конечное и высшее испытание.

Можно представить еще больше цитат, говорящих об обладании Гаутамай космическим сознанием и представляющих собой в большей или меньшей степени параллель с описаниями такого же просветления у лиц более позднего периода, но излишне говорить, что тому, кто хочет вполне прояснить для себя этот вопрос, следовало бы прочесть, и притом не один раз, слова, оставленные нам этими избранниками мысли. Вот выдержки из «Книги Великой Кончины». Гаутама, поучая своих учеников, говорит так:

«Пока братья не будут связаны с промыслами, не будут любить их, не будут предаваться им, — пока не в обычаях братьев будут праздные толки, пока они не будут принимать в них участия, не будут любить их, — пока не будут братья причастны жадности, не будут любить ее, не будут отдаваться ей, — пока не будут братья влечься к людской толпе, не будут любить ее, не будут сливаться с ней, — пока пребудут братья вдалеке от грешных желаний, не подчинятся им; — пока не будут братья ни друзьями, ни товарищами, ни близкими злым людям, — пока в своем пути (к нирване) не приостановятся братья из-за достижения меньших благ (каковы богатство и власть), — до тех пор не к упадку клониться они будут, но преуспевать» [163:7 и далее].

Нет надобности проводить здесь параллельные изречения Иисуса: их слишком много и всякий может вспомнить их сам. Но следует отметить, что апостол Павел употребляет почти те же самые выражения и прибегает к тем же самым метафорам, которые возникают в уме писателя-буддиста, когда последний говорит (сравнивая нирвану, космическое сознание и все к нему относящееся с высшей наградой человечества): «Одно дело я делаю, забывая дела («меньшие дела» по буддийскому тексту), стоящие позади, и стремясь вперед к вещам, находящимся впереди меня, я спешу к цели, добиваясь награды» [24:3:13]. Сравните также «Песнь Открытого Пути», где подробно разработана та же мысль [193:120]. Что касается наставлений не отдаваться «промыслам» (мирским делам) и «мень-

* Ап. Павла (Филип. III, 13–14): «Братия, я не почитаю себя достигшим; а только забывая, что позади меня, и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести внешнего знания Божия во Христе Иисусе». — *Прим. ред.*

шим вещам», таким, как богатство, то вспомните жизнь Гаутамы, Иисуса, апостола Павла; большинство из них или были, или легко могли стать «зажиточными людьми», но либо отвернулись от богатства (как Гаутама), либо просто не пожелали иметь его (как Иисус). В качестве комментария к этому факту прочтите следующие слова Уитмена:

«Кроме независимости от небольшой суммы, отложенной на похороны, нескольких досок для гроба и песку на могильном холму... и легко добываемых нескольких долларов для обеспечения себя непритязательным костюмом и непритязательной пищей — ничего другого не надо духовно развитому человеку; всякое же, поистине плачевное, благоразумие, оставляющее такое великое существо, как человек, на произвол лет мотания из стороны в сторону и потери здоровья ради «делания денег» — лет с их палящими днями и ледяными ночами, — все это великий обман, окутавший нашу современную цивилизацию» [191:10].

VII

Следующие строки мы приводим, как ясное указание на обладание Гаутамой космическим чувством (собственно говоря, можно бы процитировать все Упанишады целиком):

«Однажды жил Шветакету Арунейя (внук Аруны). Ему его отец (Уддалака, сын Аруны) сказал: «Шветакету, иди в школу, ибо нет никого из нашей расы, дорогой мой, кто бы, не изучив Вед, был бы, так сказать, брахманом только в силу одного своего рождения».

«Так что они своими глазами смотрят, и не видят; своими ушами слышат и не понимают» [15:4:12].

«Я не сомневаюсь в том, что внутреннее имеет свое внутреннее, а внешнее — свое внешнее и что зрение имеет свое другое зрение, слух — другой слух и голос — еще другой голос» [193:342].

Начав свои занятия с учителем, когда ему было двенадцать лет, Шветакету, изучив все Веды, вернулся к отцу двадцати четырех лет высокомерным и считающим себя очень начитанным [148:92].

Отец сказал ему: «Шветакету, ты — такой высокомерный, считающий себя глубоко начитанным и строгим, стремился ли ты, друг мой, к такому знанию, которое дает нам возможность слышать то, чего нельзя слышать, видеть то, чего нельзя видеть, и знать то, чего нельзя знать».

VIII

Сюда же относятся и следующие строки:

Учитель отвечал: «Это — ухо — уха, разум — разума, слово — слова, дыхание — дыхания и глаз — глаза» [149:147].

«То («я»), хотя никогда не движущееся, быстрее мысли. Чувства никогда не настигают его, оно идет впереди их. Стоя на месте, оно обгоняет тех, кто бежит. Движущийся дух одаряет его могуществом. Оно движется и не движется. Оно — далеко и одновременно близко. Оно находится внутри всего того и вне всего того».

И тот, кто видит все существа в себе самом и себя во всех существах, тот никогда не отворачивается от того «я». Когда для понимающего человека это «я» становится всем, какое же горе, какие тревоги могут существовать для него, однажды видевшего это единство [150:311].

«Это — чувство того, что человек сам является теми объектами, вещами и лицами, которые он видит; что он есть весь мир» [62].

IX

Особые причины, заставляющие нас думать, что Гаутама обладал космическим сознанием, следующие:

а) первоначальный характер его ума, который, по-видимому, был пылким, серьезным и ищущим; такой ум действительно обыкновенно (если не всегда) предшествует появлению космического чувства;

б) определенность и внезапность перемены, наступающей в человеке, который от непрестанного искания и стремления переходит вдруг к достижению и миру. «Благочестивая жизнь хорошо преподается мною» (говорит Гаутама). «Мгновенная, непосредственная жизнь» [157:104]. Кроме того, считается, что Гаутама учил

«внезапности, непосредственности, разрушению желаний, освобождению от страданий, подобного которому не найти нигде» [157:211];

в) возраст, в котором, как говорят, Гаутама достиг просветления, — тридцать пять лет; это типичный возраст для появления космического чувства;

г) общее учение сутр исходит, по преданию, от самого Гаутамы; это учение, несомненно, возникло в уме человека, обладавшего космическим сознанием;

д) интеллектуальное просветление — «сверхъестественное знание (проникновение)» [157:78], приписываемое (и вполне правильно) Гаутаме и доказанное его учением, если оно только действительно исходит от него;

е) достигнутая Гаутамой моральная высота, которая объясняется только космическим сознанием;

ж) по-видимому, Гаутама обладал чувством вечной жизни, которое также относится к космическому сознанию. Предполагают, что «Маха-Вагга» приблизительно точно передает существенные черты учения Гаутамы по этим вопросам [158:11 и 162:208]. В этой книге мы находим следующие слова: «Человека, не имеющего желаний, свободного, в силу своего знания, от сомнения и достигшего глубины бессмертия, называю Брахманом» [157:114]. Важно отметить, что отличительным признаком тут является не вера или уверенность (хотя бы и твердая) в будущей вечной жизни. Человек, чтобы быть Брахманом (достигнуть нирваны, космического сознания), должен уже иметь вечную жизнь;

з) личный магнетизм, непосредственно распространяемый им на своих современников и передающийся, благодаря его поучениям, всем его ученикам во все времена;

и) существует предание о характерной внешней перемене в Гаутаме, известной под именем «преображения». Когда Гаутама спускался с «горы Мьянма, ему помогла сойти видимая всеми присутствующими лестница из сверкающих алмазов. Вид Гаутамы был ослепляющий» [109:63]. Допуская в этих словах восточное преувеличение, все-таки в этом предании, возможно, есть и зерно истины.

Х

Таким образом, если Гаутама обладал космическим сознанием и если, как это кажется почти достоверным, сознание это из поколения в поколение появлялось у его последователей, начиная с его времени и до наших дней, то в обширной буддийской литературе космическое чувство должно иметь свое название. Действительно, у буддистов есть такое слово, точное значение которого всегда вызывало и на Западе большее или меньшее сомнение; но если этому слову мы придадим значение космического сознания, то, по-видимому, будет покончено со всякими затруднениями и те места, в которых это слово встречается, приобретут ясный и простой смысл. Слово это — нирвана.

Кинза М. Гираи говорит [2:263]: «Нирвана интерпретируется западными народами как совершенное уничтожение человеческих желаний или страстей; но такое толкование ошибочно. Нирвана — это не что иное, как мировой разум».

Можно сомневаться в том, подразумевает ли Гираи под «мировым разумом» космическое сознание; но смысл его выражения остается тем же. Если он уяснил себе или когда-нибудь уяснит, что значит космическое чувство, то он безусловно скажет, что нирвана означает это чувство.

ХІ

Для дальнейшей иллюстрации этого вопроса прочтите (следующую) часть главы о нирване такого выдающегося авторитета, как Рис Дэвидс [73:110]. Он пишет:

«Можно бы заполнить целые страницы благоговейными и восторженными восхвалениями, которые буддистские писатели расточают этому состоянию духа, результату прохождения четвертой ступени, — состоянию архата, или человека, достигшего совершенства, по учению буддистов. Но все, что можно было бы сказать по этому вопросу, может быть сведено к одной содержательной фразе: это — «нирвана».

Для того, кто совершил путь и преодолел скорбь, кто всесторонне освободил себя и сбросил все узы, не существует более страдания.

Тому, чьи чувства успокоились, подобно хорошо объезженному коню; тому, кто освободился от гордыни и плотских желаний, и страсти к существованию, и грязи невежества, — завидуют даже боги. Терпелив, как земля, кроток, как стрелы Индры¹, незыблем, как городские ворота, исполнивший должное, он подобен чистому, прозрачному озеру, в котором нет тины, никогда не возвратится он на стезю земного блуждания. Спокойны слова и деяния того, кто таким образом успокоился и освободился путем истинного познания [131:27].

Те, которые стойкостью духа освободились от дурных желаний и хорошо усвоили учения Гаутама; которые вкусили плод четвертой ступени и погрузились в эту амброзию, получили безвозмездно нирвану и пребывают в радостях ее. Их старая карма² исчерпана и новая для них уже не будет произведена; сердца их свободны от жажды будущей жизни³, так как причина их существования уничтожена и в них не возникают новые желания, то они, эти мудрецы, гаснут, подобно светильнику (Ратна-Сутра). Тот нищенствующий ведет себя хорошо, который победил заблуждение путем познания, с глаз которого была удалена повязка заблуждения, который хорошо ознакомился с учениями религии и который, освободившись от желания и порывов и постигнув нирвану, достиг ее (Саммапариббаджания-Сутта). Что же, в таком случае, нирвана, означающая просто выход, погашение⁴, если из предыдущего совершенно ясно, что тут не может быть речи о погашении души? Это есть погашение того греховного, захватывающего состояния духа и сердца, того состояния, которое иначе, согласно с великим таинством кармы, явилось бы причиной возобновленного индивидуального существования. Это погашение вызывается развитием противоположного состояния духа и сердца и идет параллельно с ростом такого состояния; оно совершается с достижением этого противоположного состояния. Нирвана есть, следовательно, то же самое, что безгрешное, спокойное состояние духа, и если вообще переводить это слово, то, может быть, лучше всего передать его словом «святость» — в буддистском смысле святость — совершенство в мире, доброте и мудрости.

Однако попытки переводить такие содержательные понятия всегда представляют опасность, так как новое слово — как часть ново-

го языка, являвшегося отражением иного образа мыслей, — хотя и может обозначать ту же самую или почти ту же самую идею, обыкновенно вместе с тем вызывает и идеи совершенно иного порядка. То же самое видим мы и здесь: наше выражение «святость» часто может внушать мысли о любви и благоговейном страхе, ощущаемых в присутствии Его, — мысли, совершенно несовместные с буддистским понятием святости.

С другой стороны, нирвана заключает в себе понятие об умственной энергии⁵ и прекращении всякого индивидуального существования⁶; из которых первое не существенно для нашего понятия святости, а второе совершенно не связано с ним.

Другими словами, «святость» и «нирвана» являются понятиями о состояниях духа, немного отличающихся друг от друга, но имеющих различные причины своего возникновения и ведущих к различным результатам; употребляя же слово, мы не можем настолько ограничиться мыслью о самом выражаемом им предмете, чтобы забыть о происхождении и действии этого слова.

- 1 «Кто духом своим ни при каких обстоятельствах не ускоряет и не избегает смерти». «Земля никогда не запаздывает, не спешит и ничего не удерживает для себя: она достаточно великодушна; истины земли непрестанно ожидают, да они и не так уже скрыты; они спокойны, неуловимы и непередаваемы человеческим словом».
- 2 Карма — поступки человека или его действия, рассматриваемые как определяющие его судьбу после смерти, в последующем существовании.
- 3 Человек, достигший космического сознания, не стремится к вечной жизни — он уже приобрел ее.
- 4 «Nir» — «из», «vapa» — «дуновение», от корня «va» — «дуть» с приставкой «apa». Что нирвана не может означать погашения, потухания в смысле смерти, видно из следующего места: «И вскоре он достиг той высшей цели, нирваны, той высшей жизни, ради которой люди оставляют всякий домашний заработок и комфорт и становятся бездомными странниками; и эту высшую цель поставил он себе сам, и еще пребывая в этом видимом мире, он приходит к знанию, продолжая постигать и видеть лицом к лицу» [163:110].
- 5 Которая и необходима, если нирвана означает космическое сознание.
- 6 Не столько прекращение, сколько растворение индивидуального существования в мировом бытии.

Поэтому лучше отметить слово нирвана как обозначение буддистского высшего блага, являющегося благословенным состоянием духа, нравственным положением, видоизменением личного характера¹. Это слово должно было бы всегда напоминать нам так же, как и древним буддистам, путь, ведущий к уничтожению греха², и

перерыв в перенесении кармы, вызываемый уничтожением греха. Что таким должно быть действие нирваны — это совершенно ясно, так как то состояние духа, которое погашается в нирване (*upadana* — *klesa*, *trishna*), и есть именно то, что, согласно с великим таинством буддизма, при смерти ведет к образованию новой личности, на которую будет перенесена карма распавшегося или умершего. Эта новая личность состояла бы из известных материальных и духовных качеств или наклонностей, перечисленных, как уже сказано, в пяти скандхах^{*}, или составных частях. Общее имя для всех пяти будет *upadi* — слово, произведенное с намеком на вызвавшую их причину, — *upadana* (от *upada* — схватить рукой или умом)³.

Когда буддист становится архатом, когда он достигает нирваны, плода четвертой ступени, он уже погасил *upadana* и *klesa* (зablуждение)⁴; но он все еще жив; *upadi*, скандха, его физическое тело со всеми своими силами, иначе говоря, плоды его прежнего заблуждения остаются. Но они, однако, не постоянны и скоро исчезнут⁵; тогда уже не останется ничего, что могло бы вызвать возникновение нового ряда скандх, новой личности, и архат перестанет жить или существовать в каком бы то ни было смысле; он достигнет Париниббаны, полного погашения, или Нир-упана-сеса-ниббанадахату, погашения не только Танхи и огня страстей, но также упади и пяти скандх, т. е., обозначая все это одним словом, он достигнет смерти.

- 1 Изменение личности человека.
- 2 Потеря чувства греховности есть одна из наиболее поразительных черт обладания космическим сознанием.
- 3 Другими словами, желание (безразлично чего) — желание в абстрактном смысле — есть основа греха, кармы; оно и есть то, от чего надо освободиться. Но желание неотделимо от состояния самосознания и прекращается только с наступлением космического чувства.
- 4 Т. е. желание и грех.
- 5 Здесь мы имеем ту же точку зрения, как и у апостола Павла: недостойность, основная греховность плоти. Для буддистов нирвана (космическое чувство) есть все во всем, как для ап. Павла все во всем есть Христос (космическое чувство). Тело — это ничто, и даже меньше, чем ничто. Против этого, в высшей степени противоестественного взгляда (для возвышения космического чувства была хорошо придумана необходимость отб-

* «Скандхи» — деления качеств одаренного чувством существа: 1) материальные качества (гиря), 2) ощущения (*Vedana*), 3) отвлеченные понятия (*Sanna*), 4) наклонности или способности созидания (*Sankhara*) и 5) мысль, разум (*Vinnana*). — *Прим. ред.*

росить в «глубокую тень» все остальные стороны жизни) от начала до конца восставал Уитмен. Он, глазом истинного провидца, глазом абсолютной трезвости и здравого смысла, видел, что самосознательная жизнь в своем роде так же велика, как и жизнь нового чувства, как бы божественно ни было последнее. Он видел, что ничто никогда не было и не могло быть больше, чем простое зрение, слух, осязание, вкус, знание, — и на этом он утвердился. «Другое Я», говорит он, (прежнее я) «не должно унижаться перед тобою (новым чувством), и тебе не должно унижаться перед ним».

Жизнь человека, говоря словами постоянно повторяющейся буддистской притчи, подобна пламени индийской лампы, металлического или глиняного блюдечка с маслом, в котором плавает бумажный фитиль. Одна жизнь производится от другой подобно тому, как один огонь зажигается от другого; это не то же самое пламя, но без другого его не существовало бы. Как пламя не может существовать без масла, так жизнь, индивидуальное существование, зависит от привязанности к низким, земным предметам, от греховности сердца. Когда выйдет масло в лампе, она погаснет, хотя и раньше, чем истощится запас его, впитанный в себя фитилем, и тогда новое пламя не может быть возжено от нее. Подобным же образом распадутся и составные части и силы достигшего совершенства человека, и не народится на страдание новое существо. Мудрецы исчезнут, выйдут подобно пламени лампы, и их карма не будет более индивидуализируема.

Давно потухшие звезды все еще могут быть видимы для нас благодаря свету, который они испускали, прежде чем потухли; но быстро исчезающее действие недейтальной уже причины вскоре перестанет уже поражать наши чувства, и там, где был свет, будет мрак. Так же живущее,двигающееся тело достигшего совершенства человека все еще видно, хотя причина его уже перестала действовать; но оно скоро одряхлеет, и умрет, и исчезнет; и так как не произойдет новое тело, то там, где была жизнь, не будет ничего.

Таким образом, свобода от несовершенств конечного бытия есть результат нирваны, но не сама нирвана. Буддистское небо не есть смерть, и не смерти, а праведной жизни на земле Питак^{*} рас-

Человек, вошедший в нирвану (космическое чувство), обладает вечной жизнью, и всякая случайная смерть будет смертью того, что уже человеку более не нужно.

В словах «праведная жизнь» понимайте: жизнь с космическим чувством.

^{*} «Питаки» — собрания, так называются канонические книги южных буддистов. — Прим. ред.

точают выражение восторга, описывая архатство, цель превосходного пути, и нирвану как одно из проявлений его.

Так, профессор Макс Мюллер, первый указавший на этот факт, говорит («Притчи Буддагоши»): «Если разобрать в Дхаммападе* каждое предложение, в котором упоминается нирвана, то не окажется ни одного, в котором этому слову необходимо было бы придавать значение уничтожения, тогда как большая часть их, если не все, стали бы совершенно непонятны, если бы мы придали слову нирвана такое значение». То же самое следует сказать и относительно других частей Питак, текст которых теперь опубликован. Так, например, комментатор Джатак** приводит несколько стихов из Буддхавансы***, или Истории Будд (одной из книг второй Питаки). В этих стихах мы встречаем, между прочим, доказательство, основанное на том логическом положении, что если существует нечто положительное, то должно также существовать соответствующее отрицательное: если существует тепло, то должен существовать и холод, и т. д. В одной из таких пар существование противопоставляется не нирване, а несуществованию, в другой же паре три огня: вождление, ненависть и заблуждение противопоставляются нирване (Фаусболл, тексты Джатак). Отсюда следует, по моему мнению, что, по мысли составителя Буддхавансы, нирвана означала не погашение в смысле отрицания существования, а погашение в смысле отсутствия этих трех огней страсти»¹.

1 А такая жизнь радости и возвышенного проникновения, свободная от желаний, есть жизнь в космическом сознании.

Гаутама говорит: «Я пошел в Бенарес, где стал проповедовать закон пяти отшельникам. С этого момента начало двигаться колесо моего закона и слово нирвана появилось на свете» [164:56]. Это относится ко времени просветления Гаутамы и, по-видимому, слишком даже ясно показывает, что нирвана есть название космического сознания. В другом месте той же самой книги рассказывается о «человеке, который шел в ведении закона после достижения им нирваны» [164:125]. И опять: «Нирвана есть следствие постижения того, что все вещи — одинаковы» [164:129]. Затем еще: «Истинной нирваны нет без всведения [космического сознания]; старайтесь его достигнуть» [164:140]. Гаутама говорит также о себе, что он объясняет в этом мире «совершенный закон» и что он привел к нирване неисчислимое количество людей [30:179]. Если он объяснял «совершенный закон» и приводил к нирване еще при своей жизни, то сам он, несомненно, уже должен был достигнуть нирваны, находясь еще в живых. Следовательно,

* Сборник стихов; одна из многочисленных буддистских канонических книг, представляющая собой собрание изречений буддистской нравственной мудрости.

** 550 древнейших рассказов, сказок и басен.

*** Краткие жизнеописания двадцати четырех предшествовавших Будд и Гаутамы, исторического Будды. — *Прим. ред.*

Гаутама обращается к людям, достигшим нирваны. Как мог бы он делать это, если бы нирвана была уничтожением. В переводе Бюрнуфа говорится: «Я обращаюсь ко всем этим Кравакам, людям, достигшим состояния Pratyek-abuddha, к тем, которые были введены мною в нирвану, которые вполне освободились от непрерывной последовательности страданий» [30:22]. Точно так же и Шарипутра, благодаря и прославляя Гаутаму, говорит: «Сегодня я достиг нирваны». Поэтому, конечно, нирвана есть что-то такое, что человек может приобрести еще при жизни.

Книги северного буддистского канона настолько мало известны нам, что трудно установить содержащееся в них учение по тому или иному спорному вопросу, но, насколько можно будет судить, ими подтверждается употребление слова «нирвана» в том смысле, который мы находим в Питаках. В «Лалите-Вистаре»^{*} слово это попадает в нескольких местах, и ни в одном из них нет необходимости придавать ему значение уничтожения, и я полагаю, что и во всех них нирвана означает то же, что палийское «ниббана».

Тибетский перевод этого слова составляет целую фразу, означающую, по толкованию Бюрнуфа¹, «состояние того, кто освобожден от скорби», или состояние, в котором «находятся после такого освобождения». Это подтверждается обширным и ценным трудом Била о буддизме в Китае; китайская версия санскритской Паринирвана-Сутры гласит: «Нирвана именно такова. Среди страдания нет нирваны, и в нирване нет страдания».

-
- 1 У Бюрнуфа говорится так: «Идея освобождения (искупления) — единственная идея, которую в Тибете усматривали в слове нирвана. Эту идею они только и перевели. В их версиях санскритских текстов Непала, термин нирвана передается словами — *puṅgan-las-hdah-ba*, что в буквальном переводе значит: «состояние того, кто освободился от страдания», или «состояние, в котором находится человек после такого освобождения» [29:17].

Древние санскритские источники позднейших буддистов, подобно палийским Питакам, по-видимому, все смотрят на нирвану как на нравственное состояние, которое должно быть достигнуто здесь, в этом мире, при жизни.

* Самое авторитетное санскритское сочинение индийских буддистов о жизни Гаутамы. Это — поэма о рождении и искушении Гаутамы, основанная на древнейших жизнеописаниях учителя, подобно тому, как «Возвращенный Рай» Мильтона есть поэма о рождении и искушении Христа, основанная на евангельских свидетельствах. — *Прим. ред.*

Наконец, чтобы показать, что, когда это слово употребляется теми, кто мог лучше всех знать его значение, оно едва ли может значить смерть и легко может означать то, что мы здесь называем космическим сознанием, приводим следующие выдержки из Дхаммапады, одной из самых старых и самых чтимых книг буддийского писания. Все места этой книги, в которых встречается слово нирвана, выписаны здесь, и параллельно к ним даны выдержки из других, аналогичных по смыслу текстов:

«Размышление — путь к бессмертию (к нирване), легкомыслие — путь к смерти. Бодрствующий в размышлении не умирает никогда; легкомысленные, неверующие подобны мертвым» [156:9]. «Нирваны, высочайшего счастья, достигают эти мудрецы, самоуглубленные, размышляющие, обладающие истинным могуществом» [156:9]. «В размышлении наслаждается отшельник (бикша); он бежит легкомыслия. Не потеряет мудрый достигнутого совершенства — он уже близок к нирване» [156:11]. «Один путь ведет к богатству, иной путь ведет к нирване, — если сознал это монах, ученик Пробужденного, не станет он сокрушаться о мирских почестях, он будет стремиться к уединению» [156:22].

«Как воздушный путь птиц, не уловим путь того, кто отрекся от довольства, шествует стезею познания, чьи похоти утасли, кто вперил взор свой в Неописуемое, кто к нирване устремил свои помыслы» [156:27]. «Вновь возрождают-

В этой книге уже неоднократно указывалось, что серьезность ума есть условие *sine qua* non для достижения космического сознания. Приведенные здесь слова убедительно подчеркивают эту точку зрения.

После того как Конфуций увидел Лао-цзы, он сказал своим ученикам: «Я знаю, что птицы могут летать, рыбы — плавать, а звери — бегать; однако же бегущего можно поймать в сеть, плавающего — на крючок, а летящего — убить из лука. Но есть еще дракон; я не могу сказать, как он поднимается на крыльях в облака и исчезает в небе. Сегодня я видел Лао-цзы и могу его сравнить только с драконом». Мы можем сказать то же самое почти о каждом из упоминаемых в этой книге людей — обладателей космического чувства.

ся люди: ввысь восходят благие, злые же низвергаются в бездну; тот, кто свободен от всех земных желаний, достигнет блаженства нирваны» [156:28]. «Подобно разбитому колоколу, ты не издашь более звука, — ты в нирване, ты покоен, и ни споры, ни соревнования уже недоступны тебе» [156:35]. «Будь добр и ретив, как хорошо объезженный конь, возбужденный бичом: верностью, добродетелью, размышлением, любовью к закону, ты победишь это великое страдание, совершенный в жизни и знании, никогда не забывающий должное» [156:37]. «Пробужденный величает терпение высшей добродетелью, смирение — высочайшим блаженством (нирваной); недостойн имени отшельника тот, кто поработает ближнего, не аскет — кто обижает его» [156:50].

«Голод — худшее из бедствий; безумная мечта жизни — величайшее страдание; кто постиг это, верную истину, для того высшее счастье в нирване» [156:54]. «Здоровье — величайшее благо; довольство — богатейшее из сокровищ, спокойствие — лучший друг; но высшее счастье в нирване» [156:55]. «Кто волнуется одной лишь жадой Неизъяснимого (нирваны), тот, умиротворенный и свободный от влечений, назовется «пересекающим течение» [156:57]. Мудрые, не приносящие никому горя, идущие стезею святости, погрузятся в Непреходящее (нирвану), где утаснет всякая скорбь» [156:58]. «Кто неустанно бодрствует, и днем и ночью совершенствуясь в верном знании, кто горячо стремится к Неугасному (нирване), тот уташает в себе всякую страсть» [156:58]. «Вырви всякое самолюбие, как в осеннее время вырывают лотос! Вспомни путь успокоения, тот путь к Неизменному (нирване), о котором вещал Совершенный» [156:69]. «Благой и мудрый, ясно сознавши смысл этого, быстро расчистит путь, ведущий к успокоению (нирване)» [156:69]. «Ибо никто не проедет на этих животных той непротоптанной дорогой, по которой пройдет только укротивший себя, — в царство успокоения (нирвану)» [156:77]. «Кто, выйдя из леса, опять начинает вести лесную жизнь и тот, кого вывели из леса, опять бежит в лес — взгляните на безумца: уже освобожденный, достигший нирваны, он сам себя вновь заковывает в цепи прежнего рабства» [156:81]. «Тот нищенствующий монах, чья жизнь — любовь, чья радость — поучения Будды, приоб-

ретает покой и благодать нирваны, где конец санскарам» [156:86]. «О монах, опорожни тяжелый челн свой, — опорожненный, он легко понесется; отринув страсти и ненависть, ты достигнешь блаженства успокоения (нирваны)» [156:86]. «Не дано глубокое размышление неведующему, и мудрость не дана неуглубленному в размышления; только самоуглубленный монах близок к блаженству угашения (нирване)» [156:87]. «Все глубже и глубже вникая в сущность этого обманчивого жизнесмертного видения (скандх), он находит счастье и радость: счастье и радость — удел тех, кто постиг бессмертное (нирвану)» [156:87]. «Монах, покойный в действиях и словах, добрый и умиротворенный, отринувший все мирские прелести, назовется «успокоенным», достигнув мирного пристанища (нирваны)» [156:88].

XIII

Итак, Гаутама обладал космическим сознанием, и центральная доктрина его системы, нирвана, является доктриной космического чувства. Весь буддизм может быть выражен следующими словами: существует состояние, настолько счастливое и прекрасное, что все остальное в жизни не стоит внимания в сравнении с ним; это — драгоценная жемчужина, чтобы купить ее, мудрый человек добровольно продаст все, что имеет; такое состояние может быть достигнуто человеком. Цель всей буддийской литературы в том, чтобы дать некоторое понятие об этом состоянии и повести жаждущих к этой стране, в буквальном смысле являющейся Царством Божьим.

* «Санскара» или «сансара» (самсара) — царство, в котором пребывают неведущие, как «нирвана» (ниббана) — сфера непреходящего, неизменного, вечного. — *Прим. ред.*

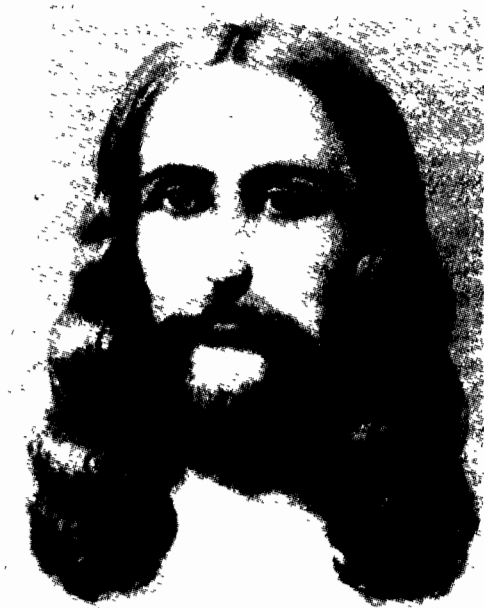
Глава 2

Иисус Христос

От редакции издания:

Принципиально избегая всего, что односторонне затрагивает религиозное чувство читателя, мы не считаем, однако, возможным исключить вовсе эту главу из книги — она слишком важна для ее общей темы. Мы все же обращаем при этом внимание читателя на то, что в этой главе автор говорит исключительно о человеческой стороне Христа-Богочеловека.

Иисус родился в 4 году до Христианской эры; Ему было тридцать четыре или тридцать пять лет от роду, когда Он вышел на проповедь; следовательно, время Его озарения, если мы предполо-

жим, что оно у Него было, относится, по крайней мере, к тридцати трем годам.

Другие писатели считают Иисуса старше. Сазерленд [171:140] говорит: «Иисус умер в 35 году». По этому счету Он умер тридцати девяти лет от роду, вышел на проповедь в тридцать шесть лет или тридцать восемь лет (первое, если Он проповедывал, как говорит Иоанн, три года; второе, если Он поучал всего в течение одного года, как говорят нам синоптические евангелия); Ему было, таким образом, тридцать пять или тридцать шесть лет в период просветления*.

* «Review of Reviews» (январь 1897 г.) так суммирует доказательства, касающиеся этого пункта:

«Один из наиболее выдающихся, находящихся еще в живых авторитетов по жизнеописаниям Христа, д-р Коннингем Гейки в «Homilctic Review» так пишет о различных попытках определить точную дату рождения Мессии:

«Ясно, что общепринятая хронология аббата Дионисия Карлика, относящаяся к первой половине шестого века, запаздывает на несколько лет, относя рождение Христа к 754 году римского летоисчисления; известно, что Ирод умер в 750 году, Иисус же родился еще в царствование Ирода. Д-р Гейки указывает и на другие важные ошибки в исчислениях Аббата Дионисия.

«Дионисий основывал свои вычисления на словах св. Луки, что Иоанн Креститель, бывший немного старше Иисуса, начал свое служение в пятнадцатом году царствования Тиберия и что Иисусу «было около тридцати лет, когда он вышел на проповедь» (Лк. III, 1-23). Этот пятнадцатый год царствования Тиберия мог быть 782 или 783 годом от основания Рима; вычитая отсюда тридцать, получим 752 или 753 гг.; к последнему Дионисий прибавил один год, предполагая, что выражение ап. Луки «около тридцати лет» вынуждало его накинуть еще этот год. Но это неопределенное «около» было слабой отправной точкой, и, кроме того, царствование Тиберия можно считать от слияния его с правлением Августа, т. е. от 765 г. вместо 767 г. Приведенный текст ап. Луки не может, поэтому, точно определить ни дня, ни месяца, ни даже года рождения Христа. Это видно и из разногласий на этот счет в первоначальной христианской церкви, а также и из того факта, что 25 декабря, как день Рождества Христова, установлен только в четвертом веке. Из Рима вышло постановление о праздновании этого дня».

Наиболее разумное заключение следующее:

«Более всего приближается к верному определению утверждение, что Ирод жил еще некоторое время после рождения Христа. Младенцу-Искупителю было около шести недель, когда его принесли в храм. Неизвестно, насколько позже после этого произошло поклонение волхвов. Избиение в Вифлееме всех младенцев до двухлетнего возраста произошло в том предположении, что волхвы должны были прийти в Иерусалим уже долгое время спустя после рождения ожидаемого царя, иначе не было смысла избивать детей двухлетнего возраста, если бы Иисусу в это время было всего несколько недель или даже месяцев от рождения. Что избиение, о котором рассказывается в Евангелии, было действительно, подтверждается упоминанием о нем в сатире Макробия (Сат. II, 4); так что преступление это — историческая истина, и «высшая» критика, считающая факт этот басней, уличена в ошибке. Но если Христос родился за два года до смерти Ирода, — а он мог родиться даже еще и раньше, — то это великое событие падает на 748 г., или на шесть лет раньше начала нашей эры».

Если мы согласимся с выводами этого автора, то окажется, что Иисусу было около тридцати пяти лет в эпоху его озарения.

Все ясно указывает на то, что в определенном возрасте в Иисусе произошла заметная перемена, что, до известного возраста ничем почти не отличаясь от других, Он вдруг сразу поднялся до такого духовного уровня, который поставил Его на голову выше обычных людей. Кто знал Его дома мальчиком и юношей, не мог понять Его превосходства. «Не плотников ли Он сын?» [14:13:55] — спрашивали они. Или, как говорится в другом месте: «Не плотник ли Он, сын Марии?.. и соблазнялись о Нем» [15:6:3]. Этот заметный духовный подъем, внезапно наступивший в таком возрасте, уже сам по себе почти может служить показателем появления космического чувства.

Самые ранние записанные и, по всей вероятности, подлинные рассказы о просветлении Иисуса говорят следующее: «И когда выходил из воды, тотчас Он увидел разверзающиеся небеса, и Духа, как голубя, сходящего на Него. И глас был с небес: **Ты Сын Мой Возлюбленный, в Котором мое благоволение.** Немедленно после того Дух ведет Его в пустыню» [15:1:10–12]. По преданию, просветление Иисуса произошло 6 или 10 января [133а:63].

Тот факт, что Иисус пришел креститься к Иоанну, показывает, что ум Его был настроен религиозно, и заставляет предположить, что (до просветления) Иисус обладал пылким, ищущим темпераментом, из которого и возникает (когда оно вообще возникает) космическое чувство. Нет необходимости предполагать, что просветление у Него наступило непосредственно сейчас же после крещения или что между этими двумя событиями была какая-нибудь особая связь. Импульс, заставивший Иисуса искать одиночества после просветления, — обычен, если не вполне универсален. Апостол Павел также испытал этот импульс и повиновался ему.

Выражение «Он увидел разверзающиеся небеса» довольно хорошо описывает появление космического чувства, которое (как мы уже говорили) приходит мгновенно, внезапно, как будто бы с умственного взора резким движением срывается покрывало, оставляя широкий простор зрению.

Например, описывая подобное же появление космического сознания, Хуан Иепес, спрашивая себя, Бог или человеческая душа действует в таких, по-видимому, чудесных случаях, приходит к заключению: «Это душа, которая движется и пробуждается, как будто

Бог снял одну из многих расстилающихся перед ней завес, чтобы она могла узреть и понять Его».

Точно так же и смысл слов «Ты Сын Мой Возлюбленный» совершенно сходится с переживаниями этого момента во всех случаях космического озарения. Слова Данте «О любовь, правящая небом, ты, чей свет вознес меня» представляют собою совершенно параллельные выражения. Голос, звучащий при этом как бы извне, — явление также обычное: он слышался и Павлу, и Магомету.

Другим важным элементом в этих случаях является так называемое «искушение». В этом отношении принятая теория гласит, что Иисус в возрасте тридцати трех или даже тридцати пяти лет ничем не отличался от других, кроме Своей «избранности» для духовного развития, избранности, которая была глубоко скрыта в Его природе, даже от Него Самого. Внезапно, мгновенно наступила перемена, и Он почувствовал и узнал внутри Себя присутствие, по-видимому, безграничной духовной силы, благодаря действию которой, пожалуй, можно было достигнуть решительно всего. Как же надо было пользоваться этой силой? К какой цели идти? К власти? К богатству? К славе? Или к чему-нибудь другому [14:4:1–10]?

Иисус, как и все испытавшие просветление, быстро пришел к решению, что проснувшаяся в Нем сила должна быть использована для блага человечества. Почему Он, почему все они приходят к этой мысли?

Потому что моральная высота, являющаяся частью космического сознания, не допускает никакого другого решения. Если бы это было не так, если бы интеллектуальное просветление не сопровождалось моральной экзальтацией, то эти люди, несомненно, призвали бы к действию такое множество демонов, что они разрушили бы весь мир. Искушение обязательно свойственно всем случаям появления космического сознания, хотя не во всех говорится о нем. Сущность искушения заключается в попытке прежнего самосознающего «я» призвать новые силы на помощь при выполнении его прежних желаний. Дьявол тут, следовательно, — это прежнее, самосознательное «я» человека. Дьявол (Мара) являлся и Гаутаме, так же как и Иисусу [157:69], и убеждал его не вступать на новый путь, а держась старых религиозных обычаев, вести спокойную и комфортабельную жизнь. «Чего ты хочешь достигнуть своими усилиями?» — сказал он ему. Мара не старался прельстить Гаутаму предло-

жениями богатства и власти, потому что Гаутама уже обладал ими и еще в эпоху простого самосознания уже познал суетность и того, и другого.

Как уже было указано, каждый человек, входящий в космическое сознание, непременно проходит через подобное же искушение. Как и все, был искушаем и Бэкон, и как, несомненно, пали бы многие другие, в известном смысле пал и он. Он почувствовал в себе такую громадную силу, что ему казалось, будто он может поглотить богатства как космического чувства, так и самосознания — богатства неба и земли. Позднее он горько раскаялся в своей алчности. Он признает исходящий от Бога дар божественной способности — «благодатный талант», — который, по его словам, «хотя он и не зарыл в землю, но и не воспользовался им надлежащим образом, а растратил его на такие вещи, на которые он меньше всего предназначался» [175:469].

Превосходство Иисуса над обыкновенными людьми заключалось, между прочим, в следующем:

- в интеллектуальной проницательности;
- в моральной высоте;
- во всеобъемлющем оптимизме.

Умственное превосходство, отличающееся такими чертами, опять-таки, почти несомненно, является уделом всех тех, кто вошел уже в космическое сознание, и потому, если присутствие его определенно засвидетельствовано, то этого уже достаточно для решения вопроса о том, что человек обладает космическим чувством.

Свидетельства синоптических евангелий о преображении Иисуса могут быть объяснены тем, что Его видели в самый момент проявления в Нем космического сознания. Вот эти свидетельства: «И преобразился пред ними: и просияло лицо Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет» [14:17:2]. «И преобразился пред ними: одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить» [15:9:2-3]. Странно, что этот зритель ограничил свои наблюдения только одеждой Иисуса. И дальше: «И когда молился, вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающей» [16:9:29]. Считается, что никакое другое, известное нам человеческое состояние (кроме состояния космического сознания) не может оправдать вышеприведенных слов. Перемену в «одежде» Иисуса, о которой тут говорится, нужно понимать как отраженное сияние Его лица и всего Его облика.

В Евангелии от Евреев* встречается следующее место: «Именно теперь, мать моя, Дух Святой, взяв меня за один волос, вознес меня на высокую гору Фавор» [109:63]. Баур и Хингельфильд считают, по-видимому, что это есть самое первоначальное из всех повествований о преображении; но если это и так, то оно ничуть не умаляет свидетельств апостолов Марка и Луки.

Еще и теперь есть люди (автор знает одного из них), видевшие то, что описывается (и хорошо описывается) в приведенных словах Евангелия.

Итак — вот несколько веских оснований, заставляющих нас верить, что Иисус обладал космическим чувством. Дальнейшие доводы (если они требуются) заключаются в том, что Иисус духовно стоит на вершине всей человеческой расы, и если существует такая способность, как космическое сознание, описанное в этой книге, то Он должен обладать им, иначе Он не мог бы занимать такого выдающегося положения.

II

Приходится в высшей степени пожалеть о том, что такой необыкновенный человек, как Иисус, не оставил миру собственноручной записи своего учения. Каким бы драгоценным сокровищем был этот томик, хотя бы и самый маленький по своим размерам, но действительно написанный самим Иисусом! Однако же до нас все-таки дошло столько приписываемых Иисусу изречений, подтвержденных, по-видимому, заслуживающими доверия авторитетами, что многие из них мы почти с полной уверенностью можем считать за довольно точную передачу смысла подлинных слов самого Иисуса.

Затем, если Иисус обладал космическим сознанием, то Он должен был часто говорить о нем, как это делали другие, обладавшие таким же сознанием. Если же Он говорил о нем, то всякий человек, знакомый с космическим чувством, может легко понять слова, к Нему относящиеся, тот же, кто с этим чувством незнаком, конечно, будет толковать все эти слова иначе.

* Евангелие от Евреев (вернее, по Евреям, *seccudam Hebraeos*). Это евангелие нельзя назвать апокрифическим в том смысле, которое придается теперь этому слову; оно является не позднейшим измышлением или переработкой более древних текстов, а, наоборот, принадлежит к числу древнейших памятников христианской письменности. По-видимому, Евангелие от Евреев было в употреблении в иудео-христианских кругах. — *Прим. ред.*

И нет надобности приписывать это ошибочному толкованию, так как слова Иисуса (как и слова Данте, Шекспира и Уитмена) могут заключать в себе и, несомненно должны были, по намерению их авторов, несколько значений.

Кроме того, так как Иисус не записывал сам своего учения, а слова его передавались потомству устно путем преданий (по крайней мере, некоторое время), и так как слова эти (как это теперь допускают) несовершенно понимались теми, кто их передавал дальше, то изречения Иисуса неизбежно должны были подвергнуться изменениям. И действительно, в некоторых местах Его учения они, несомненно, были, а во многих других — они, вероятно, были изменены. Фразы, значение которых понятно только отчасти, не могут при устной передаче остаться неизменными, разве только в том случае, когда они уже успели сделаться священными, как это было с Ведами; приданный фразам неточный смысл неизбежно толкнул бы и привел бы к более или менее важным изменениям в самих изречениях, с целью подогнать их к желаемому смыслу.

Следовательно, если Иисус обладал космическим чувством и указывал на него более или менее часто в Своем учении, то некоторые, если не все места, относящиеся к этому чувству, дошли до нас более или менее измененными. Тем не менее остается еще много изречений, очевидно, непосредственно исходящих от Иисуса и особенно бросающихся в глаза в синоптических евангелиях; эти места, даже в приданной им теперь форме, по-видимому, безошибочно указывают на присутствие у Иисуса рассматриваемой нами способности. И если некоторые из этих мест говорят о космическом сознании менее ясно, чем другие, то различие это можно смело отнести на счет указанной причины. Мы имеем в виду те места, в которых говорится о том, что Иисус называл иногда «Царством Небесным», а иногда «Царством Божьим».

III

Приводимые цитаты охватывают все наиболее важные и значительные места, в которых эти выражения встречаются в евангелиях и которые приводятся как подлинные слова самого Иисуса:

Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное¹ [14:5:3].

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное² [14:5:10].

Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном³; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном. Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное [14:5:19–20].

Ищите же прежде Царства⁴ Божия и правды Его, и это все приложится вам [14:6:33].

Не всякий говорящий Мне: «Господи! Господи!» войдет в Царство Небесное⁵, но исполняющий волю Отца Моего небесного [14:7:21].

Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном⁶. А сыны царства извержены будут во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов [14:8:11–12].

Истинно говорю вам⁷: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя; но меньший в Царстве Небесном больше его. От дней же Иоанна Крестителя доньне Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилия восхищают его [14:11:11–12].

Если же Я Духом Божьим⁸ изгоняю бесов, то, конечно, достигло до вас Царство Божье [14:12:28].

-
- 1 Объятый гордостью человек вряд ли может приобрести космическое чувство.
 - 2 Дух преследования едва ли может привести к космическому сознанию, но последнее почти неизбежно вызывает первое.
 - 3 Человек, ведущий дурную жизнь и вовлекающий в нее других, должен быть назван «малейшим», так же как сознательно добрый человек должен быть назван «великим» с точки зрения космического чувства. Но ни один человек не мог никогда войти в космическое сознание только потому, что он исполнял заповеди, хотя бы даже и очень строго. Если духовная жизнь человека не переходит пределы ортодоксальности и условности, то он ни в коем случае не войдет в космическое сознание.
 - 4 Пусть будет у человека космическое чувство, и он вряд ли станет печалиться о земных благах. У него, вероятно, будет все, что ему надо, как бы мало ни было его достояние.
 - 5 Никто не достигнет космического чувства одной молитвой, но достигнет его благодаря наследственности и высокой, чистой жизни.
 - 6 Царство Небесное не только для евреев, но и для язычников.

- 7 Среди людей, обладающих только самосознанием, среди «рожденных женами» — в отличие от тех, кто еще не рожден, и тех, кто «рожден снова», нет более великого, чем Иоанн. Но самый меньший из обладающих космическим чувством — выше его. Со времени Иоанна Царство Небесное терпит насилие (превратно истолковывается и т. д.) в лице Иисуса.
- 8 Духовная Его власть свидетельствовала о том, что он вошел в космическое сознание (Царство Небесное).

Вам дано знать тайны Царствия Небесного¹, а им не дано [14:13:11].

Царство Небесное² подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем. Когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел [14:13:24]. Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем, которое, хотя меньше всех семян, но когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его [14:13:31–32].

Царство Небесное подобно³ закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло всё [14:13:33].

Еще подобно Царство Небесное⁴ сокровищу, скрытому на поле, которое, найдя, человек утаил, и от радости о нем идет и продает всё, что имеет, и покупает поле то [14:13:44].

Еще подобно Царство Небесное⁵ купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал всё, что имел, и купил ее.

Еще подобно Царство Небесное⁶ неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег, и съев, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон [14:13:45–47].

И дам тебе ключи Царства Небесного⁷; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах [14:16:19].

В то время ученики приступили⁸ к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное [14:18:1].

Посему Царство Небесное подобно царю, который хотел сосчитать с рабами своими. Когда начал он считаться, приведен был к

нему некто, который должен был ему десять тысяч талантов. А как он не имел, чем заплатить, то государь его приказал продать его, и жену его, и детей, и все, что он имел, и заплатил. Тогда раб тот пал, и, кланяясь ему, говорил: «государь! потерпи на мне, и все тебе заплачу». Государь, умилосердившись над рабом тем, отпустил его и долг простил ему. Раб же тот, выйдя, нашел одного из товарищей своих, который должен был ему сто динариев, и, схватив его, душил, говоря: «отдай мне, что должен». Тогда товарищ его пал к ногам его и говорил: «потерпи на мне, и все отдам тебе!» Но тот не захотел, и пошел и посадил его в темницу, пока не отдаст долга. Товарищи его, видев происшедшее, очень огорчились и, придя, рассказали государю своему все бывшее. Тогда государь его призывает и говорит: «злой раб! весь долг тот я простил тебе, потому что ты упросил меня. Не надлежало ли и тебе помиловать товарища твоего, как и я помиловал тебя?» И разгневавшись, государь его отдал истязателям, пока не отдаст ему всего долга⁹ [14:18:23–34].

- 1 В силу своей личной близости к Иисусу ученики видели и понимали сверхчеловеческое величие Его ума. Они в нем видели Царство Небесное — высшую жизнь.
- 2 Антагонизм между космическим чувством и простым умом в стадии самосознания; и неизбежное, окончательное подчинение последнего первому. Это совершенное изображение первоначально кажущейся незначительности космического чувства, существующего в одном или в нескольких с виду невежественных темных индивидуумах, и в то же время картина конечного, подавляющего преобладания его, как ввиду мирового распространения учения о нем его обладателями (Гаутамай, Иисусом, Павлом и Магометом), так и особенно ввиду неизбежной универсальности космического чувства в будущем.
- 3 Если возможен еще более точный символ, то космическое чувство служит закваской, заставляющей подняться индивидуума, а теперь поднимает и весь мир.
- 4 Человек, обладающий космическим чувством, от всего отказывается ради него; доказательством чего является вся эта книга.
- 5 То же самое утверждение, по выраженное иначе.
- 6 Соответствует притче о пшенице и плевелах.
- 7 Космическое чувство есть конечный судья добра и зла. Иисус, по-видимому, предвидел установление школы или секты, члены которой должны обладать космическим чувством.
- 8 Это «лицо», говорит Уитмен, «здорового, чистого мальчика является начертанием всякого добра» [193:355].
- 9 Космическое чувство стоит, как царь, высоко над простым умом, находящимся в стадии самосознания. Оно проявляет абсолютное милосердие к последнему, который постоянно борется с самим собой, но в конце концов ум, обладающий космическим сознанием, совершенно сотрет с земли и заменит умы, обладающие только самосознанием. А пока людям, находящимся в плоскости самосознания, сильно не хватает терпения и милосердия.

Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие¹ [14:19:24].

Ибо Царство Небесное² подобно хозяину дома, который вышел рано поутру нанять работников в виноградник свой. И, договорившись с работниками по динарию на день, послал их в виноградник свой. Выйдя около третьего часа, он увидел других, стоящих на торжище праздно. И им сказал: «идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, дам вам». Они пошли. Опять выйдя около шестого и девятого часа, сделал то же. Наконец, выйдя около одиннадцатого часа, он нашел других, стоящих праздно, и говорит им: «что вы стоите здесь целый день праздно?»

1 Автор не знает примера человека, который был бы погружен в заботы о деньгах и вошел бы в космическое сознание. Весь дух этих забот находится в антагонизме к космическому чувству.

2 Космическое чувство не дается в награду за выполненную работу или в воздаяние за заслуги, как это может ожидать человек, обладающий лишь самосознанием. Почему бы тогда избранными оказались Иисус, Иепес и Бёме, а Гете, Ньютон и Аристотель остались бы в стороне?

Они говорят ему: «никто нас не нанял». Он говорит им: «идите и вы в виноградник мой, и что следовать будет, получите». Когда же наступил вечер, говорит господин виноградника управителю своему: «позови работников и отдай им плату, начав с последних до первых. И пришедшие около одиннадцатого часа получили по динарию.

Пришедшие же первыми думали, что они получают больше; но получили и они по динарию. И, получив, стали роптать на хозяина дома, и говорили: «эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной». Он же в ответ сказал одному из них: «друг! Я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мной? Возьми свое, и пойдешь; я же хочу дать этому последнему то же, что и тебе. Разве я не властен в своем делать, что хочу! Или глаз твой завистлив оттого, что я добр?» Так будут последние первыми, и первые последними [14:20:1–15].

У одного человека было два сына; и он, подойдя к первому, сказал: «сын! пойдешь сегодня работать в винограднике моем». Но он сказал в ответ: «не хочу»; а после, раскаявшись, пошел. И подойдя к другому, он сказал то же. Этот сказал в ответ: «иду, государь»; и не

пошел. Который из двух исполнил волю отца? Говорят Ему: первый. Иисус говорит им: «истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие [14:13:11].

Своим ответом первосвященники и старейшины сами осудили себя. Они сказали: «Иду, господин» и не пошли, а мытари и блудницы ничего не обещали, но, как указывает Евангелие, подчас проявляли прекрасное сердце. Они легко могут быть ближе к космическому сознанию, чем самодовольные высшие классы. В самом деле, найдется ли где-нибудь пример того, чтобы самодовольный человек получил просветление?

Потому сказываю вам, что отнимется от вас Царство Божие¹ и дано будет народу, приносящему плоды его [14:21:43].

Иисус, продолжая говорить им притчами, сказал: Царство Небесное² подобно человеку царю, который сделал брачный пир для сына своего. И послал рабов своих звать званых на брачный пир; и не хотели прийти. Опять послал других рабов, сказав: «скажите званым: вот я приготовил обед мой, тельцы мои и что откормлено, заколото, и все готово; приходите на брачный пир!» Но они, пренебрегши то, пошли, кто на поле свое, а кто на торговлю свою. Прочие же, схватив рабов его, оскорбили и убили их. Услышав о сем, царь разгневался; и послав войска свои, истребил убийц оных и сжег город их. Тогда говорит он рабам своим: «брачный пир готов, а званые не были достойны. Итак, пойдите на распутия и всех, кого найдете, зовите на брачный пир». И рабы те, выйдя на дороги, собрали всех, кого только нашли, и злых и добрых; и брачный пир наполнился возлежащими. Царь, войдя посмотреть возлежащих, увидел там человека, одетого не в брачную одежду. И говорит ему: «друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде?» Он же молчал. Тогда сказал царь слугам: «связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов. Ибо много званых, а мало избранных» [14:22:1–14].

1 Космическое чувство приходит исключительно к тем людям, которые обладают высшей нравственной природой.

2 Царь — это Бог; брачный пир — это космическое сознание; званые — те, кому были даны лучшие условия для духовного возвышения: достаток, свободное время и т. д., — но вместо того, чтобы пользоваться ими для предназначенной цели (духовного роста), они пребывали только в заботах о самих себе. Тогда Бог послал своих пророков, чтобы

раскрыть им их заблуждения; они же не хотели ничего слушать, и даже преследовали пророков. Тогда, раз состоятельные, образованные и признающие религию люди не отозвались на приглашение, оно было обращено к другим. Но богатый и бедный, ученый и неученый, набожный и отверженный, — кто бы ни пришел, всякий должен иметь брачную одежду — ум его должен быть облечен смиреннием, искренностью, благоговением, чистотой и неустрашимостью. Если бы человек мог обеспечить доступ на пир без этих качеств, то он был бы растерзан на части.

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам; ибо сами не входите и желающих войти не допускаете [14:23:33].

Формальная, бездушная религия книжников и фарисеев (а такова во многом и христианская религия нашего времени) находилась в антагонизме с ростом духа, необходимого для космического сознания. Книжники и фарисеи старались не допускать (пос-

кольку это было в их власти) никакой духовной жизни и роста, выходящего за пределы узких рамок, наложенных их «законом».

Тогда подобно будет Царство Небесное десяти девам, которые, взяв светильники свои, вышли навстречу жениху. Из них пять было мудрых и пять неразумных. Неразумные, взяв светильники свои, не взяли с собою масла¹. Мудрые же, вместе со светильниками своими, взяли масла в сосудах своих. И как жених замедлил, то задремали все и уснули. Но в полночь раздался крик: «вот жених идет, выходите навстречу ему!» Тогда встали все девы те и поправили светильники свои. Неразумные же сказали мудрым: «дайте нам вашего масла, потому что светильники наши гаснут». А мудрые отвечали: «чтобы не случилось недостатка и у нас и у вас, пойдите лучше к продающим и купите себе». Когда же пошли они покупать, пришел жених, и готовые вошли с ним на брачный пир, и двери затворились. После приходят и прочие девы и говорят: «Господи! Господи! отвори нам». Он же сказал им в ответ: «истинно говорю вам, не знаю вас». Итак, бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий [14:25:1-12].

Ибо Он поступит² как человек, который, отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им имение свое: и одному он дал пять талантов, другому два, иному один, каждому по его силе; и тотчас отправился. Получивший пять талантов пошел, употребил их в дело и приобрел другие пять талантов. Точно так же и получивший два таланта приобрел другие два. Получивший же один талант пошел и закопал его в землю и скрыл серебро господина своего. По долгом времени приходит господин рабов тех и

требует у них отчета. И, подойдя, получивший пять талантов принес другие пять талантов и говорит: «господин! пять талантов ты дал мне; вот, другие пять талантов я приобрел на них». Господин его сказал ему: «хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен; над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего». Подошел также получивший два таланта и сказал: «господин! два таланта ты дал мне; вот, другие два таланта я приобрел на них». Господин его сказал ему: «хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего». Подошел и получивший один талант и сказал: «господин! я знал тебя, что ты человек жестокий; жнешь, где не сеял, и собираешь, где не рассыпал; и, убоявшись, пошел и скрыл талант твой в земле; вот тебе твое». Господин же его сказал ему в ответ: «лукавый раб и ленивый! ты знал, что я жну, где не сеял, и собираю, где не рассыпал; посему надлежало тебе отдать серебро мое торгующим, и я, придя, получил бы мое с прибылью. Итак, возьмите у него талант и дайте имеющему десять талантов. Ибо всякому имеющему дается и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет; а негодного раба выбросьте в тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов» [14:25:14–30].

И сказал: Царствие Божие³ подобно тому, как если человек бросит семя в землю; и спит, и встает ночью и днем, и как семя всходит и растет, не знает он [15:4:26].

И сказал им: истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие⁴, пришедшее в силу [15:9:1].

И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царствие Божие⁵, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную, где червь их не умирает и огонь не угасает [15:9:47].

Закон и пророки до Иоанна; с сего времени Царствие Божие⁶ благовестуется, и всякий усилием входит в него [16:16:16].

Быв же спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие⁷, отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом; и не скажут: «вот, оно здесь», или: «вот, там». Ибо вот Царствие Божие внутри вас есть [16:17:20–21].

Он сказал им: истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или родителей, или братьев, или сестер, или жену, или детей для Царствия Божия⁸, и не получил бы гораздо более в сие время, и в век будущий жизни вечной [16:18:29–30].

Иисус сказал ему в ответ: истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия⁹. Никодим говорит Ему: Как может человек родиться, будучи стар? Неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться? Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие [17:3:3–5].

-
- 1 Космическое чувство не приходит к людям легкомысленным, а только к сосредоточенным, которые прилежно применяют все способы, ведущие к духовному развитию. Девы все задремали; никто из них не знал, что «жених» уже приближается, но одни приняли необходимые меры, другие — нет.
 - 2 Человек одарен самосознанием; прежде, чем подняться выше его, он должен извлечь из него как можно больше пользы. Или, другими словами, превращая это положение в трюизм, человек должен достигнуть вершины умственных слоев, называемых самосознанием, прежде чем он перейдет в высшую плоскость, называемую космическим сознанием. Иисус в притче говорит: Бог наделил каждого человека способностью самосознания, но в различной мере; перейдет ли он (всякий данный индивидуум) за пределы самосознания и достигнет ли Царства Небесного (космического сознания), зависит не столько от размеров этих способностей, сколько от того употребления, которое человек из них делает. Не подлежит сомнению, что в этом положении много правды. Если же, с другой стороны, человек пренебрегает развитием этих способностей, то он осужден безнадежно оставаться в плоскости самосознания; тут был, есть и всегда будет плач и скрежет зубов.
 - 3 Семя (жизнь, полная стремлений) должно быть посеяно. Мы не знаем, что из него вырастет; проходят дни и ночи, и вот в какой-нибудь момент — в постели, на прогулке пешком или в экипаже долгожданный гость появляется. См. выше некоторые из притч Евангелия от Матфея.
 - 4 Среди присутствующих есть такие, которые войдут в космическое сознание. Человеку, обладающему космическим сознанием, кажется так просто и возможно, что и другие войдут в него. «Я открываю каждому мужчине и каждой женщине (говорит Уитмен) доступ к обладанию всеми дарами мира».
 - 5 Не позволяйте ничему становиться на вашем пути к духовному развитию! Все лучше, чем оставаться в простом состоянии самосознания, которое полно бедствий.
 - 6 Пытается насильно и неумело войти в него. Думает войти в него, еще не находясь в стадии самосознания. Как это верно и сейчас!
 - 7 Оно не внешнее, а внутреннее. Оно составляет часть (способность) самого человека.
 - 8 Люди с космическим сознанием обыкновенно имели такое же мнение; они часто ушли от своих родственников — или вовсе не женились, или разрывали семейные узы. Ср. Будда, Иисус, Павел, Бальзак (до самого конца своей жизни), Уитмен, Карпентер.
 - 9 Это место, по-видимому, не требует комментариев. Само по себе оно так ясно, как только могут быть ясны слова. Появление космического чувства есть новое рождение для новой жизни.

Рассматривая учение Иисуса с настоящей точки зрения, мы видим, что оно, как и учение Гаутамы, имело двойную цель: а) прояснить людям, что такое вступление в космическое сознание; Он видел, что знать это для людей было делом величайшей важности; и б) ввести людей в космическое сознание или, по крайней мере, направить их к нему; говоря же Его словами, направить людей в «Царствие Божие».

ВЫВОД

В разбираемом случае мы имеем:

а) некоторое доказательство характерной внезапности, всегда отличающей появление нового чувства;

б) отсутствие определенного субъективного описания; сказать точно, что на самом деле значат слова: «разверзающиеся небеса», «Дух, сходящий в виде голубя» и «Глас с Неба», — нет возможности. Так как переживание тут было субъективное, то Иисус, очевидно, должен был рассказать это кому-нибудь; но, прежде чем вылиться в приведенные выше слова, рассказ этот, вероятно, прошел уже через несколько умов, причем никто не имел никакого понятия о значении этого переживания;

в) вероятно, мы имеем здесь интеллектуальное просветление;

г) резко отмеченная нравственная высота; хотя, к несчастью, мы не знаем ничего достоверного о личности Иисуса до времени Его просветления, когда Ему, как говорилось выше, было тридцать три или тридцать пять лет;

д) мы имеем здесь налицо чувство бессмертия, исчезновение чувства греховности и страха смерти;

е) наконец, мы видим характерную перемену внешнего вида, обычно сопровождающую появление в ком-либо космического чувства; синоптические евангелия описывают эту перемену, как «Преображение» Иисуса.

Глава 3

Апостол Павел

Что великий апостол обладал космическим чувством, это, по-видимому, так же ясно и верно, как то, что Цезарь был великим полководцем.

Павел, в силу своего космического сознания, был действительно великим «апостолом».

I

В разбираемом нами сейчас случае сходятся все элементы как вероятности, так и доказательств присутствия космического чувства. Как это показывает сам энтузиазм Павла к той религии, в которой он был воспитан с детства, он обладал пылким темпераментом, который, по-видимому, всегда служил как бы «утробой, в которой вынашивается и созревает новая жизнь». В период озарившего его просветления он, вероятно, находился в том возрасте, в котором обыкновенно проявляется космическое чувство. Сазерленд [171:137] держится на этот счет следующего мнения. Он говорит, что Павел:

«Не мог быть значительно моложе Иисуса. Он обладал горячей, порывистой натурой, и вскоре после распятия Иисуса (может быть, года через два) он начинает приобретать славу преследователя небольших общин верующих во Христа, собиравшихся не только в Иерусалиме, но и во многих других местах. То же усердие, которое сделало его позже таким деятельным поборником христианства, тогда заставляло его выносить свое преследование ненавистной секты «назареев» и за пределы Иерусалима, ходить по городам и селам Иудеи и действовать даже за пределами Палестины. На пути его к городу Дамаску, лежащему несколько северо-восточнее от Палестины, куда Павел шел для искоренения новой ереси, с ним случилось замечательное событие, изменившее всю его жизнь».

Если же Павел был, скажем, четырьмя или пятью годами моложе Иисуса, то просветление застало его в тех же летах, как и просветление его великого предшественника.

К этому можно прибавить еще следующее. Немного странно, что ни сам апостол, ни историк его, апостол Лука, глубоко интересовавшийся всем, имевшим отношение к личности Павла, не проронили ни одного слова, которое бы давало возможность определить и окончательно установить дату рождения апостола Павла. Упоминая о своей жизни до озарения, Павел, однако, говорит [18:22:4]: «Я даже до смерти гнал последователей сего учения, связывая и предавая в темницу и мужчин, и женщин». Очень молодой человек, не принадлежавший по своему рождению к представителям наследственной власти, едва ли мог бы занимать такое положение, о котором говорит Павел. Главари партии иудеев едва ли бы доверили очень молодому человеку то, что они доверяли Савлу. «Обращение» Савла, вероятно, произошло в 33 году [144:45–46]. Если предположить, что он родился незадолго до 1 года, то в то время, когда было написано Послание к Филиппийцам, т. е. в 61 г. н. э. [144:357–358], — ему должно было быть от шестидесяти до шестидесяти пяти лет, что прекрасно согласуется с некоторыми выражениями этого послания, которые едва ли бы мог употребить человек, бывший значительно моложе. Например: «Влечет меня то и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше, а оставаться во плоти нужнее для вас» [24:1:23–24]. В то время, когда он писал эти строки, он, по-видимому, не был болен и ему не угрожала еще опасность приговора по его процессу, находившемуся тогда еще в стадии разбирательства [144:357–358]. Близкое ожидание смерти, вероятно, объясняется тогдашним его возрастом. Но если ему было тогда, допустим, шестьдесят лет (в 61 году н. э.), то просветление пришло к нему на тридцать седьмом году жизни. Может быть, он и не был так стар, но вряд ли мог быть значительно моложе.

Хронология ранней христианской церкви очень темна. Ренан [142:163] годом рождения Павла считает 10 или 12 год н. э., мучение побитого камнями Стефана он относит к 37 году и «обращение» Савла — к 38. Павлу, следовательно, было тогда лет двадцать шесть или двадцать восемь; выходит, что ему не могло быть более сорока девяти или пятидесяти одного года, когда был написан вышеприве-

денный отрывок из Послания к Филиппийцам. Но это, по указанным уже причинам, представляется в высшей степени маловероятным. Взвешивая все предположения, за неимением чего-либо другого, по-видимому, выходит, что Павел был года на четыре моложе Иисуса и что его просветление произошло на четыре же года позже просветления его великого предшественника.

II

Мы имеем три отдельных рассказа о появлении новой жизни у Савла; два из них, очевидно, — и это вполне возможно — записаны со слов самого апостола, и все три заключают в себе существенные элементы, относящиеся к факту просветления и определенно известные в других подобных случаях. В другом месте [21:12:1-7] мы встречаемся с описанием, несомненно данным самим Павлом, об известных субъективных его переживаниях; это описание уже одно было бы сильным, если не убедительным доказательством факта озарения Павла, потому что достоверно можно сказать, что выражения, в которых записано это повествование, вряд ли могли появиться у человека, не пережившего лично перехода в космическое сознание. Затем, над всеми этими свидетельствами и выше всех их следует поставить записи самого апостола Павла, которые постоянно указывают на присутствие в нем новой способности. Характерно и поведение Павла после его просветления. Идя обычным в этих случаях путем, он на некоторое время удаляется в более или менее полное одиночество: на Коранский ли, как предполагает Ренан [84:417], или на Синайский полуостров, как думает Гольстен, это безразлично. Что же касается самого его просветления, его «обращения», наступления космического сознания, — то мы читаем [18:9:3-9] следующее:

«Когда же он шел и приближался к Дамаску, внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: «Савл, Савл! Что ты гонишь Меня?» Он сказал: «Кто Ты, Господи?» Господь же сказал: «Я Иисус, Которого ты гонишь... Встань и иди в город; и сказано будет тебе, что тебе надобно делать». Люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша голос, а никого не видя. Савл встал с земли, и с открытыми глазами никого не видел.

И повели его за руку, и привели в Дамаск. И три дня он не видел, и не ел, и не пил».

Второй рассказ повествует так [18:22:6-11]:

«Когда же я был в пути и приближался к Дамаску, около полудня вдруг осиял меня великий свет с неба. Я упал на землю, и услышал голос, говоривший мне: «Савл, Савл! Что ты гонишь Меня?» Я отвечал: «Кто Ты, Господи?» Он сказал мне: «Я Иисус Назарей, Которого ты гонишь». Бывшие же со мною свет видели, и пришли в страх; но голоса Говорившего мне не слышали. Тогда я сказал: «Господи! что мне делать?» Господь же сказал мне: «Встань и иди в Дамаск, и там тебе сказано будет все, что назначено тебе делать». А как я от славы света того лишился зрения, то бывшие со мной за руку привели меня в Дамаск».

Третий рассказ гласит [18:26:12-18]:

«Для сего идя в Дамаск со властью и поручением от первосвященников, среди дня на дороге я увидел, государь, с неба свет, превосходящий солнечное сияние, осиявший меня и шедших со мной. Все мы упали на землю, и я услышал голос, говоривший на еврейском языке: «С а в л , С а в л ! Что ты гонишь Меня? Трудно тебе идти против рожна». Я сказал: «Кто Ты, Господи?» Он сказал: «Я Иисус, Которого ты гонишь. Но встань и стань на ноги твои; ибо Я для того и явился тебе, чтобы поставить тебя служителем и свидетелем того, что ты видел и что я открою тебе, и избавляя тебя от народа Иудейского, и от язычников, к которым Я теперь посылаю тебя, открыть глаза им, чтобы они обратились от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу».

Эти три рассказа, довольно близко согласующиеся друг с другом (небольшое расхождение в них почти не существенно), рисуют обычные чувственные явления, почти всегда сопровождающиеся появлением нового чувства.

Далее следует рассказ, если это возможно, еще большей важности [21:12:1-7]. Он, в немногих словах, дает представление о нравственном подъеме Павла и о его интеллектуальном просветлении во время и после его «обращения». Он говорит:

«Не полезно хвалиться мне; ибо я приду к видениям и откровениям Господним. Знаю человека в Христе¹, который назад тому четырнадцать лет (в теле ли — не знаю, вне ли тела — не знаю: Бог знает) восхищен был до третьего неба. И знаю о таком человеке (только не знаю — в теле или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова², которых человеку нельзя пересказать. Таким человеком могу хвалиться; собою же не похваюсь, разве только немощами моими. Впрочем, если захочу хвалиться, не буду неразумен: потому что скажу истину; но я удерживаюсь, чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит, или слышит от меня. И чтоб я не превозносился чрезвычайностью откровений, дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня».

1 «Христом» Павел называет космическое сознание.

2 «Неизреченные слова». Уитмен говорит: «Когда я пытаюсь рассказать самое лучшее, я вижу, что не могу этого сделать: язык мой не повинуется мне, дыхание останавливается, и я становлюсь нем» [193:179].

III

Чтобы дополнить разбираемый случай, нам остается только привести некоторые слова самого апостола Павла, рассматривая с точки зрения космического чувства; эти изречения, взятые даже совершенно отдельно, доказали бы, что человек, которому они принадлежат, обладал космическим чувством, иначе он не мог бы найти в себе таких выражений.

«Ибо сие говорим вам словом Господним, что мы, живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших; потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и Трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потому мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках, в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем. Итак, утешайте друг друга сими словами» [26:4:15–18].	Обычная уверенность в бессмертии, относящаяся к космическому сознанию.

«Возвещаю вам, братия, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое. Ибо и я принял его и научился не от человека, но через откровение Иисуса Христа» [22:1:11–12].

«Когда же Бог, избравший меня от утробы матери моей и избравший благодатью Своею, благоволил открыть во мне Сына Своего, чтобы я благовествовал Его язычникам, — я не стал тогда же советоваться с плотью и кровью, и не пошел в Иерусалим к предшествовавшим мне апостолам, а пошел в Аравию, и опять возвратился в Дамаск». [22:1:15–17]

«Христос искупил нас от клятвы закона, сделавшись за нас клятвою»... [22:3:13] «А до пришествия веры мы заключены были под стражею закона, до того времени, как надлежало открыться вере. Итак, закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою. По пришествии же веры, мы уже не под руководством детоводителя. Ибо все вы — сыны Божии по вере во Христа Иисуса; все вы, во Христа крестившиеся, в Христа облелись» [22:3:23–27].

«Итак, стойте в свободе, которую даровал нам Христос» [22:5:1]. «К свободе призваны вы, братья» [22:5:13].

Что касается этого «Евангелия», то Павлу открыло его только космическое чувство.

Он, тем не менее, довольно много знал об Иисусе и об его учении, так что мог понять (когда это учение дошло до него), что учение космического чувства было практически тождественно с учением Иисуса.

Христос есть космическое чувство, понимаемое как определенная сущность или индивидуальность. Оно искупляет всякого, к кому оно приходит, «от клятвы закона» — т. е. от стыда, от страха и ненависти, являющихся принадлежностью жизни в плоскости самосознания. Павел, по видимому, имеет в виду крещение в космическое сознание (в Христа). Такое крещение несомненно существует; но где же лица, способные производить это крещение?

«Свобода» космического чувства есть высшая свобода. Она освобождает человека от его прежнего «я» и делает для него невозможным рабство в будущем.

«Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона. Но те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями» [22:5:22–24].

«...Ничего не значит ни обрезание, ни необрезание, а новая тварь» [22:6:15].

«Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего, и не властей века сего преходящих; но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей; которой никто из властей века сего не познал» [20:2:6–8].

«...Дух все пронизывает, и глубины Божии. Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия. Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога; что и возвещаем не от человеческой мудрости, изученными словами, но изученными от Духа Святого, сообразая духовное с духовным. Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может. Ибо кто познал ум Господень, чтобы мог судить Его? А мы имеем ум Христов¹. И я не мог говорить с вами, братья, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во

«Под «духом» и «Иисусом Христом» подразумевается космическое сознание. «Дух святости убивает похоть и т. д.». И Бхагават-гита: «Самое влечение к чувственным вещам покидает того, кто увидел высшее».

По Бальзаку — «второе существование».

Он говорит с точки зрения космического чувства, которое должно было прийти, когда настанет время, и которое теперь пришло к нему.

В Павле говорит не человеческий (самосознательный) разум, а Дух Божий (космическое сознание), и никто из людей, стоящих только в плоскости самосознания, не может судить о нем, как не может животное (обладающее только простым сознанием) судить о со-знающем себя человеке.

Христе. Я питал вас молоком, а не твердою пищею; ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах. Потому что вы еще плотские...» [20:2:10–16] и [3:1–3]

- 1 Человека, обладающего лишь самосознанием, нельзя заставить понять вещи, видимые космическим чувством. Эти вещи, если даже их и показать ему, кажутся ему безумием. Но тот, кто обладает космическим чувством (обладая, конечно, и самосознанием), способен судить «о всех вещах», т. е. о вещах обеих плоскостей. Поэтому Павел не мог говорить с коринфянами так, как ему бы хотелось, ибо они не обладали космическим сознанием.

«... Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом» [20:3:18–19].

«Если мы посеяли в вас духовное, велико ли то, если пожнем у вас телесное» [20:9:11].

«Ибо если я благовествую, то нечем мне хвалиться, потому что это необходимая обязанность моя» [20:9:16]. «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что

могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не зави-

Павел говорит, что мудрость самосознания не есть мудрость для тех, кто обладает космическим чувством, а мудрость последних кажется безумием для людей, имеющих только простое самосознание.

Это, по-видимому, в большей или меньшей степени, чувствовали все лица, обладавшие космическим сознанием. Так, Блейк говорит: «Я написал эту поэму «Иерусалим», не обдумывая ее заранее и даже против моей воли». Также и Бёме «почувствовал необходимость записать то, что он видел», хотя писание было для него делом вообще не легким.

Это великолепное описание той нравственной высоты, которая является принадлежностью космического чувства. Тот же дух можно почерпнуть в каждом случае, но особенно [193:273]: «Платите мне то, что я заслужил, дайте мне спеть песню великой идеи, отнимите все остальное; я любил землю, солнце, зверей, я пренебрег богатством, я подавал милостыню всякому просящему, заступался за больных и обиженных, отдавал свое достояние и труд другим людям».

дует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем, и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится. Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан. А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» [20:13:1–13].

«Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут, каждый в своем порядке: первенец Христос, потом Христовы, в пришествие Его. А затем конец, когда он передаст царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть и силу» [20:15:22–25].

«Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, в мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся. Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие. Когда же тленное сие облечется в нетление, а смертное сие облечется в бессмертие, тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою» [20:15:51–55].

Тут сравниваются состояния самосознания и космического сознания. Самосознание, говорит Павел, — состояние Адама — является условием смерти. С «Христом» начинается истинная жизнь, которая будет распространяться и станет всемирной; тогда настанет конец старому порядку. После этого не будет больше «начальства», «власти» или «силы»; все будут свободны и равны. «Ангел затрубит в трубу и не скажет: «Восстаньте мертвые», но: «Восстаньте живые»» [5:145].

Павел выражает этими словами чувство бессмертия, являющееся принадлежностью космического сознания [193:77]. «Оно есть во мне — я не знаю, что это такое, но знаю, что оно есть. Тело мое, до этого напряженное и покрытое испариной, становится спокойным и прохладным, я сплю, сплю долго.

«...Но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется. Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое: ибо видимое временно, а невидимое вечно. Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный. Оттого мы и воздыхаем, желая облечься в небесное наше жилище; только бы нам и одетыми не оказаться нагими. Ибо мы, находясь в этой хижине, воздыхаем под бременем, потому что не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью» [21:4:16–18] и [5:1:5].

«Итак, кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое» [21:5:17].

другую сторону вещей; вещи — все те же, но в то же время и совершенно иные. «Вещи не сдвинулись с места, они все те же; земля существует так же несомненно и положительно, как и раньше, но и душа тоже реальна; и она несомненна и положительна; ее утвердили не рассуждения, не доказательства, а неопровержимый рост ее» [193:180].

Я не знаю, что это такое, — оно не имеет названия; это неизреченное еще слово, которое нельзя найти ни в одном словаре, ни в одном выражении, ни в одном символе. Оно связано с чем-то большим, чем земля, вместе с которой я вращаюсь, ему дружественно то творение, чье объятие пробуждает меня. Может быть, я мог бы сказать больше. Я даю только контуры. Я ходатайствую за своих братьев и сестер. Видите ли вы, о мои братья и сестры. Это — не хаос и не смерть, это — форма, сочетание, план, это — вечная жизнь, это — блаженство». Автор противопоставляет жизнь в самосознании жизни в космическом сознании. Его сознание вечной жизни выражено совершенно ясно.

Нельзя подобрать более ясного, более совершенного выражения. Человек, входящий в космическое сознание, действительно превращается в «новое творение», и все окружающее его «становится новым» — облекается в новую форму и приобретает новый смысл. Человек видит

«Итак, нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу. Потому что закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти. Как закон, ослабленный плотию, был бессилен, то Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех, и осудил грех во плоти, чтобы оправдание закона исполнилось в нас, живущих не по плоти, но по духу. Ибо живущие по плоти о плотском помышляют, а живущие по духу — о духовном. Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные — жизнь и мир: потому что плотские помышления суть вражда против Бога» [19:8:1–7].

«Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы дети Божии. А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу» [19:8:16–17].

«Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас.

При космическом сознании совершенно отсутствует как чувство греховности, так и чувство смерти; человек ощущает, что смерть — это лишь простой инцидент в постоянно продолжающейся жизни. Человек, живущий только одним самосознанием, не может, путем следования «закону» или каким-нибудь другим образом, разрушить грех или чувство греховности, но «Христос», т. е. космическое чувство, может разрушить и разрушает и то, и другое

Все люди, обладающие космическим сознанием, стоят на одном и том же духовном уровне так же, как все люди, обладающие самосознанием, суть люди и принадлежат к одному и тому же виду.

Павел говорит о славе и радости жизни в космическом сознании, жизни, которая начинает загораться над миром; он сравнивает ее с состоянием самосознания, до сих пор бывшим универсальным. «Будущее славы, — говорит Уитмен, — непрекращающееся и возрастающее». «Радость, вечная радость», — говорит Элугканам. «Радость с началом, но без конца», — говорит Е. С. «Если вы раз, — говорит Серафита (т. е. Бальзак), — почувствовали восторг опьянения (просветления), то вы обладаете всем» [7:182]. Сравните также следующие выдержки из Бёме, в которых он, подобно Павлу, противопоставляет жизнь в

Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих: потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне; и не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стеная, ожидая усыновления, искупления тела нашего» [19:8:18–24].

«Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу» [19:8:28]. «Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией... [19:8:38–39] Я знаю и уверен в Господе Иисусе, что нет ничего в себе самом нечистого; только почитающему что-либо нечистым, тому нечисто» [19:14:14].

самосознании жизни в космическом сознании: «Внешний мир или внешняя жизнь не есть юдоль страданий для тех, кто любит ее, а только для тех, кто знает высшую жизнь. Животное наслаждается жизнью животного; интеллект любит царство разума; но тот, кто познал возрождение, смотрит на свое земное существование как на тяжелое бремя и темницу. В этом сознании он и берет на себя крест Христа» [97:325].

«Святой и небесный человек, скрывающийся в человеке зверином (внешнем), постолько же пребывает в небесах, как и сам Бог; и небо пребывает в нем, и сердце или свет Бога рождается и возникает в нем. Таким образом, Бог пребывает в нем и он — в Боге. Бог ему ближе, чем животное тело» [97:326].

Проявление оптимизма, являющегося принадлежностью космического сознания. Ср. Уитмена: «Все! Все! Пусть другие не знают, чего хотят; я же воспеваю зло и увековечиваю также и эту сторону жизни; во мне самом столько же зла, сколько и добра; так же и в моем народе; и я говорю, что в действительности зла не существует» [193:22].

Итак, суммируя все вышесказанное, мы видим тут:

а) характерную внезапность, всегда присущую появлению нового чувства. Новая жизнь наступает в один определенный момент, в одном определенном месте;

б) мы видим субъективный свет, ясно и очень сильно проявленный;

в) мы видим интеллектуальное просветление в высшей степени яркого характера;

г) мы видим высокую степень моральной экзальтации;

д) мы имеем налицо уверенность, — чувство бессмертия, растворение чувства греховности и страха смерти в определенном чувстве бессмертия.

Глава 4

Плотин 204–274

Плотин считал, что для увеличения знания необходимо соединение субъекта с объектом — что разумное (познающее) существо (мыслительная деятельность) и познаваемая вещь (мыслимое содержание)... не должны оставаться разделенными¹[55:716].

Он считал, что для того, чтобы усовершенствовать знание, субъект и объект должны быть слиты² [85:716].

1 «Когда для понимающего человека «Я» стало всем» [150:312].

2 «Совокупность объектов и невидимая душа — суть одно» [193:173]. «Ощущение, по-видимому, является соединением всех чувств в одно чувство. В нем сами вы становитесь объектом».

Вот одно из писем Плотина.

Плотин к Флакку [188:78–81]

Приветствую любовь твою к философии: радуюсь услышать, что душа твоя подняла паруса и направилась, подобно возвращающемуся Улиссу, к родным берегам — к славной, к единственно реальной стране — к миру незримой истины. Желая отдаться философии, сенатор Рогатиан, один из благороднейших учеников моих, отказался почти от всех своих имений: отпустил на волю рабов и сложил с себя все почести своего сана.

До нас дошли вести, что Валерий разбит и сейчас находится в руках Сапора. Поочередные угрозы франков и аллеманов, готов и персов одинаково ужасны для нашего выходящего Рима. В такие дни, переполненные беспрестанными бедствиями, обращения к созерцательной жизни сильны более, чем всегда. Даже мое спокойное существование, по-видимому, теперь до известной степени чувствует движение времени. Одну старость не могу я исключить из моего уединения. Я уже утомился этой темницей — телом и спокойно жду того дня, когда внутренняя моя божественная природа освободится от материи.

Чувство бесконечной жизни. «Что же до тебя, смерть, и до твоего горького, смертного напитка, то напрасно ты думаешь смутить меня» [193:77].

Египетские жрецы уверяли нас, что одно прикосновение крыла их священной птицы налагало заклятие на крокодила и делало его неподвижным; не так быстро, друг мой, крылышки твоей души приобретут власть усмирять непокорное тело. Оно уступит только бдительному, ревностному постоянству привычки. Очисти душу свою от всякой неподобающей ей надежды на земные блага и от страха за них, умерщвляя свою плоть, отрекись от себя — от своих привязанностей и желаний, и внутреннее око твое начнет открывать тебе свои ясные и пышные видения.

Ты просишь меня сказать, откуда наше значение и какой у нас критерий его достоверности. Писание меня всегда утомляет. И ради постоянных просьб Порфирия я не должен был бы оставлять после себя ни одной строчки. Но для тебя и для твоего отца мое отвращение будет на этот раз побеждено.

Внешние предметы являются для нас только видимостью. Поэтому о них мы скорее имеем мнение, чем знание. Различия в настоящем мире видимостей имеют значение только для людей обыкновенных и практичных. Для нас вопрос переходит в идеальную реальность, которая существует за видимостью. Как постигает ум эти идеи? Лежат ли они вне нас и имеет ли наш разум, как и ощущения, дело с внешними для него объектами? Какую же тогда несомненность, — какую уверенность могли бы мы иметь в том, что наши представления не обманывают нас? Мыслимый объект был бы чем-то отличным от мыслящего его ума. Мы бы всегда имели

только картину вместо реальности. Было бы чудовищно допустить, хоть на одну минуту, что ум наш неспособен видеть идеальную истину такой, как она есть в действительности, и что у нас нет достоверного и реального знания о мире отвлеченных вещей. Отсюда следует поэтому, что эта область истины не должна быть исследуема как вещь внешняя для нас и потому известная нам лишь отчасти. Она находится внутри нас. Тут же вещи, которые мы рассматриваем, и тот, кто рассматривает, — идентичны: и то, и другое мыслится. Субъект не может достоверно знать отличный от себя объект. Мир идей лежит в нашем разуме. Истина поэтому не есть совпадение нашего представления о внешнем предмете с самим этим предметом. Она есть соглашение ума с самим собою. Следовательно, единственной основой достоверности является сознание. Ум есть свой собственный свидетель. Разум в самом себе видит, как свой источник, то, что выше его; так же, как и то, что ниже его, опять-таки, как часть самого себя.

Знание имеет три степени — суждение, изучение, просветление. Средством или орудием первого является чувство; второго — диалектика; и третьего — интуиция. Последней я подчиняю разум. Это — абсолютное знание, основанное на тождественности познающего ума с познаваемым объектом.

Существует излучение всех порядков бытия — внешняя эманация из неизреченного Единого. Существует также возвратный импульс, направляющий все вверх и внутрь, к центру, из которого все вышло. Любовь, как прекрасно говорит Платон в «Пире», — дитя бедности и изобилия. В страстных поисках добра душою лежит тяжелый смысл падений и лишений. Но эта любовь является для нас благословением, спасением, нашим гением-хранителем; без нее центробежный закон

«Мир идей распадается на три сферы — инстинкта, абстракции, специализма» [5:141]. Сравни с Бэконом: «Первым созданием Бога в творении дней был свет чувства, последним — свет разума, а субботним его делом является с тех пор всегда — просветление его духа» [35:82]. Плотин, Бэкон и Бальзак — все учат (и всякий, переживший сам просветление, согласится с ними), что между космическим сознанием и самосознанием существует такой же большой промежуток, как между самосознанием и простым сознанием.

пересилил бы нас и отнес бы наши души далеко от их источника, к холодным поверхностям материи и разнородности. Мудрый человек познает идею добра в самом себе. Он развивает ее, удаляясь в святилище своей собственной души. Тот, кто не понимает, как душа может заключать прекрасное в самой себе, старается реализовать красоту извне, трудолюбивым воспроизведением. Его целью, скорее, должна бы быть концентрация и упрощение и, таким образом, расширение своего существа; он бы должен был не переливаться в разнородное, а покидать его для Единого и, таким образом, плыть вверх, к божественному источнику бытия, дыхание которого в нем струится.

Ты спрашиваешь, как можем мы познать бесконечное. Отвечаю — не разумом. Дело разума — различать и определять. Бесконечное поэтому не может стоять в ряду его объектов. Бесконечное ты можешь постигнуть лишь высшей, чем разум, способностью, приходя в состояние, в котором уже ты перестанешь быть своим конечным Я, в котором тебе сообщается божественная сущность. Это — экстаз (космическое сознание). Это — освобождение твоего ума от его конечного сознания. Подобное может познать только подобное; когда ты перестанешь быть конечным, ты становишься одним с бесконечным. Приведя твою душу к ее простейшему Я, к ее божественной сущности, ты осуществляешь это единение — эту тождественность.

Но это высшее состояние не продолжается постоянно. Лишь время от времени можем мы наслаждаться этим (благостно дарованным нам) возвышением над гранями тела и мира. Я сам до сих пор пережил его только три раза, а Порфирий еще ни разу. Все, что способствует очищению и возвышению ума, поможет тебе в достижении этого и облегчит приближение и повторение подобных

Плотин (по его словам) имел три периода просветления до времени написания этого письма к Флакку — т. е. в то время, когда ему было пятьдесят шесть лет. Порфирий говорит нам, что между пятьюдесятью девятью и шестьюдесятью четырьмя годами (т. е. за время шести лет их отношений) у Плотина было четыре периода озарения, что вместе составляет по крайней мере семь. Надо отметить, что, по мнению Плотина, переходу в космическое сознание способствует именно то, о чем учили те, кто достиг его, — Гаутама, Иисус, Павел и другие.

счастливых промежутков. Поэтому есть разные пути, которыми можно достигнуть такого конца. Любовь к красоте, которая возносит поэтов; преданность Единому и научная высота, составляющая честолюбие философов, а также любовь и те молитвы, которыми некоторые набожные и пылкие души идут в своей нравственной чистоте к совершенствованию. Вот большие проезжие дороги, ведущие к этому возвышению над настоящим и личным, к той высоте, на которой мы стоим в непосредственном присутствии бесконечного, сияющего из глубин нашей души.

Следующее место можно привести как прекрасный итог философии Плотина, в истолковании ее неоплатониками:

«Человеческие души, облекшиеся вещественностью, — это те души, которые позволили обольстить себя чувственностью и осилить похоть. Теперь они стараются уйти от своего истинного бытия и, стремясь к независимости, ведут ложное существование. Они должны отвернуться от него, и, пока они еще не потеряли своей свободы, обращение их еще возможно».

Здесь мы, путники, вступаем уже в область практической философии. Той же дорогой, какой душа опускалась, она должна вернуться к высшему Добру. Прежде всего она должна вернуться к самой себе. Это достигается практикой добродетели, цель которой — подобие Богу и которая ведет к Богу. В этике Плотина пересматриваются все прежние схемы добродетели и располагаются в последовательном порядке. Низшая ступень — добродетели гражданские, затем идут добродетели очищающие и, наконец, все божественные добродетели. Гражданские добродетели только лишь украшают жизнь, не возвышая души; возвышать душу — дело очищающих добродетелей, с помощью которых душа освобождается от чувственности, снова возвращается к себе, а затем и к «*pous'у*». Путем аскетических воздержаний человек становится снова духовным и вечным существом, свободным от всякого греха. Но есть еще более высшее достижение: недостаточно быть безгрешным, надо сделаться «Богом». Это достигается созерцанием первичного Бытия — Единого; или, другими словами, путем экстатического приближения к нему. Мысль не может достигнуть Единого, так как мысль достигает только *pous'a* и сама является родом движения. Мысль есть лишь предварительная стадия в об-

щении с Богом. Только в состоянии совершенной пассивности и покоя душа может узнать и соприкоснуться с первичным Бытием. Отсюда, в целях высшего достижения, душа должна пройти через духовный *stiggiculum*. Начав с созерцания материальных вещей в их множественности и гармонии, душа сосредоточивается на себе самой и погружается в глубины собственного бытия, возвышаясь до *poius'a* — до мира идей. Но даже и там она не находит Высшего, Единого; она все еще слышит голос, говорящий ей: «Не мы создали себя». Последняя стадия достигается тогда, когда в высшем напряжении созерцания, пребывая в молчании и совершенно от-решившись от всех вещей, душа освобождается. Тогда она может видеть Бога, источник жизни, начало всех существ, колыбель всякого добра, корень души. В этот момент она наслаждается высшим, неописуемым блаженством; она как бы поглощена божественностью и погружается в свет вечности.

Глава 5

Магомет 570–632

В частностях и в общем это удивительно полный случай проявления космического сознания. Презрение христиан к Магомету так же мало говорит в их пользу, как презрение магометан к Иисусу — в пользу магометан.

Магомет родился в августе 570 года в племени Курайша. Его наследство состояло из пяти верблюдов и невольницы. Отец умер до его рождения, а мать он потерял шести лет от роду. В детстве и юности Магомет зарабатывал свой хлеб, пася овец и коз. Позже он сделался погонщиком верблюдов.

В двадцать пять лет он женился на сорокалетней Хадидже. Брак был очень счастливым. Магомет был честный, прямодушный чело-

век, безукоризненный в своей домашней жизни. Все окружающие уважали его. Ему дали прозвище «Эль-Амин», т. е. «истинный».

Магомет был среднего роста, его наружность внушала повиновение. Он был строен, но широк в груди и плечах. Большая голова, открытое овальное лицо, светлая кожа, живые черные глаза, обрамленные длинными густыми ресницами, большой орлиный нос, белые зубы, большая густая борода — такова была наружность Магомета. Он был человек в высшей степени нервной организации, вдумчивый, но быстрый и в то же время склонный к меланхолии. Он был человек с крайне развитыми органами чувств: он не мог переносить даже слабого неприятного запаха или малейшей физической боли. Привычки его были просты. Он был добр и мил в обращении и приятный собеседник [152:19–20].

Кажется, что Магомет в юности и в среднем возрасте, до искушения на горе Хира, был серьезен, глубок, горяч и религиозен. Уже указано, что подобное состояние ума является необходимым условием для достижения космического сознания.

Магомет ясно видел, что религия его соотечественников была далеко не приемлема. Ему казалось, что настало время для ее реформы.

Предание говорит, что он постоянно удалялся от общества, уходил в пещеру на горе Хира, находящейся приблизительно в трех милях к северу от Мекки. Там, наподобие христианских отшельников, он проводил дни и ночи, погруженный в молитву и размышления. Ему стали являться видения, он впадал в экстаз и транс... Предание говорит, что наконец ему стало ясно и точно известно, в виде ангельского видения и божественного откровения, то, что он раньше смутно видел во сне.

Знаменитое откровение было дано ему на сороковом году его жизни. Мусульманские писатели сообщают об откровении так, как они слышали это от самого Магомета. О нем упоминается в некоторых стихах Корана.

Магомет проводил месяц Рамадан в пещере на горе Хира, постясь, молясь и размышляя в одиночестве, желая возвысить свои мысли, чтобы созерцать божественную истину.

Озарение случилось с ним в ночь, которую арабы называют «Аль-Кадер» или «Божественный закон». Согласно Корану, в эту ночь ангелы нисходят на землю и Гавриил приносит повеления Божии. В эту ночь, вплоть до восхода солнца, мир и святое спокойствие царствуют во всей природе.

Магомет лежал в ночной тишине, закутавшись в плащ. Внезапно он услышал голос, зовущий его. Он снял с головы плащ. Поток света озарил его с такой невыразимой силой, что Магомет упал в обморок. Придя в себя, он увидел идущего к нему ангела в образе человека. Ангел нес шелковую ткань, на которой была надпись. «Читай», — сказал ангел. «Я не умею читать», — ответил Магомет. «Читай», — повторил ангел, — во имя Господа, сотворившего все, сотворившего человека из сгустка крови. Читай во имя Всевышнего, нарочившего человека пастырь, озаряющего человека светом знания. Вращающего его тому, чего он не знал раньше».

После этого Магомет внезапно почувствовал просветление разума небесным светом, и он прочел то, что было написано на ткани: это было повеление Божие, впоследствии обнародованное в Коране. Когда Магомет прочел написанное, небесный посланник сказал: «О Магомет, поистине ты пророк Божий, а я ангел Его, Гавриил».

Магомет, дрожащий и взволнованный, наутро вернулся к Хадидже, не зная, истинно ли то, что он слышал и видел, в самом ли деле — он пророк, которому велено провести давно обдуманное им преобразование, или же все это лишь обман чувств, или, что еще хуже, наваждение дьявола?

Озарение Магомета случилось в арабский месяц Рамадан [82а:553]. В первом после Геджры году этот месяц совпадал с тогдашним декабром. Магометанский год на десять суток короче среднего солнечного года. Следовательно, любая магометанская дата в каждом последующем году будет находиться на десять дней раньше, чем в предыдущем. Геджра случилась через 12 лет после явления Гавриила, т. е. если в первом после бегства Магомета году месяц Рамадан соответствовал нашему декабрю, то за 12 лет до Геджры он был на 120 дней раньше, значит, он соответствовал нашему апрелю. Следовательно, «озарение» с Магометом случилось в апреле.

Если у Магомета было космическое сознание, то это должно было ясно отразиться на оставленных им миру писаниях. Так ли это? Трудно понять его писания в переводе на английский язык, трудно понять их с нашей западной точки зрения. Прочтите заметки одного из читателей, о котором можно было бы подумать, что он в состоянии понять Коран. Карлейль говорит о Коране [59:295]: «Это самое трудное чтение, какое мне когда-либо приходилось встретить. Утомительная, перепутанная неразбериха; грубо, незаконченно, бесконечные повторения, околесица, все перепутано: вкратце — невыносимая глупость» и т. д., в том же роде.

Однако, хотя бы Коран был еще в тысячу раз глупее, — посмотрите на результаты. Действие не может быть больше вызвавшей его причины, а, надо сознаться, духовный подъем, произведенный Кораном среди миллионов людей в течение многих поколений, был огромен. Кроме того, мне лично кажется, что, несмотря на несомненную трудность чтения Корана, почти каждый человек после изучения Корана, хотя бы и не все понял, все же увидит, что книга имеет огромные достоинства.

В Коране мы не находим того, что нам необходимо для нашей цели. Он весь написан с точки зрения космического сознания или, как сказал бы его автор, он весь продиктован Гавриилом. В Коране нет мест, где самосознательный Магомет говорил бы о космически-сознательном Магомете, — такие места можно изредка встретить в сочинениях Иепеса, Уитмена и прочих. Несмотря на это, в Коране сплошь и рядом встречаются места, почти наверно относящиеся к моменту космического сознания, например нижеследующее:

Поистине, в сотворении неба и земли, в смене дня и ночи, в корабле, бегущем по морю с тем, отчего богатеет человек, и в водах, которые Бог посылает с небес и оживляет ими землю, распространяя по ней всевозможных животных, и в смене ветров, и в облаках, сжатых между небом и землей, — во всем этом знамение, данное людям для уразумения [151:22].

Магомет старается найти для самого себя доказательство верности существования бесконечно благого Бога и вечности жизни. Здесь он говорит почти тем же языком, что и Уитмен: «Я слышу, как вы шепчете, о звезды небесные, о солнце, о намогильная трава, о бесконечные изменения и развитие, если вы ничего не можете сказать, то как же я смогу сказать что-либо?» [193:77]

Они спросят тебя о духе. Скажи им: «дух приходит только по зову Господа моего, а вам мало дано знать о сем». Если бы мы хотели, мы отняли бы то, чем мы вдохновили тебя, и у тебя не было бы защиты против нас, кроме милости Господа твоего, поистине, велика милость Его к тебе [153:10].

Мы нисходим только по зову Господа твоего: Ему довлеет то, что было до нас, и то, что перед нами, и что между будущим и прошедшим: ибо не забывает Господь твой — Господь неба и земли и того, что между ними. Итак, повинуйся Ему, служи Ему и укрепишься в этой службе [153:31–32].

Истинно, приходит час, я почти указал его, час, когда каждая душа получит воздаяние за труды свои [153:35].

дано космическое сознание, которое каждый будет в состоянии вызывать в себе волевым усилием. Уитмен говорит: «Я дарую всем людям вход в сокровищницу вселенной». Оба эти предложения верны в двух значениях: 1) новая способность будет всеобщей и 2) люди, одаренные ею, будут передавать ее избранным и способным к ее восприятию.

Жизнь мира сего — только игра; но убежище, воистину, в будущем мире, и там — жизнь. Если бы только знали они это! [153:243]

Магомет говорит о «духе», приходящем к нему «Гаврииле» — «космическом сознании», почти в тех же выражениях, как Иисус: «Ветер дует, куда он хочет, и ты слышишь его, но ты не знаешь, откуда он приходит и куда он идет: так бывает и с рожденными от духа» [17:3:8].

«Мы нисходим». Пальмер говорит: «Из разных объяснений самое общепринятое среди мусульманских комментаторов, что это слова ангела Гавриила в ответ на жалобы Магомета на слишком большой промежуток между периодами откровения». Сравните с главою о Бэконе, сонет 33, и комментариями к этому сонету.

Слова «Я почти указал его» относятся, по-видимому, к ощущению, почти или даже совершенно общему у всех одаренных космическим сознанием, что близок, неотвратим час, когда всему человечеству будет

Различие между сознательной и космически-сознательной жизнью.

Кто хочет в будущей жизни иметь пахоту — для того мы увеличим ее, а кто хочет увеличить пахоту в этой жизни, тому мы дадим ее, но не дадим пахоты в жизни будущей [153:207].

Жизнь мира сего — только игра; но если вы боитесь и веруете в Бога, Он даст вам вашу долю [153:232].

И каждая душа придет, а с нею гонитель и свидетель! Ты не внял этому, и мы сняли покров с тебя и ныне ясно зрение твое! [153:243]

И рай приблизится к благочестивым и будет недалеко от них [153:243].

Это то, что обещается каждому из вас, кто часто обращается к Богу и блюдет заповеди Его и кто втайне боится Милосердного и обращает раскаивающееся сердце. С миром войди в него: это день вечности! [153:244]

И внемли дню, когда глашатай закричит вблизи: — «день»; когда они услышат крик истины — тот день — день появления [153:244].

вы не знаете, когда он придет. Быть может, вы тогда будете говорить проповедь. Внезапно расторгнутся ваши узы. В темницу вашу сойдет Он, и с тех пор вы навсегда сделаетесь свободны. Быть может, вы в это время будете пахать, боронить, быть

Богач уже единственно потому, что он богач, не может войти в космическое сознание. А если он войдет, то покинет свое богатство, как Гаутама. Если человек думает лишь о богатстве, то, конечно, космического сознания у него не будет.

Ничтожество самосознания сравнительно с космически-сознательной жизнью

«Сняли покров» — говорится об озарении Магомета. Он «видел, как разверзлись небеса» [15:1:10].

«Уже приблизилось Царство Божие» [16:21:31]. «Царствие Божие внутри вас» [16:17:21].

Озарение — космический разум — сияние Браммы — царствие Божие — здесь называется «день вечности», ибо войти в него — значит войти в бессмертие — вечность.

Внезапность и неожиданность появления космического сознания указываются в описаниях всех, кто испытал появление озарения. «Тот день — день освобождения — вы не знаете, в каком месте он придет. Он придет, но

может, вы будете в это время на конюшне, рядом с вашей лошастью, быть может, это случится с вами в вихре светской жизни, во время визитов, в гостиной. Где? Кто знает где? Но в предначертанное время Он, конечно, придет» [61:231].

Знайте: жизнь мира сего лишь игра, украшения и нечто для хвастовства между вами, а размножение детей — все равно что трава, взошедшая от дождя: рост ее приятен неверным, но она иссохнет и ты увидишь ее пожелтелую и она обратится в прах [153:268].

Воистину, мы установили это в Ночь Могущества. А что даст тебе знание, какова Ночь Могущества? Ночь Могущества — лучше, чем тысяча месяцев! С соизволения Божия, ангелы и духи нисходят во время ее по повелению Его. И когда мы сказали тебе: «Воистину, твой Господь объемлет людей», и мы послали видение, которое мы показали тебе только, как причину восстания людей, и ты видел тоже дерево проклятия, но это только усилит их восстание [153:337].

«Это» — Коран. «Ночь Могущества лучше, чем тысяча месяцев». Бёме, рассказывая о своем озарении, говорит [40:15]: «Дверь раскрылась передо мной на четверть часа, и за это время я узнал больше, чем если бы я годы учился в университете».

В этом случае мы имеем, кажется, подлинный рассказ, где налицо все основные элементы, указывающие, что мы имеем дело со случаем космического сознания:

- а) субъективный свет;
- б) нравственный подъем;
- в) умственное озарение;
- г) ощущение бессмертия;
- д) определенность, внезапность и неожиданность появления нового состояния;
- е) предварительный умственный и физический облик человека;
- ж) возраст, когда произошло озарение, — сорок лет, несколько позднее среднего, но все еще соответствующий расцвету сил;
- з) увеличение очарования личности: Магомет был способен приобретать и удерживать преданных последователей.

Глава 6

Данте 1265–1321

Бальзак [9:241 и 263] совершенно определенно говорит, что Данте был «специалист». Бальзак так называл людей, обладающих космическим сознанием. Он, вероятно, очень хорошо знал Данте и, конечно, не мог ошибиться, ибо Бальзак сам был «специалист». Музыкант знает о другом человеке, музыкант он или нет. Художник знает художника. Зрячий, живущий в стране, где много слепых, знает, кто зрячий. Человек, одаренный космическим сознанием, знает, кто из его знакомых одарен космическим сознанием и кто нет, знает это либо лично, либо по его произведениям. Следовательно, мы можем отнестись с доверием к словам Бальзака, что Данте обладал космическим сознанием. Но все-таки попробуем самостоятельно увидеть это.

I

Внешняя жизнь и личность Данте почти совершенно неизвестны. Однако характер его произведений указывает на то же самое, о чем говорит Боккаччо [81:809], каким был Данте в молодости:

«Охвачен сладостью понимания сущности вещей, сокрытой в небесах. Это было самое большое удовольствие его жизни, он всецело предался ему. Ему ясны были все вопросы философии; его острый интеллект свободно чувствовал себя в самых глубинах теологии. Он так далеко ушел в этом направлении, что, невзирая на холод, жару, голод, бдение и иные телесные лишения, он упорным трудом добился познания сущности Божества и других отдельных Разумов — добился понимания всего, что доступно человеческому уму».

Леонардо Бруни говорит о Данте, что:

«Изучение философии, теологии, астрологии, арифметики и геометрии, чтение истории, ознакомление со множеством интересных книг и упорная работа дали ему знание, которое он украсил и выразил в своих стихах».

Из всего этого можно вывести, что Данте был по природе вдумчив, трудолюбив, серьезен. В данном случае можно сказать, что такая жизнь или выработала высший поэтический гений в границах самосознания, или, как мы думаем, привела Данте к космическому сознанию. Во всяком случае, в молодости Данте был, кажется, таким, какими обыкновенно бывают люди, доходящие до космического сознания.

II

Боккаччо так описывает наружность Данте [111:200]:

«Он был среднего роста. В зрелом возрасте он сделался слегка сутуловат. Он всегда одевался прилично, сообразно своему возрасту. У него было длинное лицо, орлиный нос, довольно большие глаза, крупные челюсти. Нижняя губа выдавалась вперед. У него была темная кожа, густые черные курчавые волосы. Данте был всегда

печален и задумчив... Всюду он держал себя со спокойным достоинством. Во всех отношениях он был любезнее и вежливее, чем кто-либо».

Чарльз Нортон так описывает гипсовую маску, снятую с Данте после смерти [111:204]:

«Это одно из самых патетических лиц, которое когда-либо видел глаз человеческий. В нем выразилась борьба между сильной натурой и жестокой судьбой. Борьба между идеей его жизни и проведением ее в жизнь. Сила — самая выдающаяся из черт его лица. Она видна в широком лбу, мужественном носе, твердых губах, тяжелой челюсти и широком подбородке. Впечатление силы, получающееся от главных черт лица, еще углубляется силой линий выражения. Взор печален и суров, почти грозен. Брови презрительно приподнялись. Лоб сморщен как бы от тяжелой думы. Но не потерялись, а лишь скрыты под этим следы нежности, утонченности и самообладания. Все это сочеталось в выражении несказанного достоинства и печали. Здесь нет ни слабостей, ни ошибок. Это — сильная крепость сильной души. Крепость, опирающаяся на совесть и непреклонную волю. Удары врагов обрушились на нее снаружи и изнутри, но она стоит сильная и непоколебимая против всех нападений до самого конца».

III

Вот что говорит наиболее авторитетное лицо об уме и произведениях Данте:

Дантовское описание ада, чистилища и рая — не сон, не выдумка: это яркое воплощение глубокой философии [179:104].

Конечно, это правильно относительно всякой книги, продиктованной космическим сознанием.

Пусть археологи следят за ходом развития идей Данте. Мы укажем лишь, что у Данте с детства постоянно были сновидения и видения [179:109].

Критик Данте, не зная о существовании космического сознания, принужден был объяснить характер Данте и его произведений так, как мы объясняем их.

Он сам указывает в конце «Новой жизни», что «Божественная комедия» пришла к нему в видении, когда он размышлял о смерти, вспоминая о Беатриче.

Кан-Гранде пишет, что цель всего труда Данте — побудить живущих в этой жизни оставить существование и привести их в состояние счастья [179:110].

Кажется, что главная цель жизни каждого, обладающего космическим сознанием, — привить его человечеству. Такие люди чувствуют в себе силу сделать это.

IV

«Божественная комедия» Данте строго параллельна «Комедии человеческого» Бальзака и «Листьям травы» Уитмена в том смысле, что все они являются картинами мира с точки зрения их авторов.

Жизнь грешников описана в «Аду»; в «Чистилище» человеческий дух очищается и делается достойным небес [71:1]. Здесь он говорит о тех, кто борется, чтобы добиться озарения, кто старается вести добрую жизнь, несмотря на дурную наследственность, ошибки, скверные привычки, дурную среду и другие неблагоприятные обстоятельства. Этим людям уже недалеко до озарения.

«Рай» Данте — это новый мир «космического сознания», это — «Царствие Божие», это — «нирвана».

Беатриче — «осчастливливающая» — это «космическое сознание». В самом деле, ведь лишь оно делает человека счастливым. Быть может, имя это было навеяно Данте красотой девушки, которую так звали, и если это так, то совпадение замечательно.

Смысл, придаваемый нами, правилен. Это видно из сотен страниц. Возьмите хотя бы следующее место. Вергилий говорит Данте: «Я могу тебе сказать лишь то, что доступно разуму; что свыше этого — тебе скажет Беатриче» [71:114]. Что, кроме космического сознания, выше разума — самосознания?

Данте блуждает по сознательному миру («Аду» и «Чистилищу»). Его ведет Вергилий. Данте выбрал его в проводники как образец человеческого разума, потому что он был его умственным руководителем до момента «озарения». Вергилий не обладает «космичес-

ким сознанием», вследствие этого он не может войти в «Рай». Беатриче («космическое сознание») ведет туда Данте.

«Новая жизнь» была опубликована впервые в 1309 году, когда Данте было 44 года. Он окончил «Божественную комедию» в 1321 году. Время действия совпадает с концом марта и началом апреля 1300 года [81:815], когда Данте было тридцать пять лет. Почти наверно можно сказать, что это было время его «озарения». Оно произошло с ним в характерное время года, в характерную пору его жизни. Кажется, ничто не говорит против этого предположения. Еще более ранняя книга, «Новая жизнь», писалась, вероятно, вплоть до весны 1300 г., когда с ним совершилось озарение, после которого он написал свое большое творение — «Божественную комедию».

V

«Новая жизнь» [68] кончается так:

«После этого сонета мне явилось дивное видение. Оно заставило меня решить не говорить более об этой благословенной (Беатриче), пока я не буду достоин говорить о ней. Она знает, я стараюсь достичь этого. Если Тому, Кто дает всему жизнь, будет угодно продлить мою жизнь на несколько лет, я надеюсь, я скажу о ней то, что никогда еще не было сказано ни об одной женщине».

VI

Проследим за Данте в «Чистилище», когда он приближается к божественной стране. За момент до озарения Данте «космическим сознанием» Вергилий говорит ему:

«Не жди от меня более ни слова, ни знака. Ты свободен, прям и здрав в твоей свободной воле: было бы неправильно не действовать согласно ей. Итак, тебя я короную над самим тобой» [71:176].

Здесь два интересных пункта: 1) В момент прихода космического сознания все мерилы обыкновенного сознания перестают действовать. Выражение Уитмена: «Перед ним появляется другое, его поворачивают назад и оно уведено» [193:153]. Человек, обладающий космическим сознанием, в духовных делах не следует указаниям

других людей или какого-либо бога. В его душе высочайший идеал, он стремится к

нему и повинуеться лишь ему. 2) «Другой» — это раздвоение личности: «тебя над самим тобою». Сравните с выражением Уитмена «Я тот другой»; с шекспировским [176:62] — «тебя я восхваляю за себя». Выражение апостола Павла: «если человек родится снова». Внутри старого человека рождается новая личность, и, родясь, она ведет собственную жизнь.

Вергилий удаляется. Сознательный ум отказывается от своего господства в пользу высшего начала. Данте подходит к Беатриче — «космическому сознанию».

«Передо мной показалась женщина, одетая в огонь. Я обернулся налево, доверчиво (как дитя бежит к матери, когда оно испугано), чтобы сказать Вергилию: «Во мне трепещет вся кровь, я узнаю признаки древнего пламени», но Вергилий оставил нас» [71:191].

«Я подался вперед и увидел Беатриче. Под вуалью за потоком она, казалось, превосходит свое прежнее существо. Она была больше других, находившихся здесь» [71:198].

«Когда я приблизился к благословенному берегу, прекрасная женщина (природа?) раскрыла свои объятия, взяла меня за голову и погрузила меня туда, где мне надлежало выпить воды» [71:199].

«Величие жизни в вечном свете! Кто побледнел так под парнасской сенью или пил столько из потоков Парнаса, что его ум способен был бы представить тебя так, как там ты показалась свободно в гармонии небес?» [71:201]

Космическое чувство, облеченное в субъективный свет. Перед ощущением нового чувства Вергилий — тип человека, не имеющего этого чувства, — покидает Данте. Не то чтобы наше обычное сознание покидало нас, нет, но оно перестает руководить нами: зрение — приобретает иное зрение, слух — иной слух и голос — иной голос [193:342].

Новый мир все еще не открылся. Он далек. Все же его великолепие далеко превосходит старый мир, доступный простому сознанию.

«Вода Леты уничтожает память о грехе», — отмечает Нортон.

Величайший поэт, пока он остается лишь просто сознательным человеком, не в состоянии изобразить новый мир. Космическое сознание говорит устами Уитмена: «Я не появляюсь в закрытой комнате или школе» [193:75].

Беатриче говорит ему: «Ты вечно будешь со мною, гражданин того Рима, где Христос Римлянин» [71:206].

Беатриче говорит ему: «Я желаю, чтобы отныне ты был свободен от страха и стыда» [71:211].

Вместе с космическим сознанием не могут существовать ни страх, ни стыд.

VII

Теперь рассмотрим, что говорит Данте, когда на него снизошло космическое сознание.

«Слава приводящего все в движение проникает всю вселенную. В одном месте она светит менее, в другом — более. Я был на небе, где она светом сильнее. Я видел там то, что человек, оттуда нисходящий, не знает, как рассказать, и не может сказать» [72:1].

«Внезапно показалось, что день прибавлен был ко дню, как будто Тот, кто мог свершить все это, возвел на небеса еще другое солнце» [72:4].

Апостол Павел слышал «неизреченные глаголы», а Уитмен, когда тщился передать «то лучшее, что он видел, — онемел».

«В одно мгновение другое солнце нескazanной силы ошеломляет меня своим блеском до обморочного состояния» [192:207].

Это, конечно, субъективный свет, виденный Магометом, ап. Павлом и другими, при появлении космического сознания.

«Стояла Беатриче, вперя свой взор на вечные колеса, и на нее я устремил свой взор, вперенный ранее наверх. Поглядев на нее, я внутренне сделался таким, как Главк после того, как он вкусил траву, приобщившую его к божествам моря».

Главк — рулевой корабля Арго — превратился в бога.

«Превращение человеческой природы невозможно выразить словами. Пусть тот, кому милосердие даст впоследствии это превращение, пока удовлетворится примером».

Примером Главка.

«Если я под конец сделался тем, чем ты меня сделала, о любовь, управляющая небесами, то ты знаешь, кто возвысил меня своим светом».

Если бы я продолжал быть только человеком.

«Когда ты, по желанию, сделала это превращение вечным, это превращение заставило меня сосредоточить мое внимание на нем и на гармонии, которую ты придаешь тону и модуляции. Такое пространство неба показалось мне тогда объятным пламенем этого солнца, что никогда ни дождь, ни река не могли бы сделать этого огромного озера» [72:4].

Желание, направленное к Богу, ведет человека от простого сознания к космическому, и это изменение сознания, раз оно произошло, становится вечным.

Когда в Данте пробудилось чувство космического сознания, когда он вошел в новый Космос, первое, что его поразило (как это поражает и должно поражать всякого пробуждающегося к космическому сознанию), было видение «вечных колес» —

«цепи причинности» — порядка природы — видение, невыразимое человеческими словами. Его новая личность — Беатриче — смотрела на это раскрытие вселенной. Созерцание, восхищение космическим видением перевоплотило его в бога. Это видение порядка вселенной приходит внезапно, оно освещает мир, как молния освещает природу, но оно не кратковременно, как молния: оно остается вечно. Это явление и дало автору термин «космическое сознание». Сравните описание Данте с описанием озарения Гаутамы в Маха-Багга [163:208]: «В течение первой стражи ночи он сосредоточил свой ум на причинности; во вторую стражу ночи он делал то же самое». Как уже указано, этот отчет является одним из самых ранних и наиболее достоверных отчетов об озарении Будды.

После озарения Данте написал «Божественную комедию». В ней можно видеть то выражение, которое Данте мог придать космическому видению. Следовательно, ее надо рассматривать как выражение, параллельное Корану, Упанишадям, Сутрам, «Человеческой комедии», «Листьям травы», шекспировской драме и сонетам, трудам Бёме и «К демократии».

Суммируем — в случае Данте мы имеем:

- а) быстроту, характеризующую появление космического чувства;
- б) характерный возраст Данте и время года;
- в) сильно выраженный субъективный свет;
- г) озарение умственных способностей;
- д) подъем нравственного чувства;
- е) чувство бессмертия;
- ж) уничтожение чувства греха, стыда и страха смерти.

Глава 7

Варфоломей Лас-Казас 1474–1566

Лас-Казас был одним из самых замечательных людей шестнадцатого столетия [128:206]. Оком прозрения он предвидел и словами пророка он предсказал, что возмездие падет на Испанию за ужасы, которые она творила над несчастными туземцами [119:706].

Лас-Казас родился в Севилье в 1474 году в одной из самых благородных испанских фамилий. Его семья была французского происхождения, род велся от лиможских виконтов. Его род еще до тринадцатого века играл выдающуюся роль в отвоевании Севильи от мавров, при Фердинанде III Кастильском, в 1252 году. Начиная с того времени, род Лас-Казасов постоянно занимал ответственные должности. Непобедимое мужество и безупречная честность были основными чертами Лас-Казасов. По рождению и воспитанию Варфоломей Лас-Казас был аристократ до мозга костей [89:437].

В 1502 году Лас-Казас отправился в Вест-Индию и поселился там в своем поместье.

Сначала он, кажется, был занят тем, чем и другие, — наживой. Около 1510 года он был рукоположен в священники. Он занимал сразу три или четыре должности и был способный, деловой человек, усердный и точный историк, великий преобразователь, большой филантроп и выдающееся духовное лицо [98:2].

Он был красноречив, проникателен, благочестив, храбр, и на него можно было положиться [98:3].

Его жизнь не укладывается в рамки биографии: чтобы написать его биографию — надо писать историю. Его жизнь дает, пожалуй, единственный пример человека, который не завоевывал, не открывал, не изобретал, но, исключительно благодаря своему благодушию и доброте, сделался настолько выдающейся личностью, что большая часть испанской истории тех времен не может быть понятна, если не описать его деяний, трудов — ибо они являются

основными линиями истории тех времен. Его по заслугам называли «великим апостолом Индии» [98:289].

Это было лицо необъятных способностей и силы воли. В каком бы веке он ни жил, несомненно, Лас-Казас был бы одним из самых выдающихся людей. Как деловой человек, он отличался необычайными административными способностями. Он был великий дипломат, красноречивый проповедник, человек титанической энергии, горячий, но сдержанный и необычайно упорный. Человек горячей, нежной души, спокойный, остроумный, он не знал, что такое страх, и не был способен ко лжи. У него было много врагов, много непорядочных врагов, но ни один из них не был в состоянии обвинить его более, чем лишь в горячности характера. Его гнев доходил до исступления, и, правда, у него было достаточно причин для гнева. Он всегда называл вещи своими именами и говорил в глаза правду [89:439].

Примерно около 1510 года положение индейцев сделалось ужасающим. Жизнь индейца ни в грош не ставилась. Было выгоднее заставлять индейца работать до смерти, затем выбрасывать его труп и мертвого заменять живым, чем заботиться о том, чтобы он не умер от непосильной работы. Временами индейцы восставали. Восстания подавлялись немилосердно: бунтовщиков «убивали сотнями, сжигали заживо, сажали на кол, травили собаками» [89:443].

Лас-Казас по природе был очень разносторонний человек, смотревший на жизнь со многих точек зрения. При иных обстоятельствах он, весьма вероятно, не сделался бы филантропом, хотя, конечно, он, во всяком случае, работал бы лишь на почетном, благородном поле деятельности. Духовная сторона вещей смолodu его не интересовала. Его умственные и духовные способности развивались постепенно, из года в год поднимаясь все выше и выше. Сначала, как и все, он был рабовладельцем, не видя в этом никакого зла. Однако его добрая, нежная натура проявилась и в этом. Его обращение с рабами было таким, что все рабы любили его. Нельзя было не обратить внимание на его наружность. Индейцы, бежавшие при одном лишь виде белого человека, скоро увидели в нем своего друга, на которого всегда можно было вполне положиться [89:448].

В 1512–1513 годах Веласкес завоевал Кубу и обратил туземцев в рабство. Лас-Казас, бывший вместе с Веласкесом, получил от него половину большой индейской деревни и обосновался на этом острове.

Теперь мы приближаемся к факту, доказывающему, что Лас-Казас представляет собою крайне яркий пример космического сознания: он обладал чрезвычайной физической и умственной силой вплоть до глубокой старости, его нравственная природа была удивительно высока. Он отличался личным магнетизмом и высочайшими духовными качествами.

В круг обязанностей Лас-Казаса входило совершение литургии и чтение проповедей. Обдумывая проповедь, которую он должен был сказать в День св. Пятидесятницы (1514 г.), он открыл Библию, и взор его упал на тридцать четвертую главу Екклезиаста:

«Всевышний не любит приношений злых, и грешник не может удовлетворить Его множеством жертвоприношений.

Хлеб нуждающихся — жизнь их, и кто обманом отымает хлеб от нуждающихся — убийца.

Кто отымает от ближнего своего его пищу — убивает его, и тот, кто обсчитывает своего рабочего в заработной плате, тот проливает кровь его».

Когда он прочел эти слова, казалось, что свет небесный озарил Лас-Казаса. Глаза его прозрели, и он увидел, что рабство — система неправильная в своем основании [89:450].

В это время Лас-Казасу было около сорока лет. Фиске рассказывает далее, как после этого Лас-Казас жил еще 52 года и умер в Мадриде, после кратковременной болезни, на девяносто втором году жизни. В течение всей своей долгой деятельной жизни Лас-Казас был болен лишь один раз, когда получил известие о разорении колоний на Жемчужном берегу. До самой смерти зрение его не ослабло, его природные силы не уменьшились [89:481].

В заключение Фиске говорит:

«Когда думаешь о такой жизни, как жизнь Лас-Казаса, всякая похвала кажется малой и пошлой. Историк может только почтительно склониться перед личностью, которая во многих отношениях

является самой прекрасной и возвышенной в христианских летописях, начиная с апостольского века. Когда изредка, на пространстве столетий, благодать Божия дает миру такую вечную жизнь, то память о ней должна быть дорога человечеству, как нечто драгоценное и святое. Мысли, слова и деяния такого человека бессмертны. Влияние их постоянно растет. Они цветут и приносят плоды вечно» [89:482].

Большинство сочинений Лас-Казаса были коротки, касались текущих событий. Единственно, где можно было бы найти подлинные указания на случившееся с ним озарение, — это в истории Вест-Индии, но, к сожалению, она не была напечатана.

Перед смертью он оставил ее в монастыре св. Григория в Вальядолиде и завещал, чтобы она не была напечатана в течение сорока лет, чтобы в течение этого срока никто ни из духовных, ни из мирян не видел ее. Королевская академия истории просмотрела первый том с тем, чтобы напечатать весь труд, но, как говорит Наварретт, нескромный и фантастический стиль сочинения, а равно и то, что почти все факты были уже известны из других источников, заставили Академию отказаться от мысли издавать это сочинение. Мне кажется, что это решение неправильно: что ни говори, Лас-Казас — один из величайших писателей Испании. Он значителен уже тем, что видел великие истины, когда никто еще не замечал их, и мужественно провозглашал их всему миру. Эти истины рассеяны по всей его истории и в других сочинениях. Однако, это не те места, которые помещены у ГERRARO [128:212].

Из вышеприведенной заметки Фиске ясно, что сочинения Лас-Казаса имеют свойства, характеризующие космическое сознание, как то: мужество, оригинальность, отсутствие условностей, проницательность и сострадание. Несомненно, если их исследовать, в них можно было бы найти прямые указания на то, что автор их обладал космическим сознанием.

Суммируем — Лас-Казас, по-видимому, обладал космическим сознанием, потому что:

а) он был необычайно здоров и силен; это встречается исключительно редко;

б) его вид обращал на себя внимание. Индейцы и другие любили Лас-Казаса;

в) его умственные способности развивались и после того, когда обычно их развитие останавливается;

г) в сорокалетнем возрасте с ним произошла внезапная глубокая перемена — в том возрасте, когда человек просто сознательный уже неспособен к дальнейшему нравственному изменению;

д) его умственные, а особенно нравственные качества гораздо выше того, что может быть достигнуто человеком просто сознательным;

е) по-видимому, у него было явление субъективного света перед проповедью в День св. Пятидесятницы в 1514 году. Если бы было возможно доказать, что свет этот был того же характера, что и озаривший ап. Павла, Магомета и других, тогда вне всякого сомнения оказалось бы, что Лас-Казас обладал космическим чувством. Не надо забывать, что вероятный субъективный свет непосредственно предшествовал духовному возрождению Лас-Казаса, что этот свет мог озарить его в типичное для космического света время — в конце мая или начале июня.

Глава 8

Хуан Иепес 1542–1591

Двадцать четвертого июня 1542 года в Фонтимбере, в Старой Кастилии, родился Хуан Иепес. Еще ребенком он потерял отца и мать, которые ничего не оставили ему. Он учился в иезуитской коллегии. На двадцать первом году жизни он стал монахом кармелитского ордена в Медине. Его религиозная ревность постоянно возрастала. Когда он прибыл в Саламанку, чтобы изучать высшие науки, он вел крайне суровый образ жизни. Двадцати одного года он был возведен в сан священника. Между тридцатым и тридцать третьим годом жизни у него был период «смущения ума, угрызания совести и отвращения к молитве... дьяволы смущали его... самой ужасной мукой для него было сомнение и чувство внутренней пустоты, в них он видел разверстый ад, готовый поглотить его» [31:552].

«Спустя некоторое время лучи света, спокойствия и божественной сладости рассеяли мрак и перенесли душу слуги Божия в рай внутреннего восторга и небесной сладости» [31:552].

Затем опять наступил период угнетенного состояния духа, а после него еще более совершенное озарение и счастье.

«Во многих случаях, особенно когда он приходил из церкви или с молитвы, — небесный свет исходил от его лица» [31:554].

Он наслаждался счастьем, свойственным космическому сознанию.

Ботлер цитирует его выражение — «душа слуги Божия всегда утопает в радости, у нее всегда праздник, она со свежей силой и новым удовольствием поет все новые песни радости и любви» [31:557].

За два часа до смерти Иоанн вместе с братией громко читал псалом «Помилуй мя, Боже». Когда один из братьев читал ему «Песнь песней», он находился в экстазе радости. Наконец он воскликнул: «Слава Богу», прижал распятие к груди и через некоторое время

сказал: «Господи, в руки Твои предаю дух мой» и тихо отошел. Это было четырнадцатого декабря 1591 года. Иепесу было тогда 49 лет [31:558].

В 1578 году за нарушение монастырского устава он был заключен в тюрьму на несколько месяцев, и в это время (тогда ему было тридцать шесть лет) на него снизошло космическое сознание. 15 августа 1578 года он был в тюрьме уже 8 месяцев. 24 июня того же года ему было 36 лет. Озарение случилось с ним за несколько месяцев до августа. Все, что можно сказать о времени озарения, — это то, что оно произошло или в конце весны, или в начале лета — в мае-июне [112:108]. В том же году, после озарения [112:141], он начал писать.

В случае Иепеса мы имеем необычайно сильно выраженное явление субъективного света. Говорят, что свет видели и посторонние. Он озарял его, когда он был в монастыре. Эти описания, кажется, преувеличены и перепутаны. Замечательно, что Иепес после озарения несколько дней был почти слеп: это, очевидно, имеет отношение к виденному им субъективному свету.

Ап. Павел потерял зрение на более продолжительный срок. Кажется, что внутреннее расстройство, сосуществующее с субъективным светом, так велико, что на некоторое время оно парализует зрительный центр и он не в состоянии реагировать на обычное световое раздражение... Очевидно, что в обоих случаях — у ап. Павла и у Иепеса — причина слепоты лежит в поражении оптического центра. Один из биографов Иепеса описывает эпизод озарения в следующих словах:

«Его келия наполнилась светом, который был видим телесному глазу. Однажды ночью его надсмотрщик-монах пришел посмотреть, все ли благополучно, и увидел, что вся келия была наполнена небесным светом. Он не остановился, чтобы рассмотреть его, а сразу поспешил к настоятелю монастыря, предполагая, что у кого-нибудь были ключи к тюрьме. Настоятель с двумя иноками сразу же пошел в тюрьму, но, когда он вошел в прихожую тюрьмы, свет пропал. Настоятель вошел в келью и спросил у Иепеса, кто дал ему свет. Тот ответил настоятелю, что никто не давал, что у него в келье нет ни свечи, ни лампы. Настоятель ушел, предположив, что тюремщик ошибся. После Иепес рассказывал братии, что небесный свет, который Бог послал ему в милосердии Своем, длился

всю ночь и наполнил сердце его такой радостью, что ночь прошла как одно мгновение. Когда приближался конец его заключения, Иепес слышал, что Господь из тихого света, окружавшего Его, сказал: «Жран, ~~я~~ здесь, не бойся, ~~я~~ освобожу тебя» [112:108].

«Через миг после того, как он убежал из монастырской тюрьмы, он увидел чудный свет, из которого ему послышался голос: «Следуй за мною». Он пошел. Свет шел впереди его по направлению к береговой стене, и затем, сам не знает как, он очутился на улице. Свет пропал. Он был так ослепительно ярок, что глаза у Иепеса ослабели, будто он смотрел прямо на яркое солнце» [112:116].

По просьбе лиц, знавших, что у него было озарение, он написал много сочинений, чтобы сообщить другим, что такое новая жизнь, пробудившаяся в нем. Приводимые ниже выдержки до некоторой степени уясняют состояние Иепеса после озарения и составляют известный вклад в дело представления, что такое космическое сознание.

«Для души, желающей подвергнуться сверхъестественному преобразованию, необходимо пребывать во мраке, вдали от всего, что составляет обычные чувственные и умственные условия ее существования. Сверхъестественно то, что превосходит природу, следовательно, то, что естественно, остается внизу. Хотя это соединение и преобразование не могут быть ощущаемы ни чувствами, ни какой-либо человеческой силой, однако душа должна вполне и добровольно освободиться от всего, что могло бы в нее войти, от всякой страсти и склонности, поскольку это относится к ней самой» [203:71].

Это учение подавления и уничтожения мысли и подчинения желаний проповедуется со времен Будды «озаренными» индусами. Несомненно, это учение основано на опытных данных [154:68 и 56:164 et seq.].

Мы не приводим здесь автора Бхагавад-гиты как случай космического сознания, потому что о его личности ничего не известно. Однако «Законы Бога» сами доказывают, что это было так. Кришна — это Космический Разум, а речи Кришны — выражение космического сознания.

Следовательно, на этом пути покинуть свой собственный путь — значит попасть на истинный путь или, выражаясь еще точнее, это

значит уже приблизиться к своей цели, а пренебречь личным путем — значит войти на тот, где нет пути, то есть — постигнуть Бога, ибо душа, достигающая этого состояния, уже не имеет ни своих путей, ни своих способов, ни земных привязанностей. Под путями я разумею пути понимания, сознания, ощущения, мышления.

Способы достижения космического сознания и общее их описание.

«Этот новый путь совмещает в себе все пути одновременно, так что тот, кто не имеет ничего, в то же время обладает всем. Ибо душа, мужественно решившая превзойти свои внутренние и внешние природные пределы, входит безгранично в сверхъестественное, которое не имеет мерил, но заключает все мерил внутри себя. Прийти туда — все равно что отойти отсюда, от самого себя, от этого неизменного состояния к высочайшему. Следовательно, подымаясь выше всего, что может быть предметом знания и понимания в материальном и духовном смысле, душа должна горячо желать достичь того, чего она не может знать в этой жизни, того, что не может быть понято сердцем. Оставив позади себя все присущие и возможные наклонности и ощущения чувств и духа, душа должна горячо желать достичь того, что превосходит всякое восприятие и все ощущения. Чтобы душа была свободна, чтобы ничто не мешало до-

Все пути одновременно, — Карпентер так пытается изобразить это настроение: «Какова природа этого настроения, этого озаряющего блеска: Я могу сказать лишь одно: вероятно, это возможное для человека видение с какой-то более общей точки зрения, свободной от неясности и ограниченности, тесно связанных с преходящими желаниями, страхом и всеми обычными мыслями и чувствами. В этом смысле — это новая, совершенно особая способность. «Видение» — всегда подразумевает световое ощущение, так и при этом видении существует внутренний свет, который, разумеется, не имеет связи с телесными глазами человека. Свет этот приносит лишь умственным очам человека впечатление, что он видит посредством чего-то, устраняющего все внутренние поверхности всех предметов, вещей и лиц. Как бы это выразить мне? Это очень несовершенное выражение, потому что, находясь в этом состоянии, чувствуешь, что сам лично представляешь собою эти предметы, вещи и лица, что сам лично представляешь собою вселенную. В этом чувстве сливаются воедино зрение, осязание и слух» [62].

стичь этой цели, она ни в коем случае не должна привязываться (это я объясню, когда буду специально разбирать этот пункт) к чему-либо, что она может получить посредством внешних ощущений или посредством разума: эти восприятия она должна ставить гораздо ниже. Ибо чем более значения душа придает тому, что она понимает, чувствует и воображает, и чем выше она ценит все это (все равно, принадлежит ли это к миру нематериальному или материальному), тем больше она отходит от высшего блага, тем дальше она не достигнет его. С другой стороны, чем меньше душа привязана ко всему, что можно было бы сравнивать с высшим благом, и чем ближе она возвеличивает высшее благо и преклоняется перед ним, тем скорее она достигнет его. Таким путем душа все ближе и ближе подходит к соединению с божеством, идет в потемках путем веры, которая, как бы она ни была невежественна, все же посылает дивный свет. Конечно, если душа будет стремиться и упорно желать увидеть божество, она увидит его и будет более ослеплена, чем тот, кто попытался бы упорно глядеть на солнце, когда оно сияет во всю силу своего света. Следовательно, на этом пути — видеть свет равносильно тому, чтобы заставить пребывать наши способности во мраке» [203:74–75].

«Чем больше душа стремится сделаться слепой и уничтожить в себе все внутреннее и внешнее, тем больше она будет наполняться верою, любовью и надеждой. Любовь эта временами не может быть ни понята, ни ощущаема, потому что она не с нежностью основывается в чувствах, а с твердостью укрепляется в душе, с большим, чем прежде, мужеством и решительностью. Хотя любовь эта иногда переполняет и чувства; тогда видно, насколько она мягка и нежна. Следовательно, чтобы достичь любви, радости и наслаждения, доставляемых «видением», необходимо, чтобы душа была тверда, была укреплена настолько, чтобы добровольно уйти в пустоту и мрак, где она положит основание своей любви и восторга на том, чего она не видит и не чувствует, на том, чего она не может ни видеть, ни чувствовать, а именно —

Бальзак говорит, что надо благодарить самосознание за то, что оно приносит нам, но в то же время надо помнить, что оно мешает человеку войти в космически-сознательную жизнь, жизнь, ведущую к бесконечности, которая одна лишь в состоянии объяснить Бога [5:142].

на Боге Непостижимом и Всевышнем. Следовательно, наш путь к Нему, по необходимости, заключается в самоотречении» [203:202].

«Хотя справедливо, как я уже указал, что Бог присутствует в каждой душе, милюя ее и сохраняя жизнь самым фактом Своего присутствия, однако, не смотря на все это, Он не всегда дает ей

Различие между самой лучшей сознательной жизнью и жизнью в космическом сознании.

сверхъестественную жизнь. Ибо это дается только любовью и милостью, до которой доходят не все души. Те, которые доходят, достигают по-разному — некоторые больше, некоторые меньше. Следовательно, та душа больше всего сливается с Богом, которая дальше всех ушла вперед по пути любви, а это бывает такая душа, воля которой наиболее согласна с волей Божией. Душа, достигшая совершенного согласования и схождения с Богом, соединяется с Ним совершеннейшим образом и сверхъестественным образом преобразуется в Бога. Для этой цели, как я уже объяснил, чем больше душа льнет к сотворенному, опираясь на свои собственные силы, следуя своим привычкам и склонностям, тем меньше она предрасположена к этому соединению, потому что она не в состоянии всецело предать себя в руки Божии, чтобы Он преобразовал ее сверхъестественным образом» [203:78].

«Иногда божественный свет с такой силой озаряет душу, что мрак не ощущается, а физический свет делается незаметным. Душа становится бессознательной по отношению ко всему, что она знает, и, следовательно, она теряется в забвении, не зная, где она, что с ней случилось, и не замечая течения времени».

«Может случиться, и обыкновенно так и бывает, что много времени пройдет в таком состоянии полного забвения. Когда человек опять приходит в себя, то протекшее время кажется лишь одним мгновением» [203:127].

«У Луи был несомненный припадок катаlepsии. Он без движения стоял в течение пятидесяти девяти часов. Глаза его остановились. Он не мог ни говорить, ни есть...» и т. д. [5:127]. Этот случай с Louis Lambert (Бальзаком) надо отнести к моменту такого же «озарения», какое было с Иепесом.

Вероятно, подобные случаи при наличии тождественных обстоятельств обычны, но не всеобщы.

Иепес предполагает, что Бог всегда присутствует в душе человека, но в пассивном, потенциальном состоянии или что в ней, по крайней мере, есть сознание объектов, находящихся вне ее.

Душа, знающая, что Бог живет в ней, — благословенна. Душа, в которой пробуждается Бог, — благословенна в высшей степени. Это «пробуждение Бога в душе» и есть то, что мы называем «космическим сознанием».

Иепес говорит, что Бог всегда присутствует в человеке и очень часто душа чувствует Его пассивное присутствие. Если Он пробуждается хотя бы один раз, этот случай глубоко влияет на всю последующую жизнь человека. Если бы такое состояние продлилось, то могла бы она перенести его?

Сколь благословенна душа, всегда сознающая, что Бог отдыхает и покоится в ней. Он там, Он как бы уснул в ее объятиях. Душа вообще сознает Его присутствие и чрезвычайно восхищена этим. Если бы Он всегда бодрствовал в душе, то ее знания и любовь непрерывно увеличивались бы. Это было бы состояние ее славы. Если Он так глубоко действует на душу, пробуждаясь лишь на мгновение, что стало бы с нею, если бы Он постоянно бодрствовал в ней? [206:506]

Было и будет указано, что одной из характерных черт космического сознания является слияние воедино личности со вселенной и со всем тем, что в ней находится. Когда Гаутама или Плотин рассказывают об этом факте, то люди говорят: «Это мистицизм». Когда об этом говорит Уитмен, то это называют: «Янки хвастает». А что скажем мы, когда простой, скромный испанский монах шестнадцатого века говорит нам об этом в такой ясной форме?

Небеса — мои. Земли — мои. Народы — мои. Мои праведники и грешники. Мои ангелы и Богородица. Сам Бог — мой и для меня, потому что Христос мой и все мое. Что же ты еще спрашиваешь и чего ты ищешь от меня, о душа моя? Всё это твое, и всё, всё для тебя. Не довольствуйся меньшим и не успокойся на крохах, падающих со стола Отца твоего. Иди вперед и торжествуй

Уитмен говорит: «Разве собственник не может взять принадлежащего ему имущества и передать по крепостному акту это имущество ему или ей?» [193:214]

во славе твоей, скрой самое себя во славе твоей и радуйся, ибо ты достигнешь всех пожеланий сердца твоего [206:607].

Видение бесплотных предметов, как ангелов и душ, очень редко и неестественно в этой земной жизни. Еще менее того — видение сущности Божества. Оно характерно лишь для душ благодатных, если только видение это не ниспослано благостью Бо-

жией на краткое время, или при большей продолжительности жизни — под предлогом отвлечения наших духовных способностей. Быть может, это было с ап. Павлом, когда он слышал неизреченные тайны третьего неба. «Я не знаю, — говорит он, — был ли я в своем теле или нет. Бог это знает». Из слов апостола ясно, что он был вне себя по воле Божией [203:198–199].

Знание подлинной истины требует объяснить его как следует, чтобы Бог держал руку писателя, водил его пером.

Помни, дорогой читатель, что эти предметы нельзя выразить словами. Но моя цель — не их обсуждение. Я учу и сообщаю лишь столько, сколько необходимо, чтобы направить душу к соединению с Божеством. Этот род видения не тот, при котором появляются видения (телесных) материальных предметов. Этот род видений состоит в понимании — видении, соединенном с пониманием божественных истин или же того, что произошло, происходит или произойдет. Оно ближе всего походит на дар пророчества, как я далее объясню это. Этот род знания имеет две стороны: одна — относится к Творцу, другая — к творению.

Космическое видение сравнивается здесь на общепринятом языке с более обыкновенными видениями, например ангелов и духов. По-видимому, Иепес не относится с доверием к таким «видениям».

«Невыразимо словами» — таково общее признание.

Попытка указать коренное различие между знанием истины, воспринимаемым самосознательным и космически-сознательным умом. Попытка указать также невозможность выразить радость, вызываемую космическим сознанием, высказать ее, пользуясь языком обыкновенного сознания. Уитмен, например, говорит: «Когда я пытаюсь выразить это, я чувствую физическую невозможность, язык костенеет, дыхание останавливается и я нем» [193:179].

И хотя оба рода знания чрезвычайно сладостны, однако восторг, производимый познанием Бога, ни с чем не сравним: не существует ни слов, ни языка, которым можно было бы описать его, ибо это познание самого Бога и Его наслаждений.

Божественное познание Бога никогда не бывает связано с какими-нибудь частностями, ибо оно относится к Высшему и, следовательно, не может быть объяснено при помощи сравнения с какой-либо истиной низшего, чем Бог, порядка. Низшая истина может быть описана, но общее знание не может быть выражено словами. Только душа, находящаяся в союзе с Богом, способна к такому глубокому, любящему знанию, ибо этот союз уже есть знание. Это знание состоит в известном соприкосновении души с Божеством, при нем ощущается сам Бог, хотя не так ясно и очевидно, как в состоянии славы Своей. Прикосновение знания и сладости так приятно и глубоко, что оно проникает в самые тайники души. Дьявол не может ни помешать этому, ни вызвать что-либо подобное этому, — ибо ничто не может сравниться с этим состоянием, — ничто не может доставить такую сладость и наслаждение, которое хоть сколько-нибудь походило на это. Это знание, до известной степени, дает то же самое ощущение, что и сущность Божества и вечная жизнь. Разумеется, дьявол не в состоянии подделаться под что-либо великое [203:205].

Такова сладость от этого глубокого восторга при прикосновении Божиим, что одно лишь прикосновение более чем вознаграждает за любые страдания в этой жизни, сколько бы их ни было.

«Я считаю, что все теперешние страдания не следует даже сравнивать со славою, которая будет открыта нам» [203:206].

Эти образы, запечатленные в душе, каждый раз, когда на них сосредоточено внимание, производят, иногда слабее, иногда сильнее, божественное ощущение любви, сладости и света: для этого и запечатлены эти образы. Тот, к кому так милостив Господь, имеет большой дар,

Бёме говорит: «Духовное знание не может быть передано одним разумом другому: его должно искать в духе Божиим» [97:56].

Уитмен: «Эта мудрость принадлежит душе. Она не может перейти от того, кто ее имеет, к тому, у кого ее нет» [193:123].

ибо внутри себя он имеет неисчерпаемый источник благословения. Образы, производящие такое действие, ярко запечатлеваются в духовной памяти [206:207].

Путь людей знающих, называемый также путем озарения или же путем вдохновенного созерцания, есть путь, на котором сам Бог учит душу и обновляет ее без всякого размышления или какого-либо активного усилия со стороны самой души [203:208].

Я исходил из самого себя, из своих небольших познавательных способностей, из моей несовершенной любви, из моего недостаточного чувства бытия Божия, причем ни со стороны плоти, ни от дьяволов мне не было никакого искушения. Моей ничтожной работой и моими жалкими путями я дошел до путей божеских; то есть мое понимание исходило само из себя, а теперь из человеческого оно сделалось божественным. Моя воля из человеческой превратилась в божественную, ибо теперь, будучи соединена с божественной любовью, она уже не любит свою прежнюю малую силу и ограниченные способности. Теперь она любит с энергией и чистотой божественного духа [203:275].

Все это не что иное, как сверхъестественный свет, озаряющий понимание, так что человеческое понимание делается божественным, сливаясь с ним воедино [203:55–56].

Божественная любовь таким же способом воспламеняет волю, и воля делается божественною, любящею божественным образом; она соединена воедино с божественною Волею и божественною Любовью. Такому же превращению подвергается память. Все желания и страсти тоже изменяются

«Каждый раз, когда на них сосредоточено внимание» — сравните с Бзконом: «Итак, я как богач, которому благословенный ключ может открыть его запертые сокровища. Но он не станет постоянно осматривать их, чтобы не притупить редкого удовольствия» [176:52].

Он говорит о переходе от простого сознания к космическому сознанию и об ощущениях, сопровождающих пребывание в космическом сознании.

Данте говорит, что это «перевоплощение в Бога» [72:4].

согласно желания Божия. Таким образом, душа делается небесною, более божественной, чем человеческою [204:111].

Это было большое счастье для души, когда Бог в ту памятную ночь уложил спать всех домашних моей души: уснули страсти, сила привязанности, желания как чувственной, так и духовной души.

Дальнейшие указания на необходимость подчинения или даже уничтожения сознательного ума для появления космически-сознательного разума.

Все это уснуло, чтобы душа могла без всякой помехи с их стороны, без их наблюдения, войти в духовный союз с совершенной любовью Бога: все они спали, были мертвы в эту ночь. О, как счастлива бывает душа, когда она может уйти из своего чувственного обиталища! Я думаю, никто не может понять этого, пока его душа сама не испытает ощущение этого блаженства [204:113]. Теперь, следовательно, ясно, что никакой отдельный предмет, нравящийся воле человека, не может быть Богом: поэтому, чтобы воля человеческая соединилась с Богом, необходимо, чтобы она совершенно опустела — лишилась всякого объекта, чтобы она отогнала от себя всякую склонность желать, чувствовать себя удовлетворенной от возвышенного или низменного, вещественного или неведущего, — так, чтобы, выбросив из себя и очистившись от всего, что удовлетворяет, от радостей и желаний, она была целиком занята, со всею ее силою — любовью к Богу [204:534].

Эта бездна мудрости так возносит, в такой восторг приводит душу, уча ее, как следует любить, что душа не только видит, как ничтожно все сотворенное относительно Высшей Мудрости и Божественного Знания, но также понимает она, насколько низменен, недостаточен, непристоен язык, на котором в земной жизни мы рассуждаем о Божественных предметах. Человек видит тогда, насколько невозможно естественным способом (как бы глубоко и начитанно мы ни говорили) понять и созерцать Высшую Мудрость и Божественное Знание, разве что в освещении мистической теологии. Таким образом, душа, видя, что она не может постичь истину и еще менее в состоянии объяснить ее, называет это тайной [204:126].

Дух так усиливается, так подчиняет себе тело и так же мало обращает внимания на тело, как дерево — на один из своих листьев.

Дух не ищет утешения или радости в Боге или в чем-либо ином, он не просит у Бога о ином, он не просит у Бога чего-либо из эгоистических соображений. Тогда он заботится лишь об одном: отблагодарить Бога за полученные им от Бога милости и благоденствия, и дух делает это, поскольку он на это способен [205:134].

Человеческий язык не в состоянии выразить ни одну из степеней света славы. Бог иногда, объемля душу, возбуждает в ней свет славы, который бывает известным духовным общением, посредством которого Бог делает так, что душа одновременно смотрит и восторгается бездной радостей и богатств, которые Он поместил в ней. Как солнце своим сиянием озаряет великие бездны моря и показывает жемчуг, золото и драгоценные камни, лежащие на дне его, так Божественное Солнце Жениха, озаряя невесту, раскрывает такие сокровища ее души, что даже ангелы взирают на нее с изумлением [205:292].

Я сказал, что Богу ничто не угодно, кроме любви. Он ни в чем не нуждается. Если ему и угодно что-нибудь, то это — рост души. Ввиду того, что душа может расти только в том смысле, чтобы сделаться равной Ему, то только вследствие этого Ему и угодна наша любовь. Любовь возвышает того, кто любит, до уровня любимого предмета. Следовательно, душа, благодаря своей совершенной любви, называется невестой Сына Божия, что равносильно равенству с Ним [205:333].

Прежде чем душа смогла получить этот дар, прежде чем она всю себя и все, что ей принадлежало, отдала своему Возлюбленному, она без пользы занималась множеством дел, думая этим угодить себе и другим. Можно сказать, что в тот период у нее было так же много занятий, как несовершенств [205:236].

Иепес похож на Будду и ап. Павла в презрении и осуждении сознательной жизни. Иисус Христос, разумеется, неизмеримо выше их: Он находит, что все живое прекрасно и божественно.

Предшествовавшее состояние простого сознания. Сравните с Уитменом: «Около меня ходят, меня спрашивают. Я встречаюсь с людьми. На меня действует и деревня, и город, где я живу, действует народ, последние события, открытия, изобретения, общество, старые и новые авторы, мой обед, платье, друзья, взгляды, позд-

равления, долги, настоящее или кажущееся безразличие какого-нибудь человека, которого я люблю, чужая или собственная болезнь, скверные поступки, потеря или нехватка в деньгах, скверное или приподнятое состояние духа, сражения, ужасы братоубийственной войны, лихорадочное ожидание дурных вестей — все это денно и ночью приходит ко мне и уходит от меня, но все это не «Я» — «я сам» [193:31–32].

Я с неохотой принимаюсь, по просьбе разных лиц, за объяснение четырех строф: они относятся к предметам настолько внутренним и духовным, что ускользают от возможности быть выраженными при помощи языка [206:407]. Все, что бы я ни сказал, совершенно недостаточно выражает происходящее при этом тесном союзе души с Богом. Любовь эта еще совершеннее и полнее во время состояния превращения [206:408].

Я вошел, не знаю куда; я стоял, не зная где; полное знание недоступно.

Я не знаю, куда я вошел, но когда я был там, я слышал великие истины. Я не скажу, что я слышал. Я был там, как тот, кто ничего не знает. Полное знание недоступно. В глубоком одиночестве совершенно было знание покоя и почитания: ясен был правый путь, но он был так таинственен, что я стоял, лепеча: полное знание недоступно.

Я стоял вне самого себя, охваченный экстазом. В моих восприятиях не осталось чувства. Мой дух понял, что он ничего не знает. Полное знание недоступно.

Выражения, которыми он старается изобразить умственное состояние, которое невозможно передать словами.

Здесь Иепес старается установить главные факты при достижении космического сознания. Он говорит, что он достиг его, но не знал, где он находится, слышал великие истины, но он не может передать их. В этом состоянии он обрел совершенный покой и знание.

«Быстро поднялись и распространились вокруг меня покой и знание, превосходящие все земное» [193:32].

Иепес, как Уитмен и прочие, преисполнился радости. Далее он говорит о нирване, даже употребляя слово «уничтожение».

Чем выше я восходил, тем менее я понимал. Это — темное облако, светящее ночью. Следовательно, тот, кто понимает, ничего не знает. Полное знание недоступно.

Тот, кто действительно восходит так высоко, тот уничтожает самого себя, и все его прежние знание кажется более незначительным. Его знание так возрастает, что он знает, что он ничего не знает. Полное знание недоступно.

Это знание, при котором знаешь, что ничего не знаешь, так мощно, что мудрецы своими рассуждениями никогда не могут оспорить его. Ибо их мудрость никогда не восходит до понимания того, что знаешь, что ничего не знаешь. Полное знание недоступно.

Эта высшая мудрость так превосходна, что нет ни возможности, ни знания когда-либо достичь ее. Тот, кто превзошел самого себя знанием, которое постигло «ничто», будет вечно возвышаться. Полное знание недоступно.

Слушайте, говорю вам: эта высшая мудрость состоит в восприятии ощущения сущности Бога: из милосердия Своего Он оставил нас ничего не понимающими и сделал полное знание недоступным для нас [208:624–625].

ИТОГИ

- а) у Х. Иепеса был субъективный свет, и даже необычайной силы, хотя показания относительно его несколько спутанны;
- б) сильно выражено нравственное возвышение;
- в) озарение разума тоже налицо, хотя, быть может, и не так сильно проявилось, как в других случаях;
- г) чувство бессмертия так совершенно, что Иепесу даже в голову не приходит обсуждать его как отдельный вопрос; он обходит его

Далее он говорит то, что каждый из озаренных высказывается по-своему: глубина премудрости состоит в восприятии ощущения сущности Бога. Это — космическое чувство — созерцание, интуиция, сознательность Космоса. Только при появлении этой способности возможно понять Бога. Это — новое рождение, посредством которого человек может видеть Царствие Божие.

молчанием, он не обсуждает своего бессмертия, как не стал бы обсуждать бессмертия Божия;

д) если даже у него прежде и был страх смерти, то теперь, конечно, он совершенно потерял его;

е) переход от простого сознания к космическому сознанию совершился у него мгновенно, когда он был в тюрьме, весной или в начале лета 1578 года. Ему тогда было 36 лет от роду, как это видно из рассказа Льюиса;

ж) по-видимому, у Иепеса наблюдались сильные изменения внешнего вида, характерные для озаренных людей, перемена, в Евангелии называемая «преображением».

Глава 9

Фрэнсис Бэкон 1561–1626

Нечего и пытаться дать в этой книге сколько-нибудь подробное изучение данного вопроса — даже поверхностная разработка заполнит материалом целую библиотеку.

I

Сразу откровенно констатируем такую точку зрения:

- а) Фрэнсис Бэкон написал «шекспировские» драмы и поэмы;
- б) он стал космически-сознателен приблизительно на тридцатом году жизни, вследствие чего у него было очень раннее умственное и нравственное развитие;

в) он начал писать «сонеты» сразу после озарения. По нашему мнению, первые сто двадцать шесть «сонетов» составляют поэму, описывающую космическое сознание;

г) первые сто двадцать шесть «сонетов» обращаются к космическому сознанию, а космическое сознание — к вылившимся из него драмам;

д) в «сонетах» можно видеть такие особенности:

- 1) космическое сознание;
- 2) космически-сознательного и самосознательного Бэкона, каким он проявляется в драме и в «сонетах»;
- 3) особое порождение космического сознания — драмы;
- 4) Бэкона — придворного, политика, прозаика, делового человека и проч.

II

Можно подумать, что первые сто двадцать шесть «сонетов» обращены к юноше-другу, хотя во многом это можно и отрицать. Ясно, однако, что при таком предположении они делаются совершенно недостойными творца «Лира» и «Макбета».

Писатели, которых мы рассматриваем в настоящей книге, почти всегда пишут так, что получается два или три значения одновременно, как и следует ожидать от людей, в которых сосредоточено несколько личностей. Пожалуй, Данте и Уитмен являются наилучшими примерами такой многозначности.

Т. С. Бэйнз [86:764] говорит, что нельзя смотреть с такой точки зрения. Позвольте возразить: пусть действительно существовал такой юноша, такая брюнетка [Мэри Фиттон, 167:30]. Все это явно ничего не доказывает. Эти лица могли существовать, автор мог обращаться к ним в «сонетах» так, как обращаются к океану и говорят о его «сухих, надменных губах» [193:392] или вкладывают в уста исторических личностей то, что они никогда не говорили, хотя физическая возможность говорить у них, конечно, была. Возьмите хотя бы «Молитву Колумба» [193:323], сочиненную Уитменом. Конечно же, она выражает то, что Уитмен думал, а не то, что думал Колумб. Нельзя найти ни единой строчки в «Leaves of Grass», где не было бы двух значений. Кто же сейчас не понимает, что в «Божественной комедии» Данте, хотя и пользовался современной ему тео-

логией, однако ее образами он выражал свои более глубокие идеи, чем непосредственный смысл употребляемых им теологических терминов. Лучший новейший переводчик Данте говорит: «Самая главная трудность перевода лежит в том, что в поэме каждое выражение имеет несколько значений» [70:16].

III

В человеке, обладающем космическим сознанием, всегда живет несколько личностей, по крайней мере две. Личность «Шекспир» — автор драм и сонетов, нечто совершенно другое, чем личность «Бэкон» — писатель-прозаик, парламентский деятель, юрист, придворный и гражданин. Все равно что «Серафита» или «Серафит», будучи Бальзаком, совершенно непохож на светского человека Бальзака, каким его можно было видеть в парижских гостиных. Уитмен в «Leaves of Grass» совершенно иной, чем Уитмен в обыденной жизни. «Гавриил» хотя и Магомет, но в то же время совершенно отдельная личность. Совмещение нескольких личностей в одном лице, мы предполагаем, и послужило причиной возникновения споров о личностях Шекспира и Бэкона. Равным образом в этом совмещении лежит и разгадка вопроса.

IV

Кто не испытал космического сознания, тот не может представить себе, что бывает при его приходе. Человек внутри себя чувствует рай. Старая земля становится для него небом. Необходимое условие — одиночество. «Озаренный» человек, естественно, не желает, чтобы старый мир отвлекал его от созерцания нового мира. В этот период жизни Бальзак уходил, чтобы быть в одиночестве недели и даже месяцы. Ап. Павел в это время не входил в общение с людьми, не посещал Иерусалима [22:1–17], но удалился в Аравию. Уитмен был крайне общителен, однако в начале космически-сознательной жизни он по месяцам жил в малонаселенной части Лонг-Айленда на морском побережье: одиночество было необходимо для него.

Иисус Христос немедленно после озарения «возведен бысть духом в пустыню» (ап. Матфей), и «и глас бысть с небесе: ты еси сын

мой возлюбленный, о нем же благоволих. И абие дух изведе его в пустыню» (ап. Марк), где Он оставался некоторое время.

Наверное, во всех ярко выраженных случаях космического сознания, тщательное исследование покажет, что у всех озаренных лиц после озарения есть стремление к одиночеству.

Спеддинг [174:49] говорит: «С апреля 1590 г. до конца 1591 г. я не могу найти о Бэконе ничего, кроме его письма в пять страниц». Между тем сам Бэкон о том же периоде говорит: «Я не думаю, чтобы я работой мог расстроить себе здоровье, потому что мое изучение и размышления теперь берут больше труда, чем любая работа» [174:56].

Особенно в течение этих полутора лет Бэкон зачастую уезжал в Туикенгэм «и наслаждался благословенным созерцанием в этом сладостном одиночестве, которое сосредоточивает мысли, как щурение глаз сосредоточивает зрение» [129:71]. Спеддинг говорит, что по временам Бэкон писал при закрытых дверях; о чем он тогда писал — неизвестно. Есть большой промежуток времени, когда Бэкон усиленно работал, а между тем нет ни одного произведения, которое было бы датировано этим временем [129:71–72]. Г-жа Потт, несомненно, права, говоря, что в такие периоды и, вероятно, в течение 1590–1591 годов много было написано более ранних драм [129:71].

V

Умственные способности Бэкона развились чрезвычайно рано. Бэкон сделался космически-сознательным, скажем, в начале 1590 года, т. е. в возрасте чуть больше 29 лет. Вероятно, до этого времени он написал несколько драм: некоторые из них оказались достойны быть помещенными в издании 1623 года. Весною 1590 года Бэкон получил космическое сознание. Почти два года (1590–1591) он жил в уединении и написал много драм, поясняя более ранними сонетами свои драмы и собственное настроение. Более поздние сонеты, вызванные случайными обстоятельствами, были написаны в период, начиная с этого времени и до их публикации в 1609 году.

В рамках настоящей книги невозможно дать биографию Бэкона. Для нас важно лишь одно: был ли он в умственном, а особенно в нравственном отношении таков, какими бывают люди, просвет-

ленные космическим сознанием? Его нравственность, с легкой руки Попа и Маколея, внушает большое сомнение. Но возьмем отзывы людей беспартийных, например Спеддинга. Спеддинг так заканчивает свой труд о Бэконе:

«Как мне ни надо было бы горевать о падении такого человека, как Бэкон, соболезновать о таком жалком конце такой жизни, — я лично всегда чувствовал, что он не пал. Не свались на него внешнее несчастье, люди никогда не смогли бы узнать, насколько он, в самом деле, был велик и прекрасен. Едва ли бы я мог узнать тогда, что внутренние хорошие качества человека непобедимы. Я не знаю ничего выше и привлекательнее его непоколебимой энергии, порядочности, ясности ума и чувств, терпения, хладнокровия и надежды, с которыми его дух переносил страшнейшие удары судьбы. Иову не пришлось перенести столько испытаний, многострадальный Иов хуже переносил свои меньшие страдания!

Во всей огромной массе его сочинений за эти последние пять лет его жизни не найти малодушного сетования, жалоб на кого-либо, самооправданий, нет и следа утомления, отчаяния или слабости» [178:407].

Сравните состояние духа Бэкона с неистощимой жизнерадостностью Уитмена, Бёме и Блейка.

VI

Ролэ [141:47] так говорит в своих личных наблюдениях о Бэконе: «Мне думается, что если луч исходящего от Бога знания падал на кого-либо в наше время, то, конечно, это лицо — Бэкон. Хотя он и был очень начитанный человек, однако его знание было не книжное: оно исходило из каких-то источников внутри самого Бэкона. Знание свое он высказывал лишь очень осмотрительно и осторожно». Другими словами, Ролэ думает, что Бэкон был озарен космическим сознанием и что он очень осторожно открывал свои произведения, исходящие из этого источника. Мне кажется, это может служить одним из доказательств нашего мнения, что Бэкон скрывал авторство его драм и сонетов.

Обратите внимание на выдержку из исследования Бэкона «О правде» [35:82]: «Первым творением Бога во дни творения было

просветление чувства; последний день — просветление разума и затем настала суббота — просветление духа». Иными словами, Бэкон говорит, что в эволюции развития человеческого ума сначала был этап простого сознания, затем — самосознания и, в конце концов, настало время распространения космического сознания. Бэкон продолжает: «Прежде всего Он вдохнул свет в хаотическую материю (и произвел жизнь — простое сознание), затем Он вдохнул свет в лицо человека (и произвел самосознание), и до сих пор Он непрерывно вдыхает и внедряет свет в лицо избранных Своих» (наделяя их космическим сознанием). Сравните: «Сказано: велики чувства, но выше чувств разум (простое сознание), больше разума — понимание (самосознание), а то, что выше понимания, и есть то (космическое сознание). Таким образом, зная то, что выше понимания, и воздерживая себя самими собою (заметьте неминуемое удвоение личности), разрушьте непокоримого врага в виде желаний». [154:57] Далее: «Закон можно найти не рассуждениями, ибо он находится вне пределов разума» [164:39].

Достоин замечания, что Бэкон полагает такую же разницу между разумом и пониманием, как между пониманием и космическим сознанием. Но мог ли он установить эту пропорцию иначе, как на опыте? В своей молитве [175:469] он говорит:

«Я Твой должник за талант Твоих даров и милостей. Я не сохранил его и не отдал взаимы, где он дал бы пользу. Я без пользы растратил его на вещи, для которых я меньше всего годился. Истинно говорю я, моя душа была чужой во время моего странствования».

Талант — космический разум. Бэкон должен был жить для него, но Бэкон жил двойственной жизнью и растратил большую часть своей жизни. Душа — космический разум — была посторонней по отношению к сознательному Бэкону.

Космический разум написал драмы. Какие великие произведения получил бы мир, если бы Бэкон жил исключительно для космического разума. Вместо непонятой, почти неизвестной жизни перед нами была бы еще одна из тех открытых, возвышенных жизней, которые вдохновляют человечество, медленно поднимающееся по пути к божеству.

Приводим два отрывка: первый — из «Плана работы», второй — из «Нового Органона».

«Если мы исполняем труд Твой в поте лица нашего, то Ты сделаешь нас участниками Твоего видения и Твоей субботы. Мы смиренно молим Тебя, чтобы такое настроение было у нас постоянно и чтобы нашими руками и руками других, кому Ты дашь такой же дух, Ты одарил бы род человеческий новой благодатью» [34:54].

«Я могу сказать про себя то, что было сказано в шутку: нельзя сказать, чтобы у нас было одинаковое мнение, когда один пьет воду, а другой — вино. Другие люди, как в древности, так и теперь, пьют грубый напиток — воду, воду знания, легко вытекающую из понимания или вычерпываемую из источника знания посредством логики, как вода вытягивается воротом из колодца. Я пью, пью за здоровье человеческого рода, вино из бесчисленных лоз, из зрелых гроздей, вино очищенное и осветленное в погребке. Не мудрено, что мы не понимаем друг друга?» [34:155]

VII

Конечно, здесь не место разбираться, кто автор шекспировских драм, но раз мы приписываем их Бэкону, мы должны привести хоть основные доказательства правильности нашего взгляда.

1. В «шекспировских» драмах встречается до 500 новых слов, заимствованных преимущественно из латинского языка. Далее, еще больше — до 5000 — встречается старых слов, употребляемых в новом смысле. Ясно, что автор почти что думал на латинском языке и был человек высокообразованный. Стиль прозы Бэкона совпадает со стилем «шекспировских» драм. 98,5 % «шекспировских» слов встречаются у Бэкона [37:133]. Равным образом, у Бэкона те же новые метафоры, уподобления, антитезы, что и у Шекспира [37:136]. Можно подумать, что шекспировские и бэконовские книги написаны одним лицом.

2. Донелли [74], Уигстон [197], Холмс [99] и другие приводят целые сотни совершенно тождественных фраз и оборотов речи у Бэкона и Шекспира. Это тождество никак нельзя приписать случайности.

3. Бэкон и «Шекспир» читали и любили совершенно те же самые книги.

4. Они оба писали на одинаковые темы. Философия «De Augmentis» и «Novum Organum» и другая проза Бэкона постоянно встречаются в шекспировских драмах. Бэкон — неизменно с той же самой точки зрения, что и Шекспир, — рассматривает человеческую жизнь и страсти [197:25 и далее].

5. Их точка зрения на все, от малого до большого, всегда одинакова. Их мнения всегда согласуемы.

6. Два великих человека — «Шекспир» и «Бэкон» — жили 30 лет в маленьком городе, где было каких-нибудь 160 000 жителей [82:820]. Они никогда не встречались. Нет указаний далее, что они были знакомы друг с другом. Меньший из двух — Бэкон — оставил после себя множество следов своей литературной деятельности, своей жизни — в виде рукописей, писем к знакомым и от знакомых и т. д. Большой человек — Шекспир — не оставил после себя ни рукописей, ни даже письма.

7. Места действия «шекспировских» драм хорошо знакомы Бэкону или лично, или по описаниям. Единственное место, которое должно было бы быть детально знакомо Уильяму Шекспиру, — Стратфорд на Авоне и его окрестности — не упоминается в «шекспировских» драмах.

8. Существует ясно выраженная параллель между последовательностью написания различных «шекспировских» драм (их тема, обстановка и т. д.) и событиями жизни Бэкона (его положение, жизнь, местожительство и т. д.). В то же самое время, насколько нам известно, совершенно нет ничего общего между жизнью «Шекспира» и «шекспировскими» драмами [130].

9. Сходство между «шекспировскими» Ричардом III и Генрихом VIII, с одной стороны, и бэконовской историей этих лиц, с другой стороны, так полно, что можно безошибочно сказать, что эти драмы и история написаны одним и тем же лицом [197:1–24].

10. Часто говорят, что Бэкон был ученый, философ, придворный, делец, но не остряк, не поэт. Но даже не говоря о драмах, Бэкон был поэт. Маколэй говорит: «У Бэкона была сильно развита поэтическая сторона ума, но не так сильно, как его остроумие. Поэтическая сторона ума никогда не брала верх над его разумом и не подав-

ляла всего человека... До Бэкона ни у кого еще не было такого сильного и тщательно уравновешенного воображения» [120:487].

11. Для непредубежденного человека один лишь «Promus» достаточно доказывает, что драмы написаны Бэконом. Скажите, для чего Бэкон стал бы приниматься за такой сложный труд [129], который мог пригодиться только для написания драм? Чтобы убедиться во всем этом, лучше всего самим прочесть те сочинения Бэкона, о которых доподлинно известно, что они принадлежат ему. В настоящей книге мы желаем доказать, что натура Бэкона была двойственна: был Бэкон, которого знали современники — и которого мы знаем по его прозаическим трудам, назовем его «Бэкон обычного сознания», и был другой Бэкон, у которого была вся эрудиция Бэкона первого, все его способности, но соединенные с колоссальным внутренним прозрением и с мощными духовными силами, — этот «второй Бэкон», космически-сознательный, писал сонеты и драмы.

12. 18 апреля 1621 года Бэкон написал свою молитву. Это было после его падения. Аддисон говорит, что эта молитва скорее могла быть возносима ангелом, чем человеком [175:467]. Ни в сонетах, ни в драмах не было такой истинной, искренней, глубокой поэзии, как в этой молитве: она — сама чистота и честность. Бэкон в ней, между прочим, говорит, что он дал человечеству всеобщее благо, хотя и в презируемой форме. Никто еще до сих пор не объяснил, какое общее благо и отчего в презируемой форме? Скажем, пусть это благо — его философские работы. Верно: они могут считаться общепользовными. Но причем тут презируемая форма, когда они были написаны на великолепном латинском языке, прекрасны и по форме, и по стилю?

13. В двух совершенно независимых прекрасных трудах Борнманн [28] и Рагглз [145] указывают, до какой удивительной степени мысли Шекспира и Бэкона всегда совпадают, как проза Бэкона выливается в поэзию у Шекспира и как методы прозаических сочинений Бэкона целиком осуществляются в поэтических произведениях «Шекспира», причем оба они никогда не теряют из виду друг друга. Труды Борнманна и Рагглза доказывают, что человек, написавший «Лиру», «Бурю» и «Венецианского купца», написал и «De Augmentis», и «Silva Silvarum».

14. Д-ру Платту удалось дешифровать анаграмму в начале пятого действия комедии «Бесплодные усилия любви» [51:376], «honorificabilitudinitatibus», которое раскрывается, как «Hi ludi tuiti sibi

Fr. Vosoно pati», т. е. «эти драмы, доверенные самим себе, сочинены Фр. Бэконом». Цель анаграммы совершенно ясна. Далее. В манускрипте этой комедии, находящемся в доме, принадлежавшем Бэкону, написана анаграмма «Honорificabilitudino», раскрывающаяся как «Initio hi ludi Fr. Vasoно», т. е. «в начале эти комедии Фр. Бэконом» — латынь скверна, была признана несовершенной и анаграмма была переделана в безупречную форму, в которой и появилась в изданиях «Бесплодных усилий любви». Нахождение в доме Фрэнсиса Бэкона указывает на реальное лицо — автора этой «шекспировской» комедии.

15. Как бы ни были убедительны вышеприведенные доказательства, однако наилучшим является то, что все «шекспировские» произведения в подлинниках подписаны шифром Фрэнсиса Бэкона. Это открытие последних двух лет. Шифр скоро будет опубликован.

VIII

Настоящая книга не имеет ничего общего с установлением, кто был автор тех или иных сочинений. Что было сказано, было сказано между прочим. Наша задача доказать, что некто, написавший «сонеты» и драмы, обладал космическим сознанием.

В этих двух видах произведений есть все необходимые элементы для решения нашей задачи. Драмы представляют собою изображение человеческого мира и проистекают непосредственно из «космического сознания». Сонеты, с точки зрения обыкновенного сознания, очень осторожно и в скрытом виде рассматривают «космическое сознание».

IX

Первые семнадцать сонетов призывают космическое сознание к работе. Они были и написаны, и изданы первыми.

Если такое объяснение покажется странным — сравните этот случай со случаем несомненным: Уитмен на третьей странице своих «Leaves of Grass» обращается к космическому сознанию: «Прерви молчание; ни слов, ни музыки иль рифмы я хочу, ни жизни поучений, ни даже наилучшего не надо мне. Нет, я желаю лишь услышать твой затаенный голос». Будда желал лишь возвышенной жизни.

Бэкон — лишь литературных лавров. Уитмен за долгую жизнь оставил всего два маленьких тома. Бэкон в короткое время дал раз в двадцать больше. Обращение Уитмена к космическому сознанию — всего три строчки. Бэкон призывает его в 200 строфах.

Сонет 1

Мы красоте¹ желаем размноженья,
Нам хочется, чтоб цвет ее не вял, —
Чтоб зрелый плод, — как все, добыча тленья, —
Нам нежного наследника давал.
А ты, плененный сам собой, питая
Твой юный пыл своим топливом, сам
Творя бесплодые вместо урожая,
Сам враг себе, жесток к своим дарам.
Ты ныне миру внешних дней отрада,
Один² глашатай прелестей весны,
В зачатке губишь цвет твоей улады,
Скупец и мот небесной красоты.
Так пожалей же мир, иначе плод
Твоей красы с тобою гроб пожрет.

-
- 1 В подлиннике — «from fairest creatures» — «прекраснейших существ». Плотин называет это прекраснейшее: «это — возвышеннейшее состояние», а Данте говорит: «О сияние вечно живого света! Каждый поэт показался бы обессиленным тенью Парнаса или опьянявшимся водою его источников, — показался бы отяжелевшим в своем разуме, когда попытался бы изобразить тебя таким, как ты явило себя в пространстве».
- 2 «Один глашатай прелестей весны» — из 43 случаев появления космического сознания, время его появления зарегистрировано лишь в 20, из этих 20 оно упало на первую половину года в 15 случаях. Не явилось ли у Бэкона озарение весною? [71:201]

Сонет 2

Когда твой лик осадят сорок зим,
Изрыв красу твоей роскошной нивы,
То блеск его, теперь неотразим,
Представится тогда мрачней крапивы.
И на вопрос, где красота бывала,
Сокровище твоих весенних дней,

Когда космическому
сознанию будет со-
рок лет, Бэкон будет
уже семидесятилет-
ним стариком.

Не прозвучит ли, как насмешка злая,
Ответ: «в глуби ввалившихся очей»?
Насколько ж будет лучше примененье
Твоих даров, когда ответишь:
«Вот — мой сын, в нем старости моей прощенье»...
И снова лик твой миру зацветет.
Так, стариком, ты станешь юным вновь,
Когда в другом твоя зардеет кровь.

Сонет 3

Вот зеркало. Взгляни и отраженью
Скажи: пора преемника создать,
Иначе ты лишишь благословенья
Мир светлый и неведомую мать¹.
Где та, чья непорочная утроба
Отвергнет радость² понести твой плод?
Где тот, кто хочет быть подобьем гроба
В самолюбви, чтоб прекратить свой род?
Ты — отблеск матери³, верни ж и ты ей
Апрель ее красы. И пусть твой сын
Тебе вернет назад дни золотые
Твоей весны в дни грустные морщин!
Но коль не хочешь памяти людей,
Умри один с наружностью своей!

-
- 1 «Лишишь благословенья неведомую мать» — лишишь какое-нибудь искусство своего произведения, не написав его, хотя и находился под влиянием «красавца-юноши» — производительного начала — космического сознания.
- 2 «Где та», которая «отвергнет радость» — какое искусство отвергнет и т. д.
- 3 «Ты — отблеск матери» — в зеркале природы. В космическом сознании отражается вся природа, включая человеческое сердце. Сравните с «Человеческой комедией» Бальзака, «Божественной комедией» Данте и «Листьями травы» Уитмена.

Сонет 15

Когда гляжу, как все крутом растет,
Но только на мгновение совершенно, —
Как плотский мир лишь призрачно живет,
Влиянью звезд покорный сокровенно, —
Когда я вижу, что людей, как травы,
Растит, хранит и косит тот же рок,
Даруя им отраду и отраву,
Сливая жизнь и смерть в один поток, —
В раздумии тогда перед виденьем
Твоей роскошной красоты стою,
И страшно мне, что время вместе с тленьем
Сведут в мрак ночи молодость твою.
И я хочу свою подставить грудь,
И все тебе, что отнято, вернуть.

Все вещи после временного периода зрелости вянут, никнут. Космическое сознание само подвержено этому общему закону. И чтобы оно все же не совсем исчезло вместе с его носителем, он (самосознающий Бэкон) запечатлевает его заживо.

Сонет 16

Но почему не избираешь ты,
Воюя с временем, пути вернее?
И не берешь в защиту красоты
Оружия, моих стихов мощнее?
Теперь достиг ты счастья вершин.
На свете много девственных целин
Готово возродить твой пышный цвет,
Куда живее, чем в стихах поэт.
Так жизнь сама вернет твой облик внешний:
Ни летопись, ни пыл любви моей
Его не в силах внутренне и внешне
Заставить вечно жить в очах людей.
Сам от себя, себя же отделив,
Собой рожден — ты будешь вечно жив.

Просто сознательный Бэкон готов увековечить космическое сознание в «сонетах», но отчего само оно не увековечит себя лучшим способом, чем собранием стихов? Ты (космическое сознание) только что расцвел, и девушки (живопись, поэзия, драма и т. д.) были бы рады иметь от тебя потомство — цветы твоей жизни. Они были бы более похожи на тебя, чем все то, что я могу написать о тебе, смотря на тебя извне. Сонеты — изображение космического сознания с точки зрения просто сознательно-го человека, между тем необходимо заставить космическое сознание сказать о себе самом. Сравните Уитмена «...я желаю лишь услышать твой затаенный голос».

Бэкон говорит космическому сознанию, что оно будет бессмертно, станет понятно всем и всегда, если само изобразит себя.

Сонет 17

С годами кто, кто будет верить мне,
Как бы слова тебя ни возносили?
Мои стихи, как надпись на могиле,
Не в силах вызвать образ твой вполне.
И если б даже верно был воспет
В моих стихах твой облик несравненный,
В грядущем кто не скажет: «Лжет поэт:
Нет красоты такой во всей вселенной!»
От времени мой пожелтый свиток
Поднимут на смех, как вранье глупца,
И внешних прелестей твоих избыток
Покажется всем выдумкой льстеца.
Когда ж бы сын твой был в твоих летах,
Ты жив бы в нем был и — в моих стихах.

Если я стану рассказывать, что ты (космическое сознание) представляешь собою, то либо не поймут, либо не поверят, скажут, что я преувеличиваю. Но если после тебя останутся твои дети, т. е. произведения, продиктованные космическим сознанием, тогда ты будешь жить вечно: во-первых, в твоих произведениях, божественное происхождение которых будет несомненно, и во-вторых, в моих сонетах, которым тогда поверят, сравнивая мои стихи с действительностью.

Сонет 18

Сравню ли я тебя с весенним днем?
Нет, ты милее длительной красою:
Злой вихрь играет нежным лепестком,
Весна проходит краткой полосой.
Светило дня то шлет чрезмерный зной,
То вдруг скрывается за тучей мрачной.
Нет красоты, что, строгой чередой
Иль случаем, не стала бы невзрачной.
Твоя ж весна не выдает теней
И вечный блеск ее не увядает.
Нет, даже смерть бессильна перед ней!
На все века твой образ просияет.
Пока есть в людях чувства и мечты,
Живет мой стих, а вместе с ним и ты!

Первая часть сонета — восхваление космического сознания. Кажется, это один из позднейших сонетов, когда Бэкон уже знал, как выражает себя космическое сознание в его драмах. Он говорит, что космическое сознание существует, пока существует человечество, что оно возрастает в вечных линиях, по которым движется человечество (in eternal lines to time thou growest).

Сонет 33

Как часто по утрам светило дня,
Вершины гор по-царски украшая,
И золотя зеленые поля,
И радугой потоки освещая, —
Дает внезапно безобразной туче
Его небесный лик заволокнуть,
И, спрятав от земли свой облик жгучий,
Незримо к западу свершает путь.
Так, солнце сердца чуть лишь озарило
Всеторжествующе мое чело,
Как туча черная его затмила,
Но не затмила чувства моего...

Земных ли солнц бессменно светел луч,
Коль солнцу неба не избежать туч?!

Сонет 33 говорит о перемежающемся характере озарения. Это относится ко всем тем случаям космического сознания, когда оно появляется многократно. Промежутки между озарениями печальны и пусты. Бёме, говоря о чередовании периодов космического сознания, рассказывает [40:16]: «Солнце немало светило на меня, но не постоянно, а когда оно заходило, я плохо знал и понимал свою собственную работу».

То же самое говорит и Иепес: «Когда приходят эти видения, то словно как через открытую дверь врывается ослепительный свет, видимый душою, как человеческий глаз видит молнию среди ночной тьмы. Молния позволяет видеть все окружающее лишь на один миг. После нее тьма еще глубже, хотя очертания предметов остаются на некоторое время в памяти. Но в случае озарения души видение бывает совершеннее. Ибо то, что я видел при озарении моей души, настолько врезалось в нее, что каждый раз, когда Бог опять озаряет ее, душа помнит ранее виденное так же отчетливо, как когда она видела это в первый раз, так же, как мы видим предметы, отраженные в зеркале, всякий раз, когда посмотрим на него. Раз душа видела однажды видения — они уже никогда не оставят ее. Видения эти действуют на душу так, что дают ей ощущение покоя, просветления, прославляющего восторга, сладости, чистоты, любви, смирения и возвышения духа к Богу. Эти ощущения бывают иногда сильнее, иногда слабее, иногда усиливается одно из них, иногда другое, соответственно расположению души и воле Божией» [203:200–201]. Ап. Павел говорит: «Плод духа есть любовь, радость, мир, долготерпение, милость, доброта, верность, смирение и умеренность» [22:5:22].

Сонет 36

Сознаемся, пора нам раздвоиться.
Хотя любовь в нас, как была, одна,
На мне одном позор пусть отразится,
Пусть будешь ты, как прежде, без пятна.
Пусть наши чувства будут той же пробы,
Но жизни нашей — разные пути.
Хоть мы остались неизменны оба,
Но светлых встреч нам больше не найти.
Отныне я при всех тебе чужой,

Дабы тебя не запятнал мой стыд:
И ты будь в людях холоден со мной,
Иначе свет тебя не пощадит.
Пусть будет так! Я так люблю тебя,
Что раз ты мой, и честь твоя — моя.

По-видимому, этот сонет необходимо отнести к более позднему времени, чем вышеприведенные сонеты. В течение нескольких лет Бэкон жил двойственной жизнью: с одной стороны, он был юристом, придворным, политиком — это был Бэкон, обладавший лишь самосознанием. С другой стороны, он был поэт, провидец, озаренный тем «редким, несказанным светом, что осветить способен самый свет» — «тем светом, который никогда не освещал земли или моря», словом, он вел жизнь, озаренную космическим сознанием. Обе эти жизни у него были строго разграничены. Почти никто — разве только св. Антоний и ап. Матфей — не знал в сознательном состоянии, что, кроме обычной сознательной, они ведут еще какую-то другую жизнь. У Бэкона было немало оснований, чтобы строго разграничить эти два состояния своей жизни. Многим совершенно непонятна прямая двойственность этого и других сонетов, если ее отнести к двум сторонам одной и той же личности или двум личностям того же самого лица. Но предположим, что наше объяснение правильно, — тогда сравним эти сонеты с произведениями других авторов, о которых доподлинно известно, что они обращались к своему собственному космическому сознанию. Язык сонетов ни в коем случае (сравнительно с другими авторами) нельзя назвать преувеличенным. Например, Уитмен пишет: «Со смехом и множеством лобзаний, о, душа, я вижу, ты любима мною, а я тобой» [193:321]. И далее: «И, обращаясь, я зову тебя, о душа, ты, действительно, — я» [193:321].

Автор сонета говорит, что если бы он открыто признал в себе свою вторую личность, свое второе «я», то есть космическое сознание, и произведения — драмы, написанные под влиянием космического начала, тогда все то, что принесло бы пользу ему, просто сознательному Бэкону, было бы отнято от его лучшей, высшей стороны, т. е. космически-сознательного Бэкона. Он не может согласиться на это.

Сонет 39

Как мне твои заслуги воспевать,
Когда ты часть, и лучшая, моя?
Что могут похвалы себе мне дать?
Что в том мое, в чем я хвалю тебя?
Поэтому нам надо разойтись

И наших светлых чувств порвать звено,
Чтоб, разлучившись, лишь к тебе неслись
Хвалы за то, что лишь тебе дано.
Разлука! Как бы ты была тяжка,
Когда б досуга тягостное бремя —
Обманивая помыслы и время —
Не красила любовная мечта,
Когда бы ты не позволяла нам
Петь здесь о том, что так далеко там?

Космическое сознание — лучшая часть автора сонетов. Раз это так, то даже неудобно восхвалять ее, и вследствие этого двум нераздельным частям необходимо отделиться одна от другой. Во время своего отделения от своей лучшей части — т. е. космического сознания, — автор занимается политикой и прочими житейскими делами. Это происходит с ним все время, пока в нем спит космическое сознание. Хотя оно в нем тогда и отсутствует, но он все же рад, сознавая, что в любое время он в состоянии призвать к себе космическое сознание и все образы, идеи, находящиеся с ним в связи. Это ярче всего выражено в последнем стихе о даре — сознать «здесь о том, что так далеко там». Это уже указано во многих местах нашей книги. Гаутама говорит: «Достижение архатства (космического сознания) превращает единого человека в многоличного» [161:241]. Ап. Павел сказал: «Я более уже не живу как личность, но Христос (космическое сознание) живет во мне» [22:2:20]. И далее: «Если кто-либо существует во Христе, то он превращается в новое создание» [21:5:17]. Ап. Павел говорит, что «человек Иисус сотворил обоих воедино» (т. е. соединил в себе космическое сознание Христа с просто сознательным человеком — Иисусом), что он мог «из двух сотворить одного нового человека» [23:2:14–15]. Во многих местах ап. Павел указывает на двойственность своей личности. Магомет называл космическое сознание «Гавриилом». Коран был продиктован Гавриилом (космическим сознанием) ему — сознательному Магомету. Видимый Магомет был второй личностью. Бальзак, доведя рассказ о жизни Луи Ламбера (т. е. о самом себе) вплоть до момента озарения, говорит: «Событие, о котором мне остается рассказать, составляет его второе существование. Оно — исключительно во всех отношениях» [5:10]. Затем он описывает приход космического сознания и определяет афоризмами сущность самого космического сознания. Уитмен постоянно называет космическое сознание «душою», а себя называет обыденным, видимым Уолтом Уитменом [193:32].

Сонет 52

Я как богач, чей ключ благословенный
Вскрывает тайное сокровище свое,
Не каждый час, но редко, сокровенно,
Чтоб не тупить блаженства острие.
Всем ведомо, как редкое веселье,
Приходит праздник только раз в году
И драгоценный камень в ожерелье
Лишь скупо расставляется в ряду.
Так и часы с тобой, как мой тайник
Иль сундуки с одеждою богатой,
Даруют мне благословенный миг,
Раскрыв красы, которыми чреватые.
Блажен же ты, чьи порождают вежды
С тобой восторг, а без тебя надежды!

Сравните с Плотиним: «Это высшее состояние — не постоянно. Лишь изредка возможно наслаждаться (по особой милости оно сделано нам доступным) возвышением над своим телесным существом и над миром. До сих пор я испытал это чувство всего лишь три раза» [188:81]. По-видимому, у Бэкона период озарения продолжался больше и чаще приходил, чем у Плотина. Но, по-видимому, ни Плотин, ни Бэкон не были способны по желанию вызывать в себе состояние озарения. Весьма вероятно, что в Евангелии указывается на случайность и видимую беспричинность появления и исчезновения божественного озарения, когда говорится: «Ветер дует, куда он хочет, и ты слышишь его, но ты не знаешь, откуда он приходит и куда он идет: так бывает и с рожденными от духа» [17:3:8].

Сонет 53

Какая сущность твоего сложенья?
Тьмы чуждых образов живут в тебе.
У всех одно лишь тени отраженье,
А ты один вмещаешь все в себе.
Лик Адониса жалко искажает
Собой твои небесные черты, —
Все, что лицо Елены украшает,
В одежде грека воплощаешь ты.

Возьмем весну иль осени дары.
Та — только тень твоих очарований,
А эта — воплощение доброты.
Ты отражен в красотах всех созданий,
Ты внешностью участвуешь везде,
Но постоянство сердца лишь в тебе.

Сравните это описание космического сознания с тем, что говорит Будда: «Архатство (космическое сознание) даст человеку способность сердцем понимать сердца других существ и людей, понимать все настроения — страстное, спокойное, гневное, мирное, постигать заблуждения ума; видеть его возвышенность, узость, глубину, посредственность, упорство, колебания, свободу и рабство» [161:215]. То есть космическое сознание открывает весь внутренний мир человека. Это дивно выражено в «шекспировских» драмах. Сравните произведения «Шекспира» с охватывающим всю вселенную мирозерцанием Данте, с бальзаковским проникновением в строение и самую жизнь человеческого сердца; сравните с выражением Уолта Уитмена: «Мне одинаково близки старые и молодые, глупые и мудрые. Мне все одинаково близко и далеко [193:42]. Я так же понимаю материнское, как и отцовское чувство, ребенка и взрослого». Знание человеческого сердца и жизни было в Уитмене всеобъемлющим.

Сонет 59

Что есть, уж было, может быть, не раз.
И вот, минувшее изображая,
Наш бедный ум обманывает нас,
Известное когда-то вновь рождая.
О, если б мог я, заглянув в сказанья
Пяти веков, увидеть облик твой
В одной из древних книг, где начертанья
Впервые закрепили дух живой!
О, если б знать, что б древние решили,
Увидя чудеса твоих красот.
Кто ближе к совершенству, мы, они ли, —
Иль мир свершает тот же оборот?
О, я уверен, ум веков былых
Ценил черты, куда бледней твоих!

Бэкон спрашивает: «Представляет ли собою явление озарения что-либо новое или оно уже существовало и в древности? Хотел бы я видеть его описание в старой литературе. Если оно существовало, конечно, данные о нем должны сохраниться. Я нашел бы их и мог бы судить, идет ли человечество вперед, или назад, или же стоит на месте». Ему кажется, что почти никто или совсем никто из древних не обладал космическим сознанием. Бэкон был прекрасно знаком с Евангелием и с посланиями ап. Павла, но, очевидно, его благоговение перед ними не позволяло здесь искать аналогий. С Данте он был, кажется, мало знаком, а индийской литературы, где он мог бы найти множество примеров, тождественных с его собственными наблюдениями над собой, он не знал. Англичане в его время совершенно не были знакомы с буддийской литературой. Вернее всего, что, благодаря всему этому, у Бэкона не могло даже и быть какого-либо знакомства со случаями космического сознания, помимо своего собственного.

Сонет 62

Грех самомнения очи мне слепит
И обладает телом и душою,
И этот грех ничто не излечит,
Так глубоко сроднился он со мною.
Мне кажется, нет облика красивей,
Нет лучше стана, высшей правоты, —
Что нет моей оценки справедливей,
Что все во мне достойно похвалы.
Но чуть возьмусь за зеркало, я вижу,
Как стал я стар, как истощен тоской,
И самомнение, падая все ниже,
Становится обманчивой мечтой.
То не себя — тебя я обожаю!
В твою весну сентябрь мой облакаю.

В этом сонете двойственность личности в авторе выражена с яркостью. Когда он говорит о космическом сознании, он — просто сознательное «я» — проникается восхищением. Напротив, когда он обращается к организму и силам своего просто сознательного «я» — его слова пренебрежительны. В одно и то же время он и восхищен, и разочарован собою. Люди, знавшие У. Уитмена лично, знают, что то же самое противоречие и на той же основе свойственно было и ему. Восхищение У. Уитмена перед «космически-сознательным У. Уитменом» и его делами

(«Листья») было совершенно такое, какое выражается в этом сонете, хотя он совершенно лишен был самообольщения по отношению к своему обычному сознательно-му «я». Совершенно то же можно сказать о Магомете или Бальзаке.

Сонет 70

То не беда, что ты хулы предмет!
Прекрасное рождает осужденье.
Ведь красоты без темных пятен нет.
И в чистом небе ворон рвет тенью,
Будь ты хорош, и грязный яд злословья
Поднимет лишь тебя в глазах людей.
Ведь червь грызет с особенной любовью
Сладчайший цвет. Ты ж цвет весенних дней!
Ты пережил соблазны юных лет,
Нетронутый иль свергнув нападение,
Но этим злейший возбудил навет
И дал ему утроить рвенье.
Когда бы он тебя не искажал,
Миллион сердец к твоим ногам бы пал.

Бэкон хочет сказать: космическое сознание в лице своих отпрысков — драм «Шекспира» — будет подвергаться постоянным нападкам за вольность языка, презрение к условностям и т. д. Эти нападки не доказывают дефектов произведений. Великие произведения вроде «шекспировских» драм никогда еще не могли быть оценены с самого начала. Не следует порицать то, что написано под влиянием космического сознания, ибо оно — божественно, оно выше понимания средних людей. Если бы люди не были глухи и слепы, они благоговейно преклонились бы перед такими, внушенными космическим сознанием, произведениями.

Сонет 78

Я так же часто призывал тебя
Быть Музою моих стихотворений,
Как все другие, что несут, как я,
К твоим стопам плоды их вдохновений.
Твой облик, что научит петь немного

И неуча парить за облака,
Дал силы новые искусству слова,
Удвоил мощь и грацию стиха.
Но более всего гордись моим:
В нем все — любовь, все — пламень чувства.
Ты только придал внешний блеск другим
И прелестью своей развил искусство, —
Но можно ли сравнить, что сделал мне ты,
Из неуча взведя меня в поэты?

Этот сонет был написан уже после создания, публикации многих драм, что, без сомнения, вызвало много подражаний. Автор называет себя «неучем» потому, что у него не было художественного образования. Космическое сознание научило его «пению», а до тех пор он был нем. Он получил озарение на тридцатом году жизни. Никогда до этого он не писал поэтических произведений — озаренный, он сразу, без предварительной подготовки, начал писать даже лучше, возвышеннее, чем кто-либо до него был в состоянии. Небесный свет, озаривший его, был до некоторой степени использован и его подражателями — он придал им стиль и прелесть чувств. Это явление довольно обычное. Ланг пишет о Вальтере Скотте, что его подражатели, например капитан Боабдилл, стали писать чуть ли не так же хорошо, как сам Вальтер Скотт [169:9]. Однако космическое сознание должно быть гордо, довольно тем, что оно даст: истинное искусство порождается лишь им, а не учебой. Сравните эти признания в отсутствии предварительной подготовки к литературной деятельности с такими же признаниями Магомета, Бальзака, Уолта Уитмена. У них или совсем не было литературной подготовки, или очень мало. Они, в среднем возрасте получив озарение, начали говорить или писать.

Сонет 86

Его стихов ли гордое ветрило,
Стремясь к тебе, награде всех наград,
В моем мозгу рой дум похоронило
И обратило в гроб цветущий сад?
Его ли дух, злым духом наученный
Писать стихи, стал палачом моих?
Нет, не злой дух, советник сокровенный, —
Нет, и не сам он поразил мой стих.
Ни он, ни этот тайный вдохновитель,

Средь тишины желанный гость ночной,
Не может хвастаться, как победитель.
Я не боюсь побед их надо мной!
Но чуть ты стал сочувствовать ему,
Я замолчал и погрузился в тьму.

В этом сонете раздвоение личности Бэкона–Шекспира доведено до крайнего предела (см. также примечание к 53-му сонету). Его второй личностью было написано мало сонетов за это время. Космически–сознательная личность росла быстро. За короткое время было написано много драм. Космически–сознательный Бэкон выучился под влиянием космического сознания писать «лучше всех смертных». Однако не это подавило, заставило онеметь самосознательного Бэкона, а то, что космическое сознание на время поглотило все силы обеих личностей — космической и самосознательной. Благодоступный дух, господствующий над его (т. е. космически–сознательной личности) умом, это та «сущность», о которой говорит Бальзак так: «Таинственные существа, одаренные изумительными способностями, они соединяются с другими существами и проникают их, как активное начало. Эти таинственные существа отличаются силой и благородством высшей природы» [7:50]. Этот «он» (стих 10) есть космически–сознательный Бэкон — «средь тишины желанный гость ночной» — космическое сознание. «Тайный вдохновитель» — сравните с Уолтом Уитменом: «Даже во сне я слышу шепот послания с небес» [193:324]. Большинство читателей сами заметят, что Уитмен крайне простым языком говорит о космическом сознании, далеко не высокопарным стилем Бальзака, Данте и, пожалуй, проще всех прочих людей, имевших космическое сознание.

Сонет 97

Как на зиму похожи дни разлуки
С тобой, о радость промелькнувших дней!
Какой мороз! Как все томится в скуке!
Какой декабрь средь леса и полей!
А между тем, то было вслед за летом,
Роскошной осенью, в пору плодов,
Зачатых некогда весенним цветом,
Как плод любви осиротелых вдов.
И вялыми казались мне плоды,
Которые не знают ласк отца.

Ведь лето и отрада там, где ты,
А без тебя у рощи нет певца,
А если есть, поет он так уныло,
Что вянет лист, страшась зимы постылой*.

В примечании к 33-му сонету было сказано о случайном, редком появлении космического сознания. Было указано, что простое сознание существует у человечества уже в течение нескольких сотен тысяч лет, что оно, вследствие продолжительного периода наследственности, проявляется у людей в очень раннем возрасте — лет около трех от роду. Но как еще далеко человечеству до того времени, когда космическое сознание сделается общей постоянной способностью! Бэкон пишет в данном сонете, что провел время вдали от своей одухотворяющей половины, когда у него отсутствовало космическое сознание. Он пишет, что это он как бы был вдали от космического сознания, а не наоборот, т. е. он рассматривает свое космически-сознательное существо как реальное, а не себя самого.

Обычно-сознательный Уитмен пишет о себе: «Я — тот другой». Несмотря на отсутствие космического сознания, Бэкон говорит, что период этот был плодотворен: то, что было открыто в озарении, остается в сознании на продолжительное время. Но, хотя время это и было плодотворно, все же оно было скучно, пусто по сравнению с моментами озарения.

ИТОГИ

В случае Бэкона нет прямых указаний на озарение. У нас нет никаких данных для доказательства, что Уильям Шекспир написал «шекспировские» драмы и сонеты. Если же их писал Фрэнсис Бэкон, то у нас есть доказательства, что Бэкон вел затворническую жизнь примерно в то время, когда с ним случилось озарение, если только оно случилось с ним. Хаули и сам Бэкон намекают, что у Бэкона была какая-то необычная способность чрезвычайно высокого порядка. Сверх этих доказательств, которые большинству могут показаться слишком несущественными, действительное доказательство, что тот, кто написал «сонеты» и драмы, — обладал космическим сознанием, состоит из двух пунктов:

* Стихотворный перевод приведенных сонетов взят нами у М. И. Чайковского ввиду его общей художественной ценности; но должно признать, что переводчик выдвинул в сонетах более эмоциональную сторону, влюбленность, а не философскую, которой он, по-видимому, не придал достаточного значения, считая автора сонетов лишь английским Петраркой. Ю. М. — *Прим. перев.*

1. Творец драм был, пожалуй, самым великим умом мира. Его нравственное мирозерцание было настолько истинно, насколько ум его был велик. Со всех точек зрения он был громадной духовной силой. Если это так, то, согласно тезисам, лежащим в основании данной книги, он должен был обладать космическим сознанием.

2. Первые сто двадцать шесть сонетов, по-видимому, показывают, что автор их обладал космическим сознанием и что эти сонеты обращаются к космическому сознанию. Нам кажется, что сонетам этим невозможно дать разумное объяснение с какой-либо иной точки зрения.

Глава 10

Якоб Бёме (так называемый Тевтонский Теософ) 1575–1624

Его родина — Старый Зейденберг, местечко неподалеку от Герлица, в Германии. Хотя Бёме был из зажиточной семьи, однако в ранней молодости он был пастухом в Ландскроне, в окрестностях Герлица. Образование его ограничилось лишь городской школой в Зейденберге, после чего он поступил в подмастерья к сапожнику в Зейденберге, а в 1599 году он стал сапожным мастером в Герлице и женился на дочери богатого герлицкого мясника, Катерине Кунтцманн.

I

У Бёме было два ясно выраженных озарения. Первое случилось с ним в 1600 году, когда ему было 26 лет от роду. Мартинсен так рассказывает об этом происшествии:

«Бёме сидел у себя в комнате. Случайно он поглядел на полированное оловянное блюдо, отражавшее невыносимо яркий солнечный свет, и впал во внутренний экстаз. Ему показалось, что он видит сущность, глубочайшее основание вещей. Подумав, что это лишь игра воображения, чтобы отогнать от себя эту фантазию, Бёме пошел погулять на лужайку. Но здесь он заметил, что он видит самое ядро вещей, самую сущность трав. Своим наружным зрением он видит гармонию природы с той сущностью своей, которую он созерцает внутренним зрением... Бёме никому ничего не сказал об этом, но в молчании восхвалил и поблагодарил Бога. Он продолжал честно заниматься своим ремеслом, был внимателен к своим домашним делам и оставался в хороших отношениях со всеми окружающими» [123].

Гартман говорит об этом первом озарении, что при его появлении или вследствие его «Бёме научился познавать глубочайшие основания природы и с тех пор приобрел способность смотреть глазами своей души в сердцевину всех вещей. Способность эта оставалась у него и когда он был в своем необычном состоянии» [97:3]. В предисловиях к сочинениям Бёме это первое озарение описывается так:

«Когда Бёме было приблизительно двадцать пять лет, а было это в 1600 году, он был опять озарен божественным светом и преисполнился небесной премудрости, и, уйдя на лужайку перед новыми воротами в Герлице, он сел и рассматривал там злаки и травы в этом внутреннем свете. Он увидел их сущность, пользу и свойства в их очертаниях, виде и названиях. Подобным же образом он видел всю природу, и на основании этого бывшего ему откровения он впоследствии написал книгу «О названиях вещей». Он испытывал величайшую радость, когда познавал эти тайны. Вернувшись

домой, он по-прежнему заботливо относился к своей семье, жил скромно и мало рассказывал об удивительных вещах, случившихся с ним. В 1610 году на него опять снизошло озарение, тогда он, скорее для памяти, чем для печати, написал свою первую книгу «Аврора, или Утренняя заря» [40:13–14].

Первое озарение в 1600 году не было полным: в тот раз он не достиг настоящего космического сознания, он видел, если можно так выразиться, лишь зарю, но не яркий полдень. Мартинсен так описывает полное озарение, происшедшее с Бёме в 1610 г., когда ему было 36 лет от роду:

«Десять лет спустя (1610) у него было еще замечательное внутреннее состояние. То, что прежде ему удалось видеть лишь неясно, отрывками и только на протяжении нескольких отдельных моментов, теперь представилось ему в виде целого с более определенным контуром» [123].

Гартман так говорит об этом же случае:

«Десять лет спустя, в 1610 году, с ним произошло третье озарение. То, что в прежних видениях ему представлялось хаотично, отрывочно — теперь представилось в виде целого, все равно как арфа, у которой каждая отдельная струна представляет собой отдельный инструмент, а все они составляют лишь арфу. Теперь он постиг божественную стройность природы, где, как от ствола дерева жизни, отходит множество ветвей, несущих на себе ветки, украшенные листьями, цветами и плодами. Это произвело на него такое глубокое впечатление, что он решил записать все, что видел, и сохранить эту запись» [97:3].

Вот что говорит сам Бёме об этом последнем, совершенном озарении:

«Врата открылись передо мною, и в течение четверти часа я увидел больше, чем только я мог познать, если бы я учился годы в университете. Виденное показалось мне чрезвычайно удивительным, и я восхвалял Бога. Ибо я увидел и узнал сущность всех предметов, высоты и пропасти, вечное происхождение Святой Троицы, происхождение и развитие мира и всех существ посредством божественной премудрости. Я познал и увидел в самом себе все три мира,

а именно: 1) божественный (т.е. ангельский и райский), 2) мрачный (первоначальный мир, до появления огня) и 3) видимый, внешний мир. Я познал и увидел всю действительную сущность зла и добра, я увидел и познал их происхождение и их существование в каждом из нас. Я увидел и познал, как все зарождается в вечности. И всему этому я не только чрезвычайно удивлялся, но и чрезвычайно радовался» [40:15].

Выражение Гартмана — «в 1600 году он был опять озарен божественным светом» — относится к некоторым другим видениям, предшествовавшим этому первому, несовершенному озарению, когда Бёме было 25 лет. Надо сказать, что такие видения, по-видимому, довольно часто бывают у тех, на кого впоследствии нисходит озарение. Несомненно, такие люди обладают в высшей степени тонкой нервной организацией: Уитмен говорит о них, что они «избранные» люди. Гартман говорит о Бёме, что он «обладал необычайными тайными силами. Известно, что Бёме говорил на разных языках, но никто не знает, где он им выучился. Он также знал язык природы и знал настоящие названия растений и животных».

Сам Бёме говорит об этом:

«Я не знал ни литературы, ни искусств, поскольку они существуют в этом мире. Я не умный, а простоватый человек. У меня никогда не было желания изучать какую-либо науку, но с ранних лет я стремился спасти свою душу и думал, как я мог бы наследовать Царствие Божие. Моя внутренняя природа сильно противилась этому, меня одолевали плотские похоти. Я принялся бороться с моей испорченной природой. С помощью Божиею я замыслил превозмочь врожденную злую волю, уничтожить ее и слиться в любви с Богом во Христе. Я решил смотреть на себя как на мертвеца во плоти, решил дожидаться того времени, когда Христос воплотился во мне так, чтобы я мог жить согласно Его воле. Хотя я и не мог сделать этого, однако я укрепился в этом намерении и боролся с самим собой. Когда я при помощи Божией боролся и сражался с самим собой, дивный свет осиял мою душу.

Свет этот был совершенно чужд моей неукротимой природе, но в нем я познал истинную природу Бога и человека, отношения между ними — предмет, который до того времени я не мог и не надеялся постичь» [97:50].

Франкенбург о Бёме:

«Наружность его была довольно жалка. Он был высокого роста. Лоб его был низок, но виски выдавались. Орлиный нос, жидкая борода, иссиня-серые глаза; слабый, но симпатичный голос. Бёме держал себя скромно, разговор его был прост. Он терпеливо переносил страдания. Он был человек доброго сердца» [123:15].

Гартман о том же:

«Бёме казался маленьким. У него была короткая жидкая борода, слабый голос и серые глаза. Физической силы, кажется, у него не было, однако он не хворал вплоть до того времени, когда смертельно заболел» [97:17].

Его жизнеописание можно читать наряду с жизнеописанием Лас-Казаса, Иепеса и Уитмена, не боясь, что оно проигрывает от такого сравнения. Его смерть можно поставить наряду со смертью Иепеса или Блейка. Случилась она 20 ноября 1624 года.

«В первом часу дня Бёме подозвал к своей кровати сына Товия и спросил его, не слышит ли он божественной музыки, и попросил его открыть дверь из комнаты, чтобы лучше слышать небесную песнь. Потом он спросил, который час, и, узнав, что уже пробило два часа, он сказал: «Время мое еще не пришло, оно придет в три часа». Немного спустя он сказал: «Всемогущий Бог Саваоф, спаси меня по воле Твоей», и затем: «Распятый Господь наш, Иисус Христос, помилуй меня и возьми меня в Твое царствие». Потом он дал жене указания относительно книг и прочих преходящих вещей, прибавив, что она не долго переживет его (это так и случилось), затем простился с детьми, сказав: «Теперь я войду в рай», и попросил старшего сына, который с любовью смотрел на отца и тем не позволял его душе отделиться от тела, чтобы он отвернулся, и, глубоко вздохнув, он предал тело свое земле, а дух его вошел в высшее состояние, известное только тем, кто испытал его» [97:15].

II

Все сочинения Бёме, будучи проникнуты космическим сознанием, почти совершенно непостижимы обыкновенному человеческому разуму. Тем не менее возможно в них, как и в творениях ап. Павла, Данте, Бальзака, Уитмена и прочих, увидеть, что они — настоящая сокровищница мудрости. Но, разумеется, в целом они могут быть поняты лишь теми, кто озарен не меньше Бёме.

Чтобы показать, какого высокого мнения об этих книгах были знатоки, изучавшие их, приводим отзыв издателя «Трех Принципов» (изд. 1764 года):

«Человек не в состоянии постичь дивной премудрости прежде, чем он не прочтет внимательно всю эту книгу. Тогда он увидит, что «Тройная Жизнь» в десять раз глубже этой книги, а «Сорок Вопросов» в десять раз глубже «Тройной Жизни». Он поймет, что это все равно что дойти до глубины понимания или быть настолько глубоким, насколько дух глубок в самом себе, а глубже этого нет ничего, ибо сам Бог есть дух» [42:3].

Клод де-Сен-Мартен пишет Киршбергеру:

«Я далеко не молод. Мне почти пятьдесят лет. Однако я начал учиться немецкому языку, чтобы иметь возможность прочесть в подлиннике сочинения вашего неподражаемого соотечественника. Я сам написал несколько порядочных книг, но я ничто в сравнении с этим удивительным человеком. На него я смотрю как на высший свет, который когда-либо светил миру, исключая Того, Кто был сам Свет... Я крайне советую вам во что бы то ни стало постараться войти в эту бездну мудрости, глубочайшую из всех истин» [97:32 и 199:30].

Выдержки, приводимые нами в этой книге, взяты не потому, что они обладают особым проникновением, и не потому, что они самое лучшее из всего, что есть у цитируемых авторов, но лишь потому, что они помогают выяснить, что такое «космическое сознание». Для этой же цели выдержки приводятся параллельно и сравниваются.

«Если вы всмотритесь в самого себя и в окружающий вас мир, и в то, что там происходит, — вы увидите, что вы сами по отношению к этим внешним предметам являетесь этим внешним миром» [97:137].

«Вы — маленький мир, сотворенный из великой вселенной. Ваш внешний свет — хаос солнца и созвездий. Если бы это не было так, то вы не могли бы видеть посредством солнечного света» [97:137].

«Не я — «я», которое существует, как я, знает это: но Бог во мне знает это» [97:34].

«Следовательно, лишь тот, в ком существует и живет Христос, есть христианин, т. е. человек, в котором Христос воскрес из умершей плоти Адама» [97:5].

«Вдруг... дух мой прорвался... в самое зачатие Божества, и там я был объят любовью, как любимая невеста, которую обнимает ее жених. Но я не в состоянии описать величие радости духа. Оно ни с чем несравнимо, кроме как с тем состоянием, когда жизнь зарождается среди смерти. Состояние это похоже на воскресение из мертвых. В этом свете дух мой внезапно стал видеть через все, что внутри и около каждо-

«Я даю странный, трудный, но правильный парадокс: материальные предметы и невидимая душа составляют то же самое» [193:173]. Гаутама, Плотин и Карпентер совершенно сходятся в этом пункте.

«Как быстро убил бы меня яркий и страшный свет солнца, если бы я не мог теперь и всегда посылать из самого себя лучи восходящего солнца» [193:50].

Определение раздвоения личности в космически-сознательном лице на просто сознательное и космически-сознательное «я».

Бёме употребляет слово «Христос» в том же смысле, как ап. Павел, т. е. в значении «космическое сознание».

«Прорвался» в область космического сознания, в область напряженного ощущения радости и экзальтации, характеризующих космическое сознание. Это понимание «неба, которое есть чистый свет, свет разума, полный любви к истинному благу любви, исполненной неопишуемой радости» [72:193].

го предмета, даже в злаках и травах он видел Бога. Он видел, кто Бог, как Он существует и какова воля Его. Внезапно в этом свете я почувствовал непреодолимое побуждение описать существо Божие. Но тогда я еще не мог понять сущность глубочайших зарождений Бога и уразуметь их в уме своем, посему мне для этого уразумения и было дано еще двенадцать лет. Я был как молодое дерево, пересаженное в грунт: сначала молодое и нежное, оно хотя и кажется здоровым, но не несет плодов, хотя оно и цветет, но цвет его обивается суровым ветром, морозом и снегом до тех пор, пока оно не придет в тот возраст, когда может дать цвет и плод» [41:184].

«Если ты восходишь по той же лестнице, по которой я дошел до познания глубины Божией, то ты хорошо сделал: я дошел до моего настоящего понимания знания и написал этот труд, — не благодаря моему разуму, воле и решению. Я даже не думал об этом знании или о чем-либо касающемся его. Я желал лишь постичь сердце Божие и скрыться в нем от страшных бурь дьявола» [41:237].

«Воля не может перенести ни притяжения, ни проникновения, ибо тогда она сделалась бы свободна, не может она этого перенести еще и потому, что у нее существуют желания. Чувствуя, что она не в состоянии сделаться свободной, она вместе с притяжением входит в саму себя и производит из себя другую волю, то есть она из тьмы входит в саму себя. Эта другая, произведенная воля есть вечный разум. Он молнией проникает в себя самого и освещает мрак. Он входит в себя, обитает в себе и живет в себе. Он производит в себе второе начало другого качества (источника или условия), ибо импульс движения остается в темноте [43:5]. Первая вечная воля — Бог Отец, и Он производит своего Сына, то есть Свое Слово, не из чего

Никто из достигших космического сознания не «желал» его. Они даже не знали о его существовании. Но, кажется, во всех выдающихся случаях космическое сознание приходило к тем, кто горячо желал «постичь сердце Божие», т. е. стремился к более возвышенной, лучшей жизни.

Два оригинальных объяснения происхождения второго (космического) «я» — в первом (просто сознательном).

другого, как из самого Себя. Мы уже сказали вам о сущностях, которые происходят, зарождаются в воле. Мы сказали, как воля, в виде своей сущности, находится — существует во тьме. Мы сказали, как тьма (в колесе движения) раздирается молнией огня и как воля выливается в четыре формы, в то время как при начале они составляют всего лишь одну, но при молнии огня она появляется в четырех формах. Мы рассказали также, как существует молния огня, в котором первая воля укрепляется до неумолимости, так что свобода этой воли просвечивает через плоть. Мы объяснили вам, что первая воля светится в молнии огня. Она обладает поглощающими свойствами потому, что она отличается сильным желанием и бодростью. Здесь воля продолжает обостряться и объемлет в себе другую волю (в центре бодрости — энергии). Эта последняя удаляется от бодрости и живет сама в себе в вечной свободе без труда или источника» [43:15–16].

Ибо Иисус Христос, Сын Божий, вечное Слово во Отце (а он блеск, яркость, сила вечного света), должен вочеловечиться и родиться в вас, если вы узнаете Бога. Иначе же вы будете находиться во тьме, будете идти

ощупью впотьмах и всегда будете смотреть, не увидите ли вы Христа, сидящего одесную Отца, предполагая, что Он очень далеко от вас. Вы направляете свой взор на небо и ищете Бога в надзвездном мире, делаете так, как учат вас софисты, представляющие себе, что Бог где-то далеко на небесах. Я так же мало знал о сокровенных тайнах, как самый ничтожный из всех людей, но Моя дева чудес Божиих научила меня, что я должен написать о чудесах Его, чтобы самому запомнить их. Однако о том, что известно Богу, я стану говорить, как бы обращаясь ко многим [43:24].

Так мы определили для вас сущность во тьме. И хотя вам очень трудно понять нас, и хотя вы мало верите этому, однако у нас есть убедительное доказательство этого не только в сотворенном небе, но даже в центре земли,

«Христос» здесь дан в том же смысле, как и у ап. Павла: «Я живу, но не я, а Христос живет во мне» [22:2:20]. «Христос, который есть наша жизнь» [25:3:4]. «Иисус Христос, живущий в вас» [21:13:5].

Космическое сознание — дева. У Данте — Беатриче, у Бальзака — Серафита, космическое сознание в юности.

а равно и во всех основаниях вселенной, и было бы слишком долго излагать здесь все эти доказательства [43:31].

Ученик сказал своему учителю: «Как дойти мне до сверхчувственной жизни, чтобы я мог увидеть Бога и услышать, как Он говорит?»

Учитель ответил ему: «Если ты сможешь хоть на мгновение уединиться туда, где нет ни одного живого существа, тогда ты услышишь, что говорит Бог».

Ученик: «Близко ли это или далеко?»

Учитель: «Место это находится в тебе, и если ты можешь на время совершенно перестать думать и желать, то тогда ты сможешь услышать неизреченные слова Божии».

Ученик: «Как же услышу я, если я совершенно перестану думать и желать?»

Учитель: «Когда ты совершенно перестанешь думать и желать о себе, то приходящий из вечности дар слуха, зрения и речи откроется тебе и, таким образом, ты услышишь и увидишь Бога через самого себя. Твои собственные слух, желание и зрение мешают тебе. Через них ты не услышишь и не увидишь Бога».

Ученик: «Как же могу я услышать и увидеть Бога, если Он превыше природы и существ?»

Учитель: «Когда ты спокоен и молчишь, тогда ты таков, каким

Бог был до природы и творения. Тогда ты увидишь и услышишь

Подобным же образом Уитмен, чтобы доказать свои наиболее возвышенные учения — оптимизм, бессмертие, безграничный рост, расширение и развитие, — обращается к явлениям природы: «Я слышу как вы шепчете там, звезды небесные! Солнца, намогильная трава! О вечное изменение и прогресс! Если вы ничего не можете сказать, то как же я смогу сказать что-либо?» [193:77]

Бальзак говорит: «Из абстракции (самосознания) произошли законы, искусства, интересы, социальные идеи. Это слава и бич мира: слава, ибо она создала общество. Бич потому, что она не позволяет человеку вступить на путь «специальности» (космического сознания), ведущей к бесконечности» [5:142].

То же самое учение повторяется множество раз в сутрах. Сравните также с Карпентером [56:166–174].

тем, чем Бог видел и слышал в тебе прежде, чем у тебя возникли твои собственные воля, зрение и слух».

Ученик: «Что же мешает и удерживает меня от этого?»

Учитель: «Тебя удерживают твоя собственная воля, зрение и слух. А потому, что ты борешься против того, из чего ты произошел, ты вследствие того, что у тебя есть собственная воля, отделяешь себя от воли Божией и зрение твое видит только то, что приказывает ему твоя личная воля. А твоя воля, совместно с твоим мышлением о земных естественных предметах, мешает тебе слышать, низводит тебя на землю и затмевает тебя тем, что ты хочешь. Вследствие этого ты не можешь прийти к тому, что сверхъестественно и сверхчувственно» [50:75–76].

Учитель: «Если ты господствуешь только наружно над всеми созданиями, тогда твоя воля и управление касаются только животной стороны, и оно является лишь воображаемым, преходящим правлением. Желание твое касается лишь животной стороны, вследствие чего ты заражаешься, подчиняешься и сам попадаешь в животное положение. Но если ты освободился от животной стороны, тогда ты существуешь в сверхвообразимом и управляешь

всеми существами на том основании, на котором они все сотворены, ничто на земле не в состоянии повредить тебе, ибо тогда ты подобен всем вещам и нет ничего, что не было бы похоже на тебя» [50:76].

Учитель сказал ему очень нежно: «Если бы на один час твоя воля могла уйти от самой себя и от всего сотворенного туда, где нет ничего сотворенного, то она на вечность облеклась бы высшим блеском славы Божией. Она ощущала бы в себе высшую любовь Гос-

Относительно собственности Уитмен говорит так: «Если бы кто-нибудь был создан для того, чтобы иметь вещи как собственность, то он мог бы по желанию войти в них и воплотить их в самом себе», и далее: «Смотрите на собственность так, как если бы вы могли обладать ею, наслаждаясь всем, не тратя ни денег, ни труда: наслаждайтесь пищей, не едя ни крошки, наслаждайтесь фермой землевладельца, виллой богатого собственника, целомудренными благословениями хороших супругов, плодами и цветами сада» [193:127].

пода нашего Иисуса Христа, любовь, которую человек не в состоянии выразить. Она в себе самой нашла бы неизреченные слова Господа нашего о Его великом милосердии. Она в самой себе почувствовала бы, что крест Господа нашего Иисуса Христа очень ей приятен, и она возлюбит его более, чем почести и блага мира сего» [50:78].

Учитель: «Хотя ты теперь любишь земную мудрость, но, когда ты будешь облечен небесной премудростью, ты увидишь, что вся земная премудрость лишь суета и что у мира есть лишь тот враг, что и у тебя, а именно, преходящая жизнь; и когда ты — ты сам возненавидел волю мира сего, тогда ты начнешь любить это презрение к преходящей жизни» [50:80].

Ученик: «Что такое добродетель, сила, высота и величие любви?»

Учитель: «Ее достоинство — это то «ничто», из которого все происходит. Сила ее находится во всем и проникает собой все. Высота ее так же велика, как высота Божия, а величие ее превосходит величие Божие. Кто находит ее, тот ничего не находит, а вместе с тем находит все».

«Крест Христов» с точки зрения людей, принадлежащих к типу ап. Павла, обозначает просто лишение себя того, что сознание считает благом, и испытание того, что составляет так называемое зло сознательной жизни. С их точки зрения, эти блага не благо и зло не зло. Единственное благо — это достигнуть такой точки зрения (см. также Х. Иепеса). «Прийти туда — все равно что отойти отсюда, от самого себя, от этого низменного состояния к высочайшему. Следовательно, поднимаясь выше всего, что может быть предметом знания и понимания в материальном и духовном смысле, душа должна горячо желать достичь того, что превосходит всякое восприятие и все ощущения» [203:74].

«Мы говорим о премудрости между совершенными, но не о премудрости от мира сего» [20:2:6].

«Если какой-либо человек думает, что он премудр среди вас в этом свете, сделайте его безумным, чтобы он мог быть мудрым. Ибо мудрость мира сего — безумие в глазах Божиих» [20:3:18–19].

Эта и следующая выдержки представляют собою определение космического сознания с точки зрения нирваны.

Ученик: «Учитель, скажи мне, как мне понять это?»

Учитель: «Я сказал тебе, что ее достоинство представляет это «ничто». Это ты можешь понять таким образом: когда ты совершенно отречешься от всего созданного, когда ты делаешься «ничто» по отношению ко всей природе и творению, тогда ты перейдешь в то вечное, которое есть сам Бог, только тогда ты постигнешь и ощутишь высочайшую добродетель любви [50:1:81]. Я сказал также, что, кто находит ее, тот ничего не находит, а вместе с тем находит все. Это так же истинно: ибо тот, кто находит сверхъестественную и сверхчувственную бездну, где нет основания, на котором можно было бы обитать, тот находит то, на что ничто не похоже, следовательно, то, что ни с чем не сравнимо, ибо это глубже, чем что-либо, ибо это ничто по отношению ко всем предметам, ибо это необъяснимо. И так как это — «ничто», то оно свободно от всех предметов. Это и есть то единственное благо, о котором человек не может ничего сказать, которого он не может выразить. Я сказал: «тот, кто находит его, находит все» — это тоже истинно, ибо «ничто» было началом всех начал и оно управляет всем. Если ты его найдешь, то ты придешь к тому основанию, началу, из которого произошло все, где все предсуществовало, и ты будешь господин над всеми созданиями Божиими» [50:81].

Ученик: «Я теперь не могу перенести, чтобы что-нибудь отвратило меня от достижения. Как я могу достичь этого кратчайшим путем?»

Учитель: «Иди тем же путем, который труднее всего. Бери то, что мир отвергает. Не делай того, что делает мир. Иди против мира во всех путях его. И тогда ты дойдешь до этого кратчайшим путем».

«О Бикшу, выгрузи это судно (то есть освободи себя от предметов, принадлежащих простому сознанию). Выгруженное, оно быстро пойдет. Когда ты освободишься от страстей и ненависти, ты быстро дойдешь до нирваны» [156:86].

«Если вы хотите достичь божественной жизни (космического сознания), то вы должны отбросить все, что нас удовлетворяет в материальном мире (нашего сознательного человека) [204:534], забыть все, что было, и устремиться к тому, что впереди» [24:3:13]. Кажется, это общее предписание.

Учитель: «Ты правильно говоришь, что тебя примут за глупца, ибо путь к Богу через любовь кажется безумием миру сему, но он кажется мудростью детям Божиим. Когда мир видит этот пламень любви в детях Божиих, он говорит, что они сделались глупцами, но для детей Божиих это величайшее сокровище, такое великое, что жизнь не может его выразить, даже язык не в состоянии назвать, что это за огонь воспламеняющей любви Божией! Она ярче солнца, сластнее всего, она питательнее всякой пищи или питья, она приятнее всех радостей этого мира. Кто достиг ее, тот богаче всякого царя земного, благороднее любого императора и мощнее, сильнее любой власти и силы».

После этого ученик спросил своего учителя: «Куда уходит душа после смерти тела, все равно, спасена она или осуждена?»

Учитель: «Ей не надо куда-либо уходить. Только наружная, нравственная жизнь отделяется вместе с телом от души. У души и рай, и ад уже присутствуют. Нельзя заметить внешними чувствами прихода Царствия Божия, нельзя сказать про него «вот оно здесь — вон оно там, ибо, внимай, Царствие Божие — внутри тебя». «Душа остановится на том, что в ней теперь проявляется, и в ней будет или рай, или ад, судя по тому, что в ней теперь» [50:82–83].

Ученик: «Что же в таком случае представляет собою человеческое тело?»

Учитель: «Это — видимый мир, как изображение и сущность всего, из чего состоит внешний мир. Внешний мир, в свою очередь, есть проявление внутреннего, духовного мира, происшедшего из вечного мрака, из движения, раздвоения и соединения духа — это есть объект или отображение вечности, посредством которого

«Естественный (т. е. только сознательный) человек не получит того, что принадлежит духу Божию, ибо это кажется ему безумием» [20:2:14].

«И ад, и рай будут лишь там, где они теперь» [193:30].

Уитмен говорит: «Не буквы, вставленные наборщиком, дают их изображения, смысл, содержание. Не сущность человека и его жизни проявляются в его теле и душе до и после смерти» [193:25].

вечность сделала себя видимой. В нем существуют собственная воля и воля, отрешаясь от себя, т. е. зло и добро работают совместно. Такую сущность представляет собой видимый человек. Ибо Бог сотворил человека из видимого мира и вдунул в него внутренний духовный мир, как душу и понимание жизни. Следовательно, в делах внешнего мира человек получает и делает и добро, и зло».

Ученик: «Что будет после этого мира, когда все погибнет?»

Учитель: «Перестанет существовать только материальная субстанция, то есть четыре элемента: солнце, луна и звезды. Тогда совершенно обнаружится внутренний мир. Кто ныне работал под влиянием злого или доброго, работа тех духовным образом разделится и направит дух или к вечному свету, или в вечную тьму. Ибо то, что от чего-либо произошло, проникнет опять в то, чему оно подобно» [50:86].

«Дух сам в себе: в нем — все пределы. Все имеет отношение к тому, что из него исходит. Все, что вы говорите, думаете, делаете, — все это имеет следствие. Всякое движение, сделанное человеком, вызывает через некоторое время следствие в этой непосредственной жизни. Это же самое имеет влияние и в течение всей не непосредственной жизни» [193:289].

ИТОГИ

а) У Якова Бёме были начальные свойства характера, общие для людей того рода, о котором говорит эта книга.

б) Почти наверно, хотя он об этом и не говорит подробно, у него был субъективный свет.

в) Было необыкновенное озарение ума.

г) И увеличение нравственного чувства.

д) У него было чувство бессмертия.

е) Он потерял страх смерти.

ж) Пробуждение новой жизни произошло быстро и внезапно.

з) Озарение случилось с ним в типичном возрасте, а именно, когда ему было тридцать шесть лет.

Глава 11

Уильям Блейк 1757–1827

Несколько приводимых нами выдержек из его сочинений почти доказывают, что у Блейка было космическое сознание, которое он называет «воображаемое видение».

I

У. М. Россетти в «Предисловии» к «Поэтическим произведениям Уильяма Блейка» [52] дает прекрасную биографию Блейка — хорошую оценку его достоинств и недостатков. Приводимые из нее выдержки помогут нам узнать, было ли у Блейка космическое сознание.

Затруднения, с которыми приходилось встречаться биографам Блейка до 1863 года, когда появилась книга Джилкриста, были совершенно иного свойства. Затруднение заключалось в невозможности достаточно высоко оценить произведения Блейка, вызывающие удивление и благоговение, не касаясь других соображений, которые необходимо показать ясно и полностью, если мы желаем дать истинное представление о нем как о человеке, о его совершенном отличии от современников, о его удивительной гениальности в двух видах искусства, о его недостигаемой возвышенности и о его полной неспособности к тому, что другим удастся совершенно легко. Кажется, он мог делать гораздо больше других, но он не мог делать то, что делают другие. Вследствие какого-то неизвестного процесса он мог парить выше снежных вершин, тогда как другие ползали лишь в долине. Им удалось бы дойти постепенно лишь до половины горы. Блейку казалось, что так делать не стоит. Он и не мог, и не хотел делать этого по недостатку воли, вернее, вследствие совершенного ее перерождения, вследствие решения парить, а не ползать [139:9].

Охваченный страстным душевным движением, он в своем смертном теле испытывал состояние, похожее на

Между Блейком и другими знаменитыми «озаренными» людьми есть сходство в том, что никто из них не мог видеть того, что видит обыкновенный человек: они в житейских делах были совершенно малыми детьми, тогда как в духовном отношении были велики, как боги. Вспомните, какие огромные долги были у Бальзака из-за того, что у него не было обыкновенной деловой сметки: ему потом пришлось годами расплачиваться, а в духовном отношении его гения хватило бы на множество людей. Бэкон дал человечеству несравненные сокровища разума и духа, но, много лет добиваясь житейского успеха, он, достигнув его, не был в состоянии удержаться на высоте. Будда, ап. Павел, Лас-Казас, Бёме и Уитмен были мудры: они довольствовались тем, что им давало космическое сознание, они просто отстранили от себя то, что представляется важным простому сознанию. Но, конечно, если бы они попытались преуспеть и в житейских делах, они потерпели бы неудачу в этом.

Блейк нашел, что для него достаточно мира космического сознания, и он не тратил времени на так называемые блага и богатства сознательной жизни.

нирвану: все его способности, вся его личность слились в его высоком идеале, в том, что Данте называет «il ben dell'intelletto» [139:11].

Блейк получил очень ничтожное образование. Он умел только читать и писать. Кажется, он был немного знаком и с арифметикой, но, наверно, его способности в арифметике были гораздо ниже среднего уровня [139:14].

ро и зло. На самом деле нет ни добродетелей, ни пороков, ибо все добро в глазах Божиих» [139:80]. Это напоминает нам, что Ролэ говорит о Бэкоме: «Он получил свое знание не из книг, а из находившегося внутри источника» [141:47]. Уитмен говорит: «Вы перестанете питаться книжными призраками» [193:30].

В своем предисловии к «Иерусалиму» Блейк говорит, что это произведение было «продиктовано» ему. Другие выражения Блейка доказывают, что он сам смотрел на это произведение не как на собственное, а как на откровение, которое он лишь записал. Блейк говорит об «Иерусалиме», что это — величайшая поэма, что он может хвалить ее, потому что не он сочинял ее, он лишь записывал диктуемое, что автор ее — в вечности. В письме от 25 апреля 1803 года он говорит: «Я написал эту поэму под диктовку, от двенадцати до тридцати строчек за один раз; при этом я не раздумывал, писал даже против своей воли» [139:41].

Эти люди не имеют ни малейшего отношения к образованию, а большинство из них — как, например, сам Блейк — думают, что образование по меньшей мере бесполезно. Блейк говорит об этом так: «Образование бесполезно. Я нахожу его неправильным. Образование — большой грех, ибо оно все равно что еда плодов от древа познания. Ошибка Плотина была в его образовании: он во всем различал добродетель и порок, доб-

Это убеждение одинаково для всех людей, обладающих космическим сознанием. Это говорю не «я» — видимый человек, но (как сказал Иисус Христос) «Я говорю то, что сказал мне Отец мой» [14:12:50]. Ап. Павел говорит: «Я не осмеливаюсь говорить о чем-либо, кроме того, что Христос говорит через меня» [16:15:18].

У Блейка была интуиция, вдохновение, откровение — называйте это как хотите. Оно было так же реально для его духовного глаза, как материальные предметы реальны для телесного глаза. Нет сомнения, что его телесный глаз — глаз чертежника и живописца — был сильнее обычного. При указании его духовного глаза он воплощал в художественные образы то, что видел своими духовными глазами [139:62].

Отсутствие суетности у него не переходило в неспособность разбираться в практических вопросах: он понимал требования обыденной жизни, а по временам выказывал и большой запас житейской мудрости. Он был человек возвышенного независимого духа, совершенно не считался со сплетнями о его образе жизни, средствах и т. п. Он не скрывал своей бедности, но и не бравировал ею. Он редко пользовался услугами, которые не был бы в состоянии оплатить [139:69].

Он знает, что то, что он говорит, достойно самых великих классиков. Он не выше их потому, что сила человека не в умении превзойти предел, поставленный человеку. У него и у них одна сила — дар Божий: вдохновение и видение [139:72].

Надо признаться, что во многих случаях Блейк говорит о себе с безмерным, несносным самовосхвалением. Но в самом деле, это лишь проявление как раз той простоты его характера, о которой я только что говорил. Это постоянный разговор о самом себе, но не суетный, не эгоистический [139:72].

Уитмен говорит: «Я уверен, действительно от Тебя исходит побуждение, пыл, мощь, чувство, нечто внутреннее, приказание, послание небес» [193:324]. Гаутама сказал: «Благородные истины не были между нисшедшими учениями, но внутри его возникло зрение, увидевшее их» [159:150].

Каждое слово этого отрывка совершенно приложимо к Уитмену и другим лицам, обладавшим космическим сознанием, конечно принимая во внимание разницу в эпохах, обычаях и национальности

Уитмен говорит: «Я познал древность. Я изучал, сидя у ног великих мастеров. Теперь, о великие мастера, если бы могли вернуться и изучить меня, можно ли меня считать избранным?» [193:20]

Он был в лучшем смысле этого слова счастлив, принимая во внимание все, что ему пришлось испытать и перенести.

Это ощущение счастья говорит в высшей степени в его пользу. Пальмер говорит, что «если бы его спросили, знает ли он счастливого человека среди интеллигентных людей, Блейк был бы единственным, кого он сразу назвал бы». У Блейка было очень мечтательное идеалистическое настроение. Воображение совершенно подавляло его телесную и светскую жизнь. Он был совершенное дитя по простоте характера, по абсолютному отсутствию личных интересов. У него совсем не было выдержки и самообладания, хотя обыкновенно им руководили благородные побуждения и преданность долгу. Таковы были основные черты характера Блейка, на протяжении всей его жизни отразившиеся в его сочинениях и картинах. Все это делает его достойным любви и уважения и придает очарование всем его произведениям, особенно поэмам. Невольно чувствуется, что он действительно живет выше тверди небесной, что он говорит с архангелами, а на земле он как те дети, с которыми сидел Христос [139:70].

Блейк завершил свой труд благодаря интуиции. Это относится не только к его художественным произведениям, но еще в большей мере приложимо к его поэмам. Они целиком проникнуты вдохновением, и читатель должен понимать их духовно или не читать их вообще [139:74].

Есть много доказательств того, что Блейк понимал метафизические, или сверхчувственные, области мысли. О других можно сказать, что до понимания этих областей они доходят спекулятивным путем, но Блейк дошел до них не разумом, а прозрением. Несомненно, его «Пророческие книги» в значительной мере воплощают в себе эти сверхчувственные области [139:120].

Что касается религиозных убеждений, Блейк был действительно ревностным христианином, но своеобразным христианином, совершенно не подходящим под догматику какого-либо христианско-

Ощущение счастья является одной из характеристик космического сознания.

Религия Блейка — его отношение к Церкви, к Богу, к бессмертию — характеризует человека, достигшего космического сознания, что ясно видно из жизни и произведений подобных ему людей.

го вероисповедания. Последние сорок лет жизни он ни разу не был ни в одной церкви [139:76].

Он глубоко и горячо верил в Бога. Но он так же верил, что люди — боги, что собирательный Человек — Бог. Он верил в Христа. Но неизвестно, как он представлял Его себе. В разговоре с Робинсоном он сказал: «Иисус Христос есть единственный Бог. Но таков же и я, и вы» [139:77].

Кажется, что Блейк верил в бессмертие, и в главных чертах его вера не сильно отклоняется от общепринятого взгляда на этот вопрос. Когда он узнал о смерти Флаксмана, он заметил: «По-моему, умереть — это не больше чем перейти из одной комнаты в другую». В одном из своих сочинений он пишет: «Мир воображения — это мир вечности. Мы все, после смерти нашего материального тела, отойдем в лоно Божие» [139:79].

В юности Блейк, по всей вероятности, читал кое-кого из мистических и каббалистических писателей — Парацельса, Якова Бёме, Корнелия Агриппу: в его рассуждениях, темах и тоне, а иногда и в частностях, много такого, что можно проследить и у указанных авторов [139:80].

Дж. Фр. Парсон то же самое говорит о Бальзаке [6:11], Торо — об Уитмене [38:143]. Вообще, об этих людях постоянно говорят, что они читают один другого. Конечно, иногда это случается, но вообще этого нельзя сказать о них уже потому, что среди них было много безграмотных людей, а другие изучали иные об-

ласти знания. Блейк, Бальзак, Уитмен, Карпентер и другие — каждый самостоятельно видели потусторонний мир и говорили по своим наблюдениям, ибо его нельзя представить с чужих слов.

Смерть Блейка была так же благородна и типична, как и его жизнь. Джилкрист [94:360–361] так описывает ее:

«У него не было тяжелой болезни, а только постепенное ослабление физического здоровья, нисколько не отзывавшееся на его умственных силах. Друзья не предвидели скорого конца. Он пришел 12 августа 1827 года, когда Блейку оставалось приблизительно еще три месяца до семидесятилетия. В день своей смерти, говорит Смит со слов вдовы Блейка, он сочинил и пел гимн Творцу. Когда жена посмотрела на него, он сказал: «Дорогая моя, эта песнь — не моя,

нет, не моя». Он сказал ей, что они не разлучатся, что он всегда будет около нее, всегда будет заботиться о ней. Приблизительно в шесть часов вечера окончилась благочестивая песнь, а вместе с нею отлетела его душа. Жена сидела рядом, но даже она не заметила момента смерти. Бедная соседка, единственный друг вдовы Блейка, потом говорила: «Я присутствовала при смерти не человека, а благословенного ангела».

II

Остается лишь просмотреть несколько выдержек, чтобы решить, было ли у Блейка космическое сознание.

Мир воображения — это мир вечности. Он — то божественное лоно, в которое все мы отойдем после смерти нашего «растительного» тела. Этот воображенный мир — бесконечен и вечен, в то время как мир рождения,

произрастания — конечен и временен. В этом бесконечном мире существуют постоянные реальности всего того, что мы видим отображенным в этом «растительном» зеркале природы [95:163].

Мы находимся в мире рождения и смерти. Мы должны отринуть от себя этот мир, если мы хотим быть такими художниками, как Рафаэль, Микеланджело и древние скульпторы. Если мы не отвергнем от себя этот мир — мы будем только как венецианские живописцы, которые будут отринуты и потеряны для искусства [95:172].

Блейк так называет космическое сознание. Сравните с выдержкой у Уитмена: «Клянусь, я теперь думаю, что все без исключения имеет вечную душу. Деревья укоренились в земле. Она есть у морских водорослей. У животных» [193:337].

Мир простого сознания. Бальзак говорит: «(просто сознательный) человек судит о всех вещах отвлеченно: добро — зло, добродетель — порок. Его формула права — весы. Его правосудие — слепое. Правосудие Божие (т. е. космического сознания) видит: в этом заключается все» [5:142].

Актер лжет, говоря «ангелы счастливее людей, потому что они лучше». Ангелы счастливее людей и дьяволов, потому что они не

всегда допытываются: что зло, что добро; не всегда едят от древа познания добра и зла на радость сатане [95:176].

Страшный суд — это разрушение скверного искусства и науки [95:176].

его истинное призвание. Перед ним рассветает бесконечность [5:144]. Проверка счетов природы может быть отложена, но она должна произойти и ты должен свести с ней счеты» [176:126].

Многие соблазняют себя надеждой, что Страшного суда не будет... Я не стану поддакивать им. Ошибки — сотворены, истина — вечна. Ошибки или сотворенное будет сожжено, и тогда, но не ранее того, откроется истина или вечность. Ошибки погибнут в тот момент, когда люди перестанут их поддерживать. Я смотрю на внешний мир, но для меня это не помощь, а препятствие, отсутствие действия. «Как, — спросят меня, — когда восходит солнце, разве вы не видите круглый огненный диск размером в гинею?» «О, нет! Нет! Тогда я вижу бесчисленные легионы духов небесных, восклицающих: «Свят, свят, свят, Господь Всемогущий!»» Мой телесный глаз я спрашиваю не больше, чем я спросил бы форточку о том, что из нее видно. Я смотрю через глаз, а не глазом [95:176].

«Указывая лучшее и отделяя его от худшего, аге vexes аге. Зная совершенство и уравновешенность вещей, я молчу, пока они говорят» [193:31].

Т. е. это появление у всех космического сознания. «Специализм (космическое сознание) открывает человеку, — пишет Бальзак, —

Блейк говорит, что обыкновенное сознание не помогает, а мешает ему. Бальзак об этом же пишет: «Оно вредно потому, что оно мешает человеку выйти на путь специализма (космического сознания), ведущего его к бесконечности» [5:142]. Индусы и теперь, и прежде учили, что необходимо подавить и уничтожить много способностей, присущих обыкновенному сознанию, чтобы войти в условия, необходимые для озарения [56:166 и далее]. Карпентер (хорошо зная ответ) спрашивает: «В самом деле, разве не существует внутреннего озарения, посредством которого мы внутренне могли бы видеть предметы такими, какие они есть на самом деле, видеть все творение в его истинном существе и порядке?» [57:98]

В Апокалипсисе под фигурами Адама и Евы (из них истекает поток потомства) сидит блудница, называемая тайной (сознательная жизнь). Ее (тайну) схватили два существа (жизнь и смерть). У каждого существа по три головы — «растительное» существование. В откровении говорится, что они раздели ее и жгут факелами (т. е. смерть открывает ее, а страсти и сознание жгут ее огнем). Это олицетворяет вечное поглощение растительной жизни и смерть (жизнь и смерть просто сознательных). Факелы в руках жизни и смерти представляют собой вечный огонь, огонь зарождения и жизни: это — вечное поглощение. У кого есть видение (космическое сознание), те видят эту вечную жену (тайну) и трепещут от того, чего другие не боятся, но они презирают и смеются над тем, чего боятся другие [95:166].

Иисус Христос сказал про сознательную жизнь: «Червь ее не угасает». [12:9:48]
Уитмен говорит: «Я смеюсь над тем, что вы зовете уничтожением» [176:86].

Я не стыжусь, боюсь или противлюсь сказать вам, что должно быть вам сказано: я действую по приказу приходящих ко мне днем и ночью небесных вестников. Но не надо предполагать, что эти вещи не сопряжены с заботами и беспокойством» [95:185].

ИТОГИ

а) Блейк получил космическое сознание, когда ему было за тридцать лет.

б) В его случае нам ничего не известно о субъективном свете.

в) Кажется ясным факт большого умственного озарения.

г) Ясно выражено увеличение нравственного чувства.

д) Кажется, у него есть чувство бессмертия, составляющее характерную черту космического сознания.

е) Как и в большинстве случаев, здесь отсутствуют детали, необходимые для доказательства, но сочинения и смерть Блейка дают право предположить, что Блейк обладал космическим сознанием. Не будучи знатоком живописи, я не могу сказать что-либо о картинах Блейка.

Глава 12

Оноре де Бальзак 1799–1850

«Пожалуй, самое большое имя французской литературы послереволюционной эпохи» [78:304].

I

Вот что говорит о Бальзаке более современный писатель, У. П. Трент [3:566]:

«Иногда случается нечто совершенно неожиданное, вроде моего недавнего открытия, когда я кончил пятидесятый том сочинений Бальзака. Я думал, что оды Горация, шекспировская драма и Одиссея составляют три строго разграниченных этапа моей умственной жизни, что после них не найдется книги или автора, который смог бы захватить, увлечь меня. Я ошибся. Отдельные повести Бальзака на меня сильно действовали, но редко захватывали. Бальзака я читал годами, но теперь, когда я увидел его целиком, он внезапно встал передо мной во весь рост, во всю мощь, встал как один из немногих мировых гениев, на которых человечество может указать с чувством вполне законной, несокрушимой гордости. Я кончил читать «Человеческую комедию» с таким же впечатлением, какое у меня было от гомеровских поэм, от шекспировских драм, я чувствовал, что я пронесся по вселенной и был перед истинным творцом».

Еще более близкий к нам по времени Х. Т. Пек [128а:245] дает такой общий вывод из изучения Бальзака:

«Этому великому гению место в литературе еще не отведено окончательно. Французские критики сопоставляют его имя с Шекспиром. Английские находят такое сопоставление слишком смелым. Мое личное мнение: Бальзака надо поставить еще выше Шекспира, на самую вершину пирамиды литературной славы».

«Полную биографию Бальзака невозможно написать. У его соотечественника, виконта де Спельберг де Ловенжуль, который полностью понимал Бальзака, есть еще неопубликованные письма и бумаги Бальзака. Но даже если и их прибавить ко всему уже написанному, все же в высшей степени сомнительно, что мы будем в состоянии открыть в них Бальзака — реального человека. Временами общительный, он не поддавался изучению. В его жизни были периоды, когда он совершенно исчезал из вида. Каждый может объяснять по-своему тайну, родившую силу и славу Бальзака».

Бальзак говорит о Данте, что Данте был «специалист». Бальзак сам был «специалист». Бальзак вкладывает в уста Данте такие слова: «Итак, этот бедный малый думает о себе, что он ангел, изгнанный с небес. Кто из нас вправе вывести его из заблуждения? Быть может, это я? Я — так часто магической силою поднимающийся от земли. Я — принадлежащий Богу. Я — тайна для самого себя. Разве я не видел, что ангел, самый прекрасный из всех [космическое сознание], живет на этой земле? Что этот малый? Он более или менее вне себя, чем я? Сделал ли он более смелый шаг по пути веры? Он верит: несомненно, вера приведет его на светлый путь, на такой путь, по которому иду я» [9:263].

Это применимо и к Бальзаку.

Бальзак был выше обыкновенных людей. Об этом многие догадывались при его жизни. Тысячи увидели это после его смерти. Тэн, стараясь найти объяснение очевидному факту, говорит: «Он работал вдохновением. Опасной, высшей способностью, которой человек воображает или открывает в отдельно стоящем факте все возможности, существующие в этом факте. Это — род второго зрения, свойственного пророкам, ясновидящим. Они часто находят истину, но чаще — ложь. Обычно они добиваются лишь правдоподобия» [6:12].

Ближе к истине подходит Г. Ф. Парсон, когда он спрашивает в предисловии к «Луи Ламберу»:

«Разве хронический экстаз, в котором находился Луи Ламбер, не может быть результатом озарения настолько более сильного, чем то озарение, которое обычно наблюдается, что состояние уже не может быть описано словами. Получивший такое озарение отрывается от человечества, потому что его внутренним чувством открыто неизъяснимое» [6:11].

Если принять, что Бальзак обладал космическим сознанием, то не трудно ответить на вопрос Парсона.

Бальзак обладал космическим сознанием: это возможно доказать с помощью тех, кто следил за его жизнью и его указаниями на внутреннюю жизнь. Наблюдения посторонних лиц приведены в биографии Бальзака, написанной К. П. Уормели, составленной в основном по воспоминаниям сестры Бальзака, Лауры, г-жи Сюрвиль. Наблюдения над внутренней жизнью мы находим в произведениях Бальзака, главным образом в «Луи Ламбере» и «Серафите». Его внешняя жизнь раскрывала иногда его внутреннюю. Мисс У. пишет: «Теперь невозможно написать биографию Бальзака, и сделать это, вероятно, никогда не удастся. Чем Бальзак был по отношению к самому себе? Какова была его истинная сущность? Под какими влияниями он вылился в то, чем он был? Как глаз его, видевший многогранную жизнь других людей, видел его собственную жизнь? На чем воспиталась его душа, увенчавшая свою земную работу видением Слова Живого? Вкратце, что это была за душа? На это нет ответа: его душу нельзя было видеть» [4:1].

Говоря о Бальзаке, надо помнить, что он был необычайно здоров умственно и телесно. Дух его подымался в области, доступные лишь вдохновению, он исследовал вопросы, изучение которых мы привыкли ставить в связь с физической слабостью и удалением от всего жизненного. Однако Бальзак обладал всеми человеческими инстинктами, он любил и наслаждался жизнью. Несомненно, в этом лежит одна из причин его силы. Это была часть его многостороннего гения. Это давало ему возможность действительно жить, переносить все свое существо в действующих лиц своих произведений, лиц, которых он вызывал из вершин и глубин человеческой природы. У него была природная веселость и безобидный юмор. Ни заботы, ни долги, ни утомительная работа, ни тайная печаль не могли сокру-

шить его здоровую жизнерадостность. Бальзака лучше всего можно определить эпитетом «могучий» — он был могуч физически и духовно. У него был большой здравый смысл, руководивший его суждениями о людях и обстоятельствах [4:58–59].

Еще в ранней юности Бальзак решил сделаться писателем. Кажется, уже мальчиком он чувствовал, что на этом поприще ему суждено совершить нечто выдающееся. В школе он написал сочинение на тему о воле и эпическую поэму. Впоследствии в Париже он в течение десяти лет писал под псевдонимом «Орас де Сент-Обен». За это время он написал около сорока томов — говорят, они не представляют собой никакой ценности. Знаток Бальзака [106:87] так суммирует этот период его жизни: «Еще до тридцатилетнего возраста он опубликовал около двадцати больших повестей, написанных в стиле грязного парижского остроумия. Бальзак был тогда еще беден и совершенно неизвестен. Несколько этих повестей недавно были переизданы, но даже лучшие из них совершенно невозможно читать. Нет писателя, которому пришлось бы пройти более тяжелую писательскую школу, которому пришлось бы более безнадежно топтаться у подножия лестницы славы».

Затем, приблизительно к тридцати годам, его гений начинает проявляться в «Шуанах» и «Физиологии брака». Он приобрел космическое сознание в начале 1831 года, тридцати двух лет от роду, ибо «Луи Ламбер» был написан в 1832 году, несомненно, сразу после озарения. На тридцать четвертом году жизни (в 1833 г.) он вполне переродился, вошел в свою новую жизнь. Он предчувствовал это с раннего детства.

Мадам Сюрвиль говорит: «Лишь в 1833 году, приблизительно тогда, когда он напечатал «Деревенского врача», он впервые подумал собрать всех своих героев в нечто единое и создать общество. Счастливым был для него тот день, когда его озарила эта идея. Он вбежал ко мне: «Кланяйтесь мне, — весело сказал он, — я на пути к гениальности!»

Затем он рассказал свой план. План несколько страшил его — как бы ни был громаден его ум, однако нужно было время, чтобы разработать подобную схему. «Как будет чудесно, если мне это удастся!» — говорил он, ходя взад и вперед по комнате. Он не мог быть спокоен. Радость светилась во всем его существе. «Я охотно позволяю им называть меня писакой, пока я вырубая камни для моего

здания. Я заранее предвкушаю изумление этих близоруких созданий, когда они увидят, что мой храм растет!» [4:83]

Судя по рассказу г-жи Сюрвиль, весьма вероятно, что Бальзак был в состоянии космического сознания или когда был у нее, или незадолго до прихода к ней.

Бальзак попытался сделать то, что было сделано Данте, «Шекспиром» и Уитменом, каждым — в своей собственной области.

«Бальзак задумал иллюстрировать рассказом или группой рассказов каждую грань французской жизни и обычаев первой половины XIX века. Он задумал нечто колоссальное и исчерпывающее до конца. Полное не только в общем, но и в частности. Коснуться всего выдающегося, осветить все характерное. Воспроизвести всякое чувство, всякую идею, каждого человека, всякое место, чем-либо замечательное. Осветить все, как бы это мало и незначительно ни было, раз оно играло какую-нибудь роль в жизни французского народа».

Ламартин так описывает Бальзака в начале тридцатых годов:

«Бальзак стоял перед камином в той милой комнате, где мне пришлось видеть так много замечательных людей. Бальзак не был высок, но мне не удалось разглядеть, какого он был роста: его подвижность и просветленное лицо не дали разглядеть его хорошенько. Он раскачивался, следуя своим мыслям. Иногда казалось, что он отделяется от пола. Иногда он нагибался, как будто чтобы подобрать идею у своих ног, затем подымался снова, следя за полетом витавших над ним мыслей. Когда я вошел, он был захвачен разговором с г-ном и г-жею де Жирарден. Он остановился лишь на миг, чтобы бросить на меня быстрый? пронизательный, в высшей степени милый взгляд.

Бальзак был плотно сложен. Прямые плечи. Шея, грудь, корпус и ноги — могучи, но не тяжелы. Его душа была видна: казалось, что она легко, весело, как легкий покров, а не как тяжелое бремя несет его тело. Пропорции его сложения увеличивали, а не уменьшали его силу. Он свободно жестикулировал своими несколько короткими руками. Он говорил как оратор. Его голос резонировал со стремительной энергией его легких, но в нем не слышно было ни сарказма, ни гнева. Он несколько раскачивался на ногах, легко несших его торс. Мысль виднелась в движениях его крупных, пухлых рук. Таков был наружный вид этого могучего человека.

Трудно было думать о фигуре Бальзака, глядя на его лицо. Его лицо говорило, от него невозможно было отвести глаз, оно завораживало и очаровывало. Густыми волнами падали его волосы. Черные глаза пронизывали добротой: они дружески вглядывались в ваши. Полные красные щеки. Нос правильный, хотя несколько длинный. Губы хорошо обрисованы, но полны и приподняты у углов рта. Зубы неправильны и раскрошены. Голова немного наклонена набок, но когда он разгорячался в разговоре, то быстро приподнимал ее с какой-то героической гордостью.

Преобладающим выражением была доброта и мягкость души — они брали верх даже над интеллектом.

Он околдовывал ваш ум, когда говорил, — ваше сердце, когда молчал. Его лицо неспособно было выражать зависть или ненависть. Казалось, оно не может отражать что-либо, кроме доброты. Его доброта не была безразлична. Это была любящая доброта, доброта осмысленная. Она располагала к благодарности и откровенности. Она не обращала внимания на тех, кто не любил его.

В наружности Бальзака была детская радость: душа играла. Он пришел отдохнуть среди друзей, и не было возможности не веселиться там, где был он» [4:123–125].

О Бальзаке было сказано: «Он озарял жизнь». Он был иллюстрацией к своему собственному выражению: «Все, что мы представляем собою, заключается в душе». Пробежим несколько его писем к близкому другу, чтобы пролить свет на то, чем мы интересуемся в Бальзаке.

«Август, 1833. Вы получите «Le Medecin de Compagne» на будущей неделе. Он обошелся мне раз в десять больше, чем «Louis Lambert». В «Le Medecin de Compagne» нет ни единой фразы, мысли, которая не была передумана несколько раз. Все было читано, перечитано, переправлено. Труд ужасный. Теперь могу умереть спокойно: я много потрудился для моей родины. По-моему, лучше было написать одну эту книгу, чем написать законы и выиграть сражения. Эта книга — Евангелие в действии» [4:143].

«Октябрь, 1833. Знаете ли вы, как встретили моего «Medicin»? По-током оскорблений. Три газеты, принадлежащие к моей партии,

отозвались с глубочайшим презрением и о нем, и об авторе» [4:143].

«Декабрь, 1835. Течение никогда еще не влекло меня вперед так быстро. Человеческий мозг ни разу еще не был занят более грозно-величественной работой. Я увлекаюсь работой, как картежник — игрой. Сплю всего пять часов, работаю восемнадцать. Кончу тем, что заработаюсь насмерть!» [4:145]

Как и все люди, одаренные космическим сознанием, Бальзак был очень любим всеми окружающими.

Его прислуга любила его. Кухарка Роза — настоящая повариха — приходила в отчаяние, когда барин в течение месяцев работы совершенно пренебрегал ее изысканной стряпней. Мне зачастую приходилось видеть, как она на цыпочках являлась в его комнату, неся прекрасный суп. Она дрожала от нетерпения — ей так хотелось видеть, что он будет есть. Бальзак мельком взглядывал на нее — вероятно, он слышал запах супа — затем нетерпеливо откидывал назад рукой свои волосы кивком головы и огрызнулся: «Роза, идите вон. Мне ничего не надо. Оставьте меня в покое». «Но monsieur потеряет здоровье, если будет продолжать в таком же роде, monsieur захворает!» «Нет! Нет! Оставьте меня — говорю вам, — громовым голосом кричит Бальзак. — Я ничего не хочу! Вы мне мешаете! Идите вон!» Добрая душа медленно поворачивается, очень медленно, и бормочет: «Так стараться, чтобы угодить monsieur! Такой суп, как он хорошо пахнет! Зачем monsieur держит меня, если он не хочет того, что я для него делаю!» Это было чересчур для Бальзака. Он вернул ее, залпом выпил суп, сказал ей что-то самым задушевным тоном, а когда она, сияя, шла на кухню, он крикнул ей вслед: «Смотри, Роза, чтобы больше этого не было!»

Когда умирал его маленький грум, Бальзак крайне заботился о нем, и в течение всей болезни каждый день бывал у него.

Да, Бог дал нашему большому писателю золотое сердце. Все, кто его действительно знал, просто обожали его. У него было свойство заставить полюбить себя до такой степени, что в его присутствии забывались действительные и выдуманные жалобы, оставалась лишь привязанность к нему» [4:162–163].

Говорят, что не много писателей могли лучше Бальзака очертить нравственные качества.

Гёте говорит, что если у человека нет данного качества, то этого качества ему не удастся описать.

Как же так, Гюго говорит, что гении — прокляты? Это надо понять так: людям, наделенным высочайшими качествами, приписывают — отсутствие этих качеств.

Возвращаясь к Бальзаку, отчего сомневаться, что этот человек, давший все доказательства своего величия, был велик как в нравственном, так и в интеллектуальном отношении? — Только потому, что людей его величины легче не понимать, чем понимать, — а когда не понимаешь, то бываешь склонен думать худшее, а не лучшее.

Фактическое положение таково: «Бальзак — моралист, величайший моралист XIX века. Он не читает проповедей, но он показывает истину» [4:178].

Про Бэкона можно сказать, что в прозе он проповедует. Проза его — лишь введение к другим произведениям, в которых он показывает истину.

В плане работы своей жизни — «*Instauratio Magna*» — он подразделяет свой труд на 6 частей: (I) отдел науки, представляемый «*De Augmentis*»; (II) «*Novum Organum*»; (III) «Явления Вселенной» — книга естественно-исторического содержания; (IV) «Лестница интеллекта» — «Комедии»; (V) «Предвестники», представляемые «Историей», и «Новая Философия», представляемая «трагедиями».

Бэкон, описывая [34:51], к чему он стремится в IV части (комедиях), говорит, что она не представляет собою сборника наставлений и правил — их было дано множество в «*Novum Organum*», — IV часть состоит из существующих «типов и моделей», на них надо учиться, они «стоят прямо перед глазами».

Затем о VI части (трагедиях) он говорит, что она не «одно лишь счастливое размышление», но что она заключает в себе «настоящую жизнь и судьбу человечества». Он продолжает: «Бог не позволит нам давать миру, как образец, видение нашего воображения. Скорее он разрешит нам написать апокалипсис или истинное откровение образа Божия, запечатленного в его созданиях». Истинно озаренные никогда не говорили нравоучений, они лишь указывали на истину своей собственной жизнью, своим написанным или изустным словом.

Еще одна черта, общая для всех людей этого порядка, — они строго современны. Теофил Готье говорит: «Бальзак ничем не обязан древности: греки и римляне для него не существуют. В его сочинениях нет и следа влияния Гомера, Вергилия или Горация. Меньшего классика, чем Бальзак, еще не было». «Можно было предположить, что Бальзак мог обидеться, увидев, что его не изберут членом Академии. Но он вел себя с достоинством. Как только выяснилось, что на избрание мало шансов, он тотчас же снял свою «кандидатуру». [4:170] «Это мало меня волнует, — заметил он, — многие думают, что это не так. Если я попаду в Академию — тем лучше; не попаду — и то ладно» [4:190].

Жорж Санд говорит, что Бальзак «искал сокровищ и нашел лишь то, что было внутри его самого, — интеллект, наблюдательность, удивительные способности, силу, веселость, доброе сердце, словом — свой гений».

«Он был трезв во всех отношениях; его нравственность — чиста. Он боялся эксцессов, полагая, что они — смерть для таланта. Женщин он любил лишь сердцем или разумом и с ранней юности жил отшельником» [4:201].

«Он видел все, все высказал; он все понял и отгадал — как же он может быть безнравственен?»

«Бальзака упрекали в беспринципности, потому что, думается мне, у него нет положительных убеждений в религии, искусстве, политике и даже — в любви» [4:203].

Данные Жорж Санд очень многозначительны; все, у кого было космическое сознание, были судимы своими современниками совершенно также. Почему? Потому что у них нет ни мнений, ни принципов — таких, как у их ближних. Что ближним кажется важным — для них не имеет значения. То, что им важно, — лежит вне поля зрения соседей, их ближних.

Приводим отзыв Готье о Бальзаке:

«Бальзаку было 36 лет, когда я встретил его в первый раз. Личность такова, что ее никогда не забудешь. Глядя на него, я невольно вспомнил слова Шекспира: «Природа, встань и скажи всему миру: да, это был человек». Бальзак был одет в белую фланелевую монашескую сутану — Луи Буланже потом написал его портрет в этом костюме. Я не знаю, что за фантазия ему пришла носить этот костюм? Быть может, это символизировало для него монастырскую

жизнь. Как бы то ни было, костюм удивительно шел ему. Он похвастался, указывая на безупречно чистые рукава сутаны, что он ни разу не закапал их чернилами, и прибавил: «Потому что писатель должен быть чистоплотен в своей работе».

Ни у кого не было таких глаз, как у Бальзака. В них была жизнь, свет, необъяснимый магнетизм. Белки глаз были чисты, прозрачны, с синеватым оттенком, как у ребенка или девушки. Глубокие черные зрачки иногда давали отблеск золота. Орел не выдержал бы взгляда Бальзака, взгляда глаз, видевших сквозь стены, читавших внутри человека, глаз, способных усмирить ярость дикого зверя, глаз властелина, пророка, укротителя. У Бальзака почти всегда было выражение мощной жизнерадостности.

Как это ни странно в XIX веке, но Бальзак был ясновидящий. Сила его наблюдательности как писателя и физиолога, его гениальность как писателя не могут объяснить, как он мог написать две или три тысячи характеров, играющих разные роли в его «Comédie Humaine». Он не копировал своих типов. Он пережил их в себе. Бальзак носил их одежду, имел их привычки, жил в их обстановке, на необходимое время он был ими самими [4:204–208].

Человек, принадлежащий к числу людей, обладающих космическим сознанием, говорит: «Я свободный товарищ». — «Мой голос — голос моей жены». — «Я раб, которого травят собаками». — «Я старый артиллерист». — «Я раздавленный кочегар». — «Утром я свободен, а ночью заперт». — «Не мальчишку, а меня поймали на воровстве; судили и приговорили». — «Не только холерный больной лежит при последнем издыхании, я тоже лежу. Мое лицо сделалось землистого цвета, у меня судороги. Люди уходят от меня». — «Нищие воплощаются во мне, а я в них. Со стыдом на лице я сижу, протягиваю руку и прошу». Готье далее говорит о Бальзаке:

«И все же, несмотря на колоссальные мыслительные способности, несмотря на проницательность как физиолога и глубину как наблюдателя, — у Бальзака не было литературного таланта. У него зияла пропасть между мыслью и формой» [4:209].

Это — замечательно. Люди, представляющие собою разум человечества, почти никогда не владеют удовлетворительно своим собст-

венным языком! Ренан сказал — и ему никто не возражал, — что стиль ап. Павла скучен и невероятно плох [143:568].

Про Магомета едва ли можно сказать, что он писал. Вдобавок, в его время, в его стране не было литературы, т. е. даже не с чем сравнить его язык. Стиль автора «шекспировских» драм долго считали хуже, чем у самого плохого писака. У Уолта Уитмена до сих пор не нашлось никого, кто похвалил бы его стиль, а осуждений — тысячи.

Посмотрите теперь на результаты.

Творения ап. Павла властвуют над целыми материками. Идеи Магомета покорили двести миллионов народа. Автора «Гамлета» справедливо называют «Властелином цивилизации». Придет время, когда Уитмена назовут самым сильным голосом XIX века.

Эта кажущаяся аномалия легко объяснима. В каждом поколении есть литературно одаренные люди и есть люди, одаренные космическим сознанием. Почти невероятно, чтобы оба редчайших дара соединились в одном человеке. Человек с литературным талантом пишет, чтобы писать: он выбирает тему и пишет. Человек, обладающий космическим сознанием, конечно, не может иметь литературного таланта — вероятно, единица — за, несколько миллионов — против. Он пишет, говорит, ибо чувствует, что он обязан высказать определенные вещи. Пишет, как Бог на душу положит. Его читают, потому что он сообщает нечто важное. Под конец его знают, начинают удивляться ему самому и всему, что его окружает, что от него исходит. Может случиться, что даже начнут подражать его стилю, считать его образцовым.

Г-жа Сюрвиль говорит: «Нападки на моего брата, пожалуй, увеличились, а не уменьшились. Критика, будучи не в состоянии вечно повторять все одно и то же, теперь переменила фронт и начала обвинять брата в безнравственности. Эти обвинения глубоко оскорбляют брата, огорчают его, а временами совсем лишают его мужества» [4:242]. Эта история стара, как мир; такое обвинение — орудие, бьющее без промаха и всегда готовое к услугам.

Из уже приведенных описаний ясно, что у Бальзака могло быть озарение. Остается лишь подтвердить это на основании указаний самого Бальзака.

Но прежде дадим еще несколько отзывов, рисующих Бальзака до появления в нем космического сознания.

Он, как и все «озаренные» люди, был религиозен, но не ортодоксален. Такие люди редко посещают храмы. «Специалист» может основать религию, но редко — принадлежать к какой-нибудь религии. Бальзак в таких выражениях описывает себя под именем Луи Ламбера:

«Он был по природе религиозен, но не разделял в деталях учение Римско-католической церкви. Он скорее склонялся в сторону идей св. Терезы, Фенелона, некоторых отцов церкви и немногих святых, которых в наше время называли бы еретиками и безбожниками. Церковные обрядности не производили на него впечатления. Его молитва возникала вследствие побуждения, движения, подъема души. В этих проявлениях у него не замечалось какой-либо закономерности. Он во всех отношениях вверил себя своей природе, и он не мог ни молиться, ни думать в заранее установленное время [5:73]. То место, куда его довел разум, однажды сделалось для него точкой отправления в поисках новых областей познания» [5:79].

Позднее он делает такое замечание о себе:

«Семя вспухло и дало росток. Философы могут пожалеть, что листва была побита морозом, пока она была еще в виде почек, но они некогда увидят дивный цветок, распутившийся в высотах превышающих горных вершин на земле» [5:84].

В его отрывочном, таинственном рассказе о приходе космического сознания необходимо заметить, что: а) он не представлял себе, что с ним случилось, б) он был объят ужасом [5:129], в) он вполне серьезно обсуждал сам с собой, не сошел ли он с ума, г) на брак он смотрит как на «препятствие к совершенствованию внутренних чувств, на затруднение в полете по духовному миру» [5:131].

Кажется, он против брака. И в самом деле, если посмотреть, что все представители наиболее резко выраженного космического сознания (Гаутама, Уитмен и др.) против брака, то едва ли можно сомневаться, что необходимо уничтожить существующую форму брака, если мы хотим добиться космического сознания для всех.

II

Бальзак получил космическое сознание приблизительно в 1831 или 1832 году, когда ему было тридцать два или тридцать три года от роду. В это время он стал писать свои большие вещи. Особенно важно заметить, что в 1832 году он написал «Louis Lambert», а в 1833 г. — «Seraphita».

Новое сознание описано в этих книгах значительно полнее, чем когда и где-либо. В «Louis Lambert» Бальзак дает смелое, ясное, полное здорового смысла описание. Для нас оно особенно важно.

На следующий год после «Louis Lambert» он дал «Seraphita», где описано лицо, обладавшее этой великой способностью.

Если сопоставить оба произведения, то приходишь к заключению, что и их автор обладал этой способностью.

Надо прочесть «Seraphita», чтобы оценить и понять ее, — конечно, то же относится и к «Louis Lambert». Но и уже на нескольких страницах «Seraphita» можно иметь достаточно доказательств.

Мир идей распадается на три сферы: инстинкт, отвлечение (абстракция) и специализм [5:141].

Большая, т. е. слабейшая часть человечества все еще живет в сфере инстинкта. Такие люди — инстинктивы — рождаются, работают и умирают, не доходя до второй степени человеческого мышления, т. е. до способности отвлечения [5:142].

При появлении способности отвлечения зарождается общественность. Хотя отвлечение, по сравнению с инстинктом, является почти божественной способностью, однако оно бесконечно мало по сравнению с даром специализма: лишь специализм способен объяснить Бога. Отвлечение объемлет в себе в зародыше всю природу в такой же

То есть: сознание своего существования, сознание окружающего и космическое сознание.

Конечно, неправильно, что у большей части человечества существует лишь сознание своего существования, а не сознание окружающего. В действительности этот второй род сознания составляет врожденное свойство человека. Но Бальзак прав, если его перифразировать так, что первый род сознания у большинства преобладает над вторым.

потенциальной форме, как в зародыше семени находятся растение и его продукты.

Из отвлечения произошли законы, искусства, интересы, общественные идеи. Отвлечение — слава и бич мира, оно — слава: оно создало общественность. Оно — пагуба: оно мешает человечеству вступить на путь специализма, ведущего к бесконечности. Человек все судит по своим отвлечениям: добро — зло, добродетель — порок. Его кровавые формулы — весы. Его правосудие — слепо. Божия справедливость — зряча. В этом заключается все. Конечно, существуют промежуточные создания, находящиеся между сферами инстинктивов и людей отвлеченного сознания: у таких людей инстинкт и отвлеченное мышление в различной мере преобладают друг над другом. У одних больше инстинктов, у других — отвлечения. Существуют и такие люди, у которых инстинкт уравновешивается отвлеченным мышлением [5:142].

Специализм состоит в видении предметов материального мира и предметов мира духовного во всех их первоначальных и причинно-следственных разветвлениях. Величайший гений человечества тот, для кого сумерки отвлечения являются отправной точкой к свету специализма (Specialism — Species — Speculatio: видение всего сразу. Speculum — зеркало, в котором отражается, видится весь предмет).

Лишь космическое сознание способно уяснить, что такое Бог. Заметьте, все религии — буддизм, христианство, магометанство, а вероятно, и все остальные — произошли от «специализма», то есть от космического сознания.

«Я (Христос, космическое сознание) путь, истина и жизнь, никто не доходит до Бога иначе, как через Меня».

Не так ясно, почему же сознание преграждает путь к космическому сознанию. Напротив, кажется, только само сознание может привести к космическому сознанию. Однако множество озаренных людей держатся того же мнения, что и Бальзак; конечно, им лучше знать.

Заметьте, в «Louis Lambert» Бальзак говорит о космическом сознании лишь по отношению к идеям. Здесь он не говорит о нравственной стороне космического сознания. С этой второй точки зрения он весьма подробно рассматривает космическое сознание в «Seraphita».

Иисус обладал этой силой. Он видел действие и его причины до результатов: Он видел его в прошлом — где оно зарождалось, в настоящем — где оно проявляется, в будущем — где оно развивается. Его взор проникает в мышление других. Совершенство внутреннего зрения порождает специализм. Специализм сосуществует с вдохновением. Вдохновение — свойство внутреннего человека, специализм — его принадлежность.

Между сферой специализма и сферой отвлечения, а также и между этими сферами, с одной стороны, и сферой инстинкта — с другой, мы встречаем людей, в которых все эти качества спаяны воедино, давая сложную натуру — гения [5:143].

Специализм, по существу дела, необходимо является самым возвышенным выражением «человека» — звеном между материальным и высшим миром. Он действует, видит, чувствует своим внутренним существом. Человек отвлеченного мышления думает. Инстинктив просто действует [5:144].

Следовательно, у человека есть три степени. Как инстинктив — он ниже общего уровня. Как абстрактив — он дошел до общего уровня. Как специалист — он возвысился над ним [5:144].

Данте говорит: «Даже земной ум постигает, что в треугольнике не может быть двух тупых углов, так ты (космическое сознание), глядя на точку, где присутствуют все времена, видишь все случайности такими, каковы они есть на самом деле» [72:111].

«Natura non facit saltum». Должен существовать постепенный переход между разными ступенями сознания — должен быть путь для постепенного перехода. Однако совершенно известно, что переход от обычного к космическому сознанию внезапен, мгновенен и зачастую сопряжен с ужасающим потрясением.

Состояние космического сознания — самое высшее из всего, что мы можем себе представить в настоящее время. Из этого, однако, не следует делать вывода, что не существует еще высших достижимых состояний.

Человек, сознающий лишь свое существование, — еще не человек, а лишь зоологический вид. Человек, сознающий окружающее, — мы его знаем. Человек, обладающий космическим сознанием, — это Иисус, Ма-

гомет, Бальзак, Уитмен. Когда все человечество дойдет до обладания космическим сознанием, оно начнет переходить на еще более высокий уровень. Человек получит наследство свое и воздаяние за труды свои.

Специализм открывает человеку его истинное призвание: перед ним занимается заря бесконечности — он вскользь видит свою судьбу.

Существуют три мира: мир естественный, мир духовный и мир божественный. Человечество движется то сюда, то туда по естественному миру, у которого нет ни стойких качеств, ни стойкой сущности. Мир духовный постоянен в своей сущности, но свойства его изменчивы. Божественный мир постоянен и в свойствах, и в сущности.

Следовательно, существует поклонение естественное, духовное и божественное. Они выражаются в действии, словах и молитве или в подвиге, понимании и любви. Инстинктив стремится к подвигу. Абстрактив — к идеям. Специалист видит конец и устремляется к Богу, Которого он понимает и созерцает внутренне [5:144].

Другими словами, люди, живущие лишь с сознанием своего личного существования, совершенно как животные, зависят от погоды, добычи пищи. Они не имеют инициативы, а повинуются исключительно обстановке — силам природы.

Человек, полностью обладающий сознанием окружающего, является центром для самого себя. Он чувствует, что у него есть основа — и он на все смотрит исходя из самого себя. Но вне его — нет ничего постоянного. Он верит в то, что называется Богом, — и он... не верит в Него — он деист, атеист, христианин, буддист. Он верит в науку. Но наука беспрерывно меняется и не говорит ему ничего действительно достойного внимания. Он обосновывается на одном — на самом себе — и чувствует себя хорошо. Человек, обладающий космическим сознанием, сознает и самого себя, и Космос — его значение, изменение. Все внешнее и внутреннее закрепляется в нем самом, «в его сущности и его свойствах». Человек, сознающий лишь самого себя, — совсем как соломинка на приливной волне — он движется туда, куда его несет. Человек, сознающий окружающее, это стрелка, подвешенная у своего центра тяжести, — он фиксирован в одной лишь точке, но свободно движется куда угодно. Человек, обладающий космическим сознани-

ем, — тоже стрелка, по намагниченная. Она фиксирована у центра, но сверх того она постоянно обращена к северу — она нашла нечто реальное, постоянное вне самой себя — реальность, на которую она пристально смотрит.

Следовательно, пожалуй, когда-нибудь выражение «и слово — плоть бысть» (но в обратном смысле) сделается изречением нового Евангелия и будет считаться «и плоть — делается словом» — словом Божиим [5:145].

Возрождение приходит к нам с ветром с небес, с ветром, облетающим мир. Ангел по последней трубе не скажет — «Мертвые, восстаньте!», но — «Восстаньте вы, живые!» [5:145]

Когда все человечество достигнет космического сознания, тогда тепе-решняя идея Бога осуществится в человеке.

Возрождение не придет к мертвецам, а к тем, кто живя — мертвы, мертвы потому, что они еще не приобщились к истинной жизни.

ИТОГИ

а) Нам неизвестно время, когда Бальзак получил космическое сознание.

б) Нам ничего не известно о субъективном свете в его случае.

в) Известно, что у Бальзака был ищущий дух, что необходимо для озарения, но не всегда вызывает его.

г) Известно, что с некоторого возраста у Бальзака были чуть не сверхъестественные умственные и духовные качества, характеризующие космическое сознание.

д) Доказать, что у Бальзака было космическое сознание, можно лишь на том основании, что он точно определил и описал душевное состояние, сопровождающее космическое сознание: он не мог бы описать это состояние так, если бы у него не было его.

е) Он очень подробно описывает в «Louis Lambert» это состояние. Книга эта строго автобиографична. Сверх того, в «Seraphita» он создает личность, основным элементом которой является космическое сознание. Бальзак дает все детали космического сознания. Для такого описания Бальзак, безусловно, должен был сам обладать космическим сознанием.

ж) Всякому, кто понимает, что такое космическое сознание, так же ясно, что оно было у Бальзака, как ясно, что он был зряч.

Глава 13

Уолт Уитмен 1819–1892

I

Казалось бы, что во всех случаях так называемого космического сознания было бы необходимо приводить возможно подробную биографию лиц, обладавших им, потому что внешние условия жизни влияют на духовную жизнь человека: эти условия и внутренняя жизнь идут рука об руку, влияя друг на друга. Однако это невозможно. К счастью, такой биографии и не надо писать, ибо большинство таких людей и без того известны. К тому же, надо сказать, цель нашей книги не поучать чему-либо, а лишь указать, что существуют явления, которые следует и можно изучить. Наша книга не путь, а лишь указатель направления пути. Наша цель — лишь обратить серьезное внимание некоторых людей на известных исключительных людей, даже не на кого-либо из них в отдельности, а на всю группу, обратить внимание с нашей, исключительной точки зрения.

Хотя мы и указываем кое-что об Уитмене, но лицам, которые заинтересовались бы, не следует удовлетворяться нашей книгой, а надо поискать и у других авторов описание жизни и мыслей этого замечательного человека. Автор был лично знаком с Уитменом. В 1880 году — Уитмену тогда был 61 год — он посетил меня, и я тогда писал [38]:

По первому впечатлению он кажется старше своих лет — сначала я подумал, что ему лет семьдесят или даже восемьдесят. Он большого роста, футов шести; осанка совершенно прямая. Его вес — около пяти пудов. Он хорошо сложен. Большая, правильно развитая голова с несколько выдающимся теменем. Хотя он и производит впечатление человека с хорошей растительностью, однако волосы жидковаты. По бокам и сзади черепа волосы длинные, очень нежны и почти снежно-белы. Брови приподняты высоко под надбровными дугами — это сразу бросается в глаза.

Небольшие голубые глаза — по сравнению с головой и лицом они кажутся даже маленькими. В глазах нет выражения — они могли бы быть лишь добрыми, спокойными, милостивыми. Несколько опухшие, полные веки, верхнее веко обыкновенно покрывает почти половину глазного яблока. Крупный, совершенно прямой нос. Он крупен, но не велик по отношению к лицу. Переносица довольно глубока и лежит на уровне глаз. Крупный рот, полные губы. Нижняя часть лица покрыта мягкой бородой, падающей на грудь. Густые усы. Замечательно красивы очень большие, длинные, полные уши. Мне думается, его чувства необычайно остры, особенно слух. От его слуха не ускользает ни малейшее изменение тона, которое доступно слуху обыкновенного человека, но кажется, он может слышать и то, что недоступно обыкновенному уху. Он говорил, что слышит, как растет трава, как распускаются листья.

Щеки круглы и гладки. Его лицо не носит отпечатка заботы, утомления, возраста. Лишь слабый голос и неверная параличная походка выдают его лета. Обычное выражение лица спокойно, но твердо и решительно. Мне ни разу не пришлось видеть на его лице выражения презрения или вообще какого-либо дурного чувства. Я никогда не видел, чтобы он насмеялся над кем или чем-либо, не видел, чтобы он беспокоился, боялся за будущее, — хотя у него были такие обстоятельства, которые для любого человека на его месте давали основание для боязни и беспокойства. У него очень оригинальный светло-коричневый цвет лица, резко выделяющийся на белом фоне волос.

Цвет его кожи не белый, как у всех англичан и немцев, которых мне приходилось видеть; кожа у него розоватая. Все части тела велики, массивны, но настолько пропорциональны, что не создают впечатления громоздкости.

Мне никогда не приходилось видеть более благородные черты и выражение лица, чем у Уитмена.

Невозможно описать необычайную, чисто физическую привлекательность этого человека. Я не буду уж говорить о привязанности к нему его друзей и тех, кому приходилось иметь с ним дело. Нет, к нему невольно влекло даже тех, кто его видел лишь мимоходом, влекло даже совершенно незнакомых ему людей, случайно встречавших его на улице. Мой близкий друг, знакомый с Уитменом всего лишь несколько дней, написал мне:

«Вы знаете, его здесь полюбили буквально все, кому только пришлось с ним встретиться».

Мой хороший знакомый зашел на час-два в гости к Уитмену. Было это осенью 1877 года. До этого ему ни разу не приходилось видеть Уитмена, но уже много лет он внимательно читал его произведения. Уитмен сказал ему всего несколько самых обыденных фраз. Пока мой знакомый был у Уитмена, он не чувствовал ничего особенного, но вскоре после этого он почувствовал в себе подъем духовных сил вроде легкого опьянения от шампанского или влюбленности. Это приподнятое состояние ощущалось по крайней мере шесть недель, в течение которых он чувствовал себя совершенно иным человеком. Новое в нем не угасло: он лишь перестал замечать перемену, потому что привык к этому новому возвышенному элементу своего существования — стремлению ко всякой чистоте и счастью. Со своей стороны, могу подтвердить, что благодаря этой случайной встрече мой знакомый совершенно переродился: настроение, характер, вся духовная сторона, внешняя жизнь, темы разговоров и т. д., и т. д. — все это одухотворилось и очистилось. Первое время он говорил с близкими ему людьми об испытанной им перемене после чтения «*Leaves of Grass*» и знакомства с Уитменом. Но он увидел, что они совершенно его не понимают, — многие даже думали, что он сошел с ума, — и он перестал говорить об этом.

«Уолт Уитмен одевался необычайно просто. В хорошую погоду он обыкновенно был в светло-сером шерстяном пиджаке. Он не носил галстука. Его рубашки были просторны, с широкими, мягкими отложными воротниками с очень низко посаженными пуговицами, так что горло и верхняя часть груди были открыты. Во всех остальных отношениях он всегда был одет солидно, чисто, просто, без оригинальничанья. Его одежда и все, что его окружало, было

изысканно чисто. Его платье зачастую было сильно потерто, оно могло быть даже доношено до дыр, но никогда не имело грязного вида. В самом деле, аромат изысканной чистоты был типичной чертой Уитмена. Эта чистота пронизывала все его тело, его способ еды и питья, его разговор. Кто бы ни пробыл с ним хоть час времени, уже видел, что весь ум и жизнь Уитмена проникнуты чистотой. В самом деле, у Уитмена внешняя чистота была отблеском внутренней, а внутренняя — выражением внешней.

Мне часто приходилось говорить с Уитменом о его поэмах. Он отрицал существование каких-либо высоких замыслов в своих поэмах. Если послушать его объяснения — все было так просто, так обыденно... Но если подумать лишь об этих объяснениях, войти в их сущность, тогда становится ясным, как много идеального и духовного заключено в этой видимой простоте и обыденности. Про Уитмена и его сочинения можно сказать, что они не идеал, воплотившийся в реальности, а наоборот — реальность, доведенная до идеала. Уитмен целостен: он и его творения — это единое целое, где все приноровлено друг к другу, все вытекает одно из другого.

Как-то раз он сказал мне: «Я описываю жизнь обыкновенного, среднего человека в обыденной обстановке, все же она велика, героична». Несомненно, эта идея проходит через все его произведения, ибо таковы были его мышление, поступки, разговор, сочинения, мысли и чувства. Все это выражалось в его произведениях.

Он держал себя необычайно спокойно, сдержанно: редко волновался в разговоре — по крайней мере этого никогда не было заметно. Он никогда не повышал голоса и не жестикулировал. Ни разу я не видел его в дурном настроении. Казалось, ему неизменно нравится все окружающее.

Обыкновенно он не ждал представления: при встрече он просто подходил, протягивал правую или левую руку — все равно какую, лишь бы она была свободна — и сразу знакомился.

Окружающие не знали даже, отчего они его так любят. Находили, что в нем есть что-то привлекательное, что у него сильный животный магнетизм, и вообще поясняли эту всеобщую любовь ничего не объясняющими словами. Одновременно с Уитменом у меня гостил один очень хороший музыкант. Тот говорил: «Я знаю, почему Уитмен так нравится всем, — у него чудесный голос, его за

голос и любят». Я ответил, что, пожалуй, это и так, но откуда же в голосе берется такой чарующий тон?

Большая часть дня у Уитмена проходила в чтении, хотя выдавались недели, когда он не притрагивался к книгам. В среднем, чтение у него занимало часа два в день. Он редко читал книгу от корки до корки; вообще, чтение его было, по-видимому, совершенно бессистемно. Если он сидел час в библиотеке, около него на столе, на кресле, на полу уж было с полдюжины разных книг. Казалось, что он читал несколько страниц в одной книге, несколько в другой — несомненно, он шел каким-то личным, собственным путем мышления. Лишь очень редко книга интересовала его настолько, чтобы он прочел ее целиком. При мне он прочел «Египет» Ренуфа и книгу того же названия — Бруш-бея, но это бывало с ним редко. Он любил читать историю, монографии и трактаты по метафизике, религии и естествознанию. Меньше всего он читал изящную литературу. Он читал только по-английски, хотя, думается мне, французский, немецкий и испанский языки были ему знакомы гораздо лучше, чем он говорил о своем знании этих языков. Если поверить ему на слово, он вообще знал очень мало по любому вопросу.

Больше всего он любил гулять в одиночестве, разглядывать траву, деревья, цветы, игру света и тени, любоваться вечно меняющимися картинами облаков, прислушиваться к пению птиц, стрекотанию кузнечиков, шуму ветра и вообще ко всем звукам природы. Было видно, что все это доставляло ему глубокое наслаждение — куда большее, чем то, что может испытывать обыкновенный человек. Пока я не познакомился с Уитменом, мне и в голову не приходило, что такие обыкновенные явления в состоянии доставить кому-либо столько истинного счастья и ощущения полной удовлетворенности. Он никогда не говорил об этом удовольствии.

Работая, он всегда потихоньку напевал, особенно когда был один. С утра, когда он принимал ванну и одевался, он пел во весь голос баллады или что-нибудь воинственное; а днем, во время прогулок, он пел что-нибудь без слов или читал бессвязный речитатив. Иногда он произносил стихи — по большей части из Шекспира или Гомера.

Писал он очень редко. Кажется, он никогда не занимался этим усиленно. Он очень мало писал частных писем. Пока он жил у меня, он изредка писал в одну из канадских газет сообщения о своих

путешествиях, обстановке, работе и мыслях, — получал сто экземпляров этой газеты с его письмом и рассылал их вместо писем своим друзьям — преимущественно молодежи.

Он почти все писал карандашом в записной книжке со сменными листами.

Для литературной работы у него не было определенных часов, он ее делал в любое время, писал экспромтом, даже не пользуясь столом, а просто положив записную книжку на колено. Зачастую он писал и на улице. Почерк у него был ясный, разборчивый.

Он очень любил дикие и садовые цветы, часто приносил огромный букет к обеду или в свой кабинет и спальню. В петлице у него всегда был какой-нибудь едва распустившийся цветок — роза, герань. Он вообще любил цветы, но больше всего розы и лилии. В самом деле, редко можно встретить человека, который любил бы так много и не любил бы так мало вещей, как Уитмен. Казалось, ему нравилось все естественное, любой вид, звук, все равно — вне дома или дома. Казалось, он любит всех людей. Это чувствовали все, кто его видел. Во всем он был необычайно естествен и совсем свободен от условностей. Изредка случалось, что он выражал кому-нибудь особое предпочтение, — тогда он делал это как-нибудь косвенно. Я помню, например, он сказал молодой замужней женщине, которую видел всего лишь несколько раз: «Прощайте, дорогая моя».

Особенно любил он детей, и это было взаимно: дети любили и доверяли ему. Если ребенок капризничал, то стоило Уитмену взять его к себе на колени, обласкать, — и плач прекращался, а часто ребенок так и засыпал у него на коленях. Случилось, что Уитмен, много дам и я участвовали в загородной прогулке, устроенной для детей лондонской бедноты. Я потерял из виду Уитмена, пожалуй, на час или даже больше и, когда разыскал его, увидел, что он сидит на берегу ручья, а на руках у него спит краснощекий ребенок, лет четырех-пяти.

Его причастность и в старых, и в молодых производила неопишемое очарование. Понять это очарование можно было или испытав его на себе, или прочитав уитменовские «*Leaves of Grass*». Мне думается, скорее физиологическое, чем психологическое очарование объясняет всю тайну личности Уитмена. Его прикосновение действовало одинаково как на здоровых, так и на больных.

Знакомый старик, знавший Уитмена смолоду, говорит, что в период 1845–1870 годов у Уитмена были сильно выражены гордость и высокомерие. Их трудно было выявить, но когда эти черты его характера проявлялись, то всякий понимал, что у Уитмена есть нечто, с чем он не позволит играть. В то время горячая кровь у него была соединена с боевым духом.

Этот знакомый говорит, что мое описание Уитмена правильно лишь по отношению к последним годам его жизни, что Уитмен постепенно развил описанные мною свойства личности, постоянно держа себя в узде. Старик говорит, что в Уитмене сидят два человека: один — бесконечно мягкий, с безграничным самообладанием и по временам мистик вроде Сократа, человек благожелательный, нежный, любящий, как Христос! Но под всем этим лежит сила, бодрость, гордость. Несомненно, он победил свою первоначальную природу, переделал ее на ту, которой теперь проникнуто все его существо. Но ведь теперь-то он другой, он сумел переделать себя! Мой старик говорит, что, как же Уитмен смог бы так своеобразно относиться ко злу, как это видно на каждой странице «Leaves of Grass» с начала до конца, если бы он не знал, не заключал в себе самом всего этого зла — этих грехов мира?

Но было и нечто совершенно обратное. В очень редких случаях Уитмен производил совершенно противоположное впечатление: были люди, инстинктивно не переваривавшие его. В их глазах Уитмен был посмешищем. Его крупные размеры, красное лицо, густая борода, просторное платье и несколько бесцеремонная манера одеваться, широчайшие воротники, отсутствие галстука — все это иногда вызывало глумление и взрывы хохота.

Уитмен не говорил много. Часто за целый день скажет лишь несколько слов, а сам все время весел и добродушно смотрит. Речь у него была плавная, без запинок и условностей.

Я ни разу не видел, чтобы он возражал или спорил. Он всегда как-нибудь оправдывал тех, кто грубо отзывался о нем или его сочинениях. Мне думается, что иногда такая грубость, едкая критика и враждебность со стороны его оппонентов ему были даже приятны. Он говаривал, что критики правы, что он совсем не таков, каким он кажется своим друзьям, что критики, с их точки зрения, совершенно правы и что лично он заслуживает еще более жестокой критики.

Первое время мне казалось, что Уитмен постоянно следит за собой, вечно настороже, чтобы не позволить себе выказать беспокойство, антипатию, пожаловаться или дать отпор.

Мне просто в голову не приходило, что у Уитмена совершенно отсутствуют все эти настроения. Лишь после долгого знакомства с ним, после того, как я расспросил его друзей, знавших его много лет, я удостоверился, что, действительно, либо эти чувства у него совершенно отсутствуют, либо они не доходят до его сознания.

Глубокий грудной, ясный, задушевный голос придавал особое очарование его самым простым фразам.

Иногда совершенно невольно вырвавшееся восклицание вроде «Чудное небо!» или «Дивный луг!» производили впечатление музыкальной мелодии.

Уитмен очень любил видеть новые пейзажи. Как-то раз мы говорили о какой-то местности, которую мы хотели посмотреть. Он сказал тогда: «В конце концов, восход и заход солнца, земля и небо, самые обыкновенные деревья, трава — все это гораздо величественнее и поучительнее, чем Альпы, Ниагара или Йосемит». Если фразу эту понять как следует, то в ней видишь основную идею всех его произведений: «простое — самое великое»; исключительное не изящнее, лучше или прекраснее, чем обычное; дело совсем не в том, что нам еще чего-то недостает, а лишь в том, что наши глаза еще не открылись, чтобы видеть, а сердце — чтобы прочувствовать то, что у нас есть, что нас окружает.

Он никогда не говорил с пренебрежением о какой-либо народности, слое общества, исторической эпохе, роде деятельности. Он не говорил с пренебрежением вообще о чем-либо одушевленном или неодушевленном, о законах природы и их следствиях вроде болезни, уродства или смерти. Он никогда не жаловался на погоду, боль, болезнь или вообще на что-либо. Никогда и ни при каких обстоятельствах он не говорил грубо или неприлично. Правда, о языке его поэм многие думают, что он непристойен, но это не так. В самом деле, я ни разу не слышал от Уитмена чего-либо, что нельзя было бы напечатать. Он никогда не бранился — да он и не мог, потому что никогда не сердился. Не было видно, чтобы чего-либо он боялся или пугался; мне думается, что он никогда не ощущал страха.

Говорил он тихо, приятно и обыкновенно поучительно. Он редко говорил условные фразы, очень редко извинялся, не сыпал

обычных «пожалуйста» и «благодарю вас», а обыкновенно заменял их кивком головы и улыбкой. Насколько я его знаю, он не предавался отвлеченному мышлению и вопросам, — хотя, говорят, он больше всего любил отвлеченные темы. Понятно, он никогда не сплетничал. О частных лицах он говорил крайне редко, да и то лишь отвечая на вопрос или замечание, всегда стараясь все истолковать в хорошую сторону.

Обыкновенно он говорил лишь о текущих делах, событиях дня, политических и исторических новостях, как европейских, так и американских, очень мало — о книгах, гораздо больше — о природе. Он аккуратно читал газеты, любил хорошие описания и воспоминания. В общем, он не был разговорчив. Он всегда был спокоен, прост, принадлежал лишь самому себе — его трудно было бы вести на помочах.

II

Уолт Уитмен представляет собой прекрасный пример космического сознания, потому что, во-первых, в нем эта новая способность проявлена была в наиболее совершенном виде, во-вторых, он с яркостью и в чертах широких во всем, что писал, высказывался с точки зрения космического сознания, и в-третьих, он описывает формы и явления космического сознания подробнее и яснее, чем любой древний или современный писатель.

Он ясно, но не так подробно, как то было бы желательно, говорит нам о моменте, когда он достиг озарения, и о том, как оно постепенно пропадало у него, т. е. о том, как с годами оно все реже и реже приходило к нему, теряя в живости и яркости.

Мы знаем в лице Уитмена случай космического сознания у человека, жизнь которого известна с рождения и до смерти, и разве лишь в случае Бальзака мы можем лучше сравнить эпоху до озарения с эпохой после него. Граница между обоими Уитменами очень резка.

Первый Уитмен сороковых годов прошлого столетия — автор повестей и рассказов, к которым никак не может подойти теперешняя слава их бывшего автора.

Второй Уитмен — пятидесятых годов — автор «Leaves of Grass» — «Листьев травы» [191:15].

Разница между произведениями новичка и зрелого писателя — вполне естественна: Шелли-романист и Шелли — автор «Ченчи»; Маколей — в первых очерках и Маколей — историк.

Случай Уитмена совершенно не подходит под идею постепенной эволюции. Его случай — это мутация (скачок). У него после более чем посредственных писаний сразу пошли страницы, на которых огненными словами была написана жизнь вечная, страниц которых всего лишь несколько десятков появилось за целые столетия сознательной жизни человечества.

Это было внезапное рождение Титана из человека.

Глубока тайна достижения силы и славы небес, и на нее мы стараемся пролить свет нашей книгой.

Уитмен не имел представления (точно так же, как и Будда, ап. Павел или Магомет) о причине его духовной мощи, возвышенности, вечной радости. Ему самому все это казалось удивительным; «удивляясь, я изумлен моим светлым настроением и радостью», — говорит он.

Посмотрим теперь, что говорит сам Уитмен о появлении у него нового чувства. Оно пришло к нему в июне 1853 или 1854 года, т. е. когда Уитмену было 34–35 лет.

Он говорит:

Верю я в тебя, моя душа... иной, мой прежний,
я не должен покоряться тебе,
И ты не должен покоряться новому.
На мураве проводи время со мною, дай волю гортани,
Не слов, не музыки, не стихов я желаю, ничего
обычного, не яркой речи, ничего даже лучшего,
Мне мило одно лишь усыпление, голоса твоего
тихое звучание.
Помнится мне, как лежали мы в июне,
в то прозрачное летнее утро;
Положил ты голову поперек моих бедер и нежно
перевернулся на меня,
И рубашку отделил от грудной кости моей,
вонзив свой язык в мое обнаженное сердце.
И протянулся, пока не ощутил моей бороды,
и протянулся, пока не схватил меня за ноги,

Быстро поднялись, кругом меня распространившись,
и мир, и радость, и знание, что превосходят и искусства,
и диалектику мира;
И знаю я, что десница Господня — старший брат моей руки,
И знаю я, что дух Господень — старший брат моей души,
И что все люди, когда-либо родившиеся, также мои братья...
и женщины — мои сестры и подруги
И что гнездо вселенной есть любовь!

Кажется, сначала он не понял, что с ним случилось, но затем примирился с фактом и сказал: «Я верю твоим словам. Хотя моя новая личность и божественна, однако пусть моя первая и новая личности останутся совершенно независимы друг от друга и не будут подчиняться одна другой». Далее он обращается к своей новой личности, уговаривая ее остаться в нем, научить его, рассказать ему, все равно как, совершенно не обращая внимания на способ выражения. Затем он снова возвращается к описанию этого происшествия. Оно случилось с ним прекрасным июньским утром. Космическое сознание, по крайней мере на некоторое время, совершенно завладело всем его существом. С тех пор, — говорит он, — его жизнь стала вдохновляться этим пришельцем — этой новой его личностью — причем все, что она говорила ему, входило прямо в его обнаженное сердце. Его внешняя жизнь тоже стала подчиняться велениям этой новой личности. Под конец он говорит о перемене, внесенной в его жизнь этим явлением: его сердце наполнилось спокойствием, радостью и знанием, превосходящим все земное. Он дошел до той точки, с которой человек может созерцать Бога (Бальзак говорит: «которая одна лишь может объяснить Бога». Христос говорит, что если не дойти до этого, то невозможно узреть Царствия Божия). Подводя итоги, Уитмен говорит, что теперь Бог — его самый близкий друг, что все люди — братья и сестры и что весь мир держится любовью.

Несколько дальше [192:207] он описывает самый момент озарения в таких же словах, как Данте:

Как в головокруженье мгновенно,
Другое солнце нестерпимым блеском
слепит меня.
И все миры познал я,
Ярчайшие, неведомые сферы
Одно мгновение будущей земли, —
земли небес.

Данте говорит: «Внезапно показалось, что день прибавлен ко дню, как будто Тот, Кто мог совершить все это, возвел на небеса другое солнце».

Сравните под тем же углом зрения с вышеприведенными словами еще одну выдержку из Уитмена:

«Как, не пришел еще к тебе тот час,
Когда блеск божества внезапный
Крушит и рвет в полнейшее ничто
Все эти пузыри обычаев, богатства,
Все эти деловые цели, книги, политику,
искусство и любовь?» [193:218]

Чтобы еще ближе объяснить сущность космического сознания, цитирую прозу Уитмена:

«Редкий, космический, артистический ум, горящий бесконечностью, один лишь может видеть разнообразные, огромные, как океан, качества народа» [195:215]. Далее: «Для тех из нас, кто достоин быть избранным, существует еще пророческое виденье, радость круговорота теперешнего героического времени, для них существует писание и стезя, они, послушные, благоговейно прислушиваются к голосу, жестам Бога, Святого Духа, которого другие не видят и не слышат» [195:227]. Еще: «Идея тождественности... Чудо из чудес, не поддающееся описанию, самое духовное и неопределенное из земных сновидений — а в то же время самый положительный факт — и единственный путь к достижению всех фактов. В такие благоговейные часы, посреди многозначащих чудес неба и земли (они имеют значение лишь потому, что я нахожусь среди них) все верования, все обрядности, по сравнению с этой простой идеей, превращаются в ничто, падают. При ярком свете действительного виденья лишь она властвует, лишь она ценна. Как сказочный дух, раз она освободилась и на нее обращаешь внимание — тождественность объемлет всю землю и распространяется выше свода небес» [195:229]. Далее: «Я говорю, что лишь при совершенной чистоте и полнейшем уединении личности перед ней может предстать одухотворенность религии, — только при этих условиях и под условием размышления, экстаза благоговения и парения. Только здесь находится слияние человека с тайной, вечной загадкой «откуда?», «куда?»... Одиночество, сознание тождества своей личности со вселенной, подходящее настроение и — душа вырывается: как дым рассеиваются все догматы церкви, проповеди. Одиночество и молчаливая мысль, священный ужас и сильное желание и, дотоле незаметное, внутреннее со-

знание начинает озарять чувство. Библия может вести, священники объяснять, но одно лишь уединенное Само может ввести человека в область чистого эфира поклонения, лишь оно доводит до уровня Бога и соединяется с неизъяснимым» [195:233].

Далее Уитмен, по-видимому, предвещает появление нового человечества: «Человечество, выведенное в соответственную человеческую породу, родившееся соответственным образом, возросшее при правильных гармоничных условиях внешней и внутренней жизни, при соответственной деятельности и развитии, — при таких условиях подобные люди, вероятно, найдут, что для них достаточно лишь жить; во всех своих отношениях к природе, в самом факте своей жизни они откроют и достигнут счастья. Их существо вечно будет напоено живительным экстазом, превосходящим все удовольствия, которые можно получить от богатства, увеселений, даже от ума, наук и искусств» [195:249]. И наконец, «Единственная полная, настоящая поэма — природа — спокойно существует в Божественном предназначении. В ней заключается все, все самодовлеющее. Она не обращает внимания на сегодняшних критиков, на бесцельных, многоречивых болтунов. И вот до сознания духа, до мысли доходит нечто, перед которым безмерно уменьшаются, теряют общий смысл демократия, искусство, литература и прочее. Это нечто вполне удовлетворяет. Это нечто есть ВСЕ и идея Всего с сопровождающей его идеей вечности, и душа сама собой радостная, неразрушимая, всюду входя, несется вперед по бесконечности. Вечно звучит пульсация всей природы, всего духа. Вечное биение, вечное повышение и понижение в жизни материи — под ней я знаю, чувствую, что смерть не конец, но лишь истинное начало, я знаю, чувствую, что ничто, ни душа, ни вещество не может пропасть, ни даже умереть» [195:253].

Уитмен выразил здесь то, что мы называем космическим сознанием.

До Уитмена почти все люди, обладавшие космическим сознанием, подчинялись ему. Они смотрели на космическое сознание, как на нечто, лежащее вне человека, и сверхъестественное, отделяющее их от прочих людей. Почти всегда космически-сознательные люди желали помочь человечеству — потому что их нравственное чувство достигало необычайной высоты и чистоты вследствие появления космического сознания. Но ни один из них не чувствовал и не

представлял себе необходимости постоянно пользоваться своим внутренним прозрением. Человек не подчинял себе, не овладевал, не пользовался новой способностью, а наоборот, она подчинила его себе, она пользовалась им.

Очевидно, это случилось с ап. Павлом, когда он, охваченный величием и светом нового чувства, сразу перестал ценить в действительности совершенно равносильную божественность его прежних способностей. Почти то же самое можно сказать и о Будде.

Вред для всего человечества от однобокой морали — неизмерим. Мы все страдали и страдаем лишь потому, что эти два человека приняли эту неправильную точку зрения.

Вред неизмеримо огромный. Он получился от воспитавшегося презрения к «плоти», к «ветхому человеку», от учения, что одна часть человека хороша и ее следует развить, а другая скверна и ее надо искоренять, а если не можешь искоренить, то хоть скрывать. Вред такой ложной точки зрения так громаден, что временами он заставляет почти забывать еще большее, чем вред, добро, принесенное человечеству этими двумя людьми. Нельзя сказать, чтобы ап. Павел и Будда были ответственны в возникновении монашества и аскетизма. Лекки [114:108] указывает, что в их время это движение уже началось. Но никто не станет отрицать, что эти люди чрезвычайно повлияли на рост движения отречения от удовольствий в пользу так называемой чистоты, т. е. в пользу отречения от просто сознательной для космически-сознательной жизни.

Множество писателей проследили все зло, проистекшее от этих учений, вплоть до его первоначального источника. Кидд с огромной силой и правдивостью указал на бесконечно большой порыв к самоотречению, характеризующий первые века христианства. Он указал, что хотя это был и «неразумный» порыв, но что значение его было глубже разумности. Он указал, что если человечество желает прогрессировать, то такие противообщественные, даже анархические течения являются необходимостью — хотя, конечно, вредно, когда они имели такую страшную силу, как в первые века христианства. Но вот чего Кидд [108:125f] не указал: откуда у ап. Павла, Будды и их первых последователей взялось прозрение, породившее в них такую уверенность, что она подвигла их и заставила весь мир последовать за ними?

В уравнивании действия и противодействия лежит причина равновесия. Высшая и низшая жизнь, альтруистическая и эгоистическая жизнь духа и плоти, жизнь особи и расы, космическая и сознательная жизнь — равновесие этих противодействующих — есть главное начало современного мира, дающее миру движение и стойкость, все равно как центробежные и устроительные силы одновременно дают движение и стойкость вселенной [138:182].

Быть может, Уитмен — первый человек, который, обладая полным космическим сознанием, преднамеренно восстал против него, победил его и сделал его своим рабом наряду с простым сознанием, с самосознанием и объединил все их в единое целое, в свою единую личность. Уитмен ясно видел, что хотя эта новая способность и божественна, однако она не сверхъестественнее, чем зрение, слух, вкус, осязание или любое иное чувство нашего простого сознания. Вследствие этого Уитмен не позволил этому новому чувству взять над собой верх и поработить всю его личность. Он верит в эту новую способность, но он говорит, что его прежнее «Я» не должно ни покоряться новому, ни подавлять его, что обе способности должны вместе работать для него. Надо заметить, что тот, кто этого не понимает, тот никогда не разберется в «Leaves of Grass».

Разберем еще указание на космическое чувство в поэме Уитмена «Молитва Колумба» [193:323]. Она была написана Уитменом под впечатлением болезни, горя, заброшенности, которые ему пришлось пережить в 1874–1875 годах, когда ему было 55–56 лет.

Молитва эта полна указаний на чисто личные переживания Уитмена.

Обращаясь к Богу, он говорит:

«Ты знаешь возвышенные мечтания и прозрения моей
возмужалости.

О, я уверен — они истинно исходили от Тебя!

Упорство, увлечение, несокрушимая воля,

Могущественное, внутренне ощущаемое веление, более
сильное, чем слова,

Голос с небес, шепчущий мне даже во сне,

Все это сопутствует мне!

Еще одно усилие. Этот бледный песок — мой алтарь!

Ты, о Боже, озарил мою жизнь.

Лучом света неизменного, неисповедимого, дарованного
Тобою,
Света, редкого, неизреченного, освещающего самый свет,
Не выразимого никакими знаменами, описаниями,
языками.

И за это, о Боже, в моем последнем слове здесь на коленях,
Старик, нищий и разбитый параличом, я благодарю Тебя.
Мои руки, мои ноги обессилели,
Мой мозг запутался в терзаниях,
Пусть прейдут старые леса — я не уйду.
Я крепко прилип к Тебе, о Боже, как ни хлещут меня волны,
Тебя, Тебя, по крайней мере, знаю я».

Свыше 20 лет ведомый этим кажущимся сверхъестественным озарением, он повиновался его велениям, как если бы они исходили от самого Бога.

Он «любил землю, солнце, животных, презирал богатство, давал милостыню всем, кто просил, отстаивал глупых и помешанных, отдал свой доход и труд в чужую пользу» [193:273] — делал все, как ему приказывал божественный голос, и теперь он вознагражден: он беден, болен, парализован; все его презирают, от него отвернулись, и он умирает. Всю жизнь он посвятил проповеди человечеству. Эта проповедь была ему дороже жизни, семьи. Ее не слушают, над ней смеются. Что он скажет Богу? Но Бог знает все, и он поручает себя воле Божией. Он говорит, что не знает ни людей, ни своих собственных произведений. Он не может судить, как «Leaves of Grass» действует на людей. Но у него было вдохновение, озарение, мощь, чувство, внутренний голос, повелевавший ему. Откуда все это? Он уверен, что все это от Бога. Далее он говорит о редко кого озаряющем свете, который превышает всех описаний и языков. И все это говорится уже не энтузиастом, а измученным жизнью человеком, который уже ничего не получает от жизни и ничего не желает, кроме смерти!

Уитмен благодарит Бога за Его доброту — это невольно заставляет припомнить благодарность Бэкона за «дары и милости». Бэкон писал это летом 1621 года, когда его внутренняя и внешняя жизнь была так же разбита, как жизнь Уитмена в 1875 г.

В июне 1888 г. Уитмен опять сильно заболел. Он думал, что уже пришла смерть. Прощаясь с людьми, он пишет стихотворение [193:403], где говорит, что его поэмы крайне слабы по сравнению с

импульсом, под влиянием которого они были написаны. В стихотворении космическое сознание описано очень образно и сильно.

Уитмен, несмотря на ожидание смерти, не умер. После кризиса к нему по временам все еще приходило озарение, пока наконец в 1891 году оно не исчезло навсегда.

Люди, обладающие космическим сознанием, видят стройность, закономерность вселенной, они видят, что «все добро есть». Они видят, что вся вселенная дружелюбно относится к человеку. Уитмен поминутно говорит: «Я говорю вам, что зла не существует»; «Ясна и нежна моя душа, ясно и нежно все, что не моя душа». Когда его спросили, хорошо ли родиться, он ответил: «Так же хорошо, как умереть». Данте говорит, что при озарении этим светом все делается совершенным, даже то, что обычно кажется несовершенным.

Космическое сознание, когда оно охватывает человека, заметно меняет и саму его внешность, общее выражение лица, взгляда. После периода озарения — пишущему эти строки это лично известно по нескольким случаям — перемена во внешности человека продолжается месяцами, даже годами.

Об Уитмене пишет мисс Елена Прайс:

«Однажды утром в 1866 г., когда Уолт Уитмен жил у нас в Нью-Йорке, прошло уже минут десять или более после звонка к чаю, когда он наконец спустился из своей комнаты и мы все собрались около стола. Я обратила на него внимание, как только он вошел: он весь светился светом и какой-то возвышенностью, почти неудержимая радость сияла в его лице и, казалось, наполняла все его существо. Это было тем заметнее, что его обычным настроением было ясное, готовое к веселости спокойствие... Я знала, он работал над новым изданием своей книги, и надеялась, что при случае он скажет что-нибудь, чтобы разъяснить нам тайну его загадочной радости. К несчастью, все за столом были заняты предметом общего разговора. При каждой паузе я ждала услышать от него что-нибудь, но нет — кто-нибудь начинал говорить, и я прямо чуть не рассердилась от нетерпения и досады. Казалось, что он слушал и даже смеялся над некоторыми замечаниями говоривших, но сам не проронил ни слова. И лицо его продолжало сиять тем же блеском и очарованием, как будто он вкусил от божественного эликсира. Выражение это было так замечательно, что я могла бы усом-

ниться в нем, если бы оно не было замечено и другими, кроме меня».

ИТОГИ

- а) Уитмен видел сильный субъективный свет.
- б) Повышение нравственного чувства и
- в) умственное озарение были выражены в редкой степени.
- г) Ни у одного человека еще не было так ярко выражено чувство бессмертия, вследствие чего у него
- д) страх смерти совершенно отсутствовал при всех обстоятельствах.
- е) У него не было чувства греховности.
- ж) Превращение личности просто сознательной в космически-сознательную происходило внезапно.
- з) Космическое сознание явилось в характерном возрасте и в характерное время года.
- и) Оно изменило наружность Уитмена.

Эдуард Карпентер

I

Родился 29 августа 1844 года в Брайтоне, где и провел детство, юность.

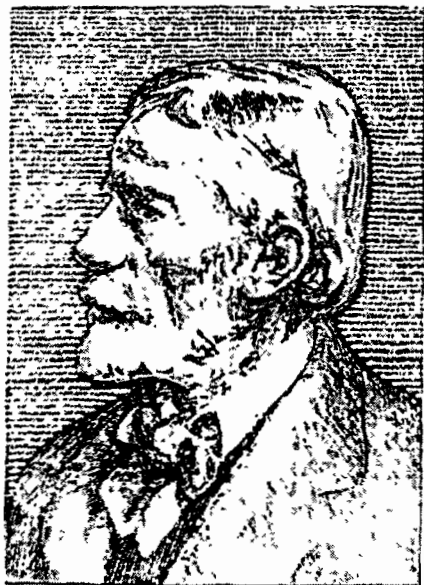
В 1864 году поступил в Кембриджский университет, а в 1868 году окончил его действительным студентом. Затем был посвящен в священники и несколько лет священнослужительствовал в Кембридже.

Карпентер никогда не верил в историческую точность Библии. Еще в молодости он задумал сделаться духовным, потому что ему запала мысль, что церковь может возродиться внутри самой себя. Однако он быстро убедился, что это займет немало времени. Вскоре он захворал и принужден был выйти из духовного звания. Он священствовал с 1869 по 1874 год.

После этого он увлекся идеей народных университетов и работал на этом поприще с 1874 по 1880 год.

Приблизительно в тот же период он заинтересовался общественными вопросами и пришел к убеждению, что общество стоит на ложном пути.

Он говорит, что в начале 1881 г., когда ему пошел тридцать седьмой год, он получил космическое сознание. У меня есть все доказательства факта, но я не уполномочен сообщить их. В результате Карпентер отказался от своего круга общества и сделался

рабочим — купил несколько акров земли, построил домик и поселился там с семьей рабочего. Одевался он как рабочий и работал вместе с ними. Ему казалось, что бедный благороднее богатых. Он предпочитал жить среди более бедных и сам был сравнительно беден. В этом отношении он самостоятельно пошел по тому же пути, что и Будда, ап. Павел, Лас-Казас и Уитмен. Из всех предметов цивилизованной обстановки Карпентер оставил себе лишь рояль. После трудового дня он отдыхал за бетховенскими сонатами: Карпентер — превосходный, оригинальный музыкант. Не стоит и говорить, что он был ярко выраженный, передовой социалист, почти что анархист. Он — одно целое с простонародьем. Жил он среди простонародья, конечно, не для того, чтобы доводить его до уровня «лучших» классов общества, а просто потому, что ему нравилось быть среди простого народа. Он жил среди них по той же причине, по которой бедные живут с бедными, рабочие — с рабочими. Иногда он бывал и в своем прежнем кругу общества, где у него было много близких друзей. Выше всего Карпентер ставит честность, прямоту, искренность и простоту. Он говорил, что эти качества гораздо легче встретить среди бедного, простого, рабочего народа, чем в «обществе».

В 1873 году Карпентер издал «Нарцисс и другие поэмы», а в 1875 г. драму «Моисей». Уитмена он начал читать в 1869 году, после этого в течение десяти лет он читал «Leaves of Grass». По-видимому, это чтение немало способствовало Карпентеру получить космическое сознание. Карпентер не единственный человек, получивший космическое сознание под влиянием чтения Уитмена. В будущем это чтение, наверное, поможет тысячам людей получить космическое сознание: для «озарения», помимо подходящей физики и психики, крайне важно и влияние «озаренных» людей.

Сразу после озарения Карпентер начал писать «Towards Democracy» («К демократии»), где пытался воплотить учения космического чувства. Вышло четыре постепенно разрастающихся издания в 1883/85, 92 и 96 гг. Книга прекрасно показывает сущность космического сознания. Кроме этой книги издал он еще несколько книг, весьма достойных внимания.

II

Отвечая на мой вопрос о сущности космического сознания, Карпентер мне пишет:

«По правде говоря, я чувствую, что ничего не могу сказать вам, не извратив и не затемнив предмета. Я постарался, как мог, выразить это в «Towards Democritus». У меня не было физического света. Познавательная способность, кажется, здесь состоит в том, что все чувства объединяются в одно чувство, причем вы делаетесь объектом. Но это непонятно. Я не думаю, чтобы явление это могло быть уже теперь сформулировано, но я не полагаю, что дурно писать о нем».

В Ваджасанея-самхита-упанишаде встречается такой стих:

«Когда у понимающего человека его «я» сделалось всем, какое же горе, какая тревога может еще быть у него, если он получил это единство?» [150:312]

В одном из своих сочинений Карпентер говорит:

«Несмотря на огромный перевес индуктивной науки, несмотря на фанатичную веру язычников в эту науку, предположим, что в человеке существуют оба рода сознания — отвлеченное и космическое. Мы знаем, что ощущение вкуса из местного — в ротовой полости — может сделаться общим, и тогда оно является показателем состояния здоровья, — мы знаем, что синева неба на одного производит лишь впечатление синего цвета, другого она вдохновляет написать поэму или картину, а третьему небо кажется одухотворенным богом — Дьяусом или Зевсом. Быть может, таким путем человечество от местного, временного сознания идет к общему, тождественному? Мы знаем, что в каждом человеке существует местное сознание, по отношению к которому тело человека является посторонним, внешним предметом. А может быть, в каждом человеке сверх этого местного сознания существует и космическое сознание? Точно известно, что у человека бывают проявления сознания, превосходящие пределы ощущений органов чувств. Такие явления встречаются на каждом шагу. Мы угадываем и знаем то, чего наши глаза не видят и уши не слышат: это тоже известно. На нас влияет среда, где мы находимся, народность, раса, к которой мы принадлежим, это тоже известно. Итак, нет ли в человеке чего-

то, дающего познавательную способность и знание, что не находится в связи с меняющим свое положение и состояние телом, а будет действовать всегда и везде? В самом деле, не существует ли внутреннее озарение — такой свет, при котором мы можем наконец увидеть все так, как оно есть на самом деле, все — в его настоящей сущности и порядке, увидеть это не местным, а космическим сознанием, отождествлением своей личности с тем, что мы видим? Не существует ли совершенный слух, который слышал бы, как поют утренние звезды? Нет ли понимания языка вселенной, тайного смысла всех вещей? Быть может, наш теперешний слух лишь начало будущего чувства слуха? Разве у нас нет ощущения добра и зла — этого перевода и конечного результата внешнего чувства вкуса — ощущения непреодолимого и абсолютного, указывающего нам, как мы должны поступить в каждом частном случае? Если у человека уже теперь существуют такие силы, то, конечно, впоследствии он сможет приобрести точное знание. Позитивной науке до этого не дойти. Милль в своей «Логике» говорит: «Все, что доходит до нас через сознание, известно нам совершенно точно». Но то, что нам известно посредством нашего простого сознания, точно известно нам лишь на мгновение. А то, что нам известно посредством нашего вечного, космического сознания, точно известно нам на вечность» [57:97–98].

В главе «Сознание при отсутствии мысли» Карпентер говорит [56:153]:

«В чем оно состоит? Я чувствую, как трудно ответить на этот вопрос, ибо почти невозможно объяснить другому лицу то ощущение, которого оно никогда не испытывало. Это можно объяснить лишь абсолютным языком — всякое «пояснение» только собьет с толку — но такого языка я не знаю. Научный язык тоже не поможет. В самом деле, сколько есть толкований боговдохновенных книг! Все комментаторы согласны лишь в одном, что есть нечто реальное в боговдохновенности, а что она из себя представляет — они не в состоянии объяснить. Ввиду всего этого я наотрез отказываюсь объяснить, что такое озарение, а постараюсь лишь выяснить направление, в котором мы должны смотреть, чтобы увидеть, где лежит эта древнейшая наука, так резко разграничившая основные течения мысли Востока и Запада».

«Прежде всего, позвольте вас предостеречь от обычного заблуждения: всегда думают, что если у человека появилась эта необычная способность, то он сразу уносится из нашей среды в сверхъестественные сферы и получает все способности, свойственные таким сферам. Если, например, лицо обладает ясновидением, то ему приписывают, что оно все должно знать. Или если у человека под влиянием чего-либо когда-нибудь проявилась какая-нибудь чудесная сила, то от него требуют, чтобы эта сила постоянно проявлялась. Надо опасаться таких скороспелых обобщений. Да, у человека есть высшая степень сознания, но она проявляется у крайне малочисленных особей, проявляется очень редко, — она будет развиваться, но с постоянными остановками, отступлениями. В седой древности таким ходом шло развитие сначала сознания окружающего — но даже и эти сознания до сих пор все еще не сделались абсолютно общими. Во все время этого роста явление казалось чудесным — что может быть чудеснее первого проявления зрения? Несомненно, что и чувство зрения сначала показалось обманом чувств. А может быть, у нас есть внутреннее зрение, настолько же превосходящее зрение глазом, насколько зрение глазом превосходит осязание? Более чем вероятно, что теперь перед нами мерцает сознание, независимое от ощущений и от сознания личности, или, по крайней мере, сознание, безгранично превосходящее обычные виды сознания. Мерцает новое сознание, в котором пропадают противоположение личности и вселенной, субъекта и объекта. Часть вселенной, обнаруживаемая этим новым сознанием, наверно, не меньше и не проще уже известной нам части. Прогресс познания этой новой вселенной будет тоже медленен, труден, непостоянен. На Олимп сразу не вскочишь, придется потихоньку идти обходными дорогами».

«Не думайте о тех, которые попали на дорогу нового сознания, что они непогрешимые полубоги. Во многих случаях, неожиданность, странность ощущения ведет таких людей к ряду фантастических, ошибочных умозрений».

«В большинстве случаев новое сознание приходит к людям высшей организации; однако бывает, что оно является и у людей безусловно уродливой нравственной природы — в этих случаях озарение не представляет ничего, кроме опасности».

«Индусы говорят, что в новой способности нет ровно ничего чудесного, неестественного, что способность эта приобретается упражнением и естественным подбором, что новые духовные силы следуют совершенно определенным законам и развиваются в точно определенной последовательности. Индусы признают существование людей-дьяволов — безнравственных людей, располагающих известной наличностью новых сил. Индусы указывают, что в данное время люди с новыми способностями все еще крайне редки, что чрезвычайно мало людей имеют организацию, соответствующую новым способностям. Заручившись этими предварительными сведениями, я думаю, можно сказать, что йога знания — джнани-йога — ищет и достигает нового сознания, которое, за неимением лучшего обозначения, можно назвать «космическим сознанием», в противоположение сознаниям, зависящим от органов чувств. Я не знаю, пользуются ли индусы каким-нибудь тождественным названием, но Сат-Чит-Ананда-Брама, к которому стремится каждый йог, выражает такую же идею: «сат» — действительность — всеобъемлющее; «чит» — познание; «ананда» — блаженный. Все это соединено в Бrame».

«Запад добивается отвлеченного сознания: обогащения разума, быстроты познания, памяти, личных надежд и опасений, честолюбия, любви, побед — чистейшее «я» — эгоизм во всех состояниях и видах. Запад сомневается в самом существовании космического сознания».

«Восток ищет космического сознания и в тех случаях, когда оно появляется, — все зависящее от других сознаний, даже сама жизнь, расходится, как туман, под лучами восходящего в человеке солнца славы».

«Индивидуальное сознание облекается в форму мысли: оно жидко и подвижно, как ртуть, оно постоянно волнуется, беспокоится, делает усилия, ощущает боль».

«Другое сознание облекается не в форму мысли. Оно видит, слышит. Оно постигает сущность предметов. В нем нет движения, нет перемен, нет усилий, для него нет различия между субъектом и объектом. У него есть лишь громадная, невероятная Радость».

«Индивидуальное сознание имеет специальные органы в организме человека. Органы человека являются как бы его органами. Но лишь все тело целиком является органом космического сознания. Чтобы достичь космического сознания, надо познать самого себя извне, перейдя в состояние экстаза. Без этого нельзя ощутить космическое сознание».

«Индусы говорят: «В посвящении есть четыре послушания: 1) встреча с Гуру; 2) сознание милости или Арул: его можно представить себе, как сознание изменения — даже физиологического изменения, происходящего в субъекте; 3) видение Шивы (Бога): с этим видением тесно соединено познание самого себя, отдельно от своего тела; 4) нахождение вселенной внутри себя».

«Мудр тот, кто, сосредоточив свои мысли, постигает в себе самом абсолютное сознание, которое есть Сарва-шакти — свидетель всех вещей».

«Значение слова «нирвана» возбуждало ожесточенные споры ученых — указывает ли оно на отсутствие сознания или, наоборот, на крайне повышенное сознание».

«Вероятно, что обе стороны правы, но состояние это не поддается точному определению. Важно лишь одно, а именно, что словом «нирвана» и ему подобными терминами обозначается действительный, признанный факт, т. е. какое-то состояние сознания, которое множество раз было ощущаемо и которое так ценно, что, у кого оно хоть сколько-нибудь проявилось, те посвящают всю жизнь достижению этого сознания».

«Конечно, нетрудно все это представить как пустое слово, не имеющее под собой никакого реального основания, представить, как теорию, измышление мечтательных индусов. Но не забудьте, народ не жертвует собой для пустых слов, а философские измышления не властвуют над судьбами народов. Нет, слово это представляет собою действительность, нечто, лежащее в основе человеческой природы, нечто неотвратимое».

«По существу, наша задача — не объяснять необъяснимое и не определять не поддающееся определению, а добиться этого сознания и испытать его на себе, на опыте. В связи с этим важно отметить

интересный факт. Западная наука, до сих пор довольно малоуспешно занимавшаяся механической теорией вселенной, теперь со своей механической стороны приближается к идее, что существует другая форма сознания. Изумительные явления при гипнозе (а состояние под гипнозом, несомненно, в значительной мере входит в сферу интересующего нас явления космического сознания) уже целые века известны Востоку. Эти явления заставляют западную науку признать существование у человека так называемого второстепенного сознания — подсознания. Эти явления, по-видимому, необъяснимы, если не признать существования какого-то второстепенного фактора. С каждым днем понятие «сознание» все труднее поддается определению».

«Я ни на одно мгновение не делаю предположения, что явление второстепенного сознания при гипнозе во всех отношениях тождественно с космическим сознанием (называйте как хотите этот вид сознания) восточных оккультистов. Может быть, оно тождественно, а может быть, и нет. Быть может, сфера действия этих двух родов сознания одинакова; быть может, они лишь соприкасаются, налагаются одна на другую. Я не буду разбираться, как это есть на самом деле, я хочу лишь обратить внимание на то, что теперь западная наука видит возможность наличности у человека второго сознания, подобного тому сознанию, с работой которого мы знакомы. А. Молль указывает на некоего Баркуорта, который может складывать длинный ряд цифр, оживленно разговаривая в это время и ни на мгновение не отрывая своего внимания от разговора. Молль спрашивает, как это может делать Баркуорт, если у него нет второго сознания? Еще пример: Ф. Майерс во время чтения лекций зачастую, по крайней мере на минуту, совершенно забывает, что он читает лекцию. Он воображает, что, сидя в аудитории, он разговаривает со знакомым. Через минуту этот обман чувств проходит и Майерс видит, что он, стоя на кафедре, совершенно свободно и вполне последовательно читает лекцию. Или возьмите совершенно обычный случай: пианист, играя наизусть, играет лучше, когда не думает об исполняемом произведении. Говорят, что исполнение только тогда совершенно, когда оно абсолютно бессознательно. Но подумайте, бессознательное сложение, бессознательное чтение лекции, бессознательная игра на рояле! Да разве это разумное объяснение?»

«В человеческом организме есть много актов и процессов (например, акт глотания), сопровождаемых ясно выраженной работой личного сознания. И наоборот, есть много процессов и актов, которые не сопровождаются работой личного сознания. Этому второму роду актов и процессов дали название механических, значит совершенно лишенных работы сознания. Однако исследование явлений, происходящих под гипнозом, показало то, что было уже давным-давно известно индийским факирам: при некоторых условиях можно получить проявление сознательности у внутренних процессов человеческого тела. Более того, можно заставить организм чувствовать явления, происходящие вне его, не устанавливая связи между загипнотизированным субъектом и тем местом, где происходит явление».

«Таким образом, западная научная мысль постепенно пришла к заключению, что помимо обычного, давно известного сознания существует еще иное, у которого в некоторых отношениях 1) гораздо шире район действия и 2) существуют свои собственные постижения».

«Западная наука знакомит нас еще с одной идеей, приводящей нас к тому же самому выводу. Это идея четвертого измерения. Много явлений, совершенно необъяснимых при установившемся представлении о трехмерности вселенной, делаются совершенно понятными при предположении, что мир четырехмерен».

«Наличность измерения, дополнительного к трем известным, — четвертого измерения, — устанавливает физическую связь между предметами, не связанными тремя известными измерениями. В этом четвертом измерении лежат рядом все предметы, расположенные на огромном расстоянии в остальных трех измерениях».

«Следовательно, если признать, что мир не трехмерен, а четырехмерен, тогда окажется, что различные люди, например, на самом деле физически — одно целое; что предметы, разделенные колоссальным расстоянием, на самом деле находятся рядом; что предмет может двигаться (в четвертом измерении), оставаясь совершенно неподвижным по отношению к первым трем измерениям: человек или предмет может перенестись в четвертом измерении, оставаясь в той же комнате, где он был. Если бы это четвертое из-

мерение стало ощущаться нашим сознанием, тогда, очевидно, у нас было бы такое средство для познания, которое теперешнему нашему трехмерному сознанию показалось бы прямо чудодейственным. Кажется, есть много явлений, доказывающих, что сознание, достигаемое посредством «джнани-йоги», и сознание, появляющееся в гипнотическом состоянии, суть сознания четвертого измерения».

«Космическое сознание относится к обыкновенному сознанию так, как объем относится к ограничивающим его поверхностям. Изменения состояния личного сознания являются лишь различными гранями поверхности другого сознания. События, далеко отстоящие одно от другого в жизни особи, быть может, единовременны по отношению ко вселенной».

«Сам объем — в таком виде, каким мы его знаем, — может практически уничтожиться в сознании высшего порядка, ибо по отношению к четырехмерному объему трехмерный объем является лишь поверхностью; настанет время, когда лондонец увидит, что задняя дверь его комнаты выходит в Бомбей».

«Гуру сказал однажды: «Истинное качество духа состоит в пространственности, в силу которой дух, находясь в покое, находится везде. Но эта пространственность (акаша), свойственная душе, гораздо выше

Уитмен: «Как быстро убил бы меня яркий, страшный свет солнца, если бы я не мог, теперь и всегда, посылать из самого себя лучи восходящего солнца».

обыкновенной, материальной пространственности. Все обычное пространство целиком, заключающее в себе все солнца, все звезды, представляется вам таким, как если бы оно было лишь точкой протяженности духа». Говоря это, Гуру потер пальцами, как бы растирая между ними пылинку».

«Замечательны идеи учения Гуру — “душа, находясь в покое, находится везде”, “безразличие” и “равенство”».

«Чувство равенства, свободы от правил и ограничений, чувство принадлежности ко вселенной и включения вселенной в личность: эти чувства, конечно, более свойственны космическому, чем обычному сознанию человека. Для обычного сознания они, пожалуй, и

малопонятны, и оскорбительны. Крайне легко доказать с точки зрения простого сознания, что люди не равны, что жизнь безразличная и при всех условиях находящаяся в покое — вздор. Тем не менее, с точки зрения высшего сознания, это не вздор, а основа, на которой покоится жизнь человеческого общества, основа, которая кормит и отвергающего его человека».

«Еще раз повторяю, что, пользуясь выражением «космическое сознание», я не разделяю того взгляда, что стоит человеку покинуть личное сознание — и он сразу получает безграничное, абсолютное, всеобщее знание. Я полагаю, что человек при этом получает лишь более высокую степень познавательной способности. Сфера, доступная этой новой познавательной способности, наверное, очень сложна, наше знание о ней микроскопически мало. И еще раз я напомню, что задачей западной мысли была область, подлежащая обыкновенному сознанию, тогда как восточная мысль добивалась космического сознания. На востоке много философских школ и сект, различающих разные тонкости качеств и сущностей божеств и дьяволов и т. п. Я не хочу останавливаться на этом, да и не могу, потому что сам их не знаю. Оставляя все это в стороне, я попытаюсь с нашей, западной точки зрения разъяснить, какими способами Восток добивается космического сознания».

Далее [62] Карпентер опять пытается объяснить сущность нового чувства.

«Мне часто задавали такие вопросы относительно «Towards Democracy», что я затруднялся ответить. Я попытаюсь высказать несколько идей об этой книге».

«Уже очень давно, когда я жил в Кембридже и мне было лет двадцать пять от роду, мне хотелось написать книгу, которая обращалась бы к самой личности читателя, книгу, устанавливающую самую тесную личную связь между мной и читателем. Много раз я пытался сделать это, но ни

Необходимо заметить, что Карпентер описывает явления, сопровождающие космическое сознание, строго параллельно, а зачастую даже совершенно в тех же выражениях, что встречаются в сутрах, у Бёме, Иепеса и др. авторов, трактующих этот вопрос. Особенно близки его описания к Бхагавад-Гите. Однако незаметно, чтобы Карпентер изучал этих авторов.

разу не чувствовал себя удовлетворенным. В конце концов я начал думать, что моя затея бессмысленна. При личном обращении нетрудно затронуть некоторые струны в душе каждого, потому что тогда видишь особенности человека, с которым говоришь. Но как написать книгу, которая приспособлялась бы в идиосинкразии любого читателя, книгу, у которой был бы ключ к душе каждого человека? Для этого надо было найти нечто абсолютно общее у всех людей и писать книгу с этой общей точки и обращаясь к этому общему. В ту эпоху такая задача казалась мне совершенно неразрешимой».

«Шли годы, тяжело было писать, я чувствовал крайнюю напряженность и страдал. Наконец, в начале 1881 года, в самочувствии произошла коренная перемена. Несомненно, это был наконец результат происходившей во мне бессознательной работы. Я увидел, что масса накопившегося материала сформировалась и начала настоятельно требовать выражения. Но какого выражения — этого я еще не знал».

«В то же время я стал интенсивно сознавать, что во мне открылась область, превосходящая обычные границы личности. Все свойства моего характера, недостатки, достоинства и прочее казались совершенно ничтожными по сравнению с этой областью. Я почувствовал абсолютную свободу от смерти, неопишемое спокойствие и радость».

«Я немедленно увидел или ощутил, что эта область равным образом существует и у других людей, хотя они не всегда так сильно сознают ее существование. Исчезли все различия темперамента, определяющие и разграничивающие человечество. Открылась область, где все соприкасаются, где все равны. Вот из-за этого два понятия — «свобода» и «равенство» — руководили в то время всеми моими мыслями».

«В апреле мне так непреодолимо захотелось выразить все это, что я бросил чтение лекций и уехал в деревню. Даже помимо желания я все равно должен был бы сделать это, так как здоровье мое было расшатано и мне нужен был чистый воздух и физический труд. В то время я уже жил в деревне около Шеффилда. Я принялся за работу. Я писал свою «Towards Democracy» где и когда придется: в

саду, в поле, в лесу, в любую погоду, и днем и ночью, все лето, осень и зиму, и за это время написал первую, большую часть поэмы».

«В конце 1881 г. поэма была готова; она была переделана и дополнена в начале 1882 г. Я чувствовал тогда, что, сколько бы ни было в этой поэме недосказанного, отрывочного и непоследовательного, все же она была хороша, если мне удалось хоть наполовину вложить в нее дивный блеск, озарявший меня тогда. Если бы это было так, то моя миссия была исполнена, мне не надо было писать еще что-либо».

«С меня скатилось бремя стольких лет, когда я написал и напечатал (в 1883 г.) эту книгу. С той поры я уже никогда не мучился от угнетенного состояния духа и ощущения беспокойства. Мне думается, что в начале жизни у каждого человека бывает такое же беспокойное, угнетенное состояние духа».

«В этой поэме я воплотил — со значительными изменениями и переделками — множество моих прежних случайных вещей, написанных исключительно, чтобы выразить накопившиеся чувства. Теперь я истолковал, переделал их при ясном, постоянном свете моего нового состояния духа и чувства, и ранее бывавшего у меня, но лишь случайно и неясно. В общем вся «Towards Democracy» была написана при таком состоянии духа; все было им проанализировано и приведено в гармонию: это состояние духа было солнцем, а образы, познавательные способности и мысли были материальными предметами, отражавшими его лучи. Быть может, это имеет какую-то связь с тем, что мне было необходимо писать «Towards Democracy» под открытым небом. Сидя в комнате, я не мог выразить то, более общее чувство. Когда я был в комнате, меня тянуло писать метрическими стихами, я не мог уловить того размера и стиля выражений, который требовался. Я очень люблю некоторые стихи и, думается мне, метрическая форма стихотворения очень подходит для некоторых видов произведений, но она не годилась для выражения моего чувства».

«Я никак не могу объяснить, почему мне нужно было писать под открытым небом. Я знаю только, что потребность эта была неодолима и несомненна. Я чувствую разницу в настроении, стоит мне только перейти порог дома, — но не могу объяснить этого. Всегда

особенно небо, казалось, дает мне вдохновение. Именно вид неба давал мне то, что я хотел. Иногда что-то вроде настоящей молнии спускалось с неба на мою бумагу — я только очевидец. У меня были странные сильные ощущения духа».

«Меня часто спрашивали, что это за состояние духа, какова природа этого озаряющего блеска? Могу лишь сказать, что я не в состоянии ответить на этот вопрос».

«Вся «Towards Democracy» является попыткой выразить это состояние духа. Отдельная фраза или прямое определение — бесполезны: пожалуй, они даже затемнили бы сущность дела, ограничивая ее. Какова природа этого настроения, этого озаряющего блеска? Я могу сказать лишь одно: вероятно, это возможное для человека видение с какой-то более общей точки зрения, свободной от неясности и ограниченности, тесно связанных с преходящими желаниями, страхом и всеми обычными чувствами и мыслями. В этом смысле — это новая, совершенно особая способность. «Видение» всегда подразумевает световое ощущение; так и при этом видении существует внутренний свет, который, разумеется, не имеет связи с телесными глазами человека. Свет этот дает лишь умственным очам человека впечатление, что он видит посредством чего-то, устранившего все внутренние поверхности предметов, вещей и лиц. Как бы это мне выразить? Это очень несовершенное выражение, потому что, находясь в этом состоянии, чувствуешь, что сам лично представляешь собой эти предметы, вещи и лица, что сам лично представляешь собою вселенную. В этом чувстве сливаются воедино зрение, осязание и слух. Это невозможно понять, если не представить себе, что эта способность целиком коренится в сверхнравственной и эмоциональной природе и находится за пределами области мысли головного мозга».

«Меня часто обвиняют в эгоизме. «Я» — это я сам, но я не могу определить природу и границы самого себя в себе самом и в других лицах. Мне часто думалось, какой прекрасный получился бы труд, если бы кто-нибудь всегда мог просто записывать, как можно точнее, все увеличения, расширения своего собственного «я», предоставив объяснение другим лицам — философам, ученым. Я уверен, что действительно существующее у одного человека существует и у другого или в сознании, или в скрытой форме. О себе могу ска-

зять, что в моих трудах я всегда был искренен. Когда я говорю: «я — природа», значит, по крайней мере в тот момент, когда говорю, я чувствую, что я действительно природа. Если я говорю: «я равен самым низшим», значит, я чувствовал так, и это было самое подходящее выражение моего ощущения. Значение таких заявлений может выясниться лишь со временем. Если они совпадут, подтвердятся одно другим, тогда их надо сопоставить, изучить, проанализировать и объяснить. Если не совпадут — значит, это заблуждение и самообман. Думается мне, что искреннее совпадет. Чем дальше думаю, тем больше прихожу к заключению, что слово «я» имеет безграничное число значений, что «я» занимает неизмеримо большую область, чем мы привыкли о нем думать. В некоторых пунктах мы в высшей степени индивидуальны, а в других у нас более чувства общности. Некоторые наши ощущения — вроде, например, ощущения щемотки — мгновенны, а другие — например, ощущение тождественности с другим лицом — долговременны. Иногда бывает почти слияние нашей личности с личностью другого человека. Что же все это значит? Действительно ли мы — особи, или индивидуальность есть лишь иллюзия, или индивидуальность есть лишь часть нашего «я» или души, а индивидуального целого «я», целой души не существует? Является ли «я» совершенно слитым с телом, или это только часть тела, или же тело является частью «я», тело — один из органов «я», а не весь человек? Или, быть может, истину невозможно выразить прямо, пользуясь любым из перечисленных определений? Как бы то ни было, что же представляет собою «я»?

Таковы вопросы, вечно стоящие перед человечеством, вечно требующие разрешения. Я не претендую на то, что я ответил на них. Наоборот, я уверен, ни одна из частей «Towards Democrasу» не была написана, чтобы ответить на них. «Towards Democrasу» лишь выражение чувства. Тем не менее возможно, что в ней найдется материал, полезный для разрешения этого вопроса. Я не сомневаюсь, что существует бессмертная область сознания, область, в которую мы можем перейти еще при жизни. Но даже приняв это за факт, все же факт-то надо еще объяснить. В этих заметках о «Towards Democrasу» я ничего не сказал о влиянии Уитмена, не сказал по тем же причинам, по которым ничего не сказал о влиянии солнца или ветра. Влияния эти лежат слишком глубоко, слишком

сложно они разветвляются, чтобы их можно было проследить. Мне попались выдержки Росетти из уитменовских «Leaves of Grass» за 1868 или 1869 годы — я лет десять читал и эти выдержки, и оригинальное сочинение. Мне никогда — кроме бетховенских сонат — не попадалось ничего, что бы я мог читать и перечитывать так, как я читал «Leaves of Grass». Я не знаю, какова была бы моя жизнь без этого. «Leaves of Grass» вошли в мою плоть и кровь, но я не думаю, чтобы я пытался подражать Уитмену или его стилю. Я тщетно боролся с неизбежными отступлениями от классической формы стиха, написал множество недоделанных, уродливых вещей, пока в 1881 году я наконец был принужден взять ту форму, в которую вылилась «Towards Democracy», — если только это можно назвать формой. Сходство между стилем, ритмом, мыслями, построением и т. д. книги Уитмена и моей зависит, думается мне, от сходства эмоциональной атмосферы и намерений обоих авторов, если бы даже сходство это и зависело от влияния Уитмена на меня. Во всяком случае, наши темпераменты, точки зрения, предшествовавшая жизнь и т. д. настолько не сходны, противоположны, что, думается мне, большого сходства, за исключением немногих мест, едва ли можно найти в наших книгах. Полнокровный, сочный, мощный, мужественный стиль Уитмена делает его всемирным образцом, вечным источником телесного и духовного здоровья и силы. Он огромен, как земля, он — гора. Он часто напоминает мне огромную каменоломню на склоне горы — потоки света и мрак, древний утес, силу и отвагу людей, работающих там, горы выломанных из каменоломни масс, он — дивные луга, усеянные цветами на недостижимых высях, он — что-то артистически непоследовательное и бесформенное. «Towards Democracy» мягче, слабее; это лунный, а не солнечный свет: при луне вы видите и звезды. Она нежна, задумчива, менее решительна и гораздо легче, она — ветерок, а не твердая, положительная земля.

Приведенные отрывки из Карпентера представляют собой отзыв простого сознания о космическом сознании. В «Towards Democracy» говорит само космическое чувство. Оно говорит то о себе, то о природе, человеке и т. д. — все со своей собственной точки зрения, как, например:

«Что смертные глаза не видели и ухо не слышало:
Все скорби кончились — глубокий океан веселья внутри
 раскрылся — горит его поверхность,
Раскрылись мириады форм и каждая и все,
 все, что существует, изменилось —
Исполнившись радости, еле касаясь земли и достигая,
Скрестившись, руки к звездам протянули
Вдоль гор и лесов обиталищ бесчисленных тварей с пением
 и радостью без конца —
Как солнце в туманное утро сквозь облако — так сзади
 солнца — солнце другое, изнутри тела — другое тело —
 а эти затмились.
Слушай! Теперь уже настало или придет еще время увидеть
 то, чего вы так долго желали.
О глаза, не диво, что к этому вы так стремитесь.
Тот день — освобожденья день — придет к вам,
 но не известно где, когда.
На кафедре пока читаете вы проповедь, смотри!
Внезапно узы и оковы — в колыбели, в гробу, свивальники
 и саваны слетят;
В тюрьму придет Один; и цепи, что крепче железа,
Наручники тверже, чем сталь, пропадут —
Вы будете свободны с той поры навеки.
В комнате больного среди страданий, слез, усталости таких же
 жалких, как и жизнь, послышится шум крыльев — и вы
 будете знать, что уж близок конец.
(О любимый, восстань, пойдти тихо со мной, — не торопись,
 не то само веселье тебя погубит.)
В поле у плуга и бороны; с лошадей рядом в конюшне;
В домах непотребства среди неприличья и лени, чиня твои,
 твоих подруг одежды;
В разгаре светской жизни, во время визитов, в праздности,
 когда ставишь безделушки в гостиной — даже там, кто
 знает?
Но это, наверно, придет в должный назначенный час [61:231].

Нет мира, кроме как где Я, сказал Господь, —
Хотя вы и здоровы — однако без меня здоровье — лишь
покров болезни;
Хоть есть у вас любовь — однако, если бы я не был между и
вокруг любовников, то их любовь была бы только мука,
беспокойство;
Хотя вы и богаты, имеете друзей и дом — но все это приходит
и уходит —
Нет ничего постоянного, верного, что бы не взяли от вас.
Я один остаюсь, я неизменен;
Как пространство — везде и все вещи идут и меняются в нем,
но пространство стоит не меняясь.
Так я — внутри души пространство, которой внешнее
пространство есть лишь подобие и образ разума.
Коль ты придешь во мне вселиться, во всю жизнь ты имеешь
вход — и смерть уж более не разлучит тебя от тех,
кого ты любишь.
Я то солнце, что сияет на всех тварей извне, — радостью
вечною те озарены, кто глядит на меня.
Не обманись. Этот внешний мир погибнет скоро.
Как змей бросает кожу после линьки, как человек свое
по смерти бросит тело, так ты уйдешь от мира внешнего,
Учись уже теперь распростирать свои крылья в том —
в вселенной равенства.
Дитя, учись плавать в океане меня и любви.
(Разве подобьями этого внешнего мира, его потерями,
смертями и страданиями я не учил тебя — все для чего?
Для радости! Для несказанного веселья!)» [61:343–344]

ИТОГИ

- а) Озарение произошло в типичном возрасте — на 37-м году,
- б) в типичное время года — весной;
- в) было ощущение внутреннего света, но не света «субъективного»;
- г) внезапное умственное озарение и
- д) обычный внезапный подъем нравственного чувства;
- е) с момента озарения его жизнь управлялась космическим сознанием;
- ж) после озарения он потерял сознание греха;
- з) он ясно видел свое бессмертие;
- и) лучшее доказательство, что у него было космическое сознание, это — описание сознания, составленное самим Карпентером.

Часть V

Прибавление

**несколько менее ярких,
несовершенных
и сомнительных случаев**

Глава 1

Рассвет

Если существует явление космического сознания и если оно явилось как результат постепенного развития зачатков этого сознания, то должны существовать случаи, промежуточные между самосознанием и космическим сознанием.

Если сравнить космическое сознание с солнцем, когда оно светит во всю силу, то предрассветные сумерки космического сознания бывают у людей, впоследствии иногда получающих полное космическое сознание, как это было у Данте и Бёме, но чаще дело дальше сумерек сознания не идет, да и они скоро исчезают. В менее ярких случаях после момента озарения блеск его долго сохраняется, лишь медленно рассеиваясь, ослабевая, как усиливающиеся сумерки после захода солнца где-нибудь на севере. В других случаях космическое сознание не доходит до апогея, но зато и не пропадает надолго, как летнее полярное солнце озаряя человека. Такое солнце — такое сознание не плодотворно. Случай этого рода описан в главе о Ричарде Джеффрисе.

В настоящее время бесчисленное множество людей живет в таких сумерках космического сознания.

Несомненно, много случаев так называемого «обращения» являются просто примерами по большей части внезапного подъема духа со среднего самосознательного уровня в область космического сознания той или иной силы. И если принять положение Карлейля, совершенно согласующееся с тем, что нам известно об эволюции нравственности, а именно что «обращение не было известно в древности, но появилось лишь в новое время», — то не указывает ли это на постепенный подъем духовной стороны человеческого разума?

Глава 2

Моисей

Ренан говорит [137:160], что «самые древние данные о Моисее появились 400–500 лет спустя после смерти этого лица». Но если принять на веру то, что говорится о Моисее в книге Исход, тогда в великом египетско-еврейском законодателе мы имеем случай космического сознания. Неопалимая купина — горящий, но несгорающий куст, который Моисей видел на горе Хорив, — тогда не более как субъективный свет: «и ангел Божий явился ему в пламени посреди куста, и он поглядел и увидел, что куст горит, но не сгорает». А относительно просветления, отразившегося на лице Моисея: «и когда Моисей сошел с горы Синай с двумя скрижалями заповедей, то Моисей не знал, что кожа лица его сияла или посылала свет вперед вследствие того, что Он говорил с ним [11:3:2]. И когда Аэрон и все дети Израиля видели Моисея, то кожа лица его сияла: и они боялись подойти к нему» [11:34:29–30]. Это сияние лица есть «преображение», характерное для космического сознания. Когда Моисей видел «огонь», по-видимому, он был уже женат и имел сыновей [11:4:20],

но все же он еще был молод, ибо после этого он жил и работал еще 40 лет. Кажется вероятным, что он был в характерном для озарения возрасте. Как это обыкновенно бывает, Моисей испугался, увидев огонь. «И Моисей скрыл лицо свое, потому что боялся глядеть на Бога» [11:3:6]. Он не верил, что пригоден для выполнения возложенной на него задачи: «кто я, чтобы идти к Фараону» [11:3:11] — совсем как Магомет, который тоже не доверял себе. «Голос», дающий более или менее ясно выраженные приказания, — явление тоже весьма обычное. Едва ли физическое ухо человека может слышать этот приказ. Космическое чувство дает человеку знание некоторых вещей, а впечатление человек получает такое, будто ему об этих вещах сказало какое-то, конечно, не человеческое существо: отсюда голос Бога — Моисею, Гавриила — Магомету, Беатриче — Данте. Кого человек услышит, это зависит от того, каковы умственные привычки, возраст и раса озаряемого.

Моисей услышал как раз то, что озаряемые слышат от космического чувства: единство, сила и благодать Божии, приказ работать в пользу своего народа. Кажется еще, что к Моисею пришла большая сила интеллекта и нравственный подъем после видения горящего куста — это ясно из составленных Моисеем заповедей, это ясно из добровольного подчинения народа воле вождя, у которого не было ни наследственных прав, как у правителя, ни авторитета, как у духовного лица.

Глава 3

Гедеон, прозванный Иероваалом

Тридцатое столетие до н. э.

«И ангел Господень пришел и сел под дубом, который был в Офрахе, принадлежавшем Иоашу Абиецритскому; и сын его Гедеон молотил овес в точиле виноградном, чтобы скрыть его от Мидианитян. И ангел Господень явился ему и сказал ему: «Господь с тобою,

мощный и достойный человек». И Геден сказал ему: «О, господин мой, если бы Господь был с нами, то отчего все это могло случиться с нами? И где все чудеса Его, про которые наши отцы сказали нам, говоря: не вывел ли Господь нас из Египта? Но ныне Господь отринул нас от Себя и предал нас в руки Мидианитян». И Господин поглядел на него и сказал: «Иди в этой силе твоей и спаси Израиля от руки Мидианитяна: не послал ли я тебя?» И он ответил ему: «О, Господин, чем я спасу Израиля? Слушай, моя семья — самая бедная в Манассее, а я — самый последний в доме отца моего». И Господин сказал ему: «Конечно, я буду с тобой, и ты сокрушишь Мидианитян, как одного человека». И он сказал ему: «Если теперь я нашел милость в глазах твоих, то дай мне знамение, что это ты говорил со мной. Не уходи отсюда, прошу тебя, до тех пор, пока я не приду к тебе и не принесу моей жертвы и не положу ее перед тобою». И он сказал: «Я буду ждать твоего возвращения». И Геден вошел в дом, приготовил козла и опресноки. Мясо положил в корзину, вылил в горшок подливку и принес все ему под дуб и отдал ему. И ангел Господень сказал ему: «Возьми мясо и опресноки и положи их на этот камень и облей подливкой». И он сделал это. Тогда ангел Господень концом жезла, который у него был в руке, дотронулся до мяса и опресноков, и из камня изошел огонь и пожрал мясо и опресноки. Ангел Господень скрылся из виду. Геден увидел, что это был ангел Господень, и сказал: «О, Господь Бог, для чего видел я ангела Божия лицом к лицу?» И Господь сказал ему: «Мир тебе, не бойся, ты не умрешь». Тогда Геден выстроил там алтарь Богу и назвал его Иегова-шалом: по сей день он стоит в Офрах Абиецритском» [12:6:11–24].

Если смотреть серьезно на комментарии Ренана, то происшествие с Геденом надо рассматривать как случай космического сознания. Ренан говорит: «Неизвестные нам обстоятельства привели Гедена к культу Иеговы. Это обращение было приписано видению. Возможно, что у Гедена, как и у Моисея, видение носило характер чувственного восприятия. По-видимому, перед ним появилось видение пламени, про которое предполагали, что в нем появляется Иегова» [137:320].

Нельзя сказать чего-либо определенного об этом случае. Возраст Гедена во время видения неизвестен. Субъективный свет (если он был), внезапный переход с низшего на более высокий уровень ре-

лигии (это, кажется, было), быстрый подъем уважения к нему со стороны его земляков, его долгая, полная работы жизнь, его сильно выраженное исповедание Бога, его отказ править иначе, как в качестве исполнителя воли Божией, — все это указывает на возможность его озарения.

Глава 4

Исайя

Было ли космическое чувство у «величайшего из еврейских пророков»? Так как Исайя жил и писал в течение тридцати девяти лет после своего видения — то, вероятно, ему было около тридцати лет во время видения, случившегося в год смерти Озия в 740 г. до н. э.

Описание видения заставляет думать именно об озарении, приходе космического сознания.

Исайя пишет:

«В год смерти царя Озия я видел Господа, сидящего на троне, высоком и приподнятом, и свита Его наполняла храм. Над Ним стояли серафимы: у каждого из них было по шести крыльев: двумя он закрывал свое лицо, двумя он закрывал свои ноги и на двух он летал. И один восклицал другому и говорил: свят, свят, свят Господин духов; вся земля наполнена Его славою. И основание порога задвигалось от голоса того, который кричал, и дом наполнился дымом. Тогда я сказал: Горе мне! Ибо я умру, потому что я — человек с нечистыми устами, и

Главные пункты:

1. Он видел Бога.
2. Он видел, что Бог есть Вселенная.
3. Выражение — «дом наполнился дымом», если наше предположение правильно, надо читать — «светом» или «пламенем», и если еврейское слово «Ашан» можно сблизить с санскритским «Арман».
4. Он утратил чувство греховности.

мои глаза увидели Царя, Господина духов. — Тогда один из серафимов подлетел ко мне, неся горящий уголь в руке, который он взял щипцами с алтаря, и он дотронулся до моего рта и сказал: смотри, этим я прикоснулся к твоим устам и неправда твоя отнята от тебя и твой грех очищен. — И я услышал голос Господа, говорящего: кого пошлю я и кто пойдет для нас? — Тогда я сказал: я здесь, пошли меня» [Исайя 6:1–8].

Глава 5

Лао-цзы

Лао-цзы (старый философ) родился приблизительно в 604 г. до н. э. в Хонане, в Китае. Большую часть своей жизни он был попечителем Королевской библиотеки. Кун фу-цзы (Конфуций) посетил Ли в 517 г., когда Ли шел восемьдесят восьмой год. Во время разговора Ли сказал Куну: «Люди, о которых вы говорите, мертвы. Их кости рассыпались в прах. Остались только их слова. Более того, когда высший человек имеет удобный случай, он поднимается вверх. Но когда время против него, то он находится во власти обстоятельств. Я слышал, что хороший купец, у которого хранятся в безопасном месте богатые сокровища, делает вид, что он беден. Я слышал, что высший человек, хотя его добродетель и несовершенна, все же по внешнему виду — глуп. Отгоните от себя свой гордый вид и множество желаний, свою привычку клеветать и свою недуманную волю. Они бесполезны для вас. Это все, что я имею вам сказать».

После этого разговора Кун говорил своим ученикам: «Я знаю, что птицы могут летать, рыбы — плавать, а животные — бегать. Но бегающий может попасть в западню, плавающий — попасть на крючок, а летающий может быть убит стрелой. Но существует дракон: я не могу вам сказать, как он поднимается на ветру через облака к небу. Сегодня я видел Лао-цзы и могу сравнить его только с драконом» [166:34].

Кажется, после этой встречи Лао-цзы написал книгу о Дао и его атрибутах из пяти тысяч иероглифов. Написав книгу, он ушел на северо-запад. Неизвестно, где и когда он умер.

Что такое Дао? Тот, у кого есть Дао, — всегда молод. К старику, знаменитому даосу, обратились так: «Господин, вы стары, но отчего у вас цвет лица как у ребенка?» Даос ответил: «Я знаком с Дао» [166:24]. Когда Дао-дэ-цзин был впервые переведен на один из европейских языков, ему придали значение «разум» или «высшая причина». Абель Ремюза говорит, что иероглиф Дао таков: «Кажется, я не могу перевести это слово иначе, как Логос в тройственном смысле — высшего существа, разума и слова». Заместитель Ремюза по парижской кафедре китайского языка, Станислав Жюльен, переводчик Дао-дэ-цзин, решил, что под Дао нельзя понимать предвечный разум или высший разум. С. Жюльен говорит, что Дао лишено деятельности, мысли, рассудка и способности понимания. Жюльен, кажется, делает слово Дао синонимичным с нирваной (не говоря об этом). Под конец он переводит его «путь» в смысле «я — путь, истина и жизнь», вследствие чего Дао делается синонимичным с «Христом», «нирваной» и космическим сознанием.

Лао-цзы говорит о некоторых результатах воспитания в себе Дао, и если правильно понять язык Лао-цзы, то окажется, что сказанное им применимо к космическому сознанию. Он говорит: «Кто живет правильно, тот путешествует по земле, не избегая носорога или тигра, и входит в гостиницу, не боясь панциря или острого оружия. Носорог не найдет в нем места, которое можно было бы поразить рогом; тигр не найдет места, куда он мог бы вцепиться когтями; оружие не найдет места, куда ему войти. А почему? Потому что в нем нет места для смерти». Далее: «Тот, у кого много атрибутов (Дао), подобен ребенку. Ядовитые насекомые не укусят его; дикие звери не схватят его; хищные птицы не станут клевать его» [166:25].

Укажу на иллюстрирующий это положение Дао случай, которому я был очевидцем. Мне приходилось видеть, как Уитмен целые вечера просиживал на веранде. Воздух был буквально переполнен комарами, они облепляли Уитмена, но он их и не замечал даже, — казалось, комары его не кусали, не беспокоили. Мы, остальные, были доведены комарами до бешенства. Известно, что Уитмен долгое время жил среди нью-йоркских подонков общества, но его не только не трогали, но даже никогда не говорили с ним грубо. Конечно, жизнь обладателя Дао (т. е. космического сознания) неразрушима ни тиграми, ни оружием — это очевидная, простая истина.

О Дао говорят, что его «высшее превосходство подобно воде. Превосходство воды проявляется в том, что она, не борясь с противодействующими силами, занимает низменные места, не нравящиеся людям. Таким образом, она подобна Дао. В мире нет ничего мягче и слабее воды, а между тем среди разрушающих стихий вода стоит на первом месте, она и тверда, и сильна. Все знают, что твердое разрушается от мягкого, а сильное от слабого, однако еще не было никого, кто мог бы осуществить это на практике» [166:30–31].

Также Уитмен говорит о космическом чувстве: «я самое обыденное, дешевое, низменное и легкое», «нет ничего мягче его, но оно представляет собой втулку колеса вселенной».

Далее сказано: «Путь Дао — это действовать, не думая о действии, вести дела — без хлопот о них, пробовать и не различать вкуса, смотреть на малое как на великое и на малочисленное как на многочисленное и воздавать добром за обиды» [166:31].

Даем выдержки из книги Дао-дэ-цзин и параллельно им приводим отрывки из сочинений других лиц, обладавших космическим сознанием.

«Обыкновенные люди кажутся умными и просвещенными, один лишь я кажусь находящимся во мраке невежества. Они кажутся исполненными рассудительности, один лишь я кажусь тупым и сбитым с толку. Меня бросает как по морю, и мне негде отдохнуть. У каждого человека есть поле деятельности, лишь один я и тут исключение. Я один отличен от всех людей, но ценю кормилицу». (Дао) [166:63].

Частичное становится целым; горбатый — прямым; пустое — полным; изношенное — новым; тот, у кого мало желаний, получает их; у кого их много — сбивается с пути [166:65].

Дао, если его рассматривать как неизменяемое, не имеет имени. Хотя оно может мало в своей первозданной простоте, однако весь мир не осмеливается властвовать над ним. Если бы феодальный князь или король был в состоянии сторожить или держать его, то все подчинилось бы им добровольно. Под руководством Дао небо и земля соединяются и ниспускают сладкую росу; она, не направляемая людьми, равномерно протекает всюду как бы по своей собственной воле [166:74].

К тому, у кого в руках Великий Образ (невидимого Дао), весь мир приходит для исправления. Люди прибегают к нему и получают не вред, а покой, умиротворение и ощущение легкости. Музыка и

«Посмотрите на это темное лицо, серые глаза, всклокоченную бороду, загорелые руки и мое молчание, лишенное очарования» [193:105].

«У лисиц есть норы, у птиц небесных есть гнезда, но сыну человеческому негде преклонить голову» [14:8:20].

«Преступник уходит из тюрьмы; сумасшедший выздоравливает... больное горло выздоравливает, легкие чахоточного заживают, несчастный нищий делается свободным» [193:332].

«Оно подобно горчичному семени, оно меньше всех семян, но когда оно посажено в землю, то оно растет и становится больше трав и становится деревом, так что птицы небесные могут помещаться под его сенью» [15:4:31].

угощение могут остановить прохожего и сделать его гостем. Но хотя Дао, в том виде, как он исходит из уст, кажется пошлым и безвкусным, однако следует обратить на него внимание и слушать его, ибо польза его неисчерпаема [166:77].

Не выходя из комнаты, всякий знает, что делается под небом; не глядя из окна, всякий видит Дао под небесами. Чем дальше человек отходит от себя, тем меньше он знает [166:89].

Тот, кто приобретает в свою собственность все, что находится под небом, приобретает без хлопот. Если он станет хлопотать, то он не в состоянии приобрести в свою собственность все, что находится под небом [166:90].

У кого в самом себе много атрибутов (Дао), тот подобен младенцу: ядовитые насекомые не укусят его, хищные птицы не растерзают его [166:99].

«Нормальный человек не получит даров духа Божия, и они презренны в глазах его» [20:2:14]. «Учения космического смысла поначалу всегда безвкусны и глупы, но их польза неисчерпаема».

«Я пользуюсь тобой только на минуту, а затем я отказываюсь от тебя, мой конь. Для чего мне твоя рысь, когда я сам иду быстрее галопом? Даже стоя или сидя, все же я иду быстрее тебя». «То, что самое обыденное, дешевое, незначительное и легкое, то — Я». «Будете ли вы искать в дали? Конечно, наконец вы вернетесь».

«Не смотрите на владение, кроме того, которое вы можете получить без труда, не покупая; пируйте, но не берите ни одной частицы пиришества».

«Берите лучшее, что есть на ферме у фермера, в роскошной вилле богача, берите целомудренные благословения хорошей четы супругов, берите плоды и цветы садов. Собирайте ум и любовь людей» [193:127].

«Если вы не уподобитесь детям, то не войдете в Царствие Божие» [15:10:15].

Тот, кто знает Дао, тот не любит говорить об этом. Тот, кто готов говорить о нем, не знает его. Кто знает его, тот закроет себе и рот, и ноздри. Он притупит свою остроту и распутает запутанное; он умерит яркость своего ума и низведет себя до невежества других. Это называется «Таинственное согласование». О таком человеке нельзя говорить как о близком или далеком; он вне всех рамок — с точки зрения пользы или вреда, благородства или неблагородства; он самый благородный человек в мире [166:100].

Его путь — действовать, не думая о действии, вести дела — без хлопот о них, пробовать и не различать вкуса, смотреть на малое как на великое, на малочисленное как на многочисленное и воздавать добром за обиды [166:106].

Реки и моря получают почет и дань от всех потоков, текущих по долинам, — это зависит от их умения быть ниже потоков: вот почему моря и реки — цари над всеми потоками. Из-за этого бывает, что мудрец (правитель), желающий быть выше людей, на словах унижает себя, а желающий быть впереди их — ставит себя позади их [166:109].

Весь мир говорит, что хотя мой Дао велик, однако он кажется ниже. Его величие заставляет его казаться меньше. Если бы Дао был таков же, что и прочие системы учения, то уже давно было бы известно его ничтожество.

У меня есть три драгоценности, которые я ценю и храню. Первая — это приятность; вторая — это бережливость, а третья — отвращение к тому, чтобы быть первым перед другими.

Замечательно, что люди, обладающие космическим сознанием, никогда не говорят о нем. Много лет назад, когда я был близко знаком с Уитменом, я тщетно старался выпытать у него что-нибудь о космическом сознании. Такие люди пишут о космическом сознании в третьем лице, но никогда не говорят о нем: космическое сознание для них слишком священо, чтобы разглашать о нем.

«И я говорю вам, любите врагов ваших и молитесь за преследующих вас» [14:5:44].

«Кто возвысится между вами, будет ваш правитель, а кто хочет быть первым между вами, тот пусть будет вам слуга» [14:20:26].

С такой приятностью я могу быть смел; с бережливостью я могу быть щедр; с отвращением к первенству перед другими я могу сделаться сосудом высших почестей. Ныне отбрасывают приятность и стараются быть лишь смелыми; отбрасывают бережливость, чтобы быть щедрыми; отказываются от последнего места и ищут лишь первого места; а конец всего этого — смерть [166:110].

Искреннее слово — не утонченно; утонченное слово — не искреннее; тот, кто умудрен в Дао, тот не спорит; спорщики не умудрены в нем. Знающие Дао не имеют широкого образования. Широко образованные не знают его [166:123].

«Логика никогда не уживается с проповедями». «Время я не могу обольстить болтовней. Тихо и спокойно сижу я при дружеской беседе образованных людей, ибо у меня нет привычки изучать» [193:249].

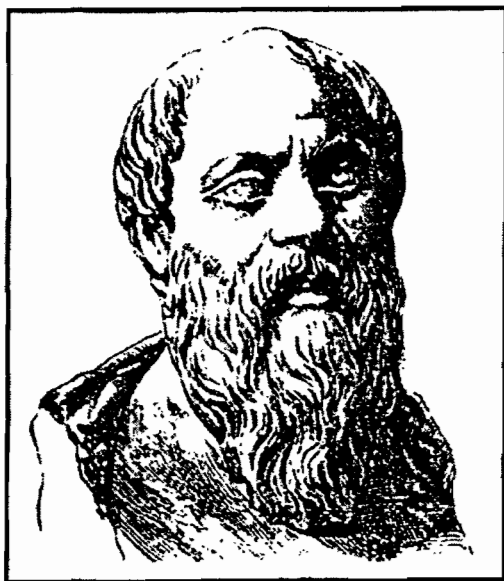
«Если кто-либо из вас думает, что он мудр в этом мире, сделайте его безумным, чтобы он мог сделаться мудр» [20:3:18].

Глава 6

Сократ

По своим нравственным качествам и умственным дарованиям Сократ, конечно, должен быть причислен к самым выдающимся людям на всем протяжении истории. Но, очевидно, было бы нелепостью утверждать, что потому у него было космическое сознание, что высокие нравственные качества и умственное просвещение являются характерными свойствами людей, обладающих космическим сознанием. Ксенофонт рассказывает про Сократа, что «указания были получены им от Бога» [201:350]. Он говорит, что «Сократ пользовался всеобщим уважением за свой веселый характер и скромность жизни» [201:505]. Далее он приводит слова Сократа: «Я не допускаю мысли, что кто-либо жил лучше или с большим удовольствием, чем я» [201:506]. Эти указания, хотя их и нельзя принять за абсолютно точное доказательство того, что у Сократа было космическое сознание, все же придают этому предположению

большую степень вероятности. Хорошо известно, что Сократ был необычайно здоров и силен от природы, и хотя во время смерти ему и было за семьдесят лет, однако и дух, и тело его были так же сильны, как всегда. По-видимому, тоже ясно, что Сократ был совершенно убежден в бессмертии души, хотя, возможно, убеждение не перешло у него в чувство, в ощущение бессмертия. Ощущение бессмертия есть принадлежность лишь космического сознания. Не следует упускать из вида еще оптимизм Сократа и большую привлекательность его личности. Эти качества свойственны космическому сознанию.

С ранних лет с Сократом бывали явления «знамения», «голоса» «Бога» и «гения», или «демона».

Лелю [88:313] рассказывает один случай с Сократом, приписывая это помешательству. Это было с Сократом на сороковом году жизни, во время осады Потидеи в 429 г. до н. э. Приводим этот рассказ из «Пира»: «Как-то утром Сократ задумался о чем-то, чего не мог разрешить. Он непрерывно продолжал думать с рассвета до полудня. Он стоял, всецело погруженный в свою мысль. В полдень на него обратили внимание. По городу пронесся слух, что Сократ стоит и о чем-то думает с восхода солнца. Наконец, уже вечером, какие-то ионийцы принесли свои постели (я должен указать, что это было летом), чтобы спать и следить, будет ли Сократ стоять всю ночь. Он стоял всю ночь и лишь на рассвете он помолился солнцу и пошел своей дорогой».

Если с Сократом был действительно такой случай, то мы предпочтем объяснить его не сумасшествием Сократа, как его толкует Лелю, а так, как объясняет Элан: «Возможно, что тот, кто оглянулся на старую, изношенную, нескладную систему философии; кто из глубины своей собственной мысли достал высшие истины бессмертия души и неотвратимость награды или наказания в будущей жизни; кто из хаотического многобожия дошел до веры в единого Бога Творца и Вседержителя, — возможно, что такой человек был так восхищен, так уничтожен, когда перед ним открылись величие и глубина этих идей, что он перестал ощущать все окружающее даже на такое долгое время, как здесь указано» [88:314].

Напомним — Бальзак говорит, что у Луи Ламбера [5:127] озарение сопровождалось состоянием, похожим на каталепсию.

Если сопоставить все факты — возраст Сократа во время этой каталепсии, физические, умственные и нравственные его качества, то, быть может, мы не ошибемся, причислив Сократа к числу людей, обладавших космическим сознанием.

Глава 7

Роджер Бэкон 1214–1294 (?)

Было ли у Р. Бэкона космическое сознание? У нас нет каких-либо сведений об озарении или субъективном свете в случае Бэкона. Бэкон часто ссылается на какого-то наставника Петра, помогавшего ему писать философские труды. Не является ли этот Петр тем же, чем Беатриче для Данте, Серафита для Бальзака и Гавриил для Магомета?

Чарльз [58] описывает отношения, существовавшие между Бэконом и Петром. Пусть каждый сам разберется, кто был Петр.

Чарльз, сказав о подъеме умственной жизни того времени, говорит: «Под чьим знаменем будет сражаться Оксфордский студент среди всего этого? Кого выберет он себе в руководители из множества знаменитых докторов? Он рассматривает этот блестящий центр наук, которым так гордились его современники, и чувствует не восторг, а презрение. Он слышит самых красноречивых людей, но не Александра Гальского или Альберта он избирает себе руководителем, а какое-то неизвестное лицо, о котором история ничего не знает. Видимое возрождение кажется ему настоящим упадком. Эти доминиканцы и францисканцы в его глазах — невежды перед Робертом Линкольном и его друзьями, а современники кажутся ему варварами по сравнению с греками и арабами. Он думает, что опыт стоит гораздо больше, чем все сочинения Аристотеля, а грамматика и математика гораздо полезнее, чем все школы метафизики. Вследствие этого Бэкон всецело отдался этим находившимся в пренебре-

жении наукам. Он изучил арабский, греческий, еврейский и халдейский — четыре языка — в тот век, когда Альберт знал лишь один из них; св. Фома был рад, что имел возможность воспользоваться плохим переводом с одного из них, сделанным Уильямом де Морбеке. Он жадно читает древних авторов, трактаты по математике, алхимии и оптике. Бэкон преобразует собственное образование прежде, чем приняться за реформу образования своего века. Для этого он входит в близкое общение с математиками и малоизвестными учеными раньше, чем с самыми выдающимися философами его времени. Александр Гальский не вызывает в Бэконе ничего, кроме презрения. Альберт, по его мнению, самомнящий невежда, а влияние Альберта губительно для той эпохи, когда оно существовало. Один лишь Уильям Овернский заслуживает уважения. Друзья, которых он ценил: Уильям Шервуд, по его мнению, гораздо образованнее Альберта; математик и арифметик Компан де Наварр; воспитатель Аманзи де Монфора Николай, Джон Лондонский — Джефф говорит, что это был Джон Пекам, но выше всех этих ученых Бэкон ставит совершенно неизвестного человека. Бэкон говорит о нем, что это был самый образованный человек его времени: его он уважает как своего наставника, как воплощение истинной науки. Бэкон называет его «наставник Петр».

Если судить по тому, как Бэкон описывает этого человека, это была замечательная личность. Петр любит уединение. Он настолько же старается избежать известности, насколько другие ищут ее. Он всячески старается замаскировать, скрыть свое знание от людей, он отказывается сообщить им истину, которую они недостойны воспринять. Петр не принадлежит ни к одному из вероисповеданий. Он не учит и не желает иметь ни студентов, ни почитателей. Он избегает навязчивых невежд. Он горд: с его колоссальным презрением к толпе смешана безграничная самоуверенность. Он живет одиноко, совершенно удовлетворенный своим умственным богатством, которое он может умножить, если только пожелает этого. Если бы он состоял при каком-нибудь государе, то не хватило бы средств государственного казначейства, чтобы оплатить стоимость замечательных знаний Петра. Петр презирает толпу помешанных, подмалеванных тонкостями юрисдикции шарлатанов, позорящих философию своими софизмами, делающих посмешище из медицины и фальсифицирующих даже самую теологию. Даже те из них, у кого более

ясный взгляд на вещи, все же слепы, а если бы они сделали тщетное усилие взглянуть на истину, ее блеск ослепил бы их глаза. Они явно как летучие мыши в сумерках: они лучше видят там, где меньше света. Один лишь Петр может смотреть прямо на блестящее солнце. Удалившись в убежище, где безопасно и тихо, Петр предоставляет другим вести длинные разговоры и словесную войну, а сам занимается химией, естествознанием, математикой, медициной и сверх всего — опытами. Один лишь он представляет себе важность опытов. Его ученик обращается к нему, называя его «руководителем опытов», это название заменяет пышные, громкие титулы других докторов.

Опыты открывают ему тайны природы, врачебное искусство, небесные явления и их отношение к явлениям, происходящим на земле. Он ничего не презирает и не колеблется прилагать науку к земной действительности. Он покраснел бы, если бы ему пришлось встретить мирянина, старуху, солдата или крестьянина, которые больше его понимают в их собственных делах.

Отливать и ковать металлы, уметь обращаться с серебром, золотом и всеми минералами*, изобретать смертоносные орудия войны, новое оружие, возвести земледелие в науку, не пренебрегать землемерием и строительным искусством, упорно развивать основу истины, скрытой даже в чарах колдуна, в плутовстве и проделках фокусников, — такова работа, которой Петр посвятил свою жизнь. Он исследовал все, изучил все, всюду отделил истину от лжи и открыл практическую дорогу через глухую бесплодную пустыню. Нужно ли стараться ускорить прогресс наук? Он — единственный человек, способный выполнить эту задачу. Если бы он решил обнародовать свои тайны, то короли увенчали бы его почестями и дарами. В походе против неверных он был бы полезнее Людовику святому, всей Армии**.

От этого великого неизвестного, нераскрытого гения, имя которого неведомо истории наук, Бэкон научился языкам, астрономии, математике, экспериментальной науке — Бэкон обязан ему всеми своими знаниями. По сравнению с этим наставником Петром, все студенты, профессора, писатели, мыслители и преподаватели

* «В работе машин, в торговле, земледелии я вижу развитие и непреходящий смысл».

** Вышеприведенная характеристика наставника Петра собрана Чарльзом из бэконовских «Opus Tertium», «Opus Minus», «De Septem Peccatis» и других трудов.

университетов были тупы, умственно неуклюжи, глупы (сравните ап. Павла, Бэкона, Бёме, Магомета: все свидетельствуют, что при появлении космического сознания мудрость самосознания превращается в прах). Глубокое уважение Бэкона по отношению к неизвестному наставнику должно было вывести его из неизвестности, но, кажется, этого Петра невозможно отождествить ни с одним из бесчисленных ученых того же имени, которых мы находим в бывших тогда списках [58:14 и далее].

Глава 8

Блез Паскаль 1623–1672

Паскаль родился 19 июня 1623 года. Он развился необычайно рано — в этом отношении его можно сравнить с Бэконом. Говорят, что хотя родители хотели задержать такое преждевременное развитие ребенка, однако «десяти лет он предложил теорию учения о звуке более современную, чем существовавшая в его время. Двенадцати лет он составил геометрию на основании собственных размышлений. Пятнадцати лет он написал трактат о сечениях конуса — Декарт отказался поверить, что трактат этот мог быть написан таким молодым человеком» [88:329].

У Паскаля здоровье было слабое. Вероятно, он был совершенно нравственный человек, любивший однако веселье и общественные удовольствия его времени и страны.

На протяжении всей своей жизни он показал необычайную честность и пылкость ума, которыми всегда наделены лица, достигающие космического сознания.

В ноябре 1654 года, когда Паскалю был тридцать один год и шесть месяцев, случилось нечто, коренным образом изменившее его жизнь. С этого времени он удалился от мира, сделался очень религиозен и благотворителен. Впрочем, начиная с этого времени суще-

ствуется мало данных о Паскале, так как он начал вести непривычно замкнутый образ жизни.

Как ни был ясен ум Паскаля до ноября 1654 года, однако после этого он стал еще блистательнее. Через год он начал свои «Провинциальные письма», а затем «Мысли». Оба эти труда («Мысли» являются лишь заметками для книги, но не книгой) указывают на чрезвычайные умственные способности Паскаля. Можно смело сказать, что до ноября 1654 г. он не был бы в состоянии написать ни «Провинциальных писем», ни «Мыслей».

Через несколько дней после смерти Паскаля слуга случайно нащупал в его фуфайке что-то твердое, толстое. Он распорол ее по шву и нашел в ней сложенный пергамент, а в нем — бумагу. Они были написаны рукой Паскаля — мы приводим здесь эту запись. Слуга передал сестре Паскаля, г-же Перье, свою находку, а та показала ее своим знакомым. Они увидели, что запись была сделана в двух экземплярах, что Паскаль, видно, крайне бережно и старательно хранил ее. Он перекладывал ее из одежды в одежду. Очевидно, эти документы в его глазах имели большой смысл. Через некоторое

время после смерти г-жи Перье — она умерла через двадцать пять лет после брата — ее дети передали документы монаху, близкому другу их семьи. Он скопировал документы и написал к ним несколько страниц пояснений, Маргарита Перье прибавила к ним еще несколько страниц. Теперь потеряны и пергамент, и комментарии к нему. Но бумага, написанная Паскалем, до сих пор хранится в Парижской национальной библиотеке. Кондорсе назвал этот документ «таинственным амулетом Паскаля» [112а:156].

Вот его перевод: «В лето благодати Божией 1654 ноября 23 в день св. Климента, папы и мученика. Приблизительно с половины одиннадцатого вечера до половины первого по полуночи ОГОНЬ. Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, не философов и не мудрых. Уверенность, радость, уверенность, чувство, радость, мир. Бог Иисус Христос, мой Бог и твой Бог. Твой Бог будет моим Богом. Позабыт мир и все, исключая Бога. Его можно обрести только путями, указанными в Евангелии. Возвышенность человеческой души. Отец первый, мир не знает тебя, но я познал тебя. Радость, радость, радость и слезы радости. Я отделился. Они оставили мне источник живой воды. Бог мой, не покидай меня. Не оставь меня навеки разлученным с тобой. Эта жизнь вечная, пусть они познают тебя, единого истинного Бога и посланного тобою. ИИСУС ХРИСТОС — ИИСУС ХРИСТОС. Я отделил себя от Него. Я убежал, отрекся, распял Его. Не оставь меня навеки разлученным с Ним. Спаситься можно только через учение Евангельское. ПОЛНОЕ СЛАДОСТНОЕ ПРИМИРЕНИЕ. Полное подчинение Иисусу Христу и моему УПРАВИТЕЛЮ. Постоянная радость во время всей моей земной жизни. Я не забуду, чему ты учил меня. Аминь».

Лелит дает точную копию амулета, его слова и их расположение.

L'an de grace 1654
Lundy 23e novbre jour de St Clement
Pape et m. et autres au martirologe Romain
veille de St. Crisogone m. et autres, etc...
Depuis environ dix heures et demi du soir
jusques environ minuit et demi

FEU

Dieu d'Abraham. Dieu d'Isaac. Dieu de Jacob
non des philosophes et des savans

Certitude joye certitude, sentiment, veue joye paix.

Dieu de Jesus Christ

Deum meum et Deum vestrum

Jeh. 20. 17.

Ton Dieu sera mon Dieu. Ruth.

Oubly du monde et de tout hormis Dieu

Il ne se trouve que par les voyes enseignees
dans l'Evangile. Grandeur de l'ame humaine.

Pere juste, le monde ne t'a point
connu. mais je t'ai connu. Jeh. 17

Joye, joye, joye, et pleurs de joye_____

Je m'en suis separe_____

Dereliquerunt me fontem aqua viva_____

mon Dieu me quitterez vous_____

que je n'en sois pas separe eternellement.

Cette est la vie eternelle qu'ils te connaissent Seul vray Dieu et celuy que
tu as envoye

Jesus christ_____

Jesus christ_____

Je m'en suis separe je l'ay fuy renonce. crucife.
que je n'en sois jamais separe_____

Il ne se conserve que par les voyes ensignees
dans l'Evangile

Renonciation totale et douce_____

Soumission totale a Jesus christ et a mon Directeur.
eternellement en joye pour un jour d'exercice sur la terre
non obliviscar sermones tuos. Amen.

Едва ли у кого-либо из тех, кто прочел нашу книгу до этого места,
будет хоть малейшее сомнение относительно смысла слов этого
амулета.

Очевидно, субъективный свет был ярко выражен в этом случае.
Немедленно за ним последовало ощущение освобождения, спасе-
ния, радости, довольства и глубокой благодарности, чувство вели-
чия человеческой души, восторг чувства Бога. Оглядываясь назад,
Паскаль видит, как бесплодна была его жизнь и ее задачи до сих пор.
Затем он чувствует, что это — примирение с космосом и что его
дальнейшая жизнь должна быть постоянной радостью.

Слова амулета, забота и тайна, с которыми он хранился, его дата по отношению к возрасту Паскаля, изумительная сила интеллекта Паскаля и его характер до этой даты (насколько он нам известен), затем перелом в жизни Паскаля, единовременный с датой амулета, нравственная высота и умственное просветление, начиная с момента перелома, сверх того субъективный свет, который, кажется, был ярче и дольше обычного, хотя в случае Хуана Иепеса, говорят, он длился целую ночь... [112:108] Если сопоставить все это, то становится ясно, что у Паскаля было космическое сознание. Действительно, о Паскале говорили, что он помешан, — но ведь то же самое говорили едва ли не о всех озаренных. Слова амулета доказывают, что они были написаны немедленно после озарения, — по-видимому, в ту же ночь, перед тем, как идти спать. Естественно, что текст до некоторой степени непоследователен. В словах сквозит радость, торжество, просветление, а не болезнь. Человек, написавший их, только что ощутил Славу Браммы и видел брамическое сияние. Это — все.

Глава 9

Бенедикт Спиноза 1632–1677

Родился 24 ноября 1632 года в Амстердаме. Он был сыном португальского еврея и принадлежал к иудейскому вероисповеданию до двадцати четырех лет, когда он был «торжественно отсечен от царства Израильского» [87b:400].

Спиноза был превосходный латинист, восторженный последователь Декарта, хотя через пять лет сосредоточенной умственной работы после своего отлучения он перестал быть последователем Декарта.

Нам нечего говорить о величии Спинозы, оно должна быть известно всякому образованному человеку.

Мало кому из современников удавалось создать такую школу, как Спинозе. Гёте, Кольридж, Новалис, Гегель, Лессинг, Гердер, Шеллинг, Шлейермахер и много других выдающихся людей были последователями Спинозы. Таким образом, правильно утверждение, что «можно допустить, что Спиноза был основателем современной философии» [133:372].

То, что у Спинозы было космическое сознание, нельзя доказать таким путем, как это сделано в случае Х. Иепеса и других: у нас нет подробностей, касающихся озарения Спинозы. Мы можем лишь привести некоторые факты и предоставить читателю судить самому.

Сначала рассмотрим его философию, а затем его жизнь. И та, и другая почти неизбежно приводят нас к одинаковому выводу. Спиноза «не мог допустить, чтобы грех и зло представляли собою какую-нибудь положительную реальность, еще менее он мог допустить, что что-либо может случиться против воли Божией. Нет, это только неточное, человеческое выражение, что человек может погрешить против Бога или оскорбить Его» [133:47]. Далее: «Вселенная управляется божественными законами; эти законы, в противоположение законам человеческим, неизменны, ненарушимы и самодовлеющи, а не орудие для достижения какой-нибудь данной цели. Любовь Бога — единственное истинное благо человека. Мы можем освободиться от всех страстей, исключая любовь, ибо вследствие слабости нашей природы мы не в состоянии существовать без наслаждения чем-либо, что могло бы укрепить нас нашим союзом с ним. Только познание Бога даст нам возможность подчинить губительные страсти. Это знание, будучи источником всякого знания, является наиболее совершенным из всех. Ввиду того, что всякое знание исходит из знания о Боге, мы можем лучше знать Бога, чем самих себя. Это знание со временем приводит к любви Бога, то есть к союзу души с ним. *Союз души с Богом есть ее второе рождение, и в нем заключается бессмертие и свобода человека*» [133:86]. Если последнюю фразу понять буквально, то вопрос разрешен, ибо союз души с Богом — это озарение, второе рождение, а в нем — бессмертие и свобода. Далее Спиноза говорит: «Любовь к вечному и бесконечному питает разум чистой радостью. Она совершенно свободна от печали. Этого следует горячо желать и упорно думать об этом» [133:116]. Это брамическое блаженство, радость, которую неустанно восхваляют Уитмен, Карпентер, Иепес и другие. Далее Спиноза говорит, что главное

благо должно быть известного характера, «какого именно — мы укажем это в надлежащем месте, а именно что благо это состоит в знании союза, существующего между умом и всей природой» [113:180]. Но такое знание возможно лишь при озарении, и им обладают все, кто приобрел космическое сознание [193:25]. Итак, Спиноза, вместо того, чтобы, как все, искать искусственное объяснение соответствия этих двух, по-видимому, настолько различных предметов, как тело и дух, смело говорит, что «они суть одна и та же вещь и различаются лишь по виду». Уитмен и все прочие, каждый по-своему, говорят то же самое: «Просил ли кто-нибудь, увидеть душу? Увидеть ваше собственное телосложение, вид и т. д.». Спиноза много раз классифицирует виды нашего знания таким образом, что делает необходимым включение такого рода зрения, которое в нашей книге называется интуицией — созерцательным проникновением: этот род мышления принадлежит исключительно космически-сознательному уму. Спиноза говорит, что «мы можем изучать предметы (1) понаслышке или через авторитеты; (2) путем опытов; (3) рассуждением; (4) непосредственным и полным постижением». Далее он говорит, что этот последний способ познания «от соответственной идеи абсолютной природы какого-либо атрибута Божия переходит в соответственное знание природы вещей». То есть человек входит в сознательное отношение с Богом (во время озарения) и вследствие этого соприкосновения он получает знание природы вещей, соответственное силе этого соприкосновения. Сомнительно, чтобы просто сознательный ум мог пользоваться языком такого рода, ибо обыкновенному человеку ничто не кажется более нелепым, чем желание получить знание посредством интуиции, а между тем нет ничего более положительного, чем то, что это знание приобретает лишь интуицией. Очень характерно тоже следующее: «Знать Бога — другими словами, знать порядок природы и видеть закономерность вселенной — высочайшая функция ума. Знание, как совершенная форма нормальной деятельности ума, прекрасно для знания, как такового, а не как средство для достижения чего-либо» [113:241]. Если этими словами Спиноза хочет выразить то же самое, что Бальзак сказал про «специализм», который «один лишь может объяснить Бога», то Спиноза был «специалист». Когда он говорит, что «ясное точное интуитивное знание порождает любовь к достигнутому нами неизменному вечному существованию»

[133:268], он намекает на существование у него космического сознания и указывает, что каждый может достичь его. В равной мере характерна также следующая выдержка: «При точном знании разум знает себя под видом вечности, то есть при каждом таком действии разум вечен и он сознает себя вечным. Вечность эта — не продолжение существования во времени после распада тела, вечность эта — и не предсуществование, ибо вечность — величина совершенно не соизмеримая со временем. С вечностью сопряжено состояние или качество совершенства, называемое интеллектуальной любовью Бога» [133:269]. Спиноза, как и Уитмен, учил, что «на самом деле зла не существует» [193:22]. Спиноза говорит: «Совершенство вещей может быть познано только из их собственной природы и силы. Вещи не могут быть ни более, ни менее совершенными в самих себе, потому что они восхищают человека или ему противны или потому что они удобны или вредны для человека. Если бы меня кто-нибудь спросил, отчего Бог не сотворил людей так, чтобы ими управлял лишь разум, я ответил бы: лишь потому, что у Него не было недостатка в веществе для сотворения всего, начиная с низшего и до самого совершенного. Или еще точнее: потому что законы Его собственной природы так обширны, что их было достаточно для сотворения всего, что могло быть задумано Бесконечным Разумом» [133:328].

Под конец Спиноза суммирует все так: «Я кончил все, что я хотел объяснить о силе разума, его свободе и о его господстве над чувствами. Из того, что было сказано, мы видим, как велика сила мудрого человека, насколько он превосходит невежественного, управляемого лишь слепыми желаниями. Это происходит оттого, что невежественный человек никогда не наслаждается душевным покоем, его всегда волнуют всякие внешние причины; он и живет невежественно, то есть не зная ни Бога, ни сущности вещей. Такой человек, только лишь он перестал страдать, перестает и существовать. С другой стороны, мудрый человек, поскольку он мудр, едва ли когда-либо волнуется: он сознает, что существует некоторая вечная необходимость в его существовании, в существовании Бога и предметов, его душа непрестанно, вечно наслаждается истинным спокойствием. Если указанный мною путь достижения этого очень труден, все же его возможно найти. Конечно, он должен быть труден, так как его редко находят. В самом деле, если бы путь спасения был под

рукой, если бы его можно было отыскать без большого труда, тогда разве было бы возможно, что им стали бы пренебрегать почти все? Но все благородное настолько же трудно, насколько оно редко встречается» [170a:283].

Теперь несколько слов о характеристике личности Спинозы. Иван Колерус, лютеранский священник в Гааге, хорошо знал Спинозу, когда тот жил там. Характеристика Спинозы составлена главным образом на основании данных Колеруса. «Спиноза был среднего роста. Черты его лица были хороши. Кожа темная. Черные курчавые волосы. Длинные черные брови. Его наружность сразу выдавала его происхождение от португальских евреев. Одевался он очень плохо, не лучше последнего нищего» [133:394].

Спиноза и на самом деле был крайне беден. Подобно Торо, Уитмену, Карпентеру и другим людям этого класса, Спиноза предпочитал бедность. Он кое-как влачил свое существование, зарабатывая шлифовкой стекол для телескопов. Знакомые много раз ему предлагали денег, но он всегда отказывался от них до тех пор, пока де Фрис, при жизни которого Спиноза не хотел взять денег, умирая, не завещал своему брату платить Спинозе столько, чтобы Спиноза мог жить как хотел. Брат покойного хотел платить Спинозе пятьсот флоринов в год, но тот не желал брать больше трехсот флоринов (на русские деньги около пятисот рублей) [87b:401]. Спиноза жил невероятно просто. Он никогда не был женат. Большую часть жизни он прожил у чужих. Последние годы он жил один, сам покупал, что нужно, жил очень уединенно. Почти невероятно, до чего он был воздержан всю свою жизнь. Нельзя сказать, чтобы он был беден до того, что не мог позволить себе чего-либо. У него были друзья, по-всякому желавшие помочь ему, но он был умерен по природе и был вполне удовлетворен очень малым. Кроме того, ему была неприятна мысль, что кто-либо мог подумать, что он живет за чужой счет. После Спинозы осталось много счетов, по которым видно, как экономно и расчетливо он хозяйничал. По счетам видно, что он питался лишь молочным супом с маслом, что стоило ему десять копеек, и брал еще пива на пятак. Иной день он ел только кашу с изюмом, что стоило ему около пятнадцати копеек. За месяц он выпивал, самое большее, лишь полторы бутылки вина. Хотя Спинозу часто приглашали обедать, он предпочитал есть дома свое, чем кормиться за чужой счет, за чужим столом [133:393].

Спиноза говорил очень ласково и легко. Он прекрасно знал, как подавлять свои страсти. Он никогда не был ни слишком весел, ни слишком грустен. Он был очень вежлив, услужлив, часто разговаривал со своей квартирной хозяйкой и домашними; если кто-либо из них был болен или печален, он всегда умел утешить их. Дети под его влиянием ходили в церковь, были послушны и чувствовали свой долг по отношению к родителям. Как-то раз квартирная хозяйка спросила его, может ли она быть спасена в той религии, которую она исповедует? Спиноза ответил: *«Ваша религия хороша, вам нечего искать другой религии. Несомненно, вы будете спасены в вашей религии, живя благочестиво, спокойно и просто»*.

Спиноза никому не мешал, когда был дома. Он почти всегда тихо сидел в своей комнате. Устав от философских размышлений, он спускался вниз и для отдыха говорил о чем угодно, что могло дать тему для обыкновенного разговора, даже о пустяках. Иногда он находил удовольствие куря трубку [133:395]. Спиноза никогда не был крепок здоровьем. Чихотка уже много лет разрушала его. В начале 1677 года Спиноза почувствовал, что он тяжело болен. В субботу 20 февраля он послал в Амстердам за своим другом доктором Мейером. На следующий день его домашние, не предвидя близкой развязки, ушли к вечерне. Когда они вернулись из церкви, Спиноза уже умер. Он отошел в три часа пополудни. Один лишь д-р Мейер присутствовал при последних минутах жизни Спинозы [87b:403]. Спиноза умер, когда ему было сорок четыре года и три месяца.

Остается доказать, что Спиноза по своей жизни и учениям близко подходит к людям, обладающим космическим сознанием.

«Первым откликом на сочинения Спинозы была буря возражений, проникнутых негодованием» [133:349]. Человека, которого Новалис правильно называл «опьяненным Богом», провозгласили «богохульным, безбожным обманщиком». Книги Спинозы получили прозвище «губящие душу сочинения Спинозы» [133:349]. Целых сто лет после смерти Спинозы его мало читали. Потом его стали читать все больше и больше. Теперь Спиноза занимает то место, которое он по праву должен занимать, — место одного из величайших духовных вождей человечества.

Глава 10

Полковник Джеймс Гардинер 1688–1745

Родился 10 января 1688 года. В молодости три раза дрался на дуэли. Поступил в армию молодым, храбро сражался. Был очень свободен в обращении с женщинами. Не был религиозен, но временами невыразимо страдал от угрызений совести, так как считал свою жизнь дурной. В середине июля 1719 года, когда ему было тридцать один год и шесть месяцев от роду, с ним вот что случилось: «Он провел вечер в веселой компании, и ему предстояло свидание с замужней женщиной в полночь. Компания разошлась в одиннадцать вечера, а он, чтобы убить время, принялся читать случайно оказавшуюся у него книгу религиозного содержания — «Христианский воин, или Небо, взятое приступом» — Фомы Уитсона. Увидав по заголовку, что, быть может, книжка каким-нибудь духовным образом трактует о военном деле, он решил прочесть ее внимательно. Книга была у него в руках, когда вдруг он увидал, что она осветилась. Подумав, не случилось ли что-нибудь со свечой, он поднял глаза и увидел, к крайнему своему удивлению, в воздухе перед собой изображение распятого Иисуса Христа во Славе Его. Он услышал голос, или что-то тождественное голосу, выразившее идею: «Трешник, не ~~А~~ ли пострадал за тебя и как платишь ты ~~Мне~~ за ~~Мои~~ страдания?» Он смертельно перепугался и долгое время лежал в кресле без чувств.

Прямым результатом этого происшествия было знание или, скорее, видение «величия и благодати Божией» [107:286]. Гардинер жил после этого еще двадцать шесть лет, и жизнь его была вполне порядочна. «Новый человек» был настолько чист и благочестив, насколько «старый» был распутен и безбожен [107:71].

Глава 11

Сведенборг 1688–1772

Помимо озарения, Сведенборг был одним из выдающихся людей своего времени: крупный мыслитель, писатель, ученый и инженер. В 1743 году, когда Сведенборгу было пятьдесят четыре года, с ним случилась какая-то перемена. Это не было помешательство, потому что он не был болен: он поддерживал старые знакомства и заводил новые и, очевидно, никто не подозревал его в безумии. Подлинный рассказ Сведенборга об озарении очень характерен. Он сообщил своему другу, Робсаму, что Бог явился ему и сказал: «*Я Господь Бог, Творец и Искупитель мира. Я избрал тебя, чтобы раскрыть духовный смысл Священного Писания. Я сам буду диктовать тебе, что писать*» [87a:759].

Все изучавшие Сведенборга единодушны, что у него было озарение и что, даже не принимая во внимание его видения дьяволов и ангелов, после озарения у него было духовное прозрение, далеко превышавшее прозрение большинства людей. Хотя Сведенборг и был духовидец, однако он жил самой реальной жизнью [87a:96]. Что касается видений Сведенборга, в них не было большой разницы с видениями Блейка, Бёме, Данте и других. Не надо забывать, что такие люди видят невидимое нами и непередаваемое человеческим языком. Если они пользуются человеческим языком, чтобы сообщить нам об этом невидимом мире, очевидно, они исполь-

зуют слова, употребляя их в чужом смысле. Вследствие этого, как бы ни старались такие толкователи невидимого быть общепонятыми, мы всегда понимаем их не так, как следует, отчего и происходит такое ужасное кажущееся разногласие, путаница в объяснениях слов Иисуса Христа, ап. Павла, Будды... Несмотря на все это, эти люди дают нам нечто, чего не в состоянии дать ни философия, ни наука.

Многое указывает на принадлежность Сведенборга к людям, обладавшим космическим сознанием. «Он не был женат, был в высшей степени скромен и мягок в обращении. Привычки у него были просты — он питался только лишь хлебом, молоком и овощами [87а:98]. Кто бы ни соприкоснулся с ним, уже начинал чувствовать к нему уважение, доверие и любовь» [87а:759]. Хотя было много людей, с недоверием относившихся к видениям Сведенборга, однако все настолько уважали его, что никогда не высказывали в его присутствии каких-нибудь легкомысленных замечаний по поводу этих видений. Основа учения Сведенборга та же, что и у других больших пророков, а именно что Бог собой представляет бесконечную любовь, что проявление Бога — Его форма — бесконечная мудрость и что Божественная любовь — это сама по себе существующая жизнь вселенной [87а:759].

Сведенборг не подходит под норму космического сознания, особенно по возрасту — во время озарения ему было 54 года. Несмотря на это, приходится причислить Сведенборга к числу людей, обладавших космическим сознанием, ибо ничем иным нельзя объяснить жизнь и произведения Сведенборга.

Глава 12

Уильям Вордсворт 1770–1850

В минуты вдохновения этот писатель доходит почти до космического сознания. Это видно из нижеприводимого отрывка, где сначала он говорит о «благословенном настроении».

В котором бремя сокровенности,
В котором тяжесть и томящий груз
Со всей этой вселенной непонятной
Спадает: при этом тихом и благословенном
Настроении привязанности нежно нас ведут
До той поры, пока дыхание в этом брэнном теле
И кровообращенье почти не прекратятся...
И мы заснули в теле, и ожила душа.
Между тем сила гармонии
И глубокая сила веселья
Успокоили глаз наш.
Теперь мы им видим внутри жизнь вещей [198:187].

Этот отрывок ясно указывает на успокоение, приближающуюся радость и озарение — рассвет невзошедшего солнца космического сознания. Нигде нет указания, что для Вордсворта взошло солнце космического сознания — вернее, что оно не взошло.

В следующем стихе выражается обычное сомнение:

«Но не пустая ли все это вера?»

То есть можно ли положиться на это откровение?

Лица, видевшие хоть мельком Славу Браммы, никогда не задают таких вопросов.

Далее в той же поэме он описывает состояние, которое можно назвать сумерками космического сознания.

...Я ощутил
Присутствие возвышенной идеи,
Что радостно меня волнует
Возвышенное чувство чего-то
Гораздо глубже слитого,
Живущего в сиянии заходящих солнц,
И в круче океана, и в воздухе живом,
И в синем небе, и в разуме людей —
Движение и дух, что побуждает
Все мыслящие вещи, все предметы мысли
И протекает через все предметы [198:189].

Глава 13

Чарльз Финней 1792–1875

Этот случай интересен, как не полный рассвет, не увенчавшийся сиянием Браммы. Здесь наблюдались не сильно выраженный субъективный свет, явственно выраженный подъем нравственного чувства и, вероятно, некоторое умственное озарение. Случай не полный.

Финней не видел самого главного — космического видения, не достаточно поразительно и то, что ему пришлось увидеть.

Как был бы он поражен, если бы узнал, что, несмотря на ощущение божественного присутствия, он был лишь на пороге еще более великого откровения, скрытого от него чувствами.

Различие ясно видно из сравнения книг Финнея со сделавшими эпоху в развитии человечества книгами Сутр, Кораном, «Божественной комедией», произведениями Шекспира и т. д., написанными людьми, видевшими брамический блеск.

Озарение Ч. Финнея случилось в октябре 1821 г. Он так описывает свое «обращение»:

«Подъем души был так велик, что я бросился из конторы в заднюю комнату, чтобы молиться. Ни огня, ни света там не было, тем не менее мне показалось, что там совершенно светло. Когда я вошел и закрыл за собой дверь, мне показалось, что я лицом к лицу встретил Иисуса Христа. Мне даже в голову не пришло, что, быть может, это какое-нибудь душевное состояние, — я ясно видел Его, как мог бы видеть всякого человека. Он ничего не сказал, а лишь так поглядел на меня, что я сразу припал к Его ногам. С тех пор я всегда смотрел на это явление как на самое необычайное состояние мысли, ибо мне тогда казалось, что Он стоит передо мной, а я припал к Его ногам и излил перед Ним всю мою душу. Я громко, как дитя, рыдал и поведал Ему все, что мог только сказать, — у меня горло сдавило судорогой.

Должно быть, я пробыл в этом состоянии немало времени. Ум мой был так поглощен, что я совсем забыл, что я тогда говорил. Но я знаю, что лишь только я пришел в себя, вернулся в контору. Брошенное в камин топливо уже почти сгорело. Я уже собрался сесть у камина, как вдруг получил крещение от Духа Святого. Я этого не ожидал, никогда не думал об этом, даже не помню, было ли что подобное с кем-либо. Дух Святой снизошел на меня так, что прошел через меня, мое тело и душу.

Словами невозможно выразить, какая дивная любовь пролилась в мое сердце. Я плакал от радости и любви. Я не знаю, я буквально выплакал неизъяснимый крик моего сердца. Эти волны шли по мне одна за другой до тех пор, пока, помню, я не закричал: «Я умру, если эти волны будут еще идти по мне, Господи! Я не могу больше терпеть», но страха смерти у меня не было.

Я не знаю, как долго было у меня это состояние. Уже поздно вечером ко мне пришел один из членов церкви. Он увидел, что я громко плачу, и сказал: «Мистер Финней, что у вас болит?» Долгое время я не мог ничего ответить. Он опять спросил: «Вы больны?» Наконец, я собрался с силами, чтобы сказать: «Нет, я так счастлив, что не могу жить» [104:17–18].

«Обращение» Финнея не было случайной экзальтацией, какая может случиться со всяким. Оно было действительным обращением: вся

последующая долгая жизнь Финнея была исполнена трудолюбия, добрых дел и духовной высоты.

У Финнея был замечательный личный магнетизм, характеризующий класс людей, к которому он принадлежал. Сила его проповедей была неопишима. Его присутствие, прикосновение, голос его вызывали невыразимое ощущение, зачастую почти чудотворно обновлявшее людей.

У Финнея не было космического сознания, но все-таки он обладал двойной личностью: внутренняя — собственно «Я» и самосознательная — «Я — тот, другой». Чтобы объяснить свое душевное состояние, Финней говорит: «Пусть никто не думает, что мои проповеди — их считают очень сильными — являются результатом работы моего ума или сердца без помощи Духа Святого. Проповеди эти не мои, а Духа Святого, живущего во мне».

Наконец, надо заметить, личная жизнь и деятельность Ч. Финнея строго согласовались с жизнью и работой великих основателей религии, хотя, конечно, они были ниже последних. Финней всю жизнь старался возвысить окружавших его.

Глава 14

Александр Пушкин 1799–1836

Автор приводит стихотворение «Пророк», указывая, что если у Пушкина и не было космического сознания, однако описание космического сознания так прекрасно, что его следует процитировать.

ПРОРОК

Духовной жаждою томим,
В пустыне жалкой я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон;
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрая змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,

И угля, пылающий огнем,
 Во грудь отверстую водвинул.
 Как труп, в пустыне я лежал*,
 И Бога глас ко мне воззвал:
 — Восстань, пророк! И виждь, и внемли**!
 Исполнись волею Моей
 И, обходя моря и земли,
 Глаголом жги сердца людей!

* Состояние оглушения, обычное после просветления.

** Просветление умственных сил.

Глава 15

Ралф Уолдо Эмерсон 1803–1882

Родился в мае 1803 года, умер в апреле 1882 года. Эмерсон не обладал космическим сознанием, но был на пороге его. Он жил при свете космического сознания, но не видел его солнца.

«Сверхдуша» Эмерсона была издана в 1841 году, когда ему было 38 лет от роду. В ней он указывает ту точку, где он тогда находился. В дальнейшем он не продвинулся вперед.

Существует разница между одним и другим часом жизни, разница в их важности и последующем действии.

В этих мгновениях существует глубина, заставляющая нас приписать им больше реальности, чем мы находим во всех других явлениях.

Слова каждого, кто говорит о той жизни, непонятны тому, кто сам не был в этой области мысли.

Если бы у Эмерсона было брамическое сияние, он не был бы в состоянии пользоваться спокойным, холодным языком, рассказывая о нем. Точно так же он не упустил бы случая рассказать об озарении.

Эти отрывки показывают, насколько глубоко, почти как бездна, было духовное восприятие, испытанное Эмерсоном.

Только это явление может вдохновить избранных, и смотрите! Их речь делается лиричной, нежной, всеобъемлющей, как поднимающийся вихрь.

Восходя к этому первоначальному предсуществовавшему чувству, мы сразу из нашего теперешнего отдаленного от начала места переходим в центр вселенной, где, как в тайнике Господнем, мы видим причины, мы предвосхищаем вселенную, являющуюся лишь медлительным следствием.

Эта энергия, нисходя в жизнь человека, всецело завладевает им. Она нисходит к простым людям, не претендующим на высоту. Она посещает всех, кто отринул от себя все наносное и горделивое. Она приходит как прозрение. Она приходит как нежность и величие. Видя носителей этой энергии, мы видим новые степени величия. После этого озарения человек меняет весь свой тон. Он не разговаривает, чтобы узнать чье-либо мнение; он говорит испытующе. Он требует от нас про-

тоты и правды. Пустой человек, говоря о своих путешествиях, говорит о знатности людей, которых он встречал, — этим он украшает свою жизнь. Честолюбивый пошляк показывает свое серебро, брошки, кольца и хранит поздравительные письма. Более культурные пошляки поэтически рассказывают о своих путешествиях — о том, как они были в Риме, каких гениев они видели, с какими удивительными людьми они знакомы; они расскажут о великолепном пейзаже, об игре светотени в горах и проч. — лишь бы придать романтический оттенок своей жизни. Но не им познать Бога! Душа, восходящая до почитания Бога, проста и правдива. У нее нет розовых красок для описаний, нет изысканного знакомства, нет рыцарства, нет приключений, она не хочет вызывать удивление. Она занята сегодняшним рабочим днем — потому что этот день, работа — сегодня. Самая малость может заставить мысль проникнуть в такую душу, жаждущую моря света.

Глава 16

Альфред Теннисон

Этот поэт большую часть жизни прожил на границе между сознанием и низшей степенью космического сознания. В поэме «Принцесса» он упоминает о «чарах», которые, подкрепив его, «вели по миру привидений, и сам я чувствовал, что я лишь сновиденья образ» [185:11], — очевидно, все это относится к духовной области. Но это состояние он гораздо лучше описал в «Мудреце древности».

Много раз, когда один
Сидел я, сосредоточив мысль
Над словом тем, что есть символ «меня»,
Граница смертная «меня» была превзойдена и
Переносилась в то безыменное, где таяла,
Как облако, сливаясь с небом. Я трогал мои члены,
Но они мне были чужды — а между тем
сомнения — ни тени,
Но высшая отчетливость, и вследствие потери «Я»
Приобреталась такая жизнь большая,
Перед которою вся наша жизнь — лишь искра перед солнцем
И тени выразить ее нельзя словами,
И сами мы лишь только тени,
Отброшенные этим миром теней [186:48].

Далее, в «Holy Grail»:

Пусть привиденья ночи или дня
Приходят как хотят; и много раз они приходят
До той поры, пока земля, где он идет,
покажется уж не землей,
И свет, что ударяет в его очи, — уж не свет,
И воздух, овевающий чело, — уж не воздух,
Но все — видение — даже его рука или нога —
Но в моменты те, когда он чувствует себя бессмертным,

Он знает, что сам он не привидение для себя,
Что Бог не привидение и тот, Воскресший,
Не привидение тоже: то, что вы видели, — вы видели [184:290].

«У меня с детства часто бывало состояние транса, когда я оставался совершенно один. Я часто впадал в транс, лишь молча повторяя себе свое собственное имя до тех пор, пока внезапно из состояния напряженного сознания индивидуальности эта индивидуальность не растворялась, блекла в безграничном существовании. Это состояние ума совершенно ясное, определенное, чудное, совершенно неопишное. Когда находишься в этом состоянии, то смерть кажется до смешного невозможной; утрата сознания личности не представляется погашением духа, а лишь истинной жизнью» [182:320].

Повторяя себе свое собственное имя, Тениссон совершенно бессознательно применял способ, употребляемый с незапамятных времен, чтобы достичь озарения: «Тот, кто ни о чем не думает, кто заставил ум свой прекратить работу, кто предался постоянному размышлению, повторяя один слог: «Ом!», думая обо мне, тот достигнет высшей цели» [154:79]. Конечно, совершенно безразлично, каким словом пользуешься. Важно, чтобы работа мысли была насколько возможно приостановлена, особенно чтобы отлетели все желания, чтобы человек ничего не хотел и не боялся, чтобы дух человека был совершенно бодр и здоров, не пребывал в недейтельном состоянии спокойного равновесия!

Религия для Тениссона не была небесной абстракцией. Он энергично, с убеждением и настойчивостью говорил о своей вере в то, что он называл вечными истинами, — во Всемогущего, Вездесущего и Вселюбящего Бога, Проявляющего Себя в человеческом самопожертвовании и в бессмертии человеческой души [182:311].

Он непреложно верил, что смирение есть истинное настроение души, почему всегда крайне сдержанно говорил о том, что он называл «тайнами неизмеримой глубины», — он говорил о них как тот, кто не желает формулировать, зная, что конечный ум не может охватить бесконечность. Он был уверен, что если увидеть все лицом к лицу, то все окажется самым лучшим [182:316].

В январе 1869 года он сказал с глубоким чувством:

«Да, это верно: есть моменты, когда мое тело для меня ничто: когда я чувствую и знаю, что мое тело лишь нечто кажущееся, а Бог и духовная моя природа — единственно реально существующие величины. Будьте уверены: духовное — это реальность. Дух более принадлежит вам, чем рука или нога. Вы можете сказать мне, что мои руки, ноги — лишь воображаемые символы моего существования. Этому я мог бы поверить, но вы никогда, никогда не убедите меня, что мое «Я» не есть вечная реальность и что духовная моя сторона не является истинной и реальной частью меня» [182a:90].

Эти слова он сказал с таким убеждением, что водворилось торжественное молчание, когда он вышел из комнаты.

Сразу после смерти Тениссона было написано: «Известно, что он верил, что лучшие его произведения он написал под непосредственным влиянием высших разумов: он ясно ощущал их присутствие. Он чувствовал их около себя, и их мысли действовали на его ум».

Глава 17

И. Б. Б.

И. Б. Б., доктор медицины. Родился в 1817 году. Тридцати восьми лет от роду получил космическое сознание. Человек, сообщивший о нем, говорит: «Он не был человеком утонченной организации. Во всем этом происшествии самое странное, что достижения истины, кажется, совершенно не изменило этого человека. Он по-прежнему довольствовался дешевой, почти не меблированной квартирой, по-прежнему предпочитал невязанную одежду, простоту в разговоре и жизни». Что касается этой неутонченности, надо припомнить жизнь Свами Тилийнотана, Э. Карпентера и даже Иисуса Христа и Магомета. «В то же время, стоило заговорить о прозрении, и он был задет за живое. Он был спиритуалист, но после озарения, хотя он и продолжал признавать, что много правды в

учении спиритуализма, но это учение сделалось ничтожным по сравнению с великими истинами, которые он узнал непосредственно. Однажды он мне сказал замечательную вещь, что он умер минут на двадцать, дух его отлетел от тела и глядел на тело, летал около него и, наконец, вошел в него обратно. Это было сказано серьезно, вдумчиво и произвело на меня жуткое впечатление. Никто не мог поверить этому».

Глава 18

Генри Дэвид Торо 1817–1862

Родился 12 июля 1817 года, умер 6 мая 1862 года. Можно предполагать, что Торо был не чужд космическому сознанию. У Торо были признаки, присущие людям, обладающим космическим сознанием: он любил уединение, ему нравился мистицизм и все таинственное, его чувства были сверхчеловечески остры, он дружил с животными, был очень умен и нравствен. У нас нет прямых указаний на озарение Торо, кроме разве нижеприводимых строф:

«То, чем я слышу,
имело только уши.

И зрение мое имело раньше
только очи.

Моменты моей жизни —
того, кто жил года.

Я узнаю истину, а прежде знал
ученье и науку только.

Я слышу за пределом звука.
Я вижу за пределом зренья

«Просили ли вы когда-нибудь, обучали вас, как слышать то, чего нельзя слышать, видеть то, чего нельзя видеть, знать то, чего нельзя знать?»

«Вы будете слышать и не поймете.
Вы будете видеть и не заметите».

Вокруг себя новую землю,
и небеса, и моря,
И в моем дне бледнеет
солнца свет».

«Зрение имеет другое зрение, слух —
другой слух и голос — другой голос».

В «Уолден, или Жизнь в лесу», написанной в 1845–1854 годах, когда Торо было 28–37 лет от роду, встречаются места, по которым можно предположить, что если у Торо и не было космического сознания, то он был уже близок к нему. Например:

«Святые нас испортили: наши молитвы звучат мелодичным проклятием Бога и проникнуты тем, что мы вечно должны переносить Его. Можно сказать, что даже пророки и искупители лишь уменьшили опасения человека, но не укрепили его надежду. Никто из них не выразил простого безусловного удовлетворения дарами жизни, никто не вознес должную хвалу Богу» [199a:85].

Миллионы людей теперь достаточно пробудились к физическому труду: пожалуй, лишь один из миллиона людей пробужден к умственному труду, но лишь один из сотен миллионов — к поэтической, божественной жизни [199a:97].

Торо находит Бога и человеческую жизнь гораздо возвышеннее всего о них когда-либо сказанного — как они и есть на самом деле.

Сравните Уитмена: «Нет, я не пробудился, потому что ничто мне теперь не кажется таким, каким оно мне прежде казалось; или же лишь теперь, в первый раз, я пробудился, а то, что было раньше, — был лишь ничтожный сон» [124a:49].

«Иногда, когда я сравниваю себя с другими людьми, мне кажется, что боги были благосклоннее ко мне, чем к другим, благосклоннее совершенно не по моим заслугам. У меня такое ощущение уверенности, безопасности, какого нет у других людей. Я не льщу себе, но, быть может, они льстят мне. Я никогда не чувствую себя одиноким, меня нисколько не угнетает одиночество. Лишь один раз со мной случилось в лесу, что я подумал, что, быть может, присутствие людей необходимо для спокойной, здоровой жизни. Тогда мне было неприятно одиночество. В то же самое время я сознавал,

что в тот момент я не был совсем здоров духовно. Я ждал выздоровления. Накрапывал мелкий дождь. Я все думал о том же. Вдруг я ощутил такое сладостное, благостное общение с природой — в шуме дождя, во всяком звуке, виде, почувствовал во всем такое бесконечно дружеское расположение ко мне, которое, как воздух, овеивало меня, включало меня в себя, и я сразу увидел всю мало-важность соседства людей и с тех пор перестал думать о нем. Каждая хвоинка сосны с любовью тянулась ко мне. Я так глубоко ощущал присутствие чего-то родного мне даже в тех пейзажах, которые мы привыкли считать дикими, угрюмыми. Я понял, что ко мне ближе не родственники, не мои соседи. С тех пор не было места, которое я считал бы чужим.

Счастливейшей порой для меня были долгие дождливые бури весной и осенью. Почти весь день я сидел дома и чувствовал себя так покойно из-за непрерывного рева бури и шума дождя. Вечерние сумерки давали мне мысли и развивали их. Однажды во время сильной грозы молния ударила в огромную сосну на другой стороне пруда. Глубокая спиральная борозда прошла сверху донизу сосны. Не так давно опять я видел эту борозду и подумал, что за страшный удар ниспал восемь лет назад из этого безмятежного неба. Люди часто говорят мне: «Я думаю, вы чувствуете себя там одиноким, всем хотелось бы быть ближе к людям, особенно в дождливые или снежные дни». Мне всегда хочется ответить, что весь наш земной шар — лишь точка в пространстве. Как вы думаете, там, на какой-нибудь звезде, диаметр которой мы не можем определить нашими инструментами, как далеко друг от друга живут какие-нибудь два существа? Почему я должен чувствовать себя одиноким? Разве наша планета не принадлежит к Млечному Пути? Мне кажется, вы спрашиваете меня о пустяках. Какое расстояние должно отделять человека от других людей, чтобы он чувствовал себя одиноким? Я пришел к заключению, что, сколько ни ходи, мой ум не сделался ближе к уму другого человека. Что же должно быть по соседству с нами? Конечно, не множество людей, лавка, почта, пивные, митинговый зал, школа, лабаз — словом, не места, где больше всего собирается народа, должны быть ближе всего к нам, а вечный источник нашей жизни, из которого в каждом отдельном случае мы узнаем, как нам поступить: к нему мы должны стремиться, как тянутся корни ивы к влаге. В этом отношении разным

людям подходят различные места в зависимости от характера. Как-то раз по дороге нагнал меня знакомый и начал расспрашивать, как мог я отказаться от множества жизненных удобств, — я и ответил, что сделал так потому, что мне так нравится. Я не шутил.

Ожидание пробуждения, возвращение к жизни делает мертвого безразличным по отношению к времени и месту. Место, где это может случиться, всегда то же самое, оно невыразимо приятно для всех наших чувств. Большую часть времени мы заняты внешними, временными делами. На самом деле они лишь смущают нас. Ближе всего ко всем предметам стоит Та Сила, от Которой зависит их существование. Рядом с нами вечно исполняются величайшие законы. Рядом с нами не наемник, с которым мы любим поговорить, а работник, работа которого — мы сами.

Я знаю лишь самого себя как человеческую единицу, сцену мыслей и страстей. Я ощущаю в себе некоторую двойственность, вследствие которой я могу стоять от себя самого так же далеко, как от других. Как бы я хорошо ни знал, я всегда сознаю в себе присутствие и критическое отношение части меня самого ко мне самому. Эта часть — только зрительница; она не участвует в происшествиях со мной; она лишь замечает, что со мной. Эта часть — не более «я» по отношению ко мне, чем вы» [199а:143–145].

Глава 19

Д. Б.

Родился в 1821 году. Получил космическое сознание в 1859 году, тридцати девяти лет от роду. Д. Б. был методист и занимал высокое положение в своей церкви. Он горячо молился о просветлении, даровании уверенности в спасении и т. д. Это, однако, показалось ему бесполезным, и он перестал молиться. Тогда постепенно к нему стал приходить свет, не субъективный свет, а ровное, постоянное озарение ума, а вместе с ним — все углублявшееся чувство нравственного покоя и счастья. Озарение продолжалось до тех пор, пока он не переродился совершенно. Он стал признанным авторитетом по духовным вопросам среди образованных, талантливых людей. Вскоре после умственного и нравственного нового рождения к нему пришло и сознание бессмертия, вернее сказать, оно пришло одновременно с новым рождением, но потребовало больше времени для полного развития. У него, как и у прочих членов церкви, была надежда на бессмертие, но до этого времени не было уверенности в бессмертии. Теперь он уже не надеется больше на бессмертие — он достиг его. Родился он в Англии. Сначала был ткачом. После переезда в Америку стал гробовщиком. Со школьной точки зрения он — человек совершенно необразованный. Автор часто разговаривал с ним в 1890 году и всегда бывал поражен его умственным и нравственным озарением и еще сильнее его совершенным счастьем и абсолютным душевным покоем. Один очень просвещенный и умный человек говорит о Д. Б.: «Он говорил всего лишь десять минут, и я увидел, что это именно тот человек, у которого было то, что я всегда хотел иметь. Мне еще не приходилось встречать человека, так прекрасно знающего Св. Писание. Библию он знал, конечно, наизусть. У него было такое же вдохновение, как у евангелиста Иоанна или ап. Павла. Д. Б. стоял на скале твердой истины».

Глава 20

Ч. П.

Родился в 1822 году. Вся жизнь был рабочим. Все, кто его знали, говорили про него, что это был мудрый, святой человек. Разговор его был в высшей степени проникновенен. Он не был образован. Получил космическое сознание на тридцать седьмом году жизни, в 1859 году. Лицо, хорошо знавшее Ч. П., говорит: «У него были замечательные видения. Главное его очарование — изумительное толкование Св. Писания. Он — воплощение Христа. Он презирает деньги. В его присутствии чувствуешь в нем брата. Его письма очаровывают. Всего удивительнее — это его вера, что со смертью кончается все. В сорок лет он был прекрасным оратором, сначала в методистской церкви, затем в полуверной; после озарения он говорил исключительно на библейские темы. Он — ярко выраженный специалист».

Автору два раза пришлось беседовать с Ч. П., и он может засвидетельствовать его удивительную интеллигентность. Отсутствие веры в бессмертие на первый взгляд может показаться странным, но, во-первых, духовный мир людей космического сознания очень разнообразен, а во-вторых, его убеждение об этом предмете было оптимистичнее обыкновенного: он верит, что после смерти его душа будет поглощена Богом и что, потеряв свою индивидуальность, он приобретет нечто более ценное. Его чувство, убеждение, знание говорят ему, что случится самое лучшее. Он несколько по-своему толкует это «наилучшее» — вот и все.

В июле 1895 года Ч. П. напечатал книгу, в которой пытается описать результаты своего озарения. Задача нелегкая, невозможная: это указал даже ап. Павел. Ч. П. попытался и, надо сказать, неудачно. Приводим выдержки из его книги, чтобы показать, что Ч. П. принадлежал к числу людей озаренных.

«Ап. Павел сказал: «Евреи потеряли небесное, ибо искали его через моисеевы законы» — т. е. через нравственную праведность — «вместо того, чтобы искать его в праведности веры» — т. е. в со-

вершенстве основы существования — в вере в Христа. Они не видят, что существует два совершенно различных рода праведности или два различных рода законов — один несовершенный для несовершенного, плотского ума и другой род совершенный — для совершенного, или духовного разума. Эти два состояния полностью отличны друг от друга, как баран от козла» [132:13].

«Жизнь вечная не в том, чтобы верить, что где-то есть божество, но в том, чтобы знать это. Знать Слово Истины так, чтобы Дух Его, возродясь в уме и сердце, породил Его Сына, зачатого внутри и сознательно, с уверенностью восклицающего: «Отец!»» [132:19].

«Плотский ум, в котором нет Сына Божия, рожденного в нем, не имеет в себе действительного знания, что такое Божество. Никто не знает имени Божества и Агнца, пока в разумении он не описан особым откровением для каждого в отдельности. На твердой скале действительного откровения Христа в уме — извечным Агнцем основана церковь истинного Христа. Это — единственное, недвижимое осно-

Неправильность толкования этого текста сейчас почти всеобщая. Но каждому, у кого есть хоть искра космического сознания, текст этот ясен, как день. Иисус Христос говорит: «Если праведность ваша не будет выше праведности книжников и фарисеев». Тут подразумевается не более высокая степень праведности, но иной род ее: если человек не родится снова — «если человек во Христе, то он новая тварь». — Т. е. нужно не старого, улучшенного человека, а нового.

Этот отрывок определенно доказывает, что у Ч. П. было космическое сознание. Человек обыкновенного сознания не знает Бога, так как он знает нечто житейское. Космически-сознательный — знает. Он знает его внутренним прозрением так же ясно, как самосознанием ощущает свое личное существование.

Другими словами: самосознательный ум может верить во Христа, но не может знать Его, ибо никогда не видел Его и не может Его увидеть. Лишь космически-сознательные люди могут знать и знают Божество. Под Церковью Ч. П. подразумевает людей, озаренных космическим сознанием.

вание уверенности. Мир будет бесконечно разделяться на спорящие секты, пока у всех не будет откровения, ибо до откровения не будет уверенности. Но все, кто его имеют, видят лицом к лицу и не могут иметь разных мнений» [132:20].

Озарение является единственным основанием уверенности в этих вопросах. Если бы у всех людей было космическое сознание, то все были бы согласны во многих основных, ныне спорных, вопросах религии и философии, хотя, несомненно, тогда выяснились бы новые спорные вопросы, ныне незаметные.

«Об этой части — об этом Сыне, рожденном в уме, который был духовным разумом, — дух Истины сказал: «Ты сын мой, сегодня я родил тебя». И человек знал о дне, когда он был рожден, — в тот самый день он осознал свою жизнь в Отце своего понимания, ибо этот духовный сын воскликнул в нем с уверенностью: «Отец», с такой природной уверенностью, как он не восклицал до того. И так восклицает этот рожденный Сын вечного Духа Истины в каждом, в ком он рожден, так что они, и только они, знают, как родился первородный! И лишь они знают, что есть Царствие Божие, ибо, если человек не родится снова, он не может видеть его» [132:22].

Комментарии излишни: это просто указание на определенность нового рождения, т. е. на неизбежность появления у всех космического сознания.

«Ум плотский может говорить о том, что Бог — отец людей, а люди — братья, но плотский ум не понимает ни того, ни другого, ибо Сын Божий еще не родился в нем [132:23].

Бог — Отец каждого из нас, по лишь озаренные знают, что значат эти слова.

Кроме того, сказано «в тот день» — в тот день, когда они

Комментарии излишни.

осознают этого Духа, нисшедшего на них, — «вы узнаете, что Я — в Отце и вы — во Мне и Я — в вас». Человеку невозможно быть лично в них и им — в нем. Ясно, что, когда Дух Истины запечатлется в их сознании, тогда в них будет Отец и Сын, и они в них. Это процесс духовно-умственный» [132:24].

«Тот, кто меньше всех в Царствии Небесном, — больше Иоанна», ибо те, кто вошел в Царствие Небесное, были сделаны совершенными полнотою Света, вечного Духа. Отсюда: «закон пророков существовал до Иоанна, а с ним началось моление о царствии Божиим» [132:31].

«Людям этим (озаренным) совершенно ясно, что раз Божество этоечно, то и всякое существование

должно бытьечно, ибо вся Истина есть просто Истина существования. Для этих людей существование представляет собой одну вечную важность бесконечного существования, действующую с бесконечной силой в неизбежном, бесконечном, а следовательно, в совершенном порядке, заключающем в себе совершенство, истину, все предметы и их действия. Ап. Павел сказал об этом: “все от Бога”» [132:68].

«Апостолы были священниками Нового Завета, основанного на этой Скале, являвшейся совершенно новым основанием рассуждений. Они совсем не были священниками ветхозаветного нравственного закона. Нравственный закон, делящий все на добро и зло, есть служение смерти; между тем новый закон — служение жизни. Старый закон — закон осуждения, которое есть смерть; новый закон — оправдание, которое есть жизнь. Следовательно, те, кто приходит к новому закону, естественно, выходят из-под власти старого закона, и, следовательно, они должны освободиться от старого. Нет осуждения и смерти для людей, живущих в Завете Христовом» [132:73].

Иисус Христос смотрел на себя как на первого человека нового космически-сознательного человечества. Между просто сознательными людьми Иоанн выше всех, но самый незначительный человек нового порядка будет выше Иоанна.

Один из видов космического видения.

«Скала» — космическое чувство. Имели или нет другие апостолы, кроме ап. Павла, космическое чувство, однако их работа была в области космического сознания, ибо их задача состояла в сохранении и распространении учения Иисусова. В космическом сознании не существует проклятия, греха, зла и смерти.

«Это открывает безграничный блеск бесконечного лица истинного Божества, льющийся на того, кто видит Его, Его равновесие “Милосердия и Истины”» [132:75].

«Когда этот Христос появляется в уме и в сердце, то он ощущается как «Дух веры» в бесконечный порядок всего существующего, в то, что все существующее — истинно, а потому «Дух веры» «не противится злу», которое есть лишь неизбежная часть порядка, и если на него посмотреть в Свете всей Истины, то все хорошо и целесообразно» [132:140].

«Вследствие этого Дух веры во всем порядке есть Христос, образовавшийся в уме. Это и есть «Агнец Божий, принявший на себя весь грех» тем, что устранил сопротивление естественному Порядку Существования. Когда этот Христос образуется в уме, тогда ум приобретает совершенный Свет, при котором ясно понятны все атрибуты Божества всей Истины. Тогда, и только лишь тогда, ум узнает, как духовно отличаются все предметы Нового Завета, и тогда, и только тогда, ум знает единственное, истинное Божество и Его Христа. Тогда ум с полной уверенностью, достоверностью знает по своему собственному опыту все то,

«Это» — относится к космическому видению — «брамическое сияние».

«Этот Христос», т. е. космическое сознание. Когда оно приходит к человеку, он, как Уитмен, говорит: «На самом деле зла не существует» [193:22].

Для самосознательного ума добро существует наряду со злом. Для космически-сознательного ума зла не существует. Задача всех космических умов была примирить самосознательный ум с космическим порядком, который одним кажется совершенным, другим — несовершенным. Уитмен хорошо выразил это в коротком стихотворении [193:416]:

Когда пришел поэт,

Природа (бесчувственный, огромный шар со всеми людьми и дня и ночи)

Радостно сказала: «Он мой».

Но тут заговорила душа людей —

Горда, завистлива, непримирима. —

«Нет, он только мой».

Тогда поэт стал меж природой и людьми
И взял их за руку обоих.

Теперь и вечно он стоит,

Как примиритель и соединитель,

Держа их крепко за руки.

Он не отпустит их, пока не примирит

И не сольет их в радости слиянья.

что любой из истинно верующих знал об Истине (и у этих людей она была во всей полноте), пришедшей к ним посредством внутреннего прозрения, а не посредством наружных “знамений и чудес”» [132:140–141].

«Будучи совершенно просвещенным духом всего существующего, он примиряется со всем и не может противиться чему-либо, ибо все имеет право на существование. Он радостно видит, что путь к миру и согласию человечества лежит в примирении со всем, то есть в гармонии с бесконечным Порядком, в котором он видит всю Истину, а следовательно, безграничное совершенство» [132:247].

Глава 21

Случай с Г. Б. в его собственном изложении

Мое детство прошло в очень стесненных обстоятельствах. Книг у меня не было, хотя к ним у меня было влечение, как ни к чему другому. Мысль у меня работала сильно — я это вижу, сравнивая себя с другими. Обычные детские удовольствия мне не очень нравились. Я предпочитал быть один, и летом больше всего мне нравилось быть в лесу. В деревьях я находил друзей; они, казалось, были мне ближе людей. Я разговаривал с ними и думал, что они говорят со мной. Всю жизнь лес влек и влечет меня к себе; даже теперь, думается мне, я мог бы жить в лесу один. Всю жизнь я любил одиночество и теперь люблю. Я не буду раздумывать над байроновским — «дикий ли я зверь или Бог». Впрочем, я люблю также и общество сходных со мной по духу людей.

Скоро я узнал, что люди в общегитии руководствуются зыбкими правилами, а не чем-то иным, что теперь я называю духовными законами: тогда я не знал, как их назвать, и не понимал их, но я чувствовал их присутствие в природе.

Словами нельзя выразить удары, перенесенные моим духовным сознанием от соприкосновения с людской грубостью. В течение всей жизни во мне постепенно росла познающая способность — духовное прозрение. Уже с ранних лет я задавал себе вопросы, как предметы стали такими, какие они теперь, и до сих пор я ищу разгадку этого вопроса.

Тем, что я есть, я обязан главным образом книгам. Мне мало приходилось соприкасаться с людьми, которые могли бы научить меня, вдохнуть в меня силу: лишь год или два академии и двадцать недель училища — вот и все время, которое я учился у людей. Когда я вынырнул из мрака кальвинистической теологии, в тисках которой долго находился мой ум, я случайно услышал Эмерсона. Купил его книги. Пятьдесят лет я тщательно изучал их, и, должен сказать, Эмерсону я обязан больше, чем кому-либо. Затем я принялся за Дарвина. У меня было всего лишь его «Происхождение видов», и в течение десяти лет это был единственный экземпляр на всю нашу округу.

Первое настоящее умственное озарение было, когда я осознал, что вселенная воспроизводится целиком в каждом своем отдельном атоме, то есть что вселенная представляет собой результат немногих простых процессов, повторенных бесконечное число раз. Если математически измерить каплю воды, то математические принципы, необходимые для этого измерения, будут те же самые, которые нужны, чтобы измерить все небеса. Вся жизнь на земном шаре основана на питании и усвоении: если прекратить их добровольно, то наступает смерть. История развития ума каждой особи воспроизводит историю расы. Если вы знаете одну лишь вещь во всех ее проявлениях, свойствах и частностях — вы знаете все предметы. Вся кристаллография заключается в одной песчинке, вся животная жизнь — в одном насекомом, вся растительная — в одной почке. Тогда мне было около сорока лет.

После этого я увидел, что нет границы между растительной и животной жизнью: ни у той, ни у другой нет ни начала, ни конца. Об отсутствии разделительных границ в природе я думал еще до того, как узнал мысли Фалеса об этом.

Этого, пожалуй, достаточно, чтобы показать, в каком направлении работала и развивалась моя мысль.

Мне было уже шестьдесят лет, когда я познал, что то, что истинно для какого-нибудь времени и в каком-нибудь месте, останется правильным для всякого времени и для любого места. Другими словами: то, что мы называем законом, можно найти везде, хотя люди могут дать ему другое название. То, что люди называют тяготением, относится к сфере духовной не меньше, чем к физической. Все физические явления, в лучшем случае, тупы, мрачны — пока они не возвысятся до духовной жизни. Для примера возьмите хотя бы закон, что действие и противодействие равны. Чем отличается он от изречения «кто посеял ветер — пожнет бурю» или многим ли отличается в своей основе любой естественный закон от «что посеешь, то пожнешь»? Все законы — лишь струны на арфе, звучащей величавой космической мелодией.

Вскоре после этого я начал понимать парадоксальное учение Иисуса Христа — «кто хочет спасти свою жизнь, тот должен потерять ее, и только тот, кто потеряет ее, найдет ее». То же самое у ап. Павла: «кто ничего не имеет, тот обладает всем». От этого для меня остался всего лишь один шаг до уразумения центрального принципа всей духовной жизни — самопожертвования.

Лет десять назад, когда мне было около шестидесяти лет, меня начал мучить вопрос, возникший одновременно с появлением разумных существ, — о начале всех вещей. Я изнемог в борьбе. Вдруг извне свет озарил мою душу, свет ослепительной яркости. «Если ты найдешь начало всех вещей, то не будет ли это начало само по себе и концом? Значит, если ты найдешь конец хоть одного предмета, то не укажет ли это тебе, что должен существовать и противоположный конец? Как! Конец всем предметам, за которым будет лишь ничто, как оно должно было быть и до того времени, когда предметы начали существовать, если было время, когда они начали существовать. Нет! Начала не было и конца не может быть». После этого я уже перестал беспокоиться о бессмертии души и, думается мне, никогда не буду об этом беспокоиться.

Лет пять назад был со мной случай, помогший моему умственному просветлению больше, чем что-либо другое. Я упал, а падая, ударился головой и потерял сознание. Приходя в чувство, я постепенно прошел через все фазы сознания. В первой стадии я знал лишь, что я — «что-то»; что это за «что-то», я не знал и знать не хотел. Я не знал, что означает «знать». Я был спокоен, блаженно спокоен,

и для меня не существовало ни прошедшего, ни будущего. Для меня не было ни времени, ни места и чего-либо вообще, кроме маленькой искорки сознания — «я сам». Если бы не было ничего, что мне показало бы течение времени, это состояние могло бы продолжаться неопределенно долго.

Эта фаза блаженного существования прекратилась потому, что я открыл около себя что-то, что не было мной. Я начал смотреть. Глядя, я начал рассуждать, и наконец, я открыл внешний мир. Как и в предыдущей стадии, время все еще не существовало для меня. Это состояние могло бы длиться целую вечность, и я не заметил бы течения времени. Вникая в явления, внешние для меня, я вывел заключение, что то, что я вижу, должно быть похоже на меня, и я начал пристально изучать этот внешний мир, перенося в него то внешнее, что я нашел в себе. Эта стадия длилась с того момента, как я заметил предметы вокруг себя, и до первого признака появления экспериментальной фазы. Затем я увидел происхождение всякого знания и особенно — религий. Разумеется, скоро вернулось самосознание, и я опять был в старом мире.

Этот случай и опыт, приобретенный вследствие него, был для меня ценнее опыта всей моей предыдущей жизни. Теперь для меня нет ничего неясного, таинственного. Рост моего духа за последние три-четыре года был быстрым. Я живу в мире, но самому себе я кажусь не от мира сего!

Я наслаждаюсь «духовным видением», как я его называю. Мой разум не может охватить факт прежде, чем я не увижу духовные отношения этого факта, и притом яснее, чем его материальные отношения. Совершенство математики есть только наглядное подтверждение духовной истины, что Бог не может лгать.

Естественные явления не более как тень духа, из которого происходят точно так же, как лицо человека меняется под влиянием действующей изнутри любви, ненависти или страха. Цвет в природе, омывающий все существующее своими теплыми токами, показывает, что сделала бы духовная любовь, если бы она свободно распространялась в мире. Библия для меня — картина, которую я вижу во всех деталях безгранично отчетливо. Это духовное видение доходит до того, что кажется, видишь движение атомов в природе, не говоря уже о том, что видишь суть всех законов, знаний, наук, историй и религий.

Вы дали мне трудную задачу, попросив меня указать перемену, которую я замечаю в себе после моментов озарения. Я не знаю языка, на котором я мог бы рассказать о предметах того мира, в котором я нахожусь теперь. Я не нашел даже еще и азбуки его. Когда же, о когда же я буду в состоянии раскрыть его поэзию? Везде, в каждом предмете я вижу непрестанное движение, и в этом движении — вечную творящую силу, вечно, до бесконечности повторяющуюся в том же простом процессе. Величественный ритм проникает, катится по всей природе; небеса и земля наполнены мелодией. Люди — дети, гонящиеся за своей тенью. Духовную сторону мира, кажется, никто не замечает, бесконечную простоту его процессов никто не хочет понимать».

ВЫВОД

Кажется, это настоящий случай космического сознания. Область космического сознания достигалась постепенно, а не сразу, как это обычно бывает. Если же это не космическое сознание, то это наивысшая точка самосознания. Во всяком случае, рассказ Г. Б. интересен и поучителен.

Глава 22

Р. П. С.

Родился в 1830, умер в 1898 году.

«Мне было около тридцати лет, когда со мной случилось удивительное превращение. Ему я должен приписать огромные результаты*, совершенно не соответствующие моим естественным способностям или знанию. Точное исследование этого явления было бы большим вкладом в науку.

* Р. П. С. сделал каким-то чудом огромную, превосходную работу.

Я всегда знал, что после обращения верующий осеняется Духом Святым, что, когда необходимо, Он открывает людям сокровища Священного Писания. Мне поэтому не нужно уже было какого-нибудь особого проявления Его бытия. Но для меня все еще было много мест в Св. Писании, которых я не мог вполне понять, хотя я очень хорошо знал исповедание Христа. И потом, когда лет через десять после моего обращения со мной произошло чудесное очищение крови «от всего греховного», я все еще не мог понять некоторых мест Писания.

Я читал: «Кто пьет воду, которую Я дам, тот никогда не будет жаждать. Вода, которую Я дам ему, будет в нем источником жизни вечной». По отношению ко мне это не было правильно в полном смысле текста. Не всегда из сердца моего «лились реки воды живой». Гораздо чаще мне приходилось делать над собою усилие и насосом качать из себя эту живую воду — она не текла сама собой. Часто думал я о Господе, и душа моя преклонялась перед Ним в преданной Ему любви, но я не знал Его, я не ощущал Его присутствия. Я читал, что апостолов как-то укоряли в том, что они «напились». Ап. Павел тоже сравнивает с опьянением состояние, когда в человеке присутствует Дух Божий. Изречение «кто пьет воду, которую Я дам, тот никогда не будет жаждать. Вода, которую Я дам ему, будет в нем источником жизни вечной» казалось мне обычной условностью речи, ибо приказания Божии всегда связаны с обещанием награды за их исполнение, причем награда всегда больше, чем предъявляемое требование. Тем не менее мне никогда не приходилось встречать людей, которые, согласно выражению Иоанна Крестителя, были бы «крещены Святым Духом и огнем» и были «преисполнены Духа», как говорит ап. Павел.

Даже в самых важных духовных вопросах я был до того невежествен, что, очистившись от греха и одержав над ним очевидную победу, я все еще не понимал, что славнейшее проявление Бога воспринимается при познании его духом. Тогда, читая слова Иисуса Христа «примите благодать Святого Духа», я не обращал внимания на то, что для более совершенного крещения в Духе Святом они должны были ждать и молиться в течение десяти дней. Не обращал я тогда внимания и на то, что «когда они помолились, место, где они собрались, потряслось, и они были исполнены Духом Святым». Конечно, я не был в положении «учеников, которые еще не слышали

о существовании Духа Святого». Несмотря на это, я не представлял себе, что такое «крещение огнем и Духом».

Глубоко благодарный Богу за освящение верой, неожиданно испытанное мной несколько месяцев назад, я как-то раз был в лесу с маленькой группой христиан, ожидавших Бога для крещения в Духе. Мы ждали. Наконец «с неба послышался шум как бы от бури, и звук этот наполнял все место, где они сидели». Никакими другими словами я не могу описать этого ощущения. Ни листик, ни былинка не шевельнулись — вся природа была спокойна. Господь открыл себя Духом своим не нашим чувствам, а в Духе. Все мое существо, казалось, было преисполнено Богом, в которого я давно верил. Мои внешние чувства не могли бы дать мне такого сознательного ощущения Его присутствия. Теперь я понял сверхчувственные видения Исаии, Иезекииля и Павла. Теперь для меня среди всех реальностей самое реальное — Сам Создатель. Это было грозно, но не ужасно. Я не утратил ни одного из моих чувств, но все они были объединены, охвачены одним высшим проявлением. Вопрос, который был вложен в меня, получил ответ так скоро, как это только было возможно. Моя душа ничего не растеряла из небесного присутствия, охватившего, наполнившего все мое существо. Тогда я никому не рассказал об этом случае. Лишь несколько дней спустя, когда мы встретились с женой, она разрыдалась, глядя на меня. Так сильно изменилась моя наружность. «Вода жизни» пошла из сердца моего, из моего пробудившегося сознания. Сладостное, легкое благоговение осеяло мой дух, ибо каждое мгновение я чувствовал присутствие Божие. Это состояние не покидало меня уже никогда, даже во время самой тяжелой работы. Жизнь моя стала гимном хвалы Господу.

Такое повышение чувства, естественно, мало-помалу стало исчезать. Но в моем внутреннем сознании постоянно звучит: «Я буду жить в них и ходить в них». Вид Распятого на Голгофе сделался в моем воображении реальнее, чем возможно видеть Его внешними чувствами.

В этом образе нет материальности, как при телесном зрении. Нежное, страдающее человечество, освещенное славою Божества, кажется мне, смотрит на собравшихся вокруг креста... Но тяжело говорить об этом. Мой бедный язык не открывает, а лишь затемняет то, что я хочу сказать. Как я хотел бы, чтобы эта преславная реальность была доступна и другим сердцам».

Р. П. С. представляет собой случай полного рассвета. У этого человека есть уже много, но он не видел «раскрытия небес». Он вступил в «брамическое блаженство», но не видел «брамического сияния».

Глава 23

Е. Т.

Родился в 1830 году. Получил космическое сознание в 1860 году, т. е. в тридцатилетнем возрасте. Подробности неизвестны. Помещен здесь лишь для отметки возраста.

Глава 24

Рамакришна Парамаханса

Немногими сведениями, которыми мы располагаем в этом случае, мы обязаны Максу Мюллеру и Протапу Чондер Мозумдару. Для нас особенно важны данные Макса Мюллера, ибо он не имел никакого представления о космическом сознании, хотя при своей постоянной работе по исследованию индийской литературы он тысячи раз должен был наткнуться на это явление, выраженное в более или менее определенной форме. Мы ограничимся здесь лишь приведением выдержек из двух вышеуказанных исследователей.

Рамакришна Парамаханса родился в 1835 году в деревне около Яганабада (округ Гугли), недалеко от Камарпукура.

Большую часть жизни он пробыл в храме богини Кали, на берегу Ганга, близ Калькутты. Он умер в 1886 году в саду Казипур, находящемся в двух милях к северу от Калькутты. Говорят, что он имел

огромное влияние на множество интеллигентных, образованных людей вроде Протапа Чондер Мозумдара и Кешуба Чондер Сена. Группа молодых людей, близко стоявших к Рамакришне, стали аскетами после его смерти. Они следуют его учениям, отказались от удовольствий, доставляемых деньгами и плотью, живут вместе и по временам удаляются в священные уединенные места. Нам передавали, что, кроме этих молодых людей, есть много семей — горячих приверженцев учения Рамакришны.

Рамакришна знал жизнь, хотя ему никогда не приходилось жить светской жизнью. Кажется, смолоду он был суровым аскетом. Он принадлежал к браминской касте. Был хорошо сложен, но аскетические лишения, на которых выработался характер Рамакришны, навсегда испортили его здоровье. Он был так слаб, бледен и тощ, что возбуждал всеобщее сострадание. Однако, несмотря на свою изможденность, лицо его было округло, по-детски нежно, с неизъяснимо мягким выражением ласковости и смиренности. Мозумдар говорит, что ему ни у кого не приходилось видеть такой улыбки, как у Рамакришны. Индийские святые всегда очень заботятся о своей внешности. Они носят гаруанскую одежду, едят строго по обряду, отказываются от сношения с людьми, строго блюдут кастовые различия, всегда горды и намекают на какую-то тайную мудрость. Индийский святой — всеобщий советчик и разрушитель чар и заговоров. Рамакришна никогда не прикидывался чем-либо подобным. Ни по платью, ни по еде он ничем не отличался от обыкновенных людей — разве что общей небрежностью, которую он проявлял и к тому, и к другому. Он поминутно нарушал кастовые различия. Он отказывался от титула «учитель», ему всегда были неприятны почести, и он горячо отрицал всякие таинственные и сокровенные знания. Он не почитал исключительно какого-либо одного индийского божества — Шиву, Вишну или Шакти, — он признавал все учения, все воплощения, все обычаи и уставы всякого религиозного культа. Он считал правильными все

культы. Религией Рамакришны был экстаз: его богопочитанием было сверхчувственное прозрение. Он весь, днем и ночью, горел постоянным огнем, лихорадкой странной веры и чувств. Внутренний огонь прорывался в его долгих разговорах. Он часто погружался в упоительный экстаз и тогда надолго терял сознание всего окружающего. Особенно часто это бывало с Рамакришной, когда ему приходилось говорить о явлениях, происходивших с ним, или когда ему приходилось слышать о таких же явлениях у других людей. Кришна был для него воплощением самоотверженной любви. Рассказывают, что когда Рамакришна думал о Кришне, то сердце его наполнялось жгучей любовью к Богу, черты лица его внезапно становились суровы, недвижны; он терял зрение и был в бессознательном состоянии; лишь слезы текли по бледному, суровому, но улыбающемуся лицу. Находясь в этом состоянии, он часто молился, пел и говорил с такой мощью и вдохновением, что покорял самые грубые сердца, заставлял плакать тех, кто никогда не плакал от религиозных впечатлений.

Что всего замечательнее, религия Рамакришны не ограничивалась почитанием лишь индусских божеств. Долгое время он подвергал себя различным искусам, чтобы усвоить магометанскую идею всемогущего Аллаха. Он отпустил себе бороду, ел то, что предписывается есть мусульманам, постоянно повторял изречения из Корана. При упоминании имени Христа Рамакришна склонял голову, почитал учение об его божественном происхождении и раза два присутствовал при христианском богослужении. Рамакришна показал нам, как возможно соединить в себе все религии мира, видя в каждой из них лишь ее достоинства, глубоко почитая каждого пострадавшего за истину, за любовь к Богу и к людям. Рамакришна не оставил после себя никакого письменного труда. Его друзья записали много его изречений. Рамакришна не хотел создавать секту.

Вот несколько отрывков, характеризующих его учение:

«Как освободиться от низшей части нашего существа? Цветок опадает сам по себе, по мере того как развивается плод, — так и ваше низшее «я» будет пропадать в вас по мере роста в вас божественного «я».

До тех пор пока божественному росту сердца мешают плотские желания, маловероятно, чтобы сердце наше вместило в себе свето-

носного Бога. Блаженное божественное видение бывает лишь у сердца спокойного и осененного божественным общением.

Грязное зеркало не отражает лучей солнца, нечистое сердце подчинено Майе (обманам чувств): оно никогда не увидит славу Бхагавана, Святого. Чистые сердцем в сердце увидят Господа, так, как чистое зеркало отражает лучи солнца. Итак, будь свят.

Молодая жена, только что вышедшая замуж, совершенно поглощена хозяйством до тех пор, пока у нее нет ребенка. Но у нее не бывает его, пока она не перестанет обращать все свое внимание на мелочи хозяйства, не перестанет лишь в них видеть все удовольствие. Когда же у нее рождается ребенок, она нянчится с ним, голубит его все время, целует его с горячей радостью. Так и человек бывает поглощен лишь житейскими делами, пока он невежествен. Но лишь только он видит Всемогущего Бога в сердце своем, он уже перестает находить удовольствие в житейском. Наоборот, теперь его счастье состоит лишь в служении и работе Богу. Он уже не находит счастья в других занятиях и не может отвлечь себя от экстаза соединения с Богом.

На верх дома можно попасть по приставной лестнице, по бамбуковому шесту, по внутренней лестнице дома или по веревке; так различны и пути, и средства приближения к Богу, и каждая мировая религия указывает один из этих путей.

Почему мы не можем видеть Божественную Мать? Она, подобно высокородной даме, делает все в доме с окнами, закрытыми занавесями: она видит все, ее — никто не видит. Преданные Ей дети Ее видят Ее, лишь подойдя близко к Ней за занавесями Майи (иллюзии).

Много звезд вы видите ночью на небе, пока не взошло солнце. Солнце взошло, и вы не видите ни одной звезды. Можете ли вы из-за этого сказать, что днем на небе нет звезд? Так и ты, о человек, не говори, что Бога нет, потому что ты не видишь Его при свете дня твоего невежества. Жемчужная раковина, заключающая в себе жемчужину, сама по себе стоит недорого, но она важна для роста жемчужины. Для человека, который взял жемчужину, раковина уже не нужна больше. Подобно этому, обрядности и уставы необязательны для человека, постигшего Высшую истину — Бога.

Мальчик, одевший львиную голову, кажется очень страшным. Он идет туда, где играет его сестра, рычит на нее. Она перепугалась и плачет в отчаянье, что не может ускользнуть от его когтей. Но когда ее маленький мучитель сбрасывает с себя маску, перепутанная девочка сразу узнает любящего ее брата, бежит к нему и кричит: «Да это мой брат!» То же самое бывает и с людьми, напутанными до того, что они начинают делать все что угодно с людьми, обманутыми безымянной силою Майи, или Неведения, под маскою которой скрывается Брахман. Но когда маска Майи снята с Брахмана, люди видят в нем не ужасного, непрощающего Господина, а свое собственное, любимое, другое Я».

Глава 25

Д. Х. Д.

Довольно крупный купец. Приобщение к космическому сознанию было мгновенно, но не совершенно — оно не внесло заметной перемены в его жизнь. Очень мало кто из сотен людей, знавших Д. Х. Д., подозревал о том, что с ним был из ряда вон выходящий случай. На него не смотрят как на святого или мудреца, но у него было много близких друзей. Во многих отношениях он был замечательно интеллигентен. Родился он 25 мая 1837 года. Ночью 31 декабря 1868 года он видел следующий сон. Совершенно неизвестно, имел ли этот сон какое-нибудь отношение к озарению. Я привожу этот сон со слов Д. Х. Д., чтобы каждый мог составить о нем собственное мнение. Лично мне кажется, что если ощущения сильного света, испытанные Д-м в этом случае, и не представляют собой «субъективного света», сопровождающего космические озарения, то все же это явление близко к последним.

«Я видел, — пишет Д. Х. Д., — будто я стою за прилавком в своем магазине в солнечный полдень и вдруг сразу стало темнее, чем в самую темную ночь. Мой знакомый, с которым я говорил, выбежал вон на улицу. Я за ним. Хотя и было темно, я увидел — сотни, тысячи

людей наполняют улицу, дивясь на происходящее. На небе, далеко на западе, стояло яркое пятно света, как звезда, в ладонь величиной. Оно стало расти, расти, надвигаясь все ближе и ближе, пока не осветило все, разогнав тьму. Когда оно стало величиной в шляпу, оно разделилось на двенадцать меньших огней с одним большим пламенем в середине и стало очень быстро расти, и я внезапно понял, что это — пришествие Христа. В тот момент, когда эта мысль пришла мне, вся юго-западная часть неба была полна сияющими толпами и в середине их — Христос и двенадцать апостолов. В это время кругом было светлее, чем можно вообразить человеку, и когда сияющие толпы поднялись к зениту, мой друг, с которым я говорил, воскликнул: «Это мой Спаситель!», и он будто тут же оставил свое тело и поднялся в небеса, а я был недостаточно хорош, чтобы последовать за ним. Тут я проснулся. Этот сон произвел на несколько дней сильное впечатление на меня, и я никому о нем не рассказывал. Недели через две я рассказал о нем своим домашним, затем в своей воскресной школе и потом часто говорил о нем. Никогда я не видал сна более живого: совсем как наяву».

Окончание этого случая берем из письма Д. Х. Д. от 4 июня 1892 года:

«Года три мне пришлось пробыть в подготовительной стадии, как винограду, из которого приготавливают вино. Я знал, что где-нибудь должен быть свет и покой, иначе вся Библия — ложь. Еще мальчиком я думал о втором пришествии, и хотя я и смеялся над сектой «миллеритов» и знал, что у них идиотские ожидания, однако внутри самого меня было что-то чудесное, заставлявшее меня ждать какой-то внезапной перемены. Однажды, поздней весною 1871 года (тогда мне было 34 года от роду), Г. Д. Б.* сказал моей жене, что со мной происходит нечто очень странное. Он сказал: «Ваш муж вновь родился и не знает этого. Он маленькое духовное дитя, младенец с еще не раскрывшимися глазами, но об этом он скоро узнает».

Примерно через три недели после этого, приблизительно без четверти восемь вечера мы шли с женой по второму авеню (в Нью-Йорке) — по дороге на лекцию в Либеральный клуб. Я внезапно воскликнул, обращаясь к жене: «Я имею жизнь бесконечную!» Не могу сказать, чтобы это было потрясающее, но все же это было чрезвычайное возбуждение. Преобладающим ощущением была ка-

* См. о нем далее.

кая-то не знающая смерти уверенность, что во мне восстал Христос и навеки останется в моем сознании. Так это и есть! Три года спустя, в августе 1874 года, на местном пароходе, среди толпы, я сидел в кресле, откинувшись на спинку. Вдруг я ощутил сильнейшее умственное и духовное возбуждение, когда мне показалось, что вся душа моя и все тело проникнуты светом. Но все это никогда не могло бы заставить меня забыть первый случай, хотя тогда он меня и не захватил так».

Глава 26

Т. С. Р.

Родился в 1840 году. В 1872 приобщился к космическому сознанию в возрасте 32 лет. Был членом пресвитерианской церкви, где занимал видное положение. После озарения покинул церковь и с тех пор не имел никакого отношения к какой-либо организации этого рода. Всегда был очень серьезный и вдумчивый человек. Про него рассказывают, что «в 1872 году друзья в течение некоторого времени думали, что он сошел с ума». У Т. С. Р. был какой-то тяжелый духовный кризис, точная природа которого мне неизвестна*. Но что бы ни случилось с Т. С. Р., это прошло, и после этого он был не только вполне здоров, но и поразительно точно мыслил. Его семейные отношения превосходны: его все очень любят — жена, дети, друзья. Он проникнут уверенностью в личном бессмертии. Он очень скромный человек. В нем есть нечто, производящее на людей впечатление, что он человек более богатый, чем миллионер, у которого он работает приказчиком, и что он знает это.

* Луи Ламера, т. е. Бальзака, во время его озарения друзья принимали за сумасшедшего. Магомет боялся сойти с ума. Для М. К. Л. (смотри ниже) был тот же вопрос. Вопрос о сумасшествии приходит в голову почти каждому, испытавшему озарение.

Глава 27

В. Х. В.

Родился в 1842 году. Вступил в космическое сознание в 1877 году на тридцать шестом году жизни. Человек очень сильного и оригинального ума и удивительной памяти. Один из его знакомых пишет: «Он обладает замечательным даром слова. Кажется, он поглотил самые умы и сочинения Дарвина, Гексли и Спенсера. Он говорит со знанием и авторитетностью их троих. Их сочинения и мысли всегда у него на языке. Пробыть с ним хотя бы несколько дней — все равно что получить хорошее образование. Он был превосходный скрипач, слабее разве лишь первоклассных знаменитостей. О Д. Б. — методисте, человеке большого духовного просветления — В. Х. В. услышал в 1877 году, послал за ним и разговаривал с ним часов пять. Он мог разговаривать о литературе, музыке — о чем угодно, и все, что он ни читал или слышал, он запоминал уже навсегда. Он попросил о новом свидании; второй разговор длился часа два, и под конец разговора В. Х. В. сказал: «Теперь, Д. Б., мне больше ничего не нужно. У меня остался лишь один вопрос: было ли у вас то, что ученые называют «новой молодостью»? «Да, у меня она была, — ответил Б., — и могу прибавить, что и к вам она придет». Д. Б. уехал к себе в тот же вечер. На следующее утро он получил телеграмму от В. Х. В.: «Я получил эту молодость». Впоследствии мне пришлось слышать описание этого явления — прихода этого состояния. В. Х. В. рассказывал: «Я пошел во двор к водокачке, и в ту минуту, как я подходил, вдруг я испытал сотрясение всего организма, поток света и вместе или тотчас вслед — сотрясение и субъективный свет — как огромное внутреннее пламя и сознание совершенной гармонии с силой, которая все создала и находится во всех вещах. Всякие борения прекратились — не для чего было бороться: я был в мире».

Глава 28

Ричард Джеффриз 1848–1887

Родился 6 ноября 1848 года. Умер 14 августа 1887 года. Я привожу этот случай потому, что Джеффриз много лет провел в сумерках космического сознания, но солнце не осияло его. В этом отношении описываемый случай интересен для всех интересующихся темой этой книги. Случай этот еще интереснее ввиду того, что Джеффриз написал автобиографию, где дает очень откровенный рассказ о своей духовной жизни до тридцатипятилетнего возраста. Кажется, сумерки космического сознания стали рассветать для него, и допустимо, что у него, хотя и на мгновение, было бы полное космическое сознание в типическом возрасте, если бы, когда ему было тридцать три года [105], он не захворал и болезнь не мучила его до самой смерти. Он умер на тридцать девятом году. В книге его отразилась высшая ступень духовной жизни, на какую был способен Джеффриз, — высота большая, чем самосознательная, и ниже высоты космического сознания.

Книгу, конечно, стоит прочесть всю, но для нашей специальной цели совершенно достаточно нижеприведенных выдержек.

«История моего сердца начинается лет семнадцать тому назад [105:1]. Мне было не больше восемнадцати лет, когда во вселенной я почувствовал внутренний, таинственный смысл, и неопределенные желания проникли в мой ум [105:181].

В восемнадцать лет Джеффриз вступает в сумерки космического сознания. Но ни тогда, ни после у него не было космических явлений, характеризующих вступление в область космического сознания.

Я был совершенно один: земля, солнце и я. Лежа на траве, я, в душе моей, говорил земле, солнцу, воздуху и далеким, невидимым морям. Я думал о незыблемости земли — я чувствовал, как она несла меня; сквозь траву я чувствовал какое-то влияние, как будто вели-

кая земля говорила со мной. Я думал о блуждающем воздухе — его чистоте, которая есть его красота. Воздух прикасался ко мне и давал мне нечто свое [105:4]. Я молился всему этому. Я чувствовал неопишемое движение души [105:5].

Я думал о своем внутреннем существовании, о том сознании, которое называется душой. Я бросил на весы судьбы всю силу тела, ума и души; я напрягся; я боролся, работал, трудился в мощи молитвы. Молитва — это движение души — не была сама по себе направлена к чему-нибудь определенному. Это была страсть. Я зарыл лицо в траву; я был в совершенной прострации; я был побежден и унесен куда-то [105:7].

Если бы какой-нибудь пастух случайно увидел меня лежащим на траве, он, вероятно, подумал бы, что я прилег отдохнуть на несколько минут. Кто мог бы вообразить, что за вихрь страсти бушевал во мне, когда я лежал там! Я был совершенно измучен, когда дошел до дома [105:8].

Глубоко охваченный горним небом, прочувствовав дивную красоту дня, вспоминая старое, старое море, которое (так мне казалось) было как раз за горизонтом, я почувствовал себя затерявшимся во вселенной, поглощенным ею. Мое чувство проникало глубоко подо мной в землю и вверх, высоко в небо и еще дальше и дальше — к солнцу, к звездам. Еще дальше, все дальше: за звезды, в пустоту пространства. И я потерял

Джефффриз все время стремится, хочет, но не может схватить и бороться. Он напряженно чувствует, что есть что-то бесконечно желанное как раз около протянутой руки, но никак не может прикоснуться к этому.

О подобных местах Солт [172:53] говорит: «Джефффриз здесь пишет открыто, как человек, получивший внутреннее откровение красоты вселенной». Но обратите внимание: его любовь к природе очень сильна, но она лишь желание, стремление к чему-то, желание неудовлетворенное. Пожалуй, сущность космического сознания, с точки зрения интеллекта, состоит в ощущении единства субъекта и объекта. Вспомните изречение Вага-Санейи-Самхита-упанишады [193:173]: «Станный, трудный, но верный парадокс я даю: материальные предметы и незримая душа составляют одно целое». Гаутама говорит, что «внутри не возник глаз, чтоб угадывать знание, понимание, мудрость, озаряющую путь истинный, свет, разгоняющий мрак».

свою субъективную обособленность, и я сам стал казаться частью целого [105:8–9].

Все время я изо всех сил молился, чтобы я мог иметь в моей душе ее интеллектуальную часть — мысль, идею [105:17]. Смотрите! Этот момент дает мне всю мысль, всю идею; душа всецело выражена в Космосе, окружающем меня [105:18]. Он дает мне полноту жизни — такую полноту, как морю, солнцу, земле, воздуху. Он дает мне величие и совершенство души выше всего. Дает мне невыразимое желание, подымающееся во мне, как волна прилива. Дает мне со всей мощью океана [105:103]. Я чувствую бесконечную жизнь души. Я чувствую существование Космоса мысли [105:51]. Я верю в человеческий образ. Дайте мне найти что-нибудь, какой-нибудь способ, которым этот образ вылился бы в совершенную красоту. Красота человеческого образа — как стрела: она растет так же, как увеличивается расстояние, пролетаемое стрелой в зависимости от увеличения силы лука. Идея, заложенная в образе человека, в состоянии безгранично расширяться, красота его образа может беспредельно увеличиваться. В моей молитве я просил, чтобы мне было открыто, как жить разуму, внутреннему сознанию, как душе жить так, чтобы это было не теоретическое существование, а настоящая полная жизнь [105:30].

Когда я распознаю мое внутреннее сознание, мне кажется, смерть не может простираться на личность. Распадение тела на составные части не открывает непроходимой пропасти, бездонного провала, отделяющего нас от жизни; дух не делается сразу недоступным, удаляясь на безграничное расстояние [105:34].

У него есть ощущение вечной жизни. Ему кажется, что он не умрет. Если бы Джефффриз обладал космическим сознанием, то он приобщился бы к вечной жизни, бессмертие для него не казалось бы, а существовало.

Для меня все сверхъестественно [105:42]. Невозможно низвести законы мышления до законов, управляющих жизнью дерева [105:42].

Когда я думаю, что в данный момент я нахожусь в вечном «теперь», которое всегда было и будет, когда я вспоминаю, что в данный момент я нахожусь между бессмертными предметами, что,

вероятно, здесь есть души, настолько же безгранично превосходящие мою душу, как она превосходит кусок дерева, — что же тогда «чудо»? [105:44]

Я чувствую, что нахожусь на границе неизвестной жизни. Я почти касаюсь ее. Я — на рубеже сил, которые я мог бы схватить, если бы существование мое было безгранично [105:45]. Часто все мое существо наполнялось экстазом тонкого наслаждения всей вселенной. Мне нужно больше идей о жизни души. Я уверен, остается найти еще много этих идей. Громадная жизнь — вся цивилизация находится как раз за порогом обыкновенной мысли [105:48].

Существует Сущность, Душа — Сущность, но ее еще не признают [105:48].

Он чувствует, что не достиг, что есть что-то, чего он не в состоянии получить. Он никогда не чувствует полного удовлетворения, но лишь на одно молниеносно краткое мгновение. Над кем поднялось солнце космического сознания — кто достиг нирваны — Царствия Небесного, тот уже успокоился и счастлив.

Душа — космическое чувство. Джеффриз предощущал его, но не получил.

У человека есть душа, но мне кажется, она еще в выморочном состоянии (без хозяина). С помощью этой души человек раскроет то, что теперь считает сверхъестественным [105:144].

Всем сердцем моим я верую в тело, в плоть; я верую, что его надо нарастить, сделать гораздо прекраснее всеми средствами [105:30]. Я верю, что члены тела могут быть устроены сильнее, совершеннее, выносливее. Я верю, что наружность может быть еще прекраснее, сложение — изящнее, движения — грациознее [105:29]. Я убежден, что всякий аскетизм — самое подлое богохульство: богохульство по отношению ко всему роду человеческому. Я верю в плоть и тело, достойные поклонения [105:114].

«Я верю в плоть и желания. Зрение, слух, ощущение — чудеса. Для меня чудо в каждой части, в каждом пустяке».

Как могу я соответственно выразить свое презрение в адрес изречений, что все направлено к лучшему, что все кончится мудро, благотельно, что все направляется человеческим разумом! Это отчаянная ложь и преступление против человечества [105:134].

Ничто не развивается. В природе эволюции не больше, чем какого-либо predetermined плана. Смотри на природу лицом к лицу, а не изучая ее по книгам, я пришел к убеждению, что в ней нет ни плана, ни эволюции. Что в ней есть, какая была причина, как, почему — все это еще неизвестно. Очевидно, ничего такого и не было [105:126]. Ни в одном живом существе нет ничего человеческого. Вся природа, вся доступная для нашего наблюдения вселенная — против человека, она вне его и не имеет ничего общего с человеком [105:62]. В природе, во вселенной нет ничего человеческого, все направлено против человека, нет никакого плана, формы, цели — ввиду всего этого я прихожу к заключению, что нет божества, которое имело бы что-нибудь общее с природой [105:63]. То же самое относится и к взаимным отношениям людей, к обычным событиям человеческой жизни, где все — игра случая [105:64]. Очевидно, и здесь нет ответственного божества [105:66].

Я был вынужден написать все это непреодолимым побуждением, с молодых лет заставлявшим меня сделать это. Я пишу совсем не для того, чтобы убеждать, еще менее того из-за выгоды — конечно, мне больше вреда, чем выгоды от моих писаний. Мое сердце потребовало этого, и я выразил свои убеждения [105:181]. Самое большое затруднение, испытанное мной, — недостаток слов для выражения мыслей» [105:184].

Это место совершенно ясно доказывает, что у Джефффриза не было космического сознания: он не знал космического порядка, не видел «цепи причин» и «вечных колес».

Так Блейк говорит об «Иерусалиме»: «Я написал эту поэму под прямую диктовку, по двенадцати, иногда двадцати или тридцати строк за раз без предварительного обдумывания и даже против моей воли». Это чувство приказа извне или изнутри от чего-либо или от кого-либо — почти общее для всех людей, обладающих космическим сознанием. Даже те, кто, как Джефффриз, не вошли в святая святых, у кого прозрение было далеко не совершенно, все же видели больше, чем возможно выразить языком самосознания.

К. М. К.

Необходимо заметить, что г-жа К. М. К., описывая явления, наблюдаемые ею над собой, не знала ни одного аналогичного случая, руководствуясь которым она стала бы приноравливать подробности своего рассказа. (То же самое, впрочем, вообще надо сказать и про все прочие случаи, приводимые в этой книге.) Вне всякого сомнения, рассказ г-жи К. М. К. совершенно точно, просто и прямодушно, насколько было в ее силах, описывает ее душевные переживания во время наблюдаемого ею над собой явления.

«Я родилась в 1844 году. Говорят, что в детстве я никогда не казалась ребенком: я всегда была задумчива не по летам. Не могу припомнить, было ли время, когда я не думала о Боге и не удивлялась Ему. Красота, возвышенность природы с раннего детства запали мне в душу. Я ходила в церковь и в воскресную школу, внимательно слушала молитвы и проповеди, думала о них гораздо больше, чем могли бы предположить. Проповеди были старомодные — пресвитерианские — все больше о Страшном Суде, о безвыходном положении грешников, о непрощаемых грехах и все в этом роде — о вещах страшных для серьезного ребенка с живым воображением. С годами я все больше и больше задумывалась и все больше становилась в тупик. Я горькими слезами плакала над страстями Господними — мне жаль было, что мои грехи пригвоздили Его к кресту. Как Он был Богом, этого я не могла понять, но не сомневалась, что это верно. Библию, катехизис и особенно «Исповедание веры» я учила не только по обязанности, но и потому, что чувствовала, что там я найду истину. Как ужасно я была потрясена, когда узнала, что язычник без Евангелия не может быть спасен! Жестокость, несправедливость этого заставили меня почти возненавидеть Бога — зачем Он так создал мир? Однако я постаралась присоединиться к взглядам церкви, думая, что это умиротворит, успокоит меня. Но хотя тут я чувствовала себя безопаснее, однако я ни на йоту не чувствовала себя удовлетворенной. В семье

стали получать довольно либеральную духовную газету — я тогда была еще совсем девочкой, — я читала ее, и это чтение до некоторой степени успокаивало меня: чтение разъяснило мне, что узкая доктрина, в которой я была воспитана, не составляет всего христианского вероучения. В то время из книг я больше всего любила «Потерянный рай», Поллок «Поток времени» и «Путешествие пилигрима». Хотя надо сказать, «Поток времени» надолго расстроил меня. Громадность, величие Бога, ощущаемого мной в природе, я никак не могла согласовать с Богом, как его описывает Библия. Я всячески старалась достигнуть этого, но тщетно, и конечно, вследствие этого я наконец стала чувствовать себя грешным скептиком. Так шли мои молодые годы, и хотя я была наружно счастлива, полна жизни, как и другие девушки, внутри меня всегда точила эта змея — во мне всегда звучала нота глубокой печали. Часто ночью я гуляла, вглядываясь в глубокое небо, в эти молчаливые бездны, глядела с невыразимым желанием получить ответ на мои немые внутренние вопросы, часто я падала на землю в агонии желания. Но если звезды и знали тайну, они не раскрыли ее мне. Мое состояние духа было обычно: какое множество средних девушек живут обычной, «средней» жизнью, а идеалы и желания у них куда выше, чем можно надеяться удовлетворить их. На двадцать втором году я вышла замуж. Лет через десять после этого перемена места заставила меня изменить прежний образ жизни. Появились новые знакомые, новые интересы. Мне пришлось прийти в соприкосновение с людьми более свободного образа мыслей. Вскоре я принялась за чтение книг и журналов («Ежемесячник общедоступной науки» и т. д.), которые я находила у моих новых знакомых. Первая серьезная книга была Тиндалля «Belfast Address». Она была для меня настоящим откровением. Начиная с этого времени у меня появилось представление об эволюции, и мало-помалу прежние представления начали уступать место рационалистическим идеям, более согласовавшимся с моими личными ощущениями. Вопросы плана, целесообразности природы, бессмертия личности и т. п. я предоставила уже науке: пусть разрешает их, если они поддаются решению. Я сделалась агностиком.

Я успокоилась на этом, но, по правде говоря, я не была совершенно удовлетворена. У меня не хватало в жизни чего-то, что, казалось мне, должно быть в ней: глубины моей собственной приро-

ды — не измерены; высоты, которые я вижу, — не достигнуты. Пропась между тем, кем я была и кем мне необходимо быть, — пропась глубокая, широкая. Но я видела, что и у других людей существует та же пропась: я подчинилась моей доле, как общей участи. Но теперь в мою жизнь, уже перешедшую за половину, уже, по-видимому, худо или хорошо сложившуюся, суждено было войти новому элементу, изменившему меня, мою жизнь и окружающий меня мир. Душе — моему более глубокому «я» — было суждено пробудиться и потребовать того, что ей принадлежит! Суждено было пробудиться непреодолимой силе и смертным борением сорвать завесу, за которой природа скрывает свои тайны. Тяжелая болезнь — крайнее изнеможение тела, духа и чувств — открыла мне глубины моей собственной природы. Много месяцев спустя я до известной степени поправилась, но была по-прежнему глубоко неспокойна. Сила, давшая мне возможность перенести страдания, дала мне и сострадание ко всем страдальцам. То, что я до болезни думала о жизни и что после, — было все равно что булавочный укол по сравнению с ударом кинжалом. Я жила на поверхности: теперь я ушла в глубину. По мере того как я погружалась все глубже и глубже, перегородки между мной и людьми падали, углублялось ощущение общности со всем живым. Теперь я была придавлена двойным бременем. Да что же, будет ли у меня наконец когда-нибудь покой или отдых? Казалось, что нет, не будет. В жизни много хорошего: хозяйство, муж, дети, друзья — но я с тоской думала о времени, оставшемся мне до смерти, когда наконец я буду свободна.

Уолт Уитмен в своих «Leaves of Grass» с чудесной силой и возвышенностью изобразил эту фазу умственного и духовного развития, описал ее так, как может сделать это человек, глубоко видящий свою собственную природу. В его дивных поэмах говорит сама природа. Она кричит от боли, от страсти жизни. Пламенные слова — как поток лавы несутся из кратера вулкана; это не только его голос — это голос всего скованного человечества, старающегося разбить свои оковы. Как хорошо прильнуть к такой огромной душе! Чувствовать это нежное человеческое сострадание! Подумайте, что за мужество было у этого человека, если посмотреть, каких высот он достиг и каким путем он шел!

Я пропущу промежуток между этим временем и сентябрем 1893 года; он не важен — была все та же внутренняя борьба. Теперь постараюсь как можно лучше описать самое главное событие моей жизни, так как, несомненно, оно касается всех дальнейших происшествий и является результатом ряда лет страстных исканий.

Я увидела, что мне было гораздо хуже, чем я думала. Боль, состояние внутреннего напряжения были так велики, что я чувствовала себя как слизняк, переросший свою раковину, и не могла уйти из самой себя. Что со мной было — я не знала, разве лишь что это было страстное желание свободы, большей жизни, более глубокой любви. Казалось, в природе не было ответа на эту бесконечную нужду. Огромный прилив прокатился надо мной — беззаботный, безжалостный. Вся моя сила ушла, все ресурсы израсходованы, ничего не оставалось, как подчиниться. Я сказала себе: тут должна быть какая-нибудь причина для этого — должна быть, даже если я не могу понять ее. Пусть сила, у которой я в руках, делает со мной все, что ей угодно! После этого решения прошло немало времени, пока наконец я подчинилась совершенно. Между тем я, всеми внутренними чувствами, старалась найти это начало, каково бы оно ни было, которое будет властвовать надо мной, когда я уступлю ему свое место.

Наконец с какой-то странной растущей силой моей слабости я решила: *я уйду сама от себя!* К моему великому изумлению, спустя немного времени я ощутила физическое облегчение, покой, как будто пропала какая-то напряженность. До этого времени я ни-

когда еще не ощущала такого совершенного физического здоровья. Я дивилась этому. Какой прекрасный яркий день! Я смотрела на небо, холмы, реку — и была поражена, как раньше я не замечала божественной красоты мира! Ощущение роста, легкости все увеличивалось, все приняло довольный вид, все стало уместным. За обедом я заметила: «Сегодня я как-то странно счастлива!» Если бы я тогда догадалась, какая огромная перемена происходит

«Я уйду сама от себя». Карпентер [56:166] говорит, что индийские йоги самым главным для достижения чудесных сил, или сиддхи, считают подавление мысли и уничтожение планов, намерений.

во мне, конечно, я бросила бы работу и вся отдалась созерцанию того, что во мне совершалось. Но все происходившее казалось до такой степени просто, естественно (несмотря на всю его чудесность), что я продолжала жить как всегда. Свет и цвета пылали, атмосфера содрогалась и вибрировала около и внутри меня. Повсюду все было совершенно спокойно и радостно, и, что всего удивительнее, у меня появилось ощущение присутствия чего-то великого, всепроникающего, милостивого, магнетического. Жизнь и радость так возросли во мне, что к вечеру я места не могла найти, ходила из комнаты в комнату, не зная, что мне с собой делать. Я рано ушла в свою комнату, чтобы остаться одной. Объективные явления скоро прекратились и начались субъективные: я видела и понимала высшую идею, вложенную в предметы, причину всего, что до этого времени было скрыто от меня, темно для меня. С подавляющим величием перед моим изумленным взором мгновенно раскрылась великая истина, что жизнь, что эволюция духа, что теперешняя жизнь — лишь звено в цепи развития духа. Да будут благословенны столетия страданий, ибо через них очищается дух и приводит нас к этому! Ощущение надвигающегося величия все усиливалось. Вдруг быстрая волна неизъяснимого блеска и величия накатилась на меня, и я была охвачена, поглощена ею. Я чувствовала, что я ухожу, теряю самое себя. Затем меня охватил сладостный испуг. Я теряла сознание, теряла свою личность, но не могла удержать самое себя. Далее — состояние восторга, такого сильного, что вселенная остановилась, и я дивилась невыразимому величию ее зрелища! Только Один во всей бесконечной вселенной! Вселюбящий и Всесовершенный! Совершеннейшая Мудрость, Истина, Любовь и Чистота! Во время этого восхищения появилось прозрение. В это дивное мгновение высшей благодати снизошло озарение. Внутренним зрением я видела атомы или молекулы, из которых, по-видимому, состоит вселенная — я не знаю, материальны или духовны они, — я видела, как они перестраивались, я видела, как космос в его вечной, постоянной жизни переходит *от порядка к порядку*. С какой радостью я убедилась, что в цепи нет перерыва, все звенья на своем месте, все происходит там и тогда, где и

От порядка к порядку — это космическое видение Славы Браммы — чувство или сознание космоса, заложенного в основании всей вселенной,

когда следует. Миры, системы — все спаялось, слилось в одно гармоничное целое. Жизнь вселенной тождественна со всеобщей любовью!

Я не знаю, как долго длилось состояние этого напряженного восторга, — он показался мне вечностью, а быть может, он длился всего лишь несколько мгновений. Затем наступило расслабление, слезы счастья и восторга. Я спасена. Я была на ши-

рокой дороге вверх, на пути, по которому окровавленными ногами шло и идет человечество с бессмертной надеждой в сердце и песней любви и веры на устах. Теперь я поняла истины древние, вечные, но все еще свежие, новые и сладостные, как утренний рассвет. Я не могу сказать, сколько времени продолжалось видение. Я проснулась утром с легкой головной болью, но духовное чувство было так сильно, что то, что принято называть действительностью, казалось мне как в тумане, нереальным. Моя точка зрения совершенно изменилась. Все старое ушло, и все сделалось новым. Идеал сделался реальностью, а прежние реальности сделались расплывчатыми, туманными, потеряв свою былую осязательность.

Эта туманная нереальность внешних предметов не длилась много дней. *Все стремления сердца были удовлетворены*, все вопросы были разрешены, я бесконечно любила и была бесконечно любима! Вселенная, как вал прилива, лилась во мне волнами радости и веселья, обливая меня потоками благоухающего успокоения.

точно так же, как чувство или сознание «себя» является центральным фактом нынешнего человечества. Это — «Цепь Причин» — Будды, «Вечные колеса» — Данте, «Размеренное, совершенное движение, процессия вселенной» — Уитмена [193:85].

Хуан Иепес говорит: «Иногда божественный свет с такой силой ударяет в душу, что не замечаешь тьмы и не обращаешь внимания на свет; душа делается бессознательной по отношению ко всему, что она знает, и теряешься в забвении, не зная, где она, что с ней, не замечая течения времени» [203:127].

Все стремления сердца были удовлетворены: уничтожение страстей и желаний, присущих самосознательной жизни (отсюда происходит слово «нирвана»), является одной из типических черт Царствия Небесного — космического чувства, как это мы уже неоднократно видели. Эта черта заметна в каждом настоящем случае космичес-

кого озарения, но нигде она не выражена лучше, чем в Евангелии: Иисус сказал ей: «Если бы ты знала дар Божий, и кто говорит тебе: дай Мне пить, то ты сама стала бы просить у Него, и Он дал бы тебе воду живую». Женщина говорит ему: «Господин! Тебе и почерпнуть нечем; а колодец глубок: откуда же ты возьмешь воду живую?» Иисус сказал ей в ответ: «Всякий пьющий воду сию возраждет опять; а кто испьет воды, которую Я дам ему, тот не возраждет, во век; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (Иоан. IV, 10–14).

Это передает действительное состояние. Безграничная любовь и нежность, казалось, действительно, лилась ко мне потоком мира, залечивая все ушибы и раны. Что за глупость, что за ребячество наша блажь и недовольство в присутствии этого светлого величия! Теперь я поняла, что страдание — это цена, которую надо заплатить за все то, что стоит иметь; что страдания каким-то таинственным образом очищают нас, утончают наши ощущения, этим самым делая для нас более доступными высшие и тончайшие проявления природы. Если это правильно для одного, то это правильно и для всех. Чувствуя и зная это, я не прихожу в отчаяние, как прежде, но я молчу, сижу и смотрю на все скорби мира, на все ничтожество и безумные страдания.

Милая вечная улыбка на лице природы. Нет ничего, что могло бы сравниться с этой улыбкой, — такой радостный отдых. Милая простота, как бы с любовью говоря-

Данте, при тех же обстоятельствах, сказал: то, что я видел, казалось мне *улыбкой вселенной*. О радость! О неизгладимое счастье!

щая нам: «Все хорошо теперь, прежде и всегда». Мне кажется, что «субъективный свет» — явление или электрическое, или магнитическое: при нем освобождается какая-то сила в мозгу и в нервной системе. Происходит нечто вроде взрыва — огонь, горящий в груди, переходит в поднимающееся пламя. Спустя недели после описанного озарения я часто видела электрические искры перед глазами. Мой субъективный свет не был нечто видимое: ощущение это было совершенно отлично от эмоции — это была сама эмоция, экстаз. Это было веселье, восторг любви до такой степени сильный, что он превратился в океан живого, ритмически волнующегося света, яркость которого *затмила свет солнца*. Его сияние, теплота

и нежность наполняли вселенную. Этот бесконечный океан был вечная любовь, душа природы и все — одна бесконечная улыбка!

«Затмила свет солнца».
Ап. Павел говорит: «Пре-
выше света солнца».

Магомет видел «поток света такой невыносимой яркости, что он упал в обморок». Иепес после субъективного света почти что ослеп на несколько дней. У Данте «внезапно, казалось, день прибавлен был ко дню, как будто тот, кто был способен сделать это, возвел на небеса другое солнце». Уитмен был ошеломлен «другим, неизъяснимым солнцем», «узнал все орбиты и более яркие, неведомые миры».

Больше всего меня удивляло то, что начиная с того сентября у меня все усиливалось ощущение присутствия Святого. Вся природа будто благоговейно затаила дыхание. Временами это ощущение с такой силой овладевало мной, что мне делалось душно, больно. Я не изумилась бы, если бы горы и холмы вдруг разразились гимном хвалы Господу. Иногда мне казалось, что они должны сделать это, чтобы облегчить меня.

«Разодранная завеса», «святая святых», «херувимы со сложенными крыльями», «шатер» и «храмы» — я вижу теперь, что это лишь символы, попытки человека выразить это внутреннее состояние. Природа касалась меня слишком сильно; иногда это угнетало меня; меня истощала такая крайняя экзальтация, и я была рада, если выдавался хоть один обыкновенный день. Я почти со страхом думала о лете. Когда настало лето, то свет и богатство красок, хотя они и были восхитительны, было почти свыше моих сил. Мы думаем, что мы видим, но на самом деле — мы слепы. Если бы мы были в состоянии видеть!

Однажды мои глаза раскрылись на момент. Это было утром в начале лета 1894 года. Я вышла, счастливая, довольная, посмотреть на цветы, заглянуть лицом в душистый горошек и с наслаждением вдыхать в себя его аромат, посмотреть, как ярко и разнообразны цветы. Удовольствие перешло в восхищение.

Такой же случай рассказывают о Бёме: «Он сидел на лужайке и, глядя на травы и злаки, видел их сущность, употребление и свойства» [40:15].

Я задрожала от восторга, и только я стала удивляться такому ощущению, как вдруг внутри меня открылась завеса, и я увидела, что

цветы живут и что у них есть сознание. Они движутся! От них отделяются электрические искры! Это было откровение! Я не могу описать, что я испытала при этом видении. Я повернулась и пошла домой в несказанном благоговейном ужасе.

У меня было — да и теперь еще есть, хотя и слабее, чем раньше, — странное ощущение внутри, над надбровными дугами, над глазами, как будто в этом месте пропало напряжение, *ощущение увеличения объема*. Это — чисто физическое ощущение. Умственное ощущение — *чувство величия*, благодности, особенно сильно заметное, *когда я бываю на воздухе*. Вышеописанное явление сопровождалось ясно выраженным и странным ощущением, как будто я нахожусь *в центре*, что я сама — центр. Ощущение выражалось в том,

что я чувствовала себя окруженной со всех сторон мягчайшими подушками, которые всюду касались меня. Куда бы я ни двинулась — они окружали меня. Подушки, на которых удобно покоилось *каждое усталое место тела*, так что, хотя я и сознавала это легчайшее прикосновение, оно нисколько не затрудняло движений, хотя в то же самое время оно было такой же постоянной и прочной опорой, как вселенная. Это были «вечные объятия». Наконец я была у тихой пристани. Но какой? Была ли она вне меня?

Сознание полноты и постоянства во мне самой объединяется с полнотой и постоянством природы.

Это ощущение совершенно от- лично от ощущения, бывшего у меня до озарения, и оно произошло из озарения. Я часто думаю и удивляюсь, что со мной случилось, что за перемена произошла во мне, так уравновесившая меня? У меня было ощущение, что я совершенно отдельна, отлична от всех прочих существ и предметов, и в то же самое время, что я нераздельна со всей природой.

«Когда я бываю на воздухе» — Карпентер говорит, что, когда он записывал мысли и чувства, диктуемые космическим сознанием, он нашел, что ему необходимо писать под открытым небом.

Чувство бессмертия, вечной жизни, свойственное космическому сознанию.

Это явление родило во мне непоколебимую веру. Глубоко в душе, глубже, чем страдание, глубже, чем все жизненные тревобления, стоит огромное, величавое спокойствие — безграничный океан

ничем ненарушимого покоя; это — покой самой Природы, которая «превыше разумения». То, что мы страстно ищем повсюду вне себя, под конец мы находим внутри себя. Царство внутри себя! Живущий внутри нас Бог! Это выражения, глубины значения которых мы не в состоянии постичь».

Младшая сестра г-жи К. М. К. послала мне письмо, в ответ на мой запрос, изменилась ли наружность г-жи К. М. К. после озарения. Ответ датирован 2 февраля 1895 года.

«Мне пришлось свидеться с моей сестрой месяца через три после описанного случая. Это было в декабре. Наружность ее так сильно изменилась, что это произвело на меня неизгладимое впечатление. Выражение лица, манеры так изменились, что она кажется совсем другой личностью. Ее глаза светятся ясным, живым, спокойным блеском, освещающим все лицо. Она так счастлива и довольна, так удовлетворена всем тем, что есть. С нее как будто скатилось тяжелое бремя, и она счастлива. Когда она говорила со мной, я чувствовала, что она живет в новом, неизвестном мне мире мыслей и ощущений».

Глава 30

Случай М. К. Л., изложенный им самим

Родился в январе 1853 года.

Мне трудно писать о себе, особенно о таком событии моей жизни, о котором в течение четырех-пяти лет я хранил благоговейное молчание. Доктор М. изложил мне вашу теорию космического сознания. Я сразу увидел, что в общем она хорошо определяет пережитое мной явление. Я не сообщал доктору детали происшедшего, — да и вообще я никогда никому не говорил о нем из боязни прослыть или суеверным, или даже помешанным.

Я смолоду имел репутацию хорошего проповедника и приобрел способность заинтересовывать слушателей и приковывать их внимание. Как священник, я бился над интеллектуальными задачами нашего времени не только в области теологии, но и в области естественных и социальных наук и психологии. Я горячо желал знать, и мои поиски истины были упорны и честны.

В феврале 1890 года, вскоре после дня моего тридцатисемилетия, из Канады приехал Его Преподобие Д. Е. Л., чтобы помочь мне провести ряд собеседований в моей церкви. Во время его пребывания у меня моя привязанность к нему возросла. Прошло три дня, как он уехал. Я думал о нем всю ночь, уже начал брезжить рассвет. Вдруг у меня проявилась уверенность, что в Д. Е. Л. я встретил воплощение Христа. При этой мысли я остановился на мгновение. Может ли это быть на самом деле? Я забыл о моем друге, я видел Христа. Он пришел ко мне не извне, а через врата, открывшиеся внутри меня. Я узнал Его, я чувствовал Его присутствие в моем духе, душе и теле. Затем, по мере роста этого чувства, я начал все сильнее и сильнее ощущать, что во мне разливается как бы облачко или туман, проникающий во все мое тело, туман этот тоньше света, больше проникает, чем жар, глубже проходит, чем электричество. Ощущение было такое, будто я погрузился в жидкость более подвижную и проникающую, чем эфир. Тело для этой жидкости представляло собой меньшую преграду, чем утренний туман, тающий в лучах восходящего солнца, чем воздух, на который птица опирается при полете крыльями. Восторг, возбуждение, божественность этого мгновения не поддаются описанию. Затем быстро меня обьял священный ужас таинственного присутствия и появилось сознание всего творения, всей вселенной. Это сознание резко пронзило меня, но не как мысль, ощущение или чувство, а как животворящее дыхание Божие. Состояние это все усиливалось. Наконец, я почувствовал, что поднимаюсь и распространяюсь в бесконечности, я растворился, потерялся в ней. У меня закружились ум и тело. Я почувствовал, что падаю, и закричал: «Видение слишком сильно для меня! Я не могу видеть лица Господа и жить! Отец Небесный, довольно!» Послышался ответный голос. Я упал в постель и спал, как дитя. Немного времени спустя я проснулся исполненный невыразимой радости и славы. Теперь я познал, что ап. Павел назвал «неизреченным даром». Этот случай в моей жиз-

ни был моим «избранием» — призванием исполнять волю Отца Небесного. Я взошел на кафедру, весь дрожа от пронизывающего дыхания Божия, и начал говорить проповедь. Проповедь захватила всех. Я видел перед собой крест как жизненную необходимость. Отчаяние и страх овладели мной, разум не мог перенести его, я, спотыкаясь, сошел с кафедры. Прихожане были напуганы тоской, выразившейся на моем лице и в словах.

Моя семья перепуталась, позвали доктора. Доктор сказал, что у меня нервная прострация, но нет симптомов помешательства — я был подавлен ужасом при мысли о сумасшествии. Я был так изнеможен, что мне необходим был покой. Я уехал к матери, жившей на холмах Коннектикута. Я рассказал ей, что со мной произошло. Она сказала: «Мой мальчик, я ждала этого. Теперь ты знаешь истину Христа Живого».

Характер моих проповедей совершенно изменился. Былая популярность побледнела, зато пробудились силы ума, и постижение истины сделалось яснее. Святое дыхание убивает похоть, страсти, ненависть, наполняя сердце радостью, а душу миром.

Сравните с Бхагават-Гитой: «От воздержанного человека уходят предметы чувств, но не влечение к этим предметам. Но и влечение это пропадает у человека, видевшего Всевышнего» [154:50].

Я знаю вечного Христа в ап. Павле и ап. Иоанне, Христа, явившегося в Назарете. Его появление было проявлением космического сознания в прошлом и первообразом нового человечества, в котором разовьется это сознание. Это раса Сынов Божиих, которые, подобно Моисею, будут находиться в Его присутствии, будут погружены в славу Его красоты и благословенность Его радости. Космическое сознание — это свет славы Божией в лице Иисуса Христа».

В ответ на мой запрос о дальнейших подробностях М. К. Л. пишет:

«Светоносный туман или свет скорее ощущался, чем был видим. Скорее всего можно сравнить это ощущение с тем, что чувствуешь в «пещере ветров» под Ниагарой. Я видел восход солнца над Монбланом из окна отеля Кутэ в Шамуни. Окраска была только тень-

ше в моем случае, приближаясь к светлому бериллу или водянистому изумруд.

Страх медленно уступал место ясному сознанию какого-то, по-видимому, сверхъестественного явления. Первая мысль была — «это паралитический удар», и я начал проверять все функции тела и мыслительных способностей. Затем рассудок начал понимать кое-что из происходившего со мною. Мышление шло нога в ногу с ощущениями, и каждое развитие явления вызывало работу мысли.

Я склонен думать, что процесс сосредоточен в разуме. Здесь я употребляю слово «разум» в смысле психики, которая, конечно, охватывает собой всю личность. Я всегда думал, что явление это сначала было субъективно, но что это субъективное явление было совершенно согласовано со всей объективной вселенной. Это был переход моего субъективного начала к новому отношению с объективным миром.

Это моя первая попытка словами описать тот святой час, и я писал о нем не без колебания. Но что написано — то написано».

Глава 31

Случай Д. У. У.

Родился 11 августа 1853 года. Озарение произошло 20 января 1885 года. У. — архитектор. Всегда настойчиво хотел знать, что есть истина, и поступить правильно. После озарения, длившегося всего лишь одно мгновение, он еще ревностнее пошел по тому же пути. До озарения он был агностик и скептик, как это видно из нижеприведенной его автобиографии. Он не только не верил, но даже и не надеялся. После озарения он никогда не сомневался в бесконечной благодати центральной всеправящей силы вселенной. Хотя космическое сознание появилось у него всего лишь на одно

мгновение и затем пропало, с тем чтобы уже никогда больше не появляться, однако оно невероятно облагородило его, — кажется, это лучшее определение происшедшей в нем внутренней перемены. Конечно, он не стал из-за этого ни Буддой, ни Христом — однако он все же сделался гораздо выше обыкновенного человека. Это можно подтвердить тем, что множество молодежи называло его своим наставником, духовным руководителем. Я лично могу засвидетельствовать, что молодежь любила и уважала его, видя в нем высшую духовную природу, которой до озарения не чувствовалось. После озарения Д. У. У. посвятил свою жизнь умственному и нравственному улучшению самого себя и своих друзей.

Я привожу набросок из его автобиографии, написанный для того, чтобы указать, как и при каких обстоятельствах он начал жить новой жизнью. Набросок не предназначался для этой книги, он не был написан по моей просьбе; он был составлен до моего знакомства с Д. У. У. — это делает его еще ценнее. Он не был написан для пояснения или в подтверждение какой-нибудь теории. У. знает лишь, что на мгновение он соприкоснулся с высшей формой жизни и узнал «неизреченные предметы» — пользуясь выражением ап. Павла. Эти предметы для него, во всяком случае, были, есть и будут — несказанно важны.

Д. У. У., обращаясь к своим друзьям, называвшим его своим «наставником», говорил:

«Сегодня, 20 января 1890 года, прошло ровно пять лет со дня смерти моей матери. Я решил ознаменовать его, рассказав вам о некоторых явлениях, которые до настоящего момента я хранил исключительно про себя — в самых священных тайниках моего сердца и памяти.

Едва ли мне нужно говорить вам, что последняя болезнь моей матери и ее смерть были для меня самым тяжелым горем и мукой, какие я когда-либо испытывал или буду переносить. Но в то же самое время, надо сказать, воспоминание о том времени навеки останется для меня самой большой драгоценностью, какая только у меня есть.

Этот период был высшим мгновением моей жизни и самым глубоким ее переживанием. В обычной жизни мы живем лишь на по-

верхности предметов и внимание наше тешится пустейшими иллюзиями и мыльными пузырями.

Мы с легким сердцем, наобум, болтаем о великих вопросах — о бессмертии и бесконечной благодати, — но они вообще-то не задают нас глубоко и нам безразлично их решение.

Но великая потеря раскрывает наши глаза и заставляет нас, в безмерном одиночестве наших душ, вглядываться в неизмеримую глубину, над которой мы плаваем, и стремиться найти огромное, торжественное решение этих вопросов. Оно находит на нас, объятые густой тьмой и тайной, пронзает наши сердца смертельной тоской, но, быть может, когда во время его прихода тьма гуще всего, в самый высший момент и может произойти откровение Высшего нашим душам и заставит нас соприкоснуться с Его Бесконечной Любовью и Неясностью.

Я не сомневаюсь, что именно это со мной и случилось. Говорить об этом — осквернить. Я недостоин даже намекать на это. Но это было утешением всей моей жизни, начиная с того момента.

Жаль времени, протекшего с того мгновения, ибо за одним мгновенным взглядом на невыразимый блеск потянулись года сгущающегося мрака, болезненного ковылянья и огромных ошибок без какой-либо духовной помощи или присутствия духовности; небеса глухи и не обращают внимания на самые горячие мои мольбы и страдания, небеса даже не желают облегчить их. Но сквозь все это упорно светит, как звезда, глубоко запавшее мне в сердце воспоминание о том священном времени. Я никогда ни на одно мгновение не усомнился, что Бесконечная Мудрость и Любовь охватывает все наши жизни, охватывает нежно, с жалостью и любовью. Мы можем прожить всю жизнь, не представляя себе этого, нет, даже тупо отрицая это. Но это существует; у кого когда-либо было видение, хотя бы на одно лишь мгновение, тот никогда не забудет его, хотя бы дальнейшая жизнь и была прожита во мраке и сам человек впадает в заблуждение и ошибки.

Я получил религиозное воспитание, обычное в пресвитерианской церкви. Был крещен по ее обряду, аккуратно посещал церковь и воскресную школу в течение первых десяти лет моей жизни.

Не меньшее влияние на мое религиозное воспитание имели домашние молитвы. Я до сих пор помню глубоко взволнованный, любящий голос матери, когда она молилась за своего единственного сына.

Я всегда любил книги и скоро начал замечать разногласие между наукой и тем, что я знал о религии.

Я узнал, что первая глава Книги Бытия была очень несовершенным описанием действительности. Одно время я увлекался книгами Гуго Миллера и успокоился было на его сближениях библейского текста с данными геологии. Но мне пришлось отказаться от Миллера, когда я прочел Дарвина и ознакомился с более современной геологией. Я припоминаю, с каким увлечением я переписывал доклад проф. Гексли, сделанный в Британской ассоциации, о происхождении современной лошади от ее предков эоценового периода и о ее развитии за это время.

Дарвинизм разрушил мою веру в библейскую легенду о сотворении мира, веру в авторитет Библии относительно происхождения зла и падения человека, а следовательно, и во все, зависящее от грехопадения, — искупление и примирение Бога с человеком. Легенды о потопе, вавилонском столпотворении и рассеянии языков казались мне менее значительными.

Помню, как я зачитывался тиндалевской книгой «Теплота как роль движения» и его лекциями о «Звуке». Они послужили для меня введением в физику. После них я узнал великое учение о сохранении и преобразовании сил в природе. По сравнению с такими великими идеями обычное представление о молитве показалось мне детским. Я прочел тиндалевские «Отрывки науки» и еще сильнее почувствовал это. Наконец, я совершенно потерял привычку молиться.

Если много читать по вопросам физиологии, то неминуемо начинаешь серьезно размышлять о природе сознания, об отношении между разумом и телесной организацией и об отношении всего этого к вере в бессмертие личности. Мне всегда казалось очевидным, что логические выводы науки совершенно противоречат такой вере.

Итоги: наука разрушила во мне веру в библейское предание о сотворении мира, о грехопадении человека и т. д., веру в учение об искуплении и примирении, в чудеса, в силу молитвы и в бессмертие личности. Сама идея воплощения Христа на нашей мизернейшей Земле тоже казалась мне несовместимой с царственным зрелищем бесконечной вселенной и ее вечного существования. Но чтение мое не было исключительно научным, и моя мысль формировалась и под иными влияниями.

Я читал кое-что из Декарта, Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и Спинозы. Теперь мне невозможно проанализировать или сказать, каково было их влияние на меня. Но если принять по Канту, что время и пространство существуют только как условия нашего сознания, тогда рассуждение о бессмертии души окажется непреложным, ибо самое основание бессмертия — время — рассыпается в прах. С ранней юности у меня было два кумира, — их я постоянно читал все с тем же интересом и восхищением, — это были Карлейль и Эмерсон. Эти два совершенно разных человека сходятся в одном — в абсолютной честности и искренности их учений, в их благородном, героическом характере и в их упорном, в течение всей их жизни, посвящении себя служению высшему. Они оба отвергают материалистические взгляды на мир, они считают его сущность духовной, и каждый из них по-своему верит в божественную волю: Эмерсон — с благодушным, всевозвышающим оптимизмом, Карлейль — с еврейским чувством таинственности, с ужасом ко злу.

Но ни Эмерсон, ни Карлейль не дают твердой уверенности в вопросе бессмертия личности. Карлейль оставляет это в таинственном мраке, о котором нельзя сказать ничего определенного с полной уверенностью, но можно надеяться. Эмерсон действительно верит в бессмертие, но есть места у него и совершенно противоположного свойства. Он говорит: «Вопросы, на которые мы страстно желаем получить ответ, — это исповедание греха». Он говорит о безусловном подчинении и доверии. Верьте всей вашей душой и всем сердцем вашим, что все прекрасно, и не задавайте вопросов. Если вечная жизнь к лучшему, она будет у вас; если нет, то не жалейте. Он верит, что все эти вопросы относятся к гораздо высшей области, чем обычно думают.

Пятнадцать лет прошло с того времени, как я изучал Теннисона, особенно его «In Memoriam». Его доводы казались мне сильными, но не доказательными. Я полюбил два тома избранных сочинений Броунинга, но не мог встать на его точку зрения. Я не рассуждал, а сердцем меня влекло к «Большой Надежде». Джордж Макдональд оказал мне огромную, всевозрастающую пользу, хотя я никогда не мог принять все его выводы целиком или преклониться перед его логикой. С другой стороны, логика веры Джорджа Эллиота казалась мне безупречной; его уважение к противоположным мнениям — совершенным. Его твердая, чистая преданность истине и фактам — уже это одно казалось мне его заслугой. Создания Дж. Макдональда почти всегда кажутся отвлеченными призраками. Действующие лица Эллиота — живые люди: уколи их — кровь потечет. Но нельзя отрицать, что его книги наводят на мрачные мысли, — сердце инстинктивно возмущается против веры Эллиота. Матью Арнольд сослужил мне огромную службу своими богословскими сочинениями: после них Библия опять стала представлять собой живой интерес для меня. Его знаменитая аксиома, что чудес не бывает, его полное отрицание сверхъестественных явлений — безошибочны. Тщательное изучение Исайи, в свете примечаний Арнольда, дало мне ключ к более возвышенной точке зрения, чем та, до которой он сам дошел. Он отрицает личного Бога и произвольность молитвенного импульса. Кто же может молиться «поток»у направлений»? Однако он проливает много света на характер и учение ап. Павла и дает возможность понять его лучше, чем его понимает сам Арнольд. Рескин верит во все это, но его авторитет уменьшается вследствие евангелических тенденций, от которых и сам он отказался впоследствии. Великие поэты мне казались невразумительными. Вся ценность Данте сводится к нулю его лживыми и ужасными описаниями вечных мук. Шекспир не касается этого предмета. Гёте, думается мне, я приписывал гораздо больше относительно его учения о действительности молитвы и о личном бессмертии, чем он на самом деле учил. Уитмена я знал крайне поверхностно, хотя и интересовался им. За год до смерти матери я прочел его «Leaves of Grass» и «Specimen Days» и почувствовал трепет от соприкосновения с этим могучим духом. Мне казалось необычайно важным, что он единственный из всех людей

проповедует учение о бессмертии с новой силой и авторитетностью.

Все, что я сказал, — лишь грубый, эскизный набросок происшедшей во мне умственной работы, возникавших во мне вопросов, моих сложных и трудных переживаний за многие годы. Но этот эскиз поможет вам разобраться в моем состоянии в то критическое время, о котором я пишу.

Перехожу теперь к моему рассказу: я не стану утомлять ваше внимание ненужными подробностями, постараюсь ограничиться лишь тем, что необходимо для ясности картины. Прежде всего я должен указать, что я никогда не был хорошим сыном. Слишком много было у меня тяжких ошибок и личных стремлений, чтобы быть им. У меня множество горчайших воспоминаний о моей жестокости, скверном нраве, эгоизме, отсутствии уважения и сострадания, о том, что я должен был сделать и не исполнил. Что было — то прошло, и теперь я только молю Бога, чтобы Он переделал меня.

Пожалуй, едва ли нужно говорить о моей матери. Конечно, и у нее были слабости и недостатки, но у нее была масса хороших качеств. Должен указать, что единственной ее страстью была глубокая, постоянная, всепоглощающая, самоотверженная любовь к своему единственному сыну. Каждый знает глубину священной материнской любви. Но мало кто знает, как велика эта глубина.

Многое сближало меня с матерью. Прежде всего потому, что отца никогда не было дома, а мои вкусы и наклонности удерживали меня дома. Во многих отношениях я был похож на мать, и, естественно, она во многом была откровенна со мной. Ее болезнь и слабость заставляли ее все больше и больше зависеть от меня и сближали нас.

Временами она страдала нечеловечески. У нее отнялись ноги. Когда отец бывал дома, он относил ее на руках в спальню. Когда его не было, она ползком добиралась туда, но никогда не позволяла мне отнести ее, чтобы я не надорвался, не ушибся. Но один раз она позволила мне, и с тех пор я всегда носил ее.

С утра она всегда чувствовала себя плохо и страдала от внутренней боли. Я всегда приносил ей чашку чая к завтраку, но она почти ничего не ела.

Года за полтора до смерти она сказала мне, что у нее рак. Я уже давно настаивал на том, чтобы пригласить доктора, и наконец мне удалось сделать это.

Позвали д-ра Р. Она повеселела после его посещения. Доктор сказал ей, что это не рак, а следствие ревматизма. Я тоже обрадовался. Но вскоре мама уже совершенно достоверно узнала, что это был рак, но она ничего не сказала мне, чтобы этот ужас не убил меня. Но и то, что я тогда перестрадал, было почти непереносимо.

Постараюсь быть кратким. Она заметно слабела, была совершенно несчастна, одинока. Ее всепоглощающая забота обо мне и полное безразличие к себе самой, постоянное самопожертвование и любовь в наших сердцах делались все нежнее и глубже по мере того, как мы все яснее и яснее видели приближение конца. Бесчисленные сердечные схватки и боли только еще определеннее открывали глубину и силу любви, сильнее всего, сильнее самой смерти.

Так шли дни, недели, месяцы, все печальнее и печальнее. Мать все раньше и раньше ложилась спать, и я, сидя один, невыразимо несчастный и печальный, думал о будущем. Я не мог перенести мысли потерять ее. Я старался, как мог, ободрить, развеселить ее, но усталость росла, и под конец она просила меня отнести ее в спальню.

9 января 1885 года я пошел поздравить знакомых с днем рождения. Вернулся домой к восьми вечера, отнес мать в спальню и ушел. Ночью она постучала ко мне, попросила принести воды, говоря, что чувствует себя худо. Через день я привел доктора, и только теперь он нашел рак и сказал, что конец неизбежен, дело лишь во времени. Я нашел сиделку и сам постоянно был при матери эти последние девять дней ее жизни. Она совершенно не обращала внимания на себя, для всех у нее находились слова любви и милосердия, она была даже весела, старалась ободрить меня, как и когда могла. По ночам она бредила.

Предпоследняя ночь была ужасна. Болезнь, опустошив мускульную систему, начала разрушать нервную. В припадке безумия она

металась и кричала: «Тилли, отпусти меня». Но я не мог сделать этого. Это было слишком невыносимо для меня. Перед лицом судьбы все мои духовные силы восстали в страшном протесте и горе. Я укладывал мать, старался сделать ей удобнее, и мгновение она лежала спокойно, но затем опять начинались нескончаемые вопли: «Почему ты меня не отпускаешь?» Так прошла вся эта кошмарная ночь.

На следующий день она была спокойнее. Доктор сказал, что теперь это лишь вопрос нескольких часов. К вечеру мой отец, сиделка и я стояли, каждую минуту ожидая конца. Она была в беспамятстве. Мне было ужасно, что она может так умереть. В семь вечера я был с ней один, стоя на коленях у кровати. Мой мозг горел. Кошмар. Моя мать уже не живое существо, а автомат. Я — автомат. Нас обоих затягивает колесо какой-то огромной безжалостной, тупой, бессердечной, всепоглощающей машины. Пришел отец и вывел меня из комнаты; я думаю, это спасло меня от помешательства. Поздно ночью отец насильно уложил меня спать; я проспал до шести утра и затем пришел к матери, где и пробыл до конца.

Мать стала еще слабее. Она нежно улыбкулась и поцеловала меня. Она была в полном сознании, но так слаба, что не могла говорить. Около полудня отец и сиделка ушли вниз. Я попросил мать, могли ли я помолиться с ней. Я никогда этого не делал, но мне казалось, это будет ей приятно. Она согласилась и была совершенно довольна. Стоя у ее ног, я кратко помолился Богу, чтобы Он милостиво освободил мать от страданий и взял ее к Себе, руководил и помогал мне в моем одиночестве. Затем я отвернулся на минуту к окошку. Когда я поглядел на мать — она умирала. Я позвал отца, и он успел к ее последнему вздоху. От избытка чувств я воскликнул: «Благодарение да будет Богу, ибо Он дал нам победу», и мне показалось, что дух матери кивнул мне в знак согласия. Мне казалось, что я стою перед Бесконечной Любовью. Ее я чувствовал всеми моими чувствами. Во время похорон и позже я был совершенно спокоен и умом, и душой, но потом этот неопишуемый покой прекратился, и сознание невозвратимой потери заставило меня провести в слезах немало бессонных ночей.

Теперь меня больше не беспокоят метафизические и философские затруднения в определении Бога, ибо теперь я знаю, что могу об-

ратиться к Нему, как к любящему отцу и другу. Меня уже перестали беспокоить рассуждения о промысле Божием и видимое расхождение с ними повседневной жизни, ибо я видел на деле промысел Божий в событиях совершенно естественных, но если сопоставить ход их развития, то совершенно сверхъестественных. Теперь я уже не сомневаюсь больше, что Бог есть любовь. Я уже не интересуюсь спорами о бессмертии души, ибо я знаю, что теперь все хорошо, что моей матери хорошо, и как бы я ни был недостойн, я лично видел неизъяснимую славу любви, которую я получил, когда моя мать была отнята у меня».

ИТОГИ

а) Д. У. У., судя по его рассказу, горячо стремился к духовному росту, а это, как известно, предрасполагает к озарению;

б) в момент изменения его духовной природы ему был тридцать один год;

в) явление субъективного света не наблюдалось;

г) озарение разума ясно выражено;

д) и еще лучше выражен нравственный подъем;

е) хотя он и не сообщает подробностей — возможно, потому, что не в состоянии сделать это, — однако ясно, что он пережил нечто сходное с космическим видением, хотя и не видел блеска Браммы;

ж) ощущение покоя и знания наблюдается во всех случаях достижения нирваны — космического сознания. Это ощущение, несомненно, наблюдалось у Д. У. У.;

з) некоторая тождественность этого случая с предыдущими ясна для каждого вдумчивого читателя.

Глава 32

Уильямс Ллойд

«Вы просите меня дать вам краткое описание моей жизни и хода духовного развития. Я родился 4 июня 1857 года в Уэстфильде, штата Нью-Йорк. Мои родители были англичане. И отец, и мать учились всего лишь несколько месяцев. Отец — плотник, мать — швея. Мать была человеком широкой, нежной, духовной, поэтической природы, большая любительница чтения. Отец был ярко выраженный аболиционист. Я получил очень мизерное образование в уездном училище. Мы жили около большого леса. Я не любил детского общества. Почти все время был в лесу и читал. Я любил деревья, как сознательных друзей.

Мне никогда не пришлось столкнуться с отрицательными сторонами религии. Будучи ребенком, я разговаривал с Богом, как с матерью. Мне попало несколько старых философских книг, и я начал доискиваться до корня. Я читал Библию, комментарии к ней и книгу о «Всех религиях». В тринадцать лет я был атеистом, затем, по мере чтения, я последовательно перебивал кальвинистом, арминианом, последователем Сведенборга. Когда мне было пятнадцать лет, меня определили плотничьим подмастерьем. Через год работа прекратилась, и я сделался садовником. Семнадцати лет я был лидером в молитвенных собраниях, увещателем и спорщиком со священниками по вопросам правильности исповедания. Восемнадцати лет сделался работающим студентом в училище гигиены Тролла. Здесь мне пришлось столкнуться с вопросами радикализма, здесь же я познакомился с моей будущей женой. Тролл умер, училище закрылось, и я ушел в Канзас, где был поселенцем, пастухом, мелким фермером. В 1879 году женился. Был врачом для моих соседей. Сделался членом Свободной Религиозной Ассоциации. Трехлетняя засуха выгнала меня из Канзаса. Уехал в Уинтон в штат Айова, где был ассистентом в санатории. Сделался агностиком. Читал Ингерсоля и научные сочинения. В 1883 году перешел в гигиеническую колонию в Теннесси. Затем я опять работал в лесах.

Стал более уверенно писать стихи; я начал это как раз перед отправлением в Канзас. Четыре года отстаивал свободную любовь. Колония разорилась, я уехал в такую же колонию во Флориду. Здесь было много спиритуалистов. Прочел «Свободу» Токера — сделался воодушевленным анархистом. Затем занимался разведением апельсинов, был рабочим на ферме. Колония распалась, работа прекратилась. Уехал в Палатку. Здесь занимался птицеводством. Жена умерла в сентябре 1888 года, через десять лет счастливейшей семейной жизни. Уехал домой, на север, с двумя ребятами и стал профессиональным санитаром. Здесь нашлось множество книг. Прочел Эмерсона, Уитмена, Торо, Спенсера, Дарвина, Карпентера и Уильяма Морриса. Я любил трансценденталистов, но плохо понимал их. Жил социологией и поэзией.

Теперь о моем озарении; я ехал по железной дороге в Нью-Йорк. Это было в январе 1897 года. Я читал Карпентера. Было чудное зимнее утро. «Мысль» озарила меня, когда поезд подходил к мосту. Какого-нибудь особого ощущения не было, мне казалось только, что со мной произошло что-то прекрасное и огромное, что я могу сравнить только со светом. Однако это было чисто умственное ощущение. Все казалось мне совершенно другим, отличным. Я ходил по городу спокойный, радостный и в повышенном настроении. Я помню, я все думал, надолго ли останется у меня это ощущение. Внутренне я скептически относился ко всему происходящему и думал, что это временное вдохновение, как поэма. Но проходили дни, недели, месяцы, а росток, пробившийся в то зимнее утро, все рос и рос, делался крепче и изменял всю мою жизненную обстановку. Я все время находился в выжидательном состоянии, исследовал самого себя и, наконец, год спустя, начал писать. Начало книги было написано ночами, когда я сидел с помещанным мальчиком. Он кричал, смеялся, ругался так, что комната тряслась. Но это мне совсем не мешало: я писал свободно, быстро, без всякого усилия сознания и несколько удивляясь тому, что я писал, — содержание книги не имело никакого отношения ко мне. Часть книги была написана следующим летом, когда я был дома, а часть — зимой 1899–1900 гг., когда она уже готовилась к печати. Все время я писал все с тем же ощущением свободы и вдохновения. И все-таки, когда я читал свою книгу, она казалась мне чужой — я не принимал участия в ее составлении. Что я ощущал в то

время, когда мысль озарила меня, — это описано в начале вашей брошюры в следующих выражениях: «Синтеллектуальным озарением приходит неопиcуемый нравственный подъем, интенсивная, экзальтированная веселость и вместе со всем этим ощущение бессмертия; не вера в будущую жизнь — это неважно, — а сознание, что теперешняя жизнь — жизнь вечная, что смерть лишь самое пустяковое явление, нисколько не нарушающее течения жизни. Далее происходит уничтожение чувства греха и силы разума, превосходящие не только те, что были до озарения, но работающие уже в новой, в более высокой области».

Это чувство так же точно отмечено признаками архатства, как о нем учит Будда.

То, что Уильямс Ллойд обладал космическим сознанием, видно не столько из его рассказа об озарении, сколько из написанной им книги [110a]. Каждый желающий проверить легко может сделать это, прочитав его книгу.

Приход космического сознания в случае Ллойда произошел примерно так же, как и у Карпентера. У них момент появления света был ясно выражен, но действие озарения стало проявляться постепенно. Субъективный свет отсутствовал. Было ясно выраженное повышение умственных и нравственных сил. Но космического видения — Сияния Браммы — не было. Тем не менее книга Ллойда показывает проникновенный взгляд на космический порядок. Надо припомнить, что постепенно приходящее озарение может быть так же совершенно, как и появляющееся мгновенно. Пока еще невозможно объяснить, почему бывает такая разница в различных случаях.

Насколько мы располагаем фактическим материалом, по-видимому, космическое чувство проявляется сразу, молниеносно в случаях, сопровождающихся субъективным светом. Это было с ап. Павлом, Данте, Иепесом, Паскалем и др. Но если субъективного света не было, тогда космическое чувство приходит постепенно. По-видимому, при этом явлении происходит какое-то молекулярное перемещение в мозговых центрах, и когда такое перемещение происходит сильно и внезапно, тогда получается субъективный свет.

Глава 33

Гораций Траубель

Родился 19 декабря 1858 года. Первое озарение с ним произошло на тридцать первом году его жизни. Явления, происходившие с ним, сообщены здесь в его собственном изложении. Очень интересна деталь: Уитмен знал, что у Траубеля будет озарение. Траубель сделал свое сообщение по просьбе автора.

«Вы хорошо знакомы с историей моего духовного развития. Вы знаете, что я стал таким, каков я есть, главным образом благодаря личному опыту, а не благодаря книгам, хотя я и поглощал самые разнообразные книги в ужасающем количестве. Но чтение не заглушило во мне моей личности. Кажется, больше всего я читал Эмерсона, Карлейля, Гюго и все что угодно по мифологии и христианской литературе. Я все время перечитываю «Leaves of Grass». Но до мая 1889 года, кажется, я не чувствовал тайны, которая придает этой книге ее главное, сверхъестественное значение. Это случилось на меня тогда — в мае 1889 года и затем, спустя два года, — в 1891 году и в третий раз в 1893 году, в памятную для меня ночь, когда мне пришлось от лица протестовавшей группы этицистов быть в Филадельфии во время раскола в тамошнем Этическом Обществе. Май 1889 года — в ту захватившую меня ночь я стоял на палубе речного парохода, облокотившись на перила. Этот мир уступил место другому, и в горе и радости нескольких минут я увидел то, что раньше мне не дано было видеть. Те, с кем это случилось, поймут, что это значит, а у кого не было — не поймут или, быть может, для них это послужит намеком. Я не могу отделить физические явления того момента от психических. Мое физическое тело исчезло в духовном свете. Все суровое смягчилось перед лицом этого явления. Я слился воедино с Богом, любовью, вселенной и, наконец, увидел себя лицом к лицу с собою. Я ощущал страстные отклонения от нормы и приведение к норме моей нравственной и умственной природы. Во всем я ощущал полную непосредственность — неразрывное единство множества видов энер-

гий моего существа, слившихся в одну общую силу. Казалось, не то я на пароходе, не то я лечу в воздухе или странствую в межпланетном пространстве. Я стоял так, пока пароход не причалил и уже собирался опять отчаливать. Один из знакомых матросов подошел ко мне, хлопнул меня по плечу и спросил, отчего я не схожу с парохода, и прибавил, что у меня очень счастливое выражение лица. Уитмена я видел лишь на другой день вечером. Все это время я находился в экстатическом состоянии, смешанном с сомнением, все ли у меня в порядке, не схожу ли я с ума, а не то, что я увидел какой-то свет. Первые же слова Уитмена разубедили меня: «Гораций, выражение лица показывает, что вы очень счастливы. В чем вам так посчастливилось?» Я присел и вкратце попытался передать ему, в чем мне посчастливилось, хотя, спрашивая меня, пожалуй, он подразумевал кое-что другое. Он нисколько не удивился моему рассказу, а только положил мне на плечо руку и сказал: «Я знал, что это будет с вами». Я ответил, что целый день сомневался, не помешан ли я. «Нет, здоровы, теперь вы здоровы».

Прошел месяц, пока появился непосредственный результат этого явления. Рефлексивное действие его, разумеется, перешло в постоянную форму! С того момента и до сегодня (1901 г.), могу сказать, у меня не было ни на одно мгновение отчаяния вследствие моих духовных отношений к людям или вселенной. Конечно, у меня существуют мои земные невзгоды и слабости. Но главное основание моей уверенности теперь несокрушимо. Прежде я даже не подозревал, что бессмертие существует. Одна минута видения в первый раз, во второй раз, и теперь после этих двух случаев у меня нет ни облачка сомнения в бессмертии. Прежде я часто говаривал об Уитмене, что его «мысли о бессмертии не вытекают из логики, а просто красивая картина. Он не верит в бессмертие. Он видит его». Уитмен много раз говорил мне по поводу этой фразы: «Каждое слово правильно. Вы попали в точку». Теперь я по собственному опыту знаю, что я действительно не ошибся в выборе выражения, — Уитмен видит бессмертие. Я теперь вижу явление и снаружи, и изнутри, теперь явление уже не служит для меня завесой сущности.

Теперь я способен работать так, как прежде никогда не мог. Явление, происшедшее со мной, дало мне друзей и сочувственные по-

здравления со всех концов мира. Я должен обратить внимание на одну сторону моих сочинений. Мне кажется, я уже давно говорил вам, что я автоматически пишу что-нибудь серьезное. Мне кажется, я не пишу. Я беру перо и едва ли знаю, что я пишу. Написав, я часто удивляюсь, о чем я сказал. Предметы эти для меня так же новы, как и для любого читателя. Из моих произведений все, что имело успех, было написано именно в таком настроении.

В ту ночь, когда произошел раскол в Этическом Обществе, я случайно оказался оратором от партии свободы. Я произнес такую речь, что мои противники поздравляли меня даже больше, чем друзья. Это было так: когда я встал и начал говорить, я вдруг погрузился в странный свет, который я видел и во время первого явления; я просто говорил, не думая и не рассуждая, повторял слова той высшей силы, которая овладела мной. С той поры я узнал, что в критический момент я должен просто постараться прибегать к этому ресурсу, чтобы найти в себе любую силу, — говоря духовно — он изошел из меня и он изойдет опять. Моя жизнь — загруженная, в ней есть временные тревоги, и это средство — более чем хорошая сумма на текущем счету в банке или эфемерное, материальное благосостояние — обеспечивает мне победу. В самом деле, это средство — альфа и омега моей силы. Когда спутываются мелочи повседневной жизни и большинство из них, по-видимому, совершенно неразрешимы, я уверен, в конце концов выход найдется благодаря приходу такого откровения. Этот дух еще ни разу не покидал меня, ни разу еще искомый свет не опаздывал прийти в необходимое время — конечно, он не всегда одной и той же силы. Разница, которую этот свет вносит в жизнь, та же разница, что между приготовлением и потреблением. Во время второго явления (апрель 1891 г.), которое не было заметно извне, я увидел, что мое первоначальное сомнение в своих силах — вопрос, способен я или не способен — уже не появлялся снова.

Если вы прочтете мое стихотворение «Озарение» и постараетесь его перевести на протокольный язык, то вы увидите, что в нем я выразил ряд явлений глубокого значения для всех, кто получил подобное благословение. Теперь мои члены больше не враждуют друг с другом. Смолоду я зачитывался древностями, особенно древней восточной религиозной литературой — это озаренный

путь для духа. После 1889 года (тут был большой промежуток в чтении этого рода) я опять принялся за нее, чтобы проверить мои первоначальные впечатления. Новый свет облегчил мое чтение и сделал его гораздо производительнее. Прежде я чувствовал, что все религии — религии отчаяния. Теперь я увидел, что религий отчаяния не существует: всякая религия, как только она перестает быть делом учреждений, или прежде чем она им сделалась, — выливается в свет и бессмертие.

Пожалуй, укажу еще и на то, что разные лица в разных случаях поздравляли меня с моей наружностью во время проявления во мне того, что я называю «моим высшим я». Это может значить или очень много, или ничего не значить.

Вы сказали мне — «опишите это явление простым прозаическим языком». Но как я могу сделать это? Я никогда не мог в прозе передать эти ощущения так, чтобы они были понятны и лицам, их не переживавшим.

Я сказал много такого, что имеет привкус эгоизма, но это — просто откровенность. Я не причисляю себя ни к гениям, ни к идиотам, я просто — третье лицо, для которого слава и карьера — абсолютный закон. Я написал вам эту заметку импульсивно, без заботы о слоге и теперь прочел ее, чтобы знать, что поведало вам мое перо».

Стихотворение, написанное Г. Траубелем вскоре после озарения:

Ночи и дни меня держат рабом,
Сети людей мою веру тащат к земле —
Истерзанный болью, заботой случайной
Тоскую, — гляжу — вдруг жизнь!
Я свободен! Ушел!
Сказать ли мне, как двери широко открылись
и пали засовы ворот?
Я бодрствую, потом перехожу через линию кордона
И занимаю мое место среди поселенцев.
Встретил ли я спокойно тот час и без боязни,
когда стоял у портала?
Теперь меня выкликают, теперь заговорили уста моей любви:

Не принимаю ли я тебя за другого, о божественно славный?

Уж не другую ли душу окликнули?

Я сам, был мой ответ:

В сердце моем есть голос, что отвечает на зов и навеки кует
невыразимую связь!

Это связь та, что не вяжет, — она лишь свободу открывает
и милость дает.

Смотри! Я переполнен неисчерпаемым владением!

Пропали прежние меры, расширился я в безграничном
стремленье.

О мир! Для тебя я не умер — наконец-то я вижу и знаю тебя,
Смешавшись с бесчисленными мирами,
зная тебя, я знаю и их:

О год! Для тебя я не умер — наконец-то я вижу и знаю тебя,
Смешавшись со всем временем, я распутываю узлы на нити
времен:

О мир! О год! —

До рождения рождение вы видите,
после жизни вы видите жизнь!

Любящий глаз бесконечной небесной синевы глядит на меня.

О голос, мной управляя, ты и меня делаешь мастером —

Я прильнул ухом, я слышу, звуки идут

Волнами на берега дальних миров, волнами на берега дня.

Облака рассеиваются: О лицо — О лицо — О лицо!

Лицо улыбается мне, мне улыбаются крылья, летящие вне
настоящего, — оно отброшено, подешевело.

(Ты тоже, о настоящее, все еще остаешься,

Все еще сердце мое посещаешь и не изгнано,

Но уступаешь высшее место.)

Я превратился в глаз — о Бог! Ты весь — речь:

Мелодия небес — вид и голос, цвет и тон слились в гармонию,

Поднявшись в безграничной синеве.

Чья рука меня коснулась? — моего лба, груди,
моей непроясненной руки

И самого меня, уводя к себе?

Божественный образ — мать, отец —

только теперь раскрылась тайна пола,
существующий необратимый союз:

Божественный образ, я сотворен совсем по тебе,
Слились различные здесь элементы.
Возросла в бесконечности эта минута,
 далекие миры простерлись предо мной,
Полет души бесконечный, лиц длинный ряд,
 все солнцем божественным озарено —
Быстро или тихо, рано или поздно,
 но линия нигде не прервана,
Все — все — в одном темпе,
 захвачено той же судьбой жизни на море и суше,
Для всех зажжен маяк, триумф неизбежен.
Взгляни, душа моя, опять:
В той панораме стоишь и ты также,
Чело твое чудным лучом осветила заря,
Здесь ты со мной — там не со мной.
Смерть обилием своим меня наполняет,
Что за потоп затопляет тело и чувство?
Я чувствую, мой череп трещит,
 перегородки разделись и солнца сияние вошло —
Не потерялись любовь и познание, они увеличились
 и поплыли по вечным морям сущности —
До и после смертей и рождений, духовная склонность,
 выход все шире.
О душа, потерял я тебя иль нашел?
Я нашел! безошибочный круг наконец к тебе подошел
После годов ожидания.
Позади, впереди далекие эры, только немногие годы я знаю.
Лучи от центрального солнца,
Бегущие для большей плодотворности пространства орбит.
Назад, к первому лепету речи,
Вперед, к последнему предсказанию пророков,
Моя душа, зная свое, принимая различные образы, уловляет
 совершенную песнь.
Бог! Я окружен — от прилива жизни я пьян —
В твоей орбите вращаясь — я сказал бы, но должен молчать —
Предоставив тебе, о мой брат, сказать каждому.
Здравствуйте, братья миры!
Колесо повернулось и открылся бесконечный вид:

Сложно все — неограниченно свет несет бремя всего.
Вы думаете, что здесь нет вас,
что не для вас бьется огромное сердце?
Что где-нибудь на этом пути вы, потеряв силы, умрете?
Сила будет дана для всего того, что вам нужно,
И, когда придет ночь — которая есть день, — слабейшие
Пойдут навстречу милосердному гиганту-королю.
Теперь ясно видны бессмертные года
и непрестанное крутовращенье —
У сомненья оторваны крылья и ноги,
Самый далекий союз — совсем близко, и множество
бесконечностей теснится здесь, в моей груди.
О задаватель вопросов! ты не меня подозревай —
подозревай себя:
Завтра, увидя себя, ты увидишь меня,
И озаренный дух, переступив за порог,
В Боге возросши, меня будет гордо приветствовать.

Если бы у нас ничего не было о Траубеле, кроме вышеприведенного стихотворения, то все же можно было бы с уверенностью сказать, что у Траубеля было озарение. Того, что написано Траубелем в течение десяти лет, более чем достаточно для подтверждения нашей мысли.

Гораций Траубель, Блейк, Иепес, Бёме, Сведенборг и другие принадлежат к разряду бессознательных писателей. Они пишут под влиянием божественного побуждения — божественно для тех, кто в состоянии следить за ходом их мысли, для тех же, кто не в состоянии следить, все это — глупость.

Может быть, все озаренные люди пишут автоматически, но в некоторых случаях выражение космического сознания более понятно обыкновенному человеку или само по себе, или потому, что оно подверглось переработке в самосознании писателя. Но ни один из них не пишет прямо — чтобы их понять, надо их читать часто и много. Уитмен так же мало понятен, как Бёме или Сведенборг, пока не станешь смотреть на них под правильным углом зрения. Уитмен, однако, всю жизнь переделывал свои стихи, чтобы сделать их доступными человечеству.

Траубелю не удалось уйти от проклятия, лежащего на новом человечестве, — непонятности для обыкновенных людей. Но, не-

смотря на это, он производит должное впечатление. Очень странно: эти люди пишут непонятно, но так божественно, что их слова благоговейно помнятся в течение веков. «Шекспировские» сонеты никогда не были понятны, а всё же все принимают их за то, что они есть, — за откровение.

У Траубеля есть круг понимающих его читателей, но даже и на тех, кто не вполне его понимает, производит впечатление его личность, озаренная божественным светом.

Глава 34

Павел Тайнер

«Я родился ночью 7 марта в 1860 году в городе Корк, в Ирландии. Моя мать ирландка, из старого рода Сорфильдов. Маколэй говорит, что один из Сорфильдов принимал участие в столкновении войск Стюартов и Вильгельма Оранского в Ирландии. Мой отец был представителем Ирландии в одной лондонской издательской фирме. Он говаривал, что его предки пришли в Ирландию с Вильгельмом Оранским.

Когда мне было четыре года, меня привезли в Америку. Там я учился в городской школе в Альбани (штат Нью-Йорк) и затем окончил Колумбийское юридическое училище в Нью-Йорке. Когда мне было двадцать лет, я переменял юридическую карьеру на журналистику, став сотрудником нью-йоркской газеты «Мир», где и работал без перерыва восемь лет. В 1887 году я уехал в Центральную Америку, чтобы заняться там горным делом. Пробыв год в Гондурасе, я отправился в Коста-Рику, где полгода издавал ежедневную коммерческую газету, затем вернулся в Нью-Йорк и стал писать редакционные статьи в газете «Пресса».

Я был всегда склонен к мистицизму, эта склонность еще увеличилась под влиянием моих последних работ, когда я был в общине трясунгов в Лебаноне (штат Нью-Йорк). Это было в 1891–1892 го-

дах. После этого я занимался общественно-экономическими науками и историей с проф. Висконсинского университета. Рано утром 11 мая 1895 года со мной случилось самое важное событие моей жизни. Вечером того же дня я записал точный подробный отчет о явлении, каким я его видел. Здесь я воспроизвожу этот отчет.

Утром этого дня получено великое откровение и великая миссия. При пробуждении была мысль: увенчанного терниями, Его били по щекам, плевали Ему в лицо, насмехались, оскорбляли, били плетью, ставили к позорному столбу... Человек горя, привычный к печали, пригвожденный к кресту, пронзенный, презираемый всеми людьми. Убит, как злодей. Похоронен. — Затем огромная мысль: истина, делающая свободным. Человек, повелевающий судьбой, всеми условиями. Победа человека... Все люди — в этом человеческом человеке... Это — старший брат человеческий, восторжествовавший над грехом, боязнью и смертью!

Осталось одно, что необходимо показать всему человечеству: полная победа человека над смертью во всех ее видах — победа как необходимое последствие единства человека с Богом — с Жизнью Вечной, Совершенной Любовью, Совершенной Справедливостью, Всезнанием и Всемогуществом; видимое явление человека, прожившего дольше любого человека и все еще живущего во плоти без тени изменения или ослабления. И я сказал себе: для этого стоит ждать, наблюдать и работать тысячу лет. Все же я хотел бы, чтобы высшее освобождение не было таким. И вот сегодня на рассвете я узнал — я знаю абсолютно точно, как факт: истину ничто не может разрушить, я узнал, что человек, почти две тысячи лет тому назад одержавший победу над смертью, — жив, Он живет на земле в совершенном плотском теле, живет как человек между людьми, деля с нами наши труды и заботы, наши радости и печали, работая с нами душа в душу, плечо к плечу, вдохновляя, руководя, поддерживая во всех наших стремлениях вперед.

Слава этой истины, величие этого характера, высшее благородство, терпение, мудрость, любовь этой жизни — пронзили меня экстазом и несказанным благоговением, переполнили, овладели мной. Он живет не в далеком небе, сидя на громадном белом престоле. Он живет здесь, теперь. Он не придет — он здесь, с нами: он любит, помогает, живет, ободряет и вдохновляет человечество, к

которому сам принадлежит настолько же полно и истинно, как человечество принадлежит ему. Теперь, конечно, понятно, что, когда он поднимается, он поднимает с собой людей — он поднимал, поднимает и будет поднимать вследствие своей сущности — высшей человечности. Бессмертие уже не гипотеза теологов, вымысел воображения, мечта поэта. Люди будут жить вечно, потому что человек, не поддающийся ни времени, ни изменению, даже насильственному умерщвлению, ныне живет все с той же полной жизненной силой, как когда ему было тридцать три года; лишь увеличились его благодать, величие и красота, хотя со времени его последнего рождения на земле прошло 1895 лет.

Эту истину из века в век дают человечеству во всех странах. Это истина, которую наконец увидят все люди во всей ее полноте и чистоте. Человек познает самого себя. Вполне повелевая собой и внешними условиями, располагая неограниченным временем для действия, человек не только устремится, но и достигнет высот существования и красоты, которые нам и не снятся. Человек создает небо на земле, которое настолько превзойдет небеса, как они представляются христианами, насколько небо христиан выше небес в представлении дикаря.

Это — тот факт, который мне дано знать; в нужное время придет и его доказательство. Моя обязанность — засвидетельствовать его, быть гласом вопиющего в пустыне: «исправьте путь Господен».

Я живу новой жизнью при свете этой истины. Я поднялся, проникнутый жизненной энергией. Душа и тело перестали существовать порознь, но соединились в славе. Я буду достоин великой миссии быть Носителем Истины роду человеческому и в моем теле, мыслях, словах, жизни и действиях укажу, что истина сделалась частью меня — истина единства человека с жизнью вечной...

Исполненный таких мыслей, разрешившихся в слезах радости, я вскочил с постели в пять часов утра и ходил взад и вперед по комнате в горячности поклонения и любви. В это время воздух комнаты был освещен сильным дрожащим белым светом. Присутствие, обнаружившее себя в течение первых мгновений пробуждения, теперь, казалось, таяло, распространяясь по вселенной.

Приняв ванну и одевшись, я пошел на утреннюю прогулку. Было холодное, облачное, сырое, ветренное утро, но воздух благоухал и был наполнен светом, полон живой, нежной весенней зелени и трепетал жизнью: казалось, он разделял мое ощущение радости и возвышенности.

Я должен добавить, что по природе склонный к анализу, я был в состоянии проследить различные фазисы моей духовной эволюции: это были, во-первых, вагнеровские Лознгрин и Парсифаль; во-вторых, Венера Милосская; в-третьих, Мункаччи «Христос перед Пилатом» — все это было слито, расширено и одухотворено великой душой Уолта Уитмена.

Я не знаю, изменилась ли моя внешность после так называемого озарения, — это со стороны виднее. Говорят, что у меня горело лицо, — я сам ощущал физическую перемену. Есть ощущение постоянного пламени, освещающего и согревающего все мое существо. После того утра у меня стали шире взгляды на жизнь, я чувствовал себя определеннее, и мозг мой и тело были свежее и деятельнее».

Когда Тайнера попросили подробнее объяснить постоянную жизнь Христа на земле в человеческом теле, Тайнер ответил:

«Говоря о существовании на земле человека Иисуса, я никоим образом не отрицаю биологические законы, поскольку дело идет о внешней форме. Постоянное существование Иисуса Христа в плотском теле есть господство и контроль над законами суждения, разрушения и восстановления, проявляющимися во всех видах. В самом деле, применяемость лежит в самой сущности вида, особенно это касается вида человека. Дух, представляющий самого человека, не имеет формы и не материален. Дух этот постоянно строит и перестраивает, беря то, что ему нужно, из окружающего его океана вещества и сил и выбрасывая то, что им не использовано.

Говоря точнее, бестелесных духов не существует. Дух должен иметь оболочку, чтобы выразить и выказать себя. Иисус, получив духовное самосознание, по Своей воле и сознательно избрал и избирает тело, в котором Он воплощается, подчиняя Свое тело Своей воле все больше и больше, причем воля Его есть Космическая воля, то есть воля Отца. В этом теле Он может проходить сквозь

стены и закрытые двери, потому что Он может изменять число колебаний вещества Своего тела. Иначе говоря, Его тело проходит через материальные предметы. Элементы, составляющие это тело, до известной степени подчиняются естественным законам, в то же время находятся в состоянии истечения. (Древние греки думали, что вселенная находится в таком состоянии. Мысль правильная.)

Я знаю, как трудно описать это явление, ибо оно не только не знакомо, но даже невообразимо для большинства людей. Для объяснения бессмертия плоти я могу предложить лишь сравнение. Вообразите зодчего, задумавшего великолепную постройку, — он сам и строитель. В его распоряжении неограниченное количество материалов, абсолютное знание дела и способов. Вообразите, что этот архитектор, находясь где-то внутри этого здания, видит, что, согласно какому-то закону, материал, из которого выстроено здание, постоянно горит — от этого, конечно, ни сам архитектор, ни его сила не страдают. План здания остается неизменным. Что же случится? — Архитектор немедленно будет восстанавливать это здание, так что будет постоянное равновесие между сторевшим и выстроенным. Потому опыт укажет необходимость употребления все лучшего и лучшего материала, а пригонка частей здания будет делаться все совершеннее. Это и есть грубая аналогия с бессмертным человеком в бессмертном теле.

Совсем не трудно вообразить, что дух человека последовательно воплощается в ряде человеческих тел. Не труднее представить себе, что вселенское начало жизни также перевоплощается в ряде тел. Однако такой процесс гораздо сложнее, чем процесс сохранения своей оболочки космически-сознательным человеком, причем эта оболочка все время улучшается усилием космически-сознательной воли. Конечно, это не обессмертившаяся личность Иисуса, это не плоть, которая сделалась бессмертной, но это начало Христа, одетое этой личностью, воплощенное в ней и пользующееся ею как помещением. Христос в такой полноте воплотился в Иисуса и так выказал в Нем Свою сущность, что действительно сделал Его Светом мира, освещающим каждого человека, приходящего в мир».

Г-н Х. С. пишет мне относительно наружного вида г-на Тайнера во время озарения 11 мая 1895 г.: «Цвет кожи без перемен, тело теплое

и естественное, выражение лица странно нежное и яркое. В течение некоторого времени после озарения лицо г-на Т. сохраняло выражение лица умирающего человека: экстаз, ясность, возвышенность — как бы озарение внутренним светом. Обыкновенные способности — без изменения. По-видимому — избыток здоровья. Свою очень большую работу того дня он исполнил как всегда.

Теперь остается лишь процитировать два места из книги, написанной и напечатанной до того времени, когда Тайнер познакомился со мной или моими теориями:

«На рассвете в пятницу, 11 мая 1895 года, я проснулся с полным и абсолютным знанием великого факта, доказывающего мне, что бессмертие существует теперь, здесь и в известном нам плотском теле. Я знаю, что человек, проживший почти девятнадцать столетий, знает жизнь все лучше и лучше по мере того, как текут года; я знаю, что он живет все в том же теле, в котором в начале этого периода он был на земле как телесный человек. Этот человек, в котором вполне расцвело человечество и сознательно заявило о своем бессмертии на тридцать третьем году жизни его теперешнего воплощения, действительно поправ последнего врага человечества — смерть.

Ныне в Европе, Америке, Австралии, Африке, Индии и на морских островах, где только чтут Отца в духе и истине — как и в Иудее при Ироде, — Иисус Христос, Сын Божий, Сын Человеческий, живет среди нас! Ибо для того Он пришел в мир, чтобы быть свидетелем истины, которая сделает нас свободными. Истина человека — воссоединение (религия) человека с Богом посредством абсолютного духовного самосознания — с Богом Вечным, Всемогущим, Всезнающим, Источником Жизни, «в котором мы живем и движемся и существуем» и без которого наше существование немыслимо!

В одно мгновение я узнал этот величайший факт истории человечества; факт настолько реальный для меня, как воздух, которым я дышу. Истина усвоенная, невозвратимая и неразрушимая. Вечная истина, огненными буквами начертанная в мозгу и в сердце как у меня, так и до скончания веков грядущих поколений.

Открыв глаза при первых утренних лучах, осветивших мою комнату, я думал о единстве Вечного Света и Жизни. Вдруг я обратил

внимание на выбритую tonsuru на голове монаха и подумал о tonsуре как эмблеме тернового венца. Тогда перед моими глазами развернулась вся трагедия страстей Господних — бичевание, позорный столб, оковы, удары, насмешки над человеком в терновом венце; мучительное шествие на Голгофу при криках слепой, свирепой толпы, муки и позор на кресте, крик агонии, показывающий, что чаша переполнилась; победный крик — «Свершилось!». Я видел блеск копий. Я видел погребение, я видел высший храм Божественный, основанный таким образом, и я видел Воскресение на третий день.

Здесь мой разум понял поток жизни. Он воскрес из мертвых. Он никогда потом не умирал! Он живет! Воздух в комнате дрожал от сильного света, такого света, какого не может быть ни на море, ни на суше. Мой мозг, нервы, кровь, мускулы, все мои чувства содрогались в ритме дрожания этого света, и среди блистающей славы я увидел Богочеловека, Бессмертного Человека, увидел его лицом к лицу и узнал, что он плоть и кровь, как душа, перешедшая в тело; я узнал, что это он и никто другой» [187:4].

«Истинно, истинно говорю вам, что тот, кто верует в Меня, имеет жизнь вечную» (Иоанн VI, 47). В этих словах Иисус провозгласил научный принцип высшей важности. Вера — необходимое условие для достижения бессмертия в теле или вне его. Вера — во что? Вера в бессмертие — состояние сознания факта бессмертия. Вера в Иисуса, в реальном смысле, есть вера в бессмертие человека. Это — вера в того, кто есть «путь, истина и жизнь» — одновременно и в душу, и в тело, и с уверенностью в свое с ним единство» [187:97–8].

Я не анализирую веры Тайнера в «Живущего Христа», все зависит от того, как понять его слова. Христос, в смысле ап. Павла, конечно, всегда жив, ибо это космическое сознание.

С точки зрения настоящей книги, у Тайнера было проявление космического сознания:

- а) ясно выражен субъективный свет;
- б) умственный подъем;
- в) нравственный подъем;
- г) чувство бессмертия;
- д) явление было внезапное;

- е) его предшествовавшая жизнь располагала к озарению;
- и) возраст типичен — 35 лет и 2 месяца;
- к) сезон — май;
- л) после озарения наблюдалось изменение выражения лица.

Глава 35

С. И. Е.

«Я родилась 21 апреля 1864 года. Я была воспитана в англиканском вероисповедании, любила богослужение. Верила в Христа, как в Бога, воплотившегося в человеке, — как в слово, сделавшееся плотью. Учение об искуплении — чтобы умиловать гнев Божий — я долго отвергала. 1 января 1891 года я вышла замуж. У мужа было страстное желание знать истину. Он был агностиком. Наши взгляды на Бога совпадали в том, что Бог есть любовь и свет и что в нем нет мрака. Через два года после свадьбы муж стал с увлечением зачитываться Уитменом. Я пробовала читать его «Leaves of Grass», но должна была отказаться, так как не могла понять ни единого слова. Я чувствовала музыкальность стиха, но язык мне не был понятен. Я допускала, что в книге было что-то необычайное, но просто не была в состоянии видеть, что именно.

Осенью 1893 года мы переехали в маленькую деревушку в Йоркшире. Вскоре после этого муж уехал в Болтон, чтобы повидаться там с членами «Училища Орлов». Он вернулся в полном восторге от своих новых друзей, от их душевного приема, говорил о неоспоримом магнетизме Уитмена, который мог соединить вместе самых разнообразных людей, слить их в чувстве этого чуткого содружества. Я была еще более заинтригована. В сентябре 1894 года нас посетил замечательный молодой человек из Филадельфии, проникнутый философией Уитмена. В понедельник и вторник вечером этот господин, муж и я дома беседовали об Уитмене и его учении. В среду днем я пошла навестить свою подругу — жену

фермера, и мы, захватив с собой завтрак для ее мужа, поехали по озимым полям. Когда я уезжала от нее, она на прощанье дала мне две чудные чайные розы. Я всегда страстно любила цветы, но аромат и окраска этих роз мне почему-то показались чрезвычайно сильными, живыми. Распрощавшись с ней, я потихоньку пошла домой, наслаждаясь спокойной красотой вечера, как вдруг я ощутила какую-то необычайную тишину и одновременно все окружающее вдруг облеклось тихим светом, яснее, прозрачнее которого мне никогда ничего не приходилось видеть. Затем в душе моей я услышала шепот:

«Бог все; Он не там, далеко, на небе: Он здесь; эта пажить, голубое небо, трава под ногами, розы в твоих руках, сама ты и все составляет одно целое. Все хорошо во веки веков, и нет ни времени, ни места, где нет Бога». Затем земля, воздух и небо задрожали в одном песнопении, основа которого была «Слава в вышних Богу и на земле мир и в человеках благоволение».

Когда я вернулась домой, муж и сестра заметили, что я переменялась в лице. Бесконечное спокойствие и радость переполняли мою душу, честолюбие и заботы умерли в свете славы истины, показанной мне; все заботы и беспокойство о будущем совершенно покинули меня, и моя жизнь превратилась в сплошной гимн любви и мира. У меня постоянно звучит «Слава в вышних Богу и на земле мир и в человеках благоволение» — постоянно, и днем, и ночью.

Теперь я была в состоянии читать Уитмена. Это было больше чем чтение, ибо моя душа жадно пила его слова, освежалась и укреплялась ими.

Это событие сильно отразилось на моей повседневной жизни, ибо на основе глубокой радости и покоя выросла уверенность в вечной закономерности всего. Я перестала беспокоиться по вопросу зла. Выросло желание быть как можно больше на открытом воздухе. Я начала находить вечную красоту в природе в любое время года. Появилось стремление к простоте, расширилось и углубилось чувство равенства и братства всех людей».

В случае г-жи Е. есть все характерные черты космического сознания — исключая разве свет, который не был ослепительно ярким, хотя был необычен.

Теперь остается сказать лишь одно. Г-жа Е. перед озарением вдруг ощутила какую-то необычайную тишину и непосредственно за этим она была объята субъективным светом.

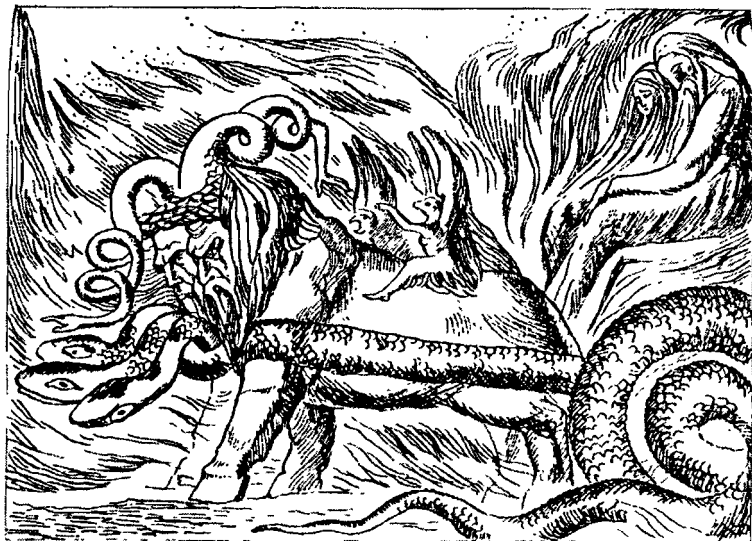
Это явление было замечено древними индусскими пророками, но не удивительно, что они его не поняли как следует. Они, кажется, полагали, что это выжидательное состояние, временная приостановка умственных способностей, не только неизбежно сопровождается озарением, но и служит действительной причиной озарения. Вследствие этого индусы выработали ряд очень точных правил, чтобы привести умственные способности в вышеуказанное состояние, надеясь, что раз это состояние достигнуто, то должно последовать озарение. Таким образом, выработалось нижеследующее правило: «посвященный должен постоянно держать свой разум в отвлечении, одиноко пребывая в тайном месте, обуздав свой ум и себя, не ожидая и не принадлежа самому себе» [154:68]. Далее: «он должен удерживать свой ум в таком состоянии, в котором мыслительные способности, обузданные упражнением в отвлечении, перестают работать» [154:69]. Это было то состояние, о котором предполагали, что оно влечет за собой нирвану. Это состояние, из которого она возникает, но из этого еще не следует, что состояние приостановки работы мыслительных способностей является причиной озарения или нирваны.

Здесь вполне уместно дать выдержку из Гиббона, чтобы указать точку зрения этого большого человека на явление озарения. Из нее видно, что он не понимал значения фактов, о которых рассказывает. Про императора Кантакузена [93:193] Гиббон говорит, что он «отстаивал божественность света на горе Фавор, — достопамятный вопрос, поглощавший религиозное внимание греков. Индийские факиры и монахи восточной церкви были убеждены, что при совершенном отвлечении мыслительных и телесных способностей может снизойти более чистый дух радости и видения Божества. Теория и практика монастырей Афонской горы выражена словами одного знаменитого игумена, жившего в XI веке: «Когда ты остался один в своей келье, закрой дверь и сядь в угол. Вознеси ум твой превыше всей тщеты и преходящего; склони бороду и подбородок к груди; устрями глаза и мысли твои на середину своего живота, в область пупка, и ищи место сердца, седалища души. Сначала все будет темно и неудобно, но если ты будешь упорствовать в этом день и ночь, то

ты ощутишь несказанную радость, и душа откроет место сердца не прежде, чем она облечется таинственным прозрачным светом». Свет этот — результат рассудочного воображения, создание пустого желудка и пустой головы — квиетисты поклонялись ему как чистой и совершенной сущности самого Бога».

Гиббон точно передает советы индийских мудрецов. Дело вот в чем: когда без предвзятой мысли, знания или желания наступает самопроизвольное озарение, то ему предшествует приостановка работы сознания. На Востоке это заметили и задумали выработать искусство перехода в состояние нирваны; предполагали, что раз работа мысли приостановилась, то озарение должно последовать, что приостановка работы мысли есть причина появления состояния нирваны. Мне кажется, что этот метод действителен только в случае наличия предрасположения к погружению в состояние нирваны. Но искусственно вызванное космическое чувство менее сильно, могуче и ценно, отличается меньшей творческой способностью, чем космическое чувство, когда оно самопроизвольно пришло, радуясь и торжествуя собственное освобождение.

Почти наверно можно сказать, что афонские монахи знали состояние, которое мы называем «космическим сознанием», иначе как они могли бы отметить явления субъективного света? Откуда они могли бы знать «несказанную радость», сопровождающую это явление?

Глава 36

Случай А. Д. С.

«Я родилась в деревне 24 января 1871 года и была седьмым ребенком в семье из девяти человек. Я была младшая из шести девочек. Отец, мать и все дети были очень музыкальны — у нас всех были очень хорошие голоса. Когда мне было три-четыре года от роду, меня уже брали петь повсюду. Я могла петь все, что слышала хоть раз. Когда я подросла, мне казалось, что я великая певица, и целыми часами я барабанила пальцами по старому отцовскому бюро и слышала какую-то музыку — я не хотела играть на органе, потому что его звук мешал звукам, созданным внутри меня моим воображением. Еще сейчас по временам мне кажется, да не слышала ли я в самом деле музыку, когда играла на бюро. Я всегда была очень хилая. Я не любила играть с другими детьми — я предпочитала прислушиваться к очаровывавшей меня внутренней музыке. Волшебные сны молодости разлетелись с трагической смертью отца и случившимся со мной несчастным происшествием. Или, быть может, я просто переросла тот возраст.

Семья и знакомые постоянно уговаривали меня стать профессиональной певицей. Меня послали в Бостон, в школу музыки. Оказалось, что у моего голоса есть все необходимые качества, но мое хилое здоровье и последствия несчастного случая встали мне поперек пути; но я не хотела отказываться.

Я рано вышла замуж и еще усиленнее занималась пением. Муж понимал, что отказ от пения убил бы меня. Однако скоро я была совершенно разбита от переутомления. Для меня было сделано все возможное, но без пользы. Я постепенно гасла, чувствовала постоянную боль в спине, сломанной в детстве. Успокаивающие лекарства лишали меня сна и доводили до бредового состояния. Наконец, меня отправили в санаторий. Я поселилась в темной комнате и отказалась видеть кого-либо. По временам я доходила до мысли о самоубийстве и, конечно, покончила бы с собой, если бы представилась возможность.

Наконец, пришло время, когда надо было оставить надежду. Я чувствовала, что мне не для чего жить, не на что надеяться. Однажды я лежала в постели в этом состоянии, вдруг меня охватило великое спокойствие. Я уснула. Проснувшись, я увидела себя озаренной потоком света. Я испугалась. Затем мне показалось, что я слышу голос, много раз повторяющий: «*Мир тебе, будь спокойна*». Я не знаю, был ли это голос, но слова я слышала отчетливо, ясно — так, как в детстве я слышала музыку, звучавшую в бюро. Я зарылась головой в подушки, чтобы не слышать, но все равно слышала этот голос. В этом состоянии я пролежала долго. В комнате постепенно сделалось темно. Я села на кровать. Я не хотела звать сиделку, зная, что она этого не поймет, да и я сама не понимала, что случилось, но чувствовала, что это что-нибудь значит. Это спокойствие часто посещает меня; оно всегда приходило перед явлением света.

После этой ночи я стала быстро поправляться, без всякой врачебной помощи. Когда свет озарил меня, я спросила мужа, видит ли он свет? Муж ответил, что нет. Я не пыталась вызывать это явление, так как я его не понимала. Знаю лишь одно — прежде я была развалина, а теперь я сильна телесно и душевно. Прежде меня привлекало общество, а теперь я люблю спокойную семейную жизнь и немногих друзей.

Вместе со спокойствием у меня появилась способность лечить других. Во многих случаях моего прикосновения и взгляда в глаза достаточно, чтобы усыпить человека. Многие говорят мне, что они чувствуют себя очень спокойно в моем присутствии. Лишь одному или двум друзьям я рассказала о происходивших со мной явлениях. Я думаю, другим эти явления могут показаться глупостью, хотя они так реальны для меня. Но надеюсь, когда-нибудь это явление будет объяснено — надеюсь, что скоро.

Мне было двадцать четыре года, когда я видела свет в первый раз. Это явление повторялось лишь три раза. Слова — слишком бедный способ выражения для охватившего меня тогда чувства. Я думаю, что разум мой никогда не сможет придать понятную форму тому, что я тогда видела. Это внутреннее зрение, и слово «гармония», пожалуй, отчасти выражает то, что я видела.

Человечество живет почти в отчаянии, надеясь некогда получить покой, мир и полноту жизни — в каком-то неопределенном будущем. Между тем все это доступно ему теперь же, если бы оно могло лишь протянуть руку, чтобы схватить все это.

Мое высшее желание — это помочь человечеству. Но после этого явления у меня образовалось такое сильное желание рассказать человечеству то, что я вижу, что по временам мне кажется, будто я ничего не делаю.

Умственное состояние, наступающее после света, в главных чертах всегда одно — раскрыть человеку его самого и помочь тем, кто пытается найти какую-нибудь цель в этой жизни.

Я не думаю, чтобы меня можно было хорошо понять, ибо слова — не средство для выражения этого явления».

Глава 37

Г. Р. Державин

От переводчика. Мы считаем здесь уместным привести нижеследующую выдержку из «Объяснений» поэта Г. Р. Державина к его сочинениям. По-видимому, это случай несомненного озарения, хотя не глубокого. «Субъективный» свет, религиозный экстаз, слезы и затем долгая и особенная память на всю жизнь об испытанном — эти черты сближают рассказ Державина с описаниями случаев действительного озарения, приводимых д-ром Бёкком. Поэту тогда был сорок один год.

Державин пишет в «Объяснениях» к своей оде «Бог». «Автор первое вдохновение или мысль к написанию сей оды получил в 1780 году, быв во дворце у всенощной в Светлое Воскресенье, и тогда же, приехав домой, первые строки положил на бумагу, но, будучи занят должностью и разными светскими суетами, сколько ни принимался, не мог окончить оную, написав, однако, в разное время несколько куплетов. Потом, в 1784 году, получив отставку от службы, приступил было к окончанию, но также по городской жиз-

ни не мог; беспрестанно, однако, был побуждаем внутренним чувством и для того, чтобы удовлетворить оное, сказав первой своей жене, что он едет в польские свои деревни для осмотра оных, поехал и, прибыв в Нарву, оставил свою повозку и людей на постоялом дворе, нанял маленький покой в городе у одной старушки-немки с тем, чтобы она и кушать ему готовила; где, запершись, сочинял оную несколько дней, но, не dokonчив последнего куплета сей оды, что было уже ночью, заснул перед светом; видит во сне, что блещет свет в глазах его, проснулся, и в самом деле, воображение было так разгорячено, что, казалось ему, вокруг стен бегают свет, и с сим вместе полились потоки слез из глаз у него; он встал и в ту же минуту при освещающей лампаде написал последнюю сию строфу, окончив тем, что в самом деле проливал он благодарные слезы за те понятия, которые ему вверены были. Надобно приметить кстати к сему сочинению еще анекдот, в самом младенчестве с автором случившийся. Родился он 1743 года 3 июля, а в 1744 году, в зимних месяцах, когда явилась комета, то он, быв около двух годов, увидев оную и показав пальцем, был у няньки на руках, первое слово сказал «Бог»!

Приводим начальную и заключительные строфы этой знаменитой оды, переведенной на все языки, даже на китайский:

О Ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц в трех лицах естества.
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем — Бог!

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайняя степень вещества,
Я средоточие живущих,
Черта начальна Божества.
Я телом в прах истлеваю,
Умом громом повелеваю,

Я — царь, я — раб, я — червь, Я — бог,
Но будучи я столь чудесен,
Отколе произошел — безвестен,
А сам собой я быть не мог.
Твое создание я, Создатель!
Твоей премудрости я — тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну проходило
Мое бессмертно бытие,
Чтоб дух мой в смертность облачился,
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! в бессмертие Твое.
Неизъяснимый, непостижимый,
Я знаю, что души моей
Воображения бессильны
И тени начертать твоей;
Но если словословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к Тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

Часть VI

Послесловие

Многие читатели, конечно, заметили, что среди приводимых мною случаев бесспорного озарения нет ни одного женского имени и только три женщины указаны в списке «менее ярких и сомнительных случаев». Но кроме этих трех случаев автору известна только одна женщина, еще находящаяся среди живущих, которая представляет собой пример озарения хотя не «великого» по степени, но подлинного. Она, однако, сама не пожелала, чтобы случай ее был рассказан, хотя бы и с опущением ее имени. В литературных же источниках автор нашел лишь один пример — г-жи Гюйон, который можно почти с полной уверенностью признать за случай космического озарения.

Жанна Бувьер (род. 1648 г.), по мужу Гюйон, ребенком проявляла сильную религиозную настроенность, склонность к самоотвержению и страсть к чтению духовных книг — Библию она в десять лет готова была читать с утра до самого вечера. Замуж она вышла неудачно, но находила утешение в религии, а озарение, испытанное ею 22 июля 1680 года (когда шло лето тридцать третьего года ее жизни), по-видимому, наполнило ее последующую жизнь миром и счастьем.

В своей биографии она говорит о себе, что в ней пропала вдруг всякая самостоятельность, всякая своя воля. К ее удивлению и невыразимому счастью, казалось, точно всякое личное в ней побуждение исчезло — высшая сила заняла в ней правящее место. «Я более не ощущала в себе Души, которой прежде Он управлял своей властью и жезлом, ибо ныне Он один явился мне, душа моя усту-

пила Ему свое место, точно капля воды, упав в море, восприняла от него и качество моря». Для нее стало невозможным не быть добродетельной. Добродетельность для нее — естественное состояние: усилие нужно, чтобы нарушить его...

I

В заключение повторим условия, необходимые для озарения.

1. Первым условием, кажется, является полная зрелость, то есть возраст от тридцати до сорока лет в зависимости от предрасположения к меньшей или большей долговечности. Средний возраст — тридцать пять лет. Это условие можно предсказать а priori: если человечество постепенно дорастает до космического сознания, то прежде всего его должны получать особи, стоящие на высших ступенях самосознания. Эти особи получают космическое сознание, как только они дошли до высшего духовного развития.

2. Так называемое образование, по-видимому, не имеет ничего общего с космическим сознанием. Лица, в которых космическое сознание выразилось наиболее ярко, с точки зрения учебного ведомства были совершенно невежественны. С другой стороны, школьная наука, по-видимому, не мешает проявлению космического сознания. Воспитание, в принятом смысле слова, имеет мало общего с космическим сознанием, но в другом смысле оно имеет очень много. Большие авторитеты утверждают, что для получения космического чувства необходимо иметь «самую лучшую кровь, привычки, выносливость»; что «никто не дойдет до этого испытания, пока не будет иметь мужества и здоровья»; что «только те могут войти в космическое сознание, у кого свежее тело и решительная воля»; что «недозволено войти туда ни больному, ни пьянице, ни сифилитику».

3. Вероятно, совершенно необходимо, чтобы мать такого человека была крупна, сильна, умна, хороших телесных и превосходных умственных и особенно нравственных сил. К сожалению, нам ничего или очень мало известно о матерях людей, обладавших космическим сознанием. Матери Бэкона и Уитмена были исключительные женщины. Вероятно, мы не ошибемся, если поверим преданию об исключительности матери Гаутамы.

4. Вероятно, необходимо, чтобы отец был человеком с сильным телом и духом, хотя неизвестно, требуется ли от него сила мыслительных способностей.

5. Пожалуй, самое необходимое условие — это противоположность или по крайней мере различие темпераментов матери и отца.

6. Последнее и высшее физиологическое условие — чтобы общение отца и матери, плодом которого является человек космического сознания, произошло в наилучших условиях, чтобы каждый из родителей был с полнотой представлен в ребенке, каждый слит воедино с другим так, чтобы явился потомок, соединяющий в себе темперамент и качества отца и матери.

7. При наличии вышеуказанных условий, время года тоже играет немаловажную роль в озарении. Из семнадцати случаев, когда время озарения было известно, в четырнадцати случаях оно произошло в первую половину года, т. е. в сезон, когда пробуждаются все силы природы.

8. Наконец, чтобы из наличия всех благоприятных условий получить космическое сознание, необходимо быть в соответственном состоянии. Вот что говорит космическое сознание об этом состоянии устами одного из озаренных: «Еще раз выслушай мои совершенные слова — самые таинственные из всех. Я сильно люблю тебя, так что скажу полезное тебе. Положись умом на меня, предай себя мне, слушай меня. Говорю тебе, истинно, ты дорог мне. Устранив все, приди ко мне как к своему единственному пристанищу. Я освобожу тебя от всех грехов, от всех сомнений».

II

Если бы я не опасался сделать эту книгу чересчур большой, то я дал бы главу о разных искусственных средствах для пробуждения космического сознания. Однако я не думаю, чтобы космическое сознание, вызванное наркотиками, было равноценно естественному космическому сознанию, хотя, несомненно, и искусственно вызванное космическое сознание (например, вдыханием эфира или хлороформа) делает жизнь человека приятнее. Однако разница между естес-

твенным и искусственным космическим сознанием та же, что между здоровым и пьяным весельем. Доктор Джордж Вилд рассказывает, что после хлороформирования он внезапно ощутил странное впечатление, как будто его духовная сущность стояла вне его тела, рассматривая покинутое им тело, лежащее на кровати. Вскоре после этого он навестил трех врачей, специалистов по хлороформированию, и спросил их, не рассказывали ли им их пациенты о таком странном ощущении. Один из них ответил, что он часто слышал подобные рассказы от своих пациентов, а другой — что он сам три раза ощущал такое явление, когда был захлороформирован. Третий врач сказал: «Мои пациенты часто говорят, что они не ощущали боли, но чувствовали, будто они внутренним глазом видели все происходившее во время операции. Один из моих пациентов после операции сказал мне: «Я думал, что мне открылась вся глубина тайн природы». Один дантист говорил мне, что много его пациентов испытывали такие же ощущения».

Покойный Джек Аддингтон Саймондс так описывает свои ощущения под хлороформом: «Сначала у меня было сознание «полного отсутствия всего»; затем начали мелькать вспышки сильного света, перемежающиеся то состоянием полного отсутствия, то резким видением всего происходившего в комнате. Я не ощущал прикосновения. Я думал, что смерть близка. Вдруг душа моя внезапно ощутила присутствие Бога, обращающегося ко мне. Я чувствовал, что он струится в свете надо мной и говорит мне не на языке, а как бы прикасаясь руками ко мне, дает мне впечатление фразы: «Я вел тебя, Я охранял тебя; *никогда впредь ты не будешь грешить, рыдать и сетовать в безумии*; ибо ныне ты видел Меня». Все мое сознание сосредоточилось в одном абсолютном убеждении; мой разум не зависел от моего тела — это было видно из острой чувствительности к фактам духовного мира, из совершенного умерщвления чувств. Жизнь и смерть казались лишь словами. Я не могу описать, в каком экстазе я был. Если бы что-либо подобное случилось не в наш век критицизма, вероятно, это породило бы такое же убеждение, какое было у Савла Тарсийского».

Интересно, что Саймондс выбрал очень удачный пример для сравнения.

Объяснение того, что составляет «тайну религии», просто: все люди, исключая нескольких сотен, живут в мире самосознания, не

имея силы покинуть его. Великие пророки, исповедники и учителя религии жили одновременно и в самосознательном, и в космически-сознательном мирах; второй из этих миров гораздо обширнее, важнее и интереснее. Совершенно не важно, есть ли у этих двух миров объективное существование. Для нас они одинаково реальны и важны. Люди, жившие в мире космического сознания, т. е. в мире видимом космическому сознанию так, как природа видна чувству зрения, желали для удобства и блага человечества рассказать, что они видели в мире при космическом чувстве. За неимением лучшего, они были вынуждены пользоваться языком самосознания. Их рассказы крайне неполны, а слова и выражения настолько не соответствуют понятиям, которые должны быть выражены ими, что рассказы эти крайне сбивчивы и противоречивы. Но если бы даже они описывали правильно мир, видимый космическому сознанию, то все же невозможно постичь этот мир самосознательным умом. Вследствие этого возникли бесконечные противоречия в понимании в главных чертах сходных рассказов, данных людьми космического сознания. Все эти рассказы, за исключением того, который входит в наследственную религию комментатора, кажутся ему фантазией. Параллельное изучение всех этих рассказов показывает, что все они лишь более или менее неудачные попытки описать ту же самую вещь. Но ввиду вышеуказанных причин совершенно проглядели факт единообразия всех этих учений, отсюда неразбериха и так называемая «тайна» — неотвратимо неправильное понимание. Но, несомненно, придет день, когда все станет ясным, понятным.

Уже много исследователей начали видеть в кажущемся разнообразии религиозных учений их единство. Гартманн, например, говорит: «Я тщательно сравнивал учения Бёме с учениями восточных мудрецов, изложенных в «Тайном учении» и в религиозной литературе Востока. Я нашел удивительное согласование их внутреннего смысла. В самом деле, религии Будды, Кришны и Христа мне кажутся едиными, тождественными». Достойно примечания, что все люди, взятые Гартманном как пример, обладали космическим сознанием, хотя, конечно, Гартманн ничего не знал об этом особом умственном состоянии.

Еще одно слово в заключение. Прошло несколько лет с того времени, как я задумал написать книгу на эту тему, и теперь число случаев космического сознания, описанных здесь, доходит до пяти-

десяти. Много случаев слабо выражены — они относятся к настоящему времени. Таких слабых случаев везде, несомненно, великое множество, но они не записаны. Тринадцать случаев были так значительны, что память о них не могла умереть. Пять из них пали на восемнадцать столетий, отделяющих рождение Гаутамы Будды от рождения Данте, а остальные восемь — на шесть столетий, протекавших от рождения Данте до нашего времени. Значит, во второй период число случаев космического сознания увеличилось в пять раз. Конечно, нельзя сказать, что это отношение точно соответствует действительности. За эти двадцать пять столетий должно было быть много случаев, о которых исчезли всякие воспоминания. Кроме того, нельзя точно сказать, какова была численность населения в каждом отдельном столетии. Но, по-видимому, можно с некоторой уверенностью сказать, что случаи эти многочисленнее в современном, чем в древнем мире. Если сопоставить это с общей теорией психической эволюции, рассмотренной в начале книги, то приходим к заключению, что совершенно так же, как в очень отдаленном прошлом, самосознание проявляется лишь в лучших особях человеческой расы в полном расцвете сил и постепенно делается все более широко распространенным и начинает приходить все раньше и раньше, пока сейчас не сделалось почти всеобщим и не стало появляться уже с трехлетнего возраста. Так будет и с космическим сознанием: оно делается почти всеобщим и начнет появляться раньше в жизни индивидуума. Человечество будет то, да не то. Ибо космически-сознательное человечество не будет теперешним, как теперешнее — уже не то, которое существовало до развития самосознания. Простая истина: по временам, в течение тысячелетий среди средних людей зарождается начало другого человечества. Оно живет между человечеством, ходит по земле, дышит воздухом, но не по той земле, не тем воздухом, которые имеются в представлении большинства. Так или иначе, эти новые люди являются духовной жизнью человечества, и их отсутствие было бы духовной смертью человечества. Так и теперь — новое, космически-сознательное человечество зарождается между нами, и в недалеком будущем оно будет занимать землю и владеть ею.

Источники

1. Anderson, A. A. Twenty-five Years in a Wagon. Chapman & Hall, London, 1888.
2. Arena, The. Boston, Mass., February, 1893.
3. Atlantic Monthly, October, 1896.
4. Balzac, Honoré de. A Memoir of, by K. P. Wormley. Roberts Bros., Boston, 1892.
5. Balzac, Honoré de. Louis Lambert. Roberts Bros., Boston, 1889.
6. Introduction to 5. Same volume but separate pagination. By George Fred. Parsons.
7. Balzac, Honoré de. Seraphita. Roberts Bros., Boston, 1889.
8. Introduction to 7. Same volume but separate pagination. By George Fred. Parsons.
9. Balzac, Honoré de. The Exiles. In same volume with 7.
10. Bible. Compared with the most ancient authorities and revised. University Press, Oxford, 1887.
11. Exodus, in 10.
12. Judges, in 10.
14. Matthew, in 10.
15. Mark, in 10.
16. Luke, in 10.
17. John, in 10.
18. Acts, in 10.

19. Romans, in 10.
20. I Corinthians, in 10.
21. II Corinthians, in 10.
22. Galatians, in 10.
23. Ephesians, in 10.
24. Philippians, in 10.
25. Colossians, in 10.
26. I Thessalonians, in 10.
27. Revelations, in 10.
28. Bormann, Edwin. *The Shakespeare Secret*. From the German. By H. Brett Wohlleben, London, 1895.
- 28a. Bucke, Richard Maurice. *Man's Moral Nature*. G. P. Putnam's Sons, New York, 1879.
29. Burnouf, E. *Introduction a l'Histoire du Bouddhisme, Indien*. Deuxième Edition. Maisonneuve et Cie, Paris, 1852.
30. Burnouf, E. *Le Lotus de La Bonne Loi*. L'Imprimerie Nationale, Paris, 1852.
- 30a. Bacon, Roger E. *Sa vie ses ouvrages, ses doctrines*. Par Emile Charles Hachette, Paris, 1861.
31. Butler, Alban. *The Lives of Fathers, Martyrs and Other Principal Saints*. D. & J. Sadler, New York, undated, Volume XI.
32. Bacon, Francis, *The Works of*. Popular Edition by Spedding, Ellis and Heath, in two volumes. Hurd & Houghton, New York, 1878, Part I of Vol. II.
33. Part I of Vol. I of 32.
34. Part II (second pagination) of Vol. I of 32.
35. Part II of Vol. II of 32.
36. *Baconiana* (American), May, 1892.
37. *Baconiana* (English), November, 1893.

38. Bucke, Richard Maurice. *Walt Whitman*. David McKay, Philadelphia, 1883.
39. Behmen, Jacob, *Works of*, in four volumes. To which is prefixed the life of the author, with figures illustrating his principles, left by Rev. William Law. Printed for M. Richardson, London, 1764–1781.
40. *The Life of Jacob Behmen*, separate pagination, in Vol. I of 39.
41. *Aurora, The Dayspring or Dawning of the Day in the East*, separate pagination, in Vol. I of 39.
42. *The Three Principles of the Divine Essence*, separate pagination, in Vol. I of 39.
43. *The Threefold Life of Man*, separate pagination, in Vol. II of 39.
44. *Forty Questions Concerning the Soul*, separate pagination, in Vol. II of 39.
45. *The Treatise of the Incarnation*, separate pagination, in Vol. II of 39.
46. *The Clavis*, separate pagination, in Vol. II of 39.
47. *Mysterium Magnum*, separate pagination, in Vol. III of 39.
48. *The Four Tables*, separate pagination, in Vol. III of 39.
49. *Signatura Rerum*, separate pagination, in Vol. IV of 39.
50. *The Way to Christ*, separate pagination, in Vol. IV of 39.
51. Bucke, R. M. *Shakespeare or Bacon?* *Canadian Magazine*, September, 1897. Ontario Publishing Co., Toronto, Ont.
52. Blake, William. *Poetical Works*. Edited by William Rossetti. George Bell & Sons, London, 1891.
53. Burroughs, John. *Notes on Walt Whitman as Poet and Person*, second edition. J. S. Redfield, New York, 1871.
54. Browning, Robert, *The Poetical Works of*, in seventeen volumes. Smith, Elder & Co., London, 1889–1894, Vol. VI.
55. *Cyclopedia of Biography*. Edited by F. L. Hawks. D. Appleton & Co., New York, 1856.

56. Carpenter, Edward. *From Adam's Peak to Elephanta*. Swan Sonnenschein & Co., London, 1892.
57. Carpenter, Edward. *Civilization: Its Cause and Cure*. Swan Sonnenschein & Co., London, 1889.
58. Charles, Emile. *Roger Bacon. Sa vie ses ouvrages ses doctrines*. Hachette, Paris, 1861.
59. Carlyle, Thomas. *Heroes, &c. In Complete Works, in twenty volumes*. Estes & Lauriat, Boston, 1885, Vol. I.
60. *Century Cyclopedia of Names*. Edited by Ben. E. Smith. The Century Co., New York, 1894.
- 60a. *Conservator*, May, 1894.
61. Carpenter, Edward. *Towards Democracy*, third edition. T. Fisher Unwin, London, 1892.
62. Carpenter, Edward. *In the Labor Prophet*, May, 1894.
63. Carpenter, Edward. *Private Letter*.
64. *Carlyle's Cromwell*. Vol. XVII of 59.
65. Comte, Auguste. *Catechisme Positiviste*. Paris, 1852.
66. Despine, Prosper. *Psychologie Naturelle*. F. Savy, Paris, 1868.
67. Darwin, Charles. *Animals and Plants under Domestication*. Orange, Judd & Co., New York, 1868, in two volumes, Vol. II.
68. Dante. *The New Life*. Translated by Charles Eliot Norton. Houghton, Mifflin & Co., Boston and New York, 1892.
69. Dante. *Hell*. Same translator, publisher and date.
70. *Introduction to 69*.
71. Dante. *Purgatory*. Same translator, publisher and date.
72. Dante. *Paradise*. Same translator, publisher and date.
73. Davis, T. W. Rhys. *Buddhism*. Society for Promoting Christian Knowledge, London, not dated.

74. Donnelly, Ignatius. *The Great Cryptogram*. R. S. Peale & Co., Chicago and New York.
75. Dixon, William Hepworth. *Personal History of Lord Bacon*. John Murray, London, 1861.
76. Ellis, Havelock. *The Criminal*. Walter Scott, London, 1890.
77. *Encyclopedia Britannica*, ninth edition. Adam and Charles Black, Edinburgh, 1875-1889.
78. Balzac, in Vol. III of 77.
79. Boehme, in Vol. III of 77.
80. Chronology, in Vol. V of 77.
81. Dante, in Vol. VI of 77.
82. London, in Vol. XIV of 77.
- 82a. Mohammedanism, in Vol. XVI of 77.
83. Neoplatonism, in Vol. XVII of 77.
84. Paul, in Vol. XVIII of 77.
85. Plotinus, in Vol. XIX of 77.
86. Shakespeare, in Vol. XXI of 77.
87. Schopenhauer, in Vol. XXI of 77.
- 87a. Swedenborg, in Vol. XXII of 77.
- 87b. Spinoza, in Vol. XXII of 77.
88. Elam, Charles. *A Physician's Problems*. Field, Osgood & Co., Boston, 1869.
89. Fiske, John. *The Discovery of America*, in two volumes. Houghton, Mifflin & Co., Boston, 1892, Vol. II.
90. *Fortnightly Review*. Leonard Scott Publishing Co., New York, July, 1896.
91. Geiger, Lazarus. *Contributions to the History of the Development of the Human Race*. Translated by David Asher. Trübner & Co., London, 1880.
92. Galton, Francis. *Hereditary Genius*. D. Appleton & Co., New York, 1879.

93. Gibbon, Edward. *Decline and Fall of the Roman Empire*, in six volumes. Crosby, Nichols, Lee & Co., 1860, Vol. VI.
94. Gilchrist, Alexander. *Life of William Blake*. Macmillan & Co., London and Cambridge, 1863, in two volumes, Vol. I.
95. Vol. II of 94.
96. Hugo, Victor. *William Shakespeare*. Hachette et Cie, Paris, 1880.
97. Hartman, Franz. *The Life and Doctrines of Jacob Boehme*. Kegan Paul, Trench, Trübner & Co., London, 1891.
98. Helps, Arthur. *Life of Las Casas*.
99. Holmes, Nathaniel. *The Authorship of Shakespeare*. Hurd & Houghton, New York, 1866.
100. Preface to 97, separate pagination.
101. Ireland, W. W. *Idiocy and Imbecility*.
102. Irving, Washington. *Life of Mohammed*. Bell & Daldy, London, 1869.
103. *In Re Walt Whitman*. Edited by his Literary Executors — H. L. Traubel, R. M. Bucke and T. B. Harned. David McKay, Philadelphia, 1893.
104. Finney, Charles G. *An Autobiography*. Hodder & Stoughton, London, 1892.
105. Jefferies, Richard. *The Story of My Heart*. Longmans, Green & Co., London, 1883.
106. James, Henry, Jr. *French Poets and Novelists*. Macmillan & Co., London, 1878.
107. Kennedy, John. *Facts and Histories Illustrating the Divine Life*. The Religious Tract Society, London, undated.
108. Kidd, Benjamin. *Social Evolution*. Macmillan & Co., London, 1894.
109. Lillie, Arthur. *The Influence of Buddhism on Primitive Christianity*. Swan Sonnenschein & Co., London, 1893.
110. Preface to 109, separate pagination.

- 110a. Lloyd, J. William. *Dawn Thought*. Mangus Press, Wellesley Hills, Mass., 1900.
111. Longfellow, H. W. *Translation of Divine Comedy by Dante Alighieri*. George Rutledge & Sons, London, 1867. — *The Inferno*.
112. Lewis, David. *Life of St. John of the Cross*, prefixed to 202 *infra*.
- 112a. Lelut, F. *L'Amulette de Pascal*. Bailliere, Paris, 1846.
113. Lyell, Sir Charles. *The Geological Evidences of the Antiquity of Man*. John Murray, London, 1863.
114. Lecky, W. E. H. *History of European Morals*. Longmans, Green & Co., London, 1869, Vol. II.
115. Mueller, F. Max. *Lectures on the Science of Language*, eighth edition, in two volumes. Longmans, Green & Co., London, 1875, Vol. I.
116. Mueller, F. Max. *The Science of Thought*. Charles Scribner's Sons, New York, 1887, in two volumes, Vol. II.
117. Vol. I of 116.
119. Magee, Thomas. *In California*, May, 1893.
120. Macaulay, T. B. *Critical Historical and Literary Essays*, in six volumes. Hurd & Houghton, New York, 1875, Vol. III.
121. *Medical Record*, New York, May 11, 1895.
122. *Medical Record*, New York, June 8, 1895.
123. Martensen, Hans Lassen. *Jacob Behmen: His Life and Teaching; or, Studies in Theosophy*. Translated from the Danish by T. Rhys Evans. Hodder & Stoughton, London, 1885.
124. Morgan, Lewis H. *Ancient Society; or, Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilization*. Henry Holt & Co., New York, 1877.
- 124a. *Notes and fragments*. Edited by Dr. R. M. Bucke, 1899.
125. *Nineteenth Century*, The. New York, August, 1896.

126. Pictet, Adolphe. *Les Origines Indo-Européennes*. Sandoy et Fritchbacher, Paris, 1877, in three volumes, Vol. II.
127. Plato. *Jowett's Translation*. Clarendon Press. Oxford, 1875, five volumes, Vol. II.
128. Prescott, William Hickling. *Conquest of Mexico*. Routledge, Warne & Routledge, 1863, in two volumes, Vol. I.
- 128a. Peck, Harry Thurston. *The Cosmopolitan*, July, 1899.
129. Pott, Mrs. Henry. *The Promus*. By Francis Bacon. Longmans, Green & Co., London, 1883.
130. Pott, Mrs. Henry. *Did Francis Bacon Write "Shakespeare?"* Robert Banks & Son, London, 1893.
131. *Proceedings of the Society for Psychical Research*, January, 1894. Kegan Paul, Trench, Trübner & Co., London.
132. Pink, Caleb. *The Angel of the Mental Orient*. William Reeves, London, 1895.
133. Pollock, Sir Frederick. *Spinoza's Life and Philosophy*. Duckworth & Co., London, 1899.
- 133a. Phelps, Elizabeth Stuart. *The Story of Jesus Christ*. Houghton, Mifflin & Co., Boston, 1897.
134. Romanes, George John. *Mental Evolution in Man, Origin of Human Faculty*. D. Appleton & Co., New York, 1889.
135. *Reference Hand Book of the Medical Sciences*. Edited by Albert H. Buck in eight volumes. William Wood & Co., New York, 1885–1889, Vol. II.
136. Renan, Ernest. *Etudes d'Histoire Religieuse*. Calmann Levy, Paris, 1880,
137. Renan, Ernest. *Histoire du Peuple d'Israel*, in five volumes. Calmann Levy, Paris, 1889–1894, Vol. I.
138. Vol. II of 137.
139. Rossetti, W. M. *Prefatory Memoir of William Blake*, in 46 supra.
140. R. P. S. *Walk in the Light*.
141. Rawley, William D. D. *Life of Bacon*, in 29.

142. Renan, Ernest. *Les Apotres*. Michel, Levy Freres, Paris, 1866.
143. Renan, Ernest. *Saint Paul*. Michel, Levy Freres, Paris, 1869.
144. Ramsay, W. M. *St. Paul the Traveler and the Roman Citizen*. G. P. Putnam's Sons, New York, 1896.
145. Ruggles, H. J. *The Plays of Shakespeare Founded on Literary Form*. Houghton, Mifflin & Co., Boston, 1895.
146. *Sacred Books of the East*. Edited by F. Max Mueller. The Clarendon Press, Oxford, in forty-eight volumes, 1879–1885.
147. Introduction to Vol. I of 146, separate pagination.
148. Khandogya, Upanishad. Translated by F. Max Mueller, in Vol. I of 146.
149. Talavakara, Upanishad. Translated by F. Max Mueller, in Vol. I of 146.
150. Vagasaneyi, Samhita Upanishad. Translated by F. Max Mueller, in Vol. I of 146.
151. Part I of Qur'an. Translated from the Arabic by E. H. Palmer, being Vol. VI of 146.
152. Introduction to Qur'an. By E. H. Palmer, separate pagination, in Vol. VI of 146.
153. Part II of Qur'an. Translated from the Arabic by E. H. Palmer, being Vol. IX of 146.
154. Bhagavadgita. Translated by K. T. Telang, in Vol. VIII of 146.
155. Anugita. Translated by K. T. Telang, in Vol. VIII of 146.
156. Dhammapada. Translated by F. Max Mueller, in Vol. X of 146.
157. Sutta-Nipata. Translated from Pâli by V. Fausboll, in Vol. X of 146.
158. Introduction to 157. By V. Fausboll, in Vol. X of 146, separate pagination.
159. Dhamma-kakka-Ppavattana-Sutta. Translated from Pâli by T. W. Rhys Davids, in Vol. XI of 146.
160. Introduction to 159. By T. W. Rhys Davids, in Vol. XI of 146.

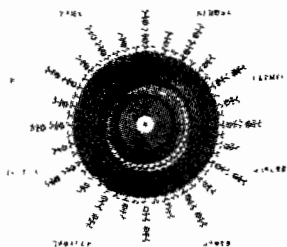
161. Akankheyya-Sutta. Translated from Pâli by T. W. Rhys Davids, in Vol. XI of 146.
162. Introduction to 161. By T. W. Rhys Davids, in Vol. XI of 146.
163. Maha Parinibbana-Sutta. Translated from Pâli by T. Rhys Davids, in Vol. XI of 146.
164. Saddaharina-Pundarika; or, the Lotus of the True Law. Translated by H. Kern, in Vol. XXI of 146.
165. Introduction to 164. By H. Kern, in Vol. XXI of 146.
166. The Texts of Taoism. Translated by James Legge. Vol. XXXIX of 146.
167. Sharpe, William. Introduction to the Songs, Poems and Sonnets of William Shakespeare. Walter Scott, London, 1885.
168. Scott, Walter. Edited by Andrew Lang, in forty-eight volumes. Estes & Lauriat, Boston, 1894. Vol. II of Waverley.
169. Introduction to Vol. XXXVIII of 168.
170. Stead, William Thomas. In Review of Reviews, number not noted, but immediately after Tennyson's death, which took place October 6, 1892.
- 170a. Spinoza. Ethic. Translated from the Latin by A. H. Stirling, second edition. Macmillan & Co., New York, 1894.
171. Sutherland, Jabez Thomas. The Bible: Its Origin, Growth and Character. G. P. Putnam's Sons, New York, 1893.
172. Salt, H. S. Richard Jefferies: A Study. Swan Sonnenschein & Co., London, 1894.
173. Sharpe, William. The Dual Image. H. A. Copley, London, 1896.
174. Spedding, James. Life and Times of Francis Bacon, in two volumes. Houghton, Osgood & Co., Boston, 1878, Vol. I.
175. Vol. II of 174.
176. Shakespeare's Sonnets and a Lover's Complaint. Reprinted in the Orthography and Punctuation of the original edition of 1609. John Russell Smith, London, 1870.

177. Spedding, James. *Evenings with a Reviewer*, in two volumes. Houghton, Mifflin & Co., 1882, Vol. I.
178. Vol. II of 177.
179. Symonds, J. A. *The Study of Dante*. Adam & Charles Black, Edinburgh, 1890.
180. Tyndall, John. *Heat Considered as a Mode of Motion*. D. Appleton & Co., New York, 1863.
181. Tyndall, John. *Fragments of Science*. D. Appleton & Co., New York, 1871.
182. Tennyson, Lord Alfred. *A Memoir by His Son*, in two volumes. Macmillan & Co., London, 1897, Vol. I.
- 182a. Vol. II of 182.
183. Tennyson, Lord Alfred. *Works in ten volumes*. Henry T. Thomas, New York, 1893.
184. Vol. III of 183.
185. Vol. IV of 183.
186. Vol. VIII of 183.
187. Tyner, Paul. *The Living Christ*. Temple Publishing Co., Denver, Col., 1897.
188. Vaughan, Robert Alfred. *Hours with the Mystics*, sixth edition, in two volumes. Charles Scribner's Sons, New York, 1893, Vol. I.
189. Vol. II of 188.
190. Ward, Lester F. *Dynamic Sociology; or, Applied Social Science*, in two volumes. D. Appleton & Co., New York, 1883, Vol. I.
191. Whitman, Walt. *Leaves of Grass*. Brooklyn, N. Y., 1855.
192. Whitman, Walt. *Leaves of Grass*, author's edition. Camden, N. J., 1876.
193. Whitman, Walt. *Leaves of Grass*. David McKay, Philadelphia, 1891-1892.
194. Whitman, Walt. *Complete Prose Works*. David McKay, Philadelphia, 1892.
195. *Democratic Vistas*, in 194.

196. Pieces in Early Youth, in 194.
197. Wigston, W. F. C. Francis Bacon, Poet, Prophet and Philosopher versus Phantom Captain Shakespeare. Kegan Paul, Trench, Trübner & Co., London, 1891.
198. Wordsworth, William. Poetical Works, seven volumes in three. Hurd & Houghton, Boston, 1877, Vol. II.
199. White, Alexander. Jacob Behmen: An Appreciation. Oliphant, Anderson & Ferrier, Edinburgh and London, 1894.
- 199a. Walden. By Henry D. Thoreau. Houghton, Osgood & Co., Boston, 1880.
200. Ward, Lester F. Relation of Sociology to Anthropology. The American Anthropologist, July, 1895.
201. Xenophon. The Anabasis and Memorabilia of Socrates. Translated from the Greek by J. S. Watson. Harper & Bros., New York, 1864.
202. Yepes, John, called St. John of the Cross. Life and Works, in two volumes, the former by, and the latter translated from the Spanish by, David Lewis (112 supra). Thomas Baker, London, 1889–1891.
203. Ascent of Mount Carmel, in Vol. I of 202.
204. The Dark Night of the Soul, in Vol. II of 202.
205. A Spiritual Canticle of the Soul and the Bridegroom Christ, in Vol. II of 202.
206. The Living Flame of Love, in Vol. II of 202.
207. Spiritual Maxims, in Vol. II of 202.
208. Poems, in Vol. II of 202.

Другие книги серии

ВЕЛИКИЕ ПОСВЯЩЕННЫЕ

ЭДУАРД
ШЮРЕ

[СОФИЯ]

ПОСВЯЩЕНИЕ

ЭЛИЗАБЕТ
ХЕЙЧ

[СОФИЯ]

ЭЗОТЕРИЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСТВО

малые мистерии

АННИ
БЕЗАНТ

[СОФИЯ]

ЕГИПЕТСКИЕ МИСТЕРИИ

путь посвящения

ЯМВЛИХ

[СОФИЯ]

Научно-популярное издание

Ричард Морис Бёкк
Космическое сознание
Исследование эволюции человеческого разума

Корректоры
Е. Введенская, Е. Ладикова-Роева

Оригинал-макет
И. Петушков

Обложка
И. Дерий

ООО Издательство «София»,
107140, г. Москва, ул. Красносельская Нижняя, д. 5, стр. 1

Для дополнительной информации:
Издательство «София»,
04073, Украина, Киев-73, ул. Фрунзе, 160

Подписано в печать 25.06.2008 г.
Формат 60х88/16. Усл. печ. л. 28,00.
Тираж 3000 экз. Зак. № 8397.

Отделы оптовой реализации издательства «СОФИЯ»
в Киеве: (044) 492-05-10, 492-05-15
в Москве: (499) 317-56-22, 317-56-44
в Санкт-Петербурге: (812) 235-51-14

Книга — почтой
в России: тел.: (495) 476-32-58, e-mail: kniga@sophia.ru
в Украине: тел.: (044) 513-51-92, 01030 Киев, а/я 41,
e-mail: postbook@sophia.kiev.ua,
<http://www.sophia.kiev.ua>, <http://www.sophia.ru>

Отпечатано в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Стоящая у истоков современного эзотеризма, эта книга — подлинная классика паранормальных изысканий. Необыкновенно простым и ясным, всякому понятным путем д-р Бёкк, исследуя *эволюцию сознания*, пришел к выводам, поднимающимся на уровень высочайших вершин философской мысли. Он считал настоящую человеческую форму сознания переходной к другой, высшей форме, которую он называл *космическим сознанием* и приближение к которой он уже чувствовал, предвидя вместе с тем новую фазу в истории человечества.

«Космическое сознание, говорит нам Бёкк, есть то, что на Востоке называется Брамическим Сиянием...» — почтительно цитирует автора Петр Демьянович Успенский. Тот самый Успенский — ученик Гурджиева и автор «Новой модели Вселенной».

Канадский физиолог и психиатр Ричард Морис Бёкк — такая же эпоха в эзотерике, как и психолог-американец Уильям Джеймс со своей книгой «Многообразие религиозного опыта», увидевшей свет ровно через год после публикации «Космического сознания».

ЭЗОТЕРИКА

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ISBN 978-5-91250-603-1

9 785912 506031